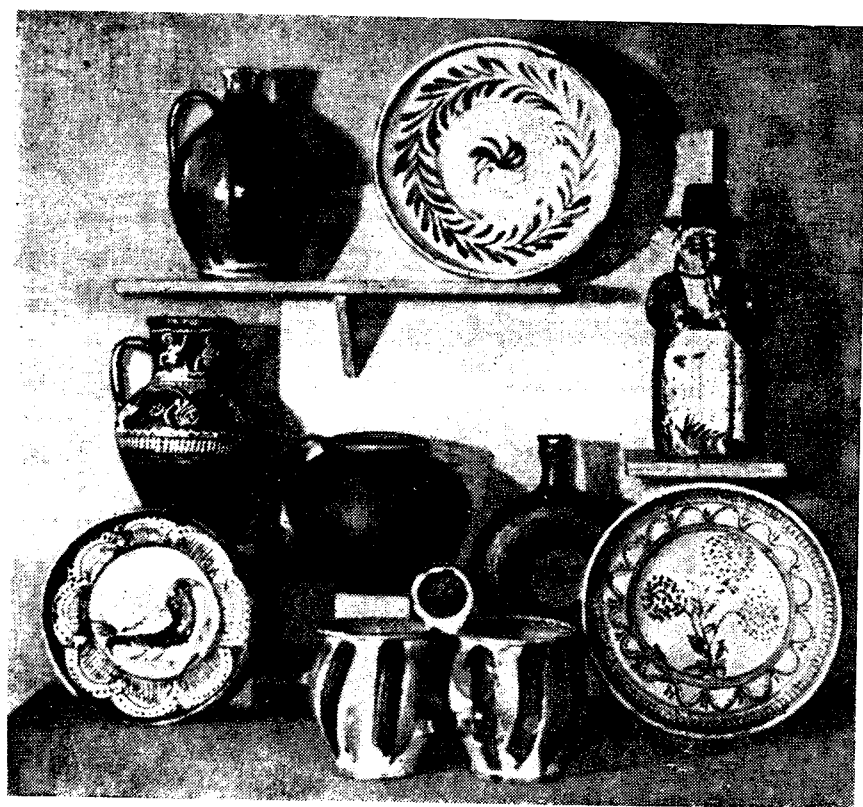

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1975

Вологод
библиот

ПР

СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

Март — Апрель

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Вс
Областная библиотека
им. Н. В. Вавилова

ЦДБ

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Б. Н. Путилов

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СВЯЗЕЙ ФОЛЬКЛОРА С ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

Фольклор как специфическая область духовного, художественного творчества народа органически связан с традиционным народным бытом, с этносоциальными институтами, со всем комплексом производственных, социально-бытовых, семейных отношений коллектива. Фольклор в целом и в отдельных жанровых формах складывается, развивается, функционирует в системе традиционной бытовой культуры, регулируется некоторыми общими ее закономерностями и нормами.

Эти внутренние связи и зависимости пронизывают фольклор, они являются для него универсальными, всеобъемлющими. До известной степени они обуславливают генезис и истоки жанровых систем, фольклорной сюжетики, образности и поэтической структуры, характер историко-фольклорных процессов, способы создания и особенности функционирования фольклора. Связи эти основаны на системе закономерностей, и исследование их будет иметь большое значение для выяснения существенных аспектов самой природы фольклора, его эстетики и истории.

1.

Наиболее очевидным проявлением связей фольклора с традиционной бытовой культурой считается его функционирование в быту. В науке накоплен обширный и разнообразный материал, показывающий, насколько органично и вместе с тем сложно включен фольклор в живую бытовую практику народа. Однако еще далеко не полностью учтены формы таких включений, а самое главное, не выявлена их историческая типология и их структурное значение для фольклора. Народно-поэтические жанры и произведения обнаруживают истинный свой смысл, функционируя в составе обрядов, трудовых процессов, различных бытовых ситуаций и т. д. При этом отношения между фольклорным явлением и традиционным для него бытовым окружением далеко не просты. Особенно это касается обрядовых связей, поскольку здесь фольклор включается в очень сложную, опосредованную систему направленных действий и представлений, имеющих долгую историю и специфический набор значений. Заманчивым представляется историко-типологическое исследование обрядовых функций фольклора и выявление их жанрообразующей роли.

Фольклор не только сопровождает определенные моменты обряда, то разъясняя, то дополняя, то поэтизируя их; не только пересказывает на своем языке совершающиеся обрядовые действия, но и выявляет такие значения, которые в обрядовых действиях либо вовсе отсутствуют, либо утрачены традицией. В ряде произведений обрядового фольклора, например, более или менее отчетливо прослеживается план мифологический,

не отражающийся уже в каких-либо моментах самого обряда¹. В позднейшем обрядовом фольклоре все больше выделяется план эмоционально-психологический (ср., например, фольклор свадебного и похоронного обрядов в старом русском быту).

Можно заметить, что в обрядовых песнях постоянна тенденция к тому, чтобы в заданных рамках определенного обрядового сюжета, следуя его программе, выйти к различным сферам действительности, выразить намного больше того, что требует непосредственно обрядовое назначение песен, преодолеть ограниченные возможности обрядового действия. В обрядовых песнях нередко получал почти зримое воплощение трансформированный мир действительности; реальность преображалась, принимая желаемые, идеальные формы (колядки); песенное действие преодолевало пространственные и временные границы обряда, возвращалось в прошлое и «протягивалось» в будущее.

По-своему сложно проявляются функциональные связи фольклора с трудовыми процессами.

Мы вправе рассматривать многие традиционные для народного быта трудовые процессы как хорошо организованные системы. Песни нередко составляют органическую часть этих систем, они связаны с данным рабочим процессом, с определенным комплексом производственных задач, с набором повторяющихся движений, ситуаций и т. д. Функция трудовых песен не однозначна: они призваны облегчить (в разных планах) трудовой процесс, способствовать созданию единого ритма, сплотить коллектив работающих, создать благоприятную эмоциональную обстановку. За трудовой песней на определенных стадиях могла закрепляться и магическая функция: стремление обеспечить успех дела, воздействовать на сверхъестественные силы, устранить возможные опасности и т. д.

Автору этих строк довелось непосредственно встретиться с проявлением своеобразных функций трудовых песен на Берегу Маклая. В фольклоре папуасов деревни Бонгу обнаружилось трудовые песни нескольких типов.

Первый тип был представлен песней, которую обычно поют рыбаки, вытягивая сети. Ее музыкальная структура отчетливо соответствует ритму движений рыбаков, по-видимому, строфа песни соответствует одному рабочему периоду. Повторяющиеся слова песни «Чайка ест угря», согласно пояснениям исполнителей, несут серьезную (заклинательную, по существу) функцию: они должны помочь чайкам найти в море рыбу и тем самым навести на нее ловцов.

Второй тип песен иной. Женщины исполняют их во время расчистки мужчинами участка леса под огород. Вряд ли можно предположить в данном случае прямую ритмическую и циклическую связь между работой и песней: песня выполняет эмоционально-психологическую и одновременно заклинительную функцию: слова ее — о том, как рубят какое-то, неизвестное папуасам Берега Маклая, дерево — должны, по убеждению поющих, изгнать враждебную людям силу из дерева, ослабить сопротивление самого дерева и придать дополнительную мощь топорам.

Однако трудовые песни многих народов обнаруживают более непосредственную и рациональную связь содержания с трудовым процессом. В них запечатлены моменты работы, требующие концентрации усилий. Песни включают серию рабочих команд, призывов, эмоциональных воз-

¹ См.: Т. Я. Елизаренкова, А. Я. Сыркин, К анализу индийского свадебного гимна (Ригведа X.85), «Труды по знаковым системам», II («Ученые записки Тартуского гос. ун-та», вып. 181), Тарту, 1965. Vesna Culinović-Konstantinović, Dobole i prporuže. Narodni običaji za prizivanje kiše, «Narodna umjetnost», knj. II, Zagreb, 1963; Zmagar Kumer, Smrt v slovenski ljudski pesmi. «Rad XI-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije», Zagreb, 1964; И. К. Федорова, К вопросу о связи петроглифов о. Пасхи с рапануйским фольклором, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970, стр. 133—134.

гласов. Нередко в них не только описываются трудовые процессы, но и отражаются взаимоотношения работающих, результаты работы, могут появляться и социальные темы и т. д.²

Наименее обследованы такие функциональные связи фольклора, которые обнаруживают себя в различных бытовых ситуациях, не имеющих характера обрядов и не связанных с производственными операциями. Однако функционирование необрядового фольклора в народном быту, несомненно, не является чем-то совершенно свободным и нерегулируемым. Существуют определенные ограничения, регулирующие нормы, для различных жанров — свои, за которыми стоит система традиций, знаний, привычек, представлений, сознательных и неосознанных запросов и т. д. И здесь мы также имеем дело с исторической типологией, т. е. типологией, закономерно сложившейся и развивающейся.

К типологически ранним ступеням истории фольклора, связанным с бытом и представлениями доклассового общества, относится регулирование исполнения фольклорных произведений, обусловленное верой в особую силу поэтического слова и поэтического образа.

По наблюдениям А. А. Попова, «весной, во время прилета гусей и уток, долганы не рассказывали былин и сказок. Образы повествований, становясь зримыми, якобы распугивали птиц, и они пролетали стороной»³. Напротив, «во время эпидемий заставляли рассказывать былины и сказки, которые рисовали жизнь героев счастливой», веря, что «дух болезни», пораженный услышанным, «уходил совсем»⁴. Здесь же сообщается о том, что сказитель исполнял былинку с целью отправить оспу в подземный мир⁵.

Важным регулятором функционирования фольклора выступают сложившиеся формы повседневной жизни — с повторяющейся сменой труда и отдыха, с налаженными формами досуга, с привычной системой отношений внутри коллектива, с большой ролью поло-возрастной дифференциации, а в определенных условиях и социальной, имущественной, профессиональной и т. д. дифференциации.

Можно без преувеличения сказать, что традиционный быт — во всем многообразии этого понятия — является одним из главных устойчивых условий широкого творческого функционирования фольклора, одним из постоянных факторов, поддерживающих непрерывное его развитие, предметность живых фольклорных традиций. Изменения в быту отзываются не только на функционировании фольклора, но и на его структуре; сдвиги и качественные преобразования в сфере народного быта существенным образом воздействуют на состояние фольклора, на характер историко-фольклорного процесса.

Вот почему изучение связей фольклора с бытом представляет для науки не периферийный, а определяющий интерес⁶.

2.

Одна из специфических особенностей фольклора как искусства заключается в том, что до определенного момента ему не свойственно воспроизведение жизни в эмпирических, «натуральных» формах; художественное познание и моделирование действительности совершается в нем опосредованно, через сферу быта, откуда черпается уже до известной степе-

² См. примеры в кн.: «Поэзия первобытного общества и родового строя. Тексты и комментарии», М.—Л., 1927, стр. 9—14.

³ А. А. Попов, Пережитки древних дорелигиозных воззрений долганов на природу, «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 89.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Из новейших работ на эту тему см.: Р. Ангелова, Быт и фольклор, «Известия на Етнографски институт и Музей», кн. XIV, София, 1972.

ни готовый материал для сюжетов, образов, для идеологических оценок, психологических характеристик и т. д. К этому источнику восходит в конечном счете система поэтического языка и так называемых художественных приемов. Наконец, из определенных культурно-бытовых структур рождаются многие фольклорные жанровые системы.

Основной почвой и материалом для фольклора оказываются такие явления традиционно-бытовой культуры, которые в совокупности образуют сложный по составу мир первичных обобщений, относящихся к различным сторонам действительности: обряды, обычаи, нормы быта, правовые установки, представления и верования.

Эти первичные обобщения отражаются и трансформируются в фольклоре. Возникающие собственно художественные обобщения сохраняют множество связей с обобщениями бытового плана, но не равны им ни по содержанию, ни функционально.

Таким образом, фольклор в его различных составляющих началах генетически связан с традиционным бытом: Как специфическое явление художественного творчества он создается совершенно закономерно путем выделения из различных бытовых комплексов. Мы имеем здесь дело с явлением универсальным, характерным для творчества народов, с процессами, совершающимися в строгой обусловленности и последовательности и принимающими специфические формы на разных стадиях общественного развития.

Наука накопила громадный и разнообразный материал, показывающий обязательность и универсальную повторяемость этих процессов, но мы все еще недостаточно представляем себе самый их механизм и типологию и все еще не умеем в массе конкретных случаев показать результат их действия. Между тем именно здесь кроются многие загадки фольклорного творчества; в частности, изучение этих процессов позволяет поставить на реальную почву понимание коллективности фольклорного творчества⁷. Здесь же ключ к изучению генезиса, исторических корней и специфики классических фольклорных жанров.

Их зависимость от первичных бытовых обобщений довольно отчетливо выступает на богатых материалах обрядового фольклора. Очевидно, что основной набор соответствующих жанров формируется на почве обрядов, вместе с ними и структурно соотносится с ними.

Можно показать также, что в изображении действительности, в трактовке ее проблем обрядовый фольклор далеко не свободен и идет преимущественно от тех же первичных бытовых отношений. Так, например, все многообразие, вся, так сказать, многовариантность жизненных проблем, связанных с образованием и перспективами вновь создаваемой семьи, получает в свадебной лирике если и не однородную, то во всяком случае довольно жесткую трактовку, подкасываемую обрядовой сюжетикой и обрядовым идеологическим комплексом.

Куда менее очевидна генетическая связь с теми или иными элементами культурно-бытовой традиции таких фольклорных явлений, которые не входят в состав обрядов.

Специальное внимание ученых привлекают такие типы связей, при которых традиционно-бытовой субстрат, послуживший источником для фольклорной структуры, остается вне прямых с нею контактов; значение данного субстрата для фольклорной структуры, равно как и присутствие его в ней, скрыто; фольклорное явление, порожденное с участием этого субстрата, отрывается от него, развивается самостоятельно, вырастает в нечто вполне самобытное, но удивительным образом продолжает хранить следы первоначальных генетических связей.

⁷ См. В. Я. Пропп, Специфика фольклора, «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук», Л., 1946.

В. Я. Пропп пришел к заключению, что волшебная сказка как жанр генетически связана со структурой и семантикой обряда инициации и с комплексом представлений о смерти⁸. Гипотезу Проппа необходимо воспринимать без упрощений. Совершенно очевидно, что ученый не имел намерения возводить непосредственно к обряду инициации ту живую, богатую художественным содержанием, многосюжетную волшебную сказку, которая составляет богатство фольклора многих народов. Эта сказка — результат длительной творческой работы народов, результат ряда последовательных качественных трансформаций и новообразований. С обрядом инициации непосредственно связаны первые ступени развития и процесс формирования исходной структуры, исходных представлений, ситуаций, образов. Для нас, однако, важно, что эти исходные начала обнаруживают себя, свою конструктивную роль на всем протяжении длительной и сложной истории жанра. Это наблюдение имеет методологическую ценность не только для понимания волшебной сказки, но и для понимания более широких фольклорных процессов. Древнейшие традиционные культурно-бытовые явления, легшие в основу определенной жанровой структуры и послужившие исходным материалом для ее определяющих особенностей, содержат исключительные по эффективности возможности для все новых и новых (в рамках определенной традиции) художественных переосмыслений, для соотнесения с меняющейся действительностью и новым сознанием, для последовательных многоступенчатых трансформаций, продуктивных творческих встреч с новым материалом жизни, с новыми проблемами.

При этом возникают новые связи с культурно-бытовой традицией, которые могут как бы накладываться на прежние, вступать с ними в сложный контакт, замещать их и т. д. Классические жанры фольклора — волшебная сказка и эпос — характеризуются, в частности, тем, что в их структуре, сюжетике и образах трансформировались, оставив значительные следы, разнотадимальные бытовые, этносоциальные, мировоззренческие явления. Внимание исследователей должно быть направлено в первую очередь на обнаружение и изучение таких явлений традиционной культуры, которые играли сюжетообразующую и жанрообразующую роль. К числу наиболее ранних относятся, например, наряду с обрядом инициации, культ предков, тотемические представления и др.

На более поздних этапах жанрообразующую и сюжетообразующую роль в классическом фольклоре играли социально-бытовые отношения в феодальном обществе, семейные взаимоотношения в крестьянской среде, быт отдельных групп народа (крестьяне, солдаты), трудовые нормы и др.

Как показывают новейшие исследования, выявление таких связей, основанное на понимании специфичности фольклорного сознания, с привлечением широкого сравнительного материала, позволяет не только заново объяснить многие сложные факты истории фольклора, но и раскрыть существенные закономерности фольклорного творчества⁹.

3.

И историку фольклора, и этнографу, стремящемуся найти в фольклоре материал для освещения своих проблем, равным образом необходимо знать механизм превращения культурно-бытовой традиции в художественные обобщения, в поэтические элементы и системы.

⁸ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946, стр. 329—331.

⁹ См., например: В. М. Жирмунский, Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960; В. Я. Пропп, Мотив чудесного рождения, «Ученые записки ЛГУ», № 81. Серия филол. наук, вып. 12, Л., 1941; его же, Эдип в свете фольклора, «Ученые записки ЛГУ», № 72. Серия филол. наук, вып. 9, Л., 1944; Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники, М., 1963; его же, Герой волшебной сказки. Происхождение образа, М., 1958.

Очевидно, что явления традиционного народного быта, культуры, этносоциальных отношений входят в сферу фольклорного творчества не сплошным потоком, а избирательно. Существуют известные принципы отбора, по которым одни явления остаются за пределами, либо на периферии внимания фольклора, другие же приобретают особое значение.

Один из принципов такого отбора — это наличие в данном явлении возможностей его художественной трансформации. Разумеется, принцип этот осуществляется бессознательно.

При отборе и переработке бытовой традиции происходит ее формулирование. То или другое явление быта, обряд, обычай, бытовая норма, представление, какой-либо предмет воспринимаются не во всей полноте и в многообразной сложности их значений и функций, а в каком-то одном проявлении, которое оказывается наиболее существенным. Этот один признак превращается в стереотип, в формулу значения, поведения. Сложный спектр, который всегда в жизни стоит за любым явлением, в фольклоре сменяется двухцветным стереотипом; глубина и сложность отношений уступают место однолинейной и резкой четкости, многовариантности конкретных решений и индивидуализация — формульной повторяемости и предельной обобщенности.

Образная формула, возникшая на почве быта, включает в себе определенный — положительный или отрицательный — идеологический и эмоциональный заряд и несет по отношению к своему традиционно-бытовому субстрату определенную оценку. Тиновые ситуации, бытовые нормы, отношения в обществе и семье, представления трактуются в фольклоре либо как идеальные, заслуживающие сохранения и поддержки, либо как чуждые народному идеалу, подлежащие осуждению и уничтожению. Например, в произведениях героического эпоса, в сказках, балладах многих народов строгого следование формулам поведения в одних случаях становится признаком подлинного героизма, принадлежности к миру народной жизни (брак героя, совершаемый в соответствии с нормами общества; отношения внутри семьи, основанные на соблюдении патриархальных норм, побратимство и т. д.), в других — оно вызывает осуждение и протест (принесение человеческой жертвы, инцест и др.).

Формула не есть простое воспроизведение какого-либо элемента действительности. Фольклору чужд описательный, иллюстративный подход к этнографическому материалу. Формулирование предполагает обобщение, в котором заложено конфликтное начало. В явлении традиционного быта фольклорное творчество обнаруживает присутствующую в нем (явно или скрыто) конфликтную оппозицию либо само привносит в него эту последнюю. В основе любого фольклорного мотива, любой сюжетной темы или ситуации лежит возможность выявления противоборствующих сил, столкновения противостоящих начал.

Фольклорное творчество обладает способностью выявлять в бытовом материале внутреннюю конфликтность, которая приобретает особенное значение. Так, например, вера в сновидения, предсказывающие что-то, и представления об исполняющихся снах и о том, что бывает с людьми, которые не верят снам, получили в эпическом творчестве поэтическую реализацию с определенным набором конфликтных ситуаций: герой нарушает предсказание, данное ему в сновидении; он смело идет наперекор тайным силам и побеждает; в других случаях предсказание исполняется, и герой оказывается побежденным; различные типы оппозиций и различные развязки отражают в данном случае движение народной мысли в понимании народом героизма, возможностей борющейся личности и т. д.

Фольклорная формула выдвигает на первый план в породившем ее традиционно-бытовом субстрате противоречия, драматическое начало, мотивы борьбы. В этом — одно из ее специфических отличий от самого субстрата, который в практике народной жизни отнюдь не столь обязательно порождает конфликтные коллизии. Так, традиционный свадебный

обряд, содержащий множество мнимых, «игровых» конфликтов и столкновений двух сторон, в принципе ориентирован на благополучную развязку. Эпические песни на темы сватовства превращают мнимые конфликты в действительные. Сюжетика их, построенная на трансформации брачных норм и представлений, обрядовых ситуаций, рисует картины бескомпромиссных и жестоких столкновений, непримиримой борьбы враждующих сторон, кровавых развязок и т. д.¹⁰

При таком подходе к бытовой традиции оказывается закономерным и почти обязательным то обстоятельство, что фольклорное творчество привносит в изображение бытовых ситуаций немало фантастического, обогащает возникающие образы-формулы вымыслом. Фольклору не свойственна документальность и строгость в обращении с «источниками», законом для него является творческое переосмысление, которое предусматривает, в частности, «протягивание» бытовых отношений, норм, представлений в сферу небывалого, художественное их развитие, домысливание, сюжетную их разработку.

Югославский этнограф П. Влахович исследовал цикл южнославянских песен, разрабатывающих следующий сюжет: герой убивает турка, ему грозит казнь. Сестра героя, спасая его, посылает на казнь вместо него своего сына. Исследователь вполне справедливо видит связь основного мотива песен с отношениями авункулата. П. Влахович полагает, что готовность сестры послать на смерть своего сына ради спасения брата, равно как и согласие племянника и дяди с ее решением, вытекают из этих отношений. «Безусловно, она делала это с грустью и болью, но обязана была исполнить без колебаний общественный долг, хотя бы сын и погиб»¹¹.

Весьма сомнительно, на наш взгляд, чтобы песни с таким условным сюжетом прямо зафиксировали реальную бытовую практику. Скорее всего перед нами вымышленная ситуация, созданная народным творчеством путем переосмысления отношений авункулата. Внимательное изучение тех же песен во всей многоплановости их содержания открывает нам сложный комплекс взаимоотношений фольклорного сознания с традиционными обычаями особого почитания дяди по матери. Прежде всего, мотив материнской жертвы в этих песнях имеет патриотический смысл: в нем выражена идея семейной солидарности, прочности кровнородственных связей перед лицом врагов. Вместе с тем старые традиционные нормы авункулата, которым готова следовать мать, в песне неожиданно получают не поддержку, а осуждение. Дядя, фигурирующий в песнях, — персонаж отнюдь не героический. Он убил турка в пьяной ссоре. Сообщая сестре о грозящем ему наказании, он напоминает о своих традиционных правах на племянника. Песни проникнуты сочувствием к юноше. Поведение дяди и позиция матери в них осуждаются. Однако было бы неосторожно рассматривать эти песни как выражение протеста против отживших бытовых норм авункулата. Осуждение и компрометация их (вернее, крайних их проявлений, слепого их осуществления) совершаются здесь как бы попутно, они сопутствуют сюжетному переосмыслению обычая, которое происходит в других целях.

Замечено, что многие бытовые явления приобретают специфический интерес для фольклора в плане сюжетообразующем и идеологическом тогда, когда они либо оказываются в противоречии с движением жизни, с сознанием коллектива, либо преодолеваются, уходят в прошлое. Именно на почве отрицания отживших обычаев и представлений рождаются сюжетные темы и мотивы особенного внутреннего напряжения и драма-

¹⁰ См. Б. Н. Путилов, Славянские эпические песни о сватовстве, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970; его же, Эпос и обряд, сб. «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», Л., 1974.

¹¹ П. Влаховић, Трагови авункулата у јужнословенској народној поезији, «Гласник Етнографског музеја у Београду», књ. XIX, Београд, 1956, стр. 213.

тизма. Предметом внимания фольклора оказывается не сама бытовая традиция, а борьба с ней. В многочисленных балладах о замурованной жертве¹² воспеваются не институт человеческого жертвоприношения при возведении построек, а попытка избежать жертвы. Принесение жертвы изображается как трагедия. Эпические песни и сказки воспевают как великий подвиг избавление героем девушки, предназначенной стать добычей чудовища.

Своеобразие типовых связей фольклора с бытовой традицией наглядно проступает в тех случаях, когда народное творчество, конструируя особенный мир исторической и бытовой действительности, как бы изобретает отношения и нормы, которые в реальной истории данного народа могли и не существовать. Такой мнимый «этнографизм» обращен обычно в далекое прошлое, он сконструирован нередко по контрасту с настоящим. В фольклоре прошлому часто приписывается то, что невозможно в настоящем.

В этом плане показательна, на наш взгляд, известная фольклору многих народов тема инцеста брата и сестры. Этой теме посвящено большое количество произведений. Наиболее архаичны сюжеты, в которых брат и сестра первою предки. За этими сюжетами следуют остродраматические сюжеты, в которых брат и сестра от рождения сужены и брак между ними словно бы неотвратим. Неизбежность инцеста воспринимается как необъяснимое зло, с которым пытаются бороться. Преодоление инцеста воспринимается как торжество справедливости. Другими словами, инцест в этих сюжетах трактуется с точки зрения коллектива, для которого брак между братом и сестрой представляется ужасным и недопустимым. Вместе с тем фольклор исходит из того, что некогда такой брак был нормой.

Если стоять на позициях, согласно которым всякий бытовой мотив в фольклоре реален в своей основе, что фольклору свойственно прямое отражение быта, то за мотивом инцеста надо было бы искать реальные отношения людей на определенной стадии общественного развития. Между прочим, это и делали, возводя тему инцеста к нормам кровнородственной семьи, к промискуитету или к воспоминаниям о них¹³.

Вполне возможно, однако, трактовать различные архаические разработки темы инцеста в фольклоре не как отражение реально существовавших бытовых норм, а как своеобразную реконструкцию якобы некогда существовавших отношений по принципу противопоставления существующим реальным нормам¹⁴. При этом имело место не только противопоставление, но и объяснение того, как исчез этот обычай и какую роль сыграл он в прошлом. Необходимо учесть, что в такого рода реконструкциях важную сюжетобразующую и идеологическую роль играет мифология, в которой нередко уже присутствуют те первичные обобщения, которые лягут затем в основу фольклорных систем.

Одна из целей настоящей статьи — указать на то, что связи фольклора с миром традиционно-бытовой культуры не только сложны и многообразны, но что они, во-первых, имеют основополагающий характер для системы фольклора в целом и для отдельных ее элементов и, во-вторых, отличаются яркой спецификой¹⁵.

Важность изучения этой специфики, механизма действия этих связей, их конкретных результатов и их исторической типологии трудно переоценить. Такое изучение может многое дать не только для выяснения

¹² Lajos Vargyas, *Researches into the mediaeval history of folk ballad*, Budapest, 1967.

¹³ Обзор данных по этому вопросу см., например: А. М. Золотарев, *Родовой строй и первобытная мифология*. М., 1964, стр. 44—46.

¹⁴ Б. Н. Путилов, *Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте*, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964.

¹⁵ См. К. В. Чистов, *Фольклор и этнография*, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970.

генезиса, исторического развития и художественной природы ряда явлений классического фольклора, для исследования разнообразных отражений народного быта и культуры в памятниках фольклора, но и для обнаружения некоторых общих закономерностей фольклорного творчества, знание которых плодотворно скажется на дальнейшем историческом изучении фольклора и использовании его в качестве этнографического источника.

THE MAJOR ASPECTS OF THE LINKS BETWEEN FOLKLORE AND TRADITIONAL CULTURE

The links of folklore with people's everyday life, with popular rituals, customs, norms, relationships, concepts — are universal and permanent. To a certain extent it is those links that condition the birth and sources of genre systems, of folklore subject-matter, its imagery and poetical structure, the character of folklore processes in their historical evolution, its creative methods and peculiarities of functioning. Such links are based upon a system of natural trends and their study helps to elucidate some fundamental aspects of the nature, the aesthetics and the history of folklore.

The author examines various types of functional links of folklore: folklore as part of ritual; folklore in the process of labour; folklore in everyday life. A special section of the article is devoted to the methods by which folklore transforms ethnographic material: the actual processes are examined by which ethnographic material proper is transformed into artistic generalization; the selectivity of folklore in treating matters of everyday life, the formulization of its phenomena, the processes by which the contradictions, the elements of fantasy and fiction are elicited in traditional substrata of everyday life, their creative interpretation and artistic enrichment.

Г. Н. Митков, Е. С. Миткова

ТРАДИЦИОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ БОЛГАР

(МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В ВЕЛИКОТЫРНОВСКОМ ОКРУГЕ БОЛГАРИИ)

За последние годы в социалистических странах делаются попытки разработать такую методику изучения современной семейной обрядности, которая могла бы фиксировать происходящие в ней изменения. Возрастает практическая и теоретическая потребность в комплексных этносоциологических исследованиях этнографических и фольклорных объектов на основе марксистско-ленинской методологии. Такое исследование, несомненно, обеспечит большую надежность теоретических выводов, позволит выявить состояние семейной обрядности, понять ее специфику и рассмотреть ее развитие.

Этнографическое изучение и социологический подход и методы эффективно дополняют друг друга при исследовании бытовых явлений в конкретной этнической среде. Появляется возможность рассмотреть развитие тех или иных элементов быта в зависимости от изменений в экономике, от социального, культурного и общественно-политического роста людей.

Социалистические гражданские ритуалы утверждают новую символику современной семейной обрядности. Большую роль в их оформлении играет использование духовной культуры прошлого, но при этом, как метко выразился В. И. Ленин, не следует уподобляться архивариусам, хранящим старую бумагу. «Хранить наследство, — указывал он, — вовсе не значит еще ограничиваться наследством»¹. По мысли В. И. Ленина, культура развивается на основе преемственности и критической переработки старых ее форм, на основе овладения трудящимися наукой, искусством во всех его видах. Все ценное, взятое из наследия прошлого, становится фундаментом для новой социалистической культуры².

Современный исследователь семейной обрядности, таким образом, непременно опирается на материалы, освещающие традиционные ее формы.

Эти материалы начали собирать и публиковать еще до освобождения Болгарии от турецкого ига. Они содержатся в работах революционных демократов и других деятелей болгарского возрождения — Г. С. Раковского, Л. Каравелова, В. Чолакова, Ц. Гинчева³; в публикациях право-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 542.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 304—305.

³ Г. С. Раковски, Избрани съчинения. София, 1942; Л. Каравелов, Памятники народного быта болгар, кн. I, М., 1861; В. Чолканов, Български народен сбор-

веда В. Балджиева, фольклориста и этнографа И. Шишманова и др.⁴ Болгарская семейная обрядность привлекала внимание и зарубежных ученых XIX в.: украинских — Ю. Венелина и Ф. К. Волкова, чеха К. Иречка и др.⁵

Богатым источником для изучения традиционной семейно-бытовой обрядности являются труды известных болгарских этнографов и фольклористов XX в. — Д. Маринова, И. Захариева, М. Арнаудова, Х. Вакарельского, П. Динекова, социолога И. Хаджийского и др.⁶ В разное время и с разных точек зрения эти исследователи описывали и интерпретировали семейные обычаи: их содержание, поэтику сопровождающих их песен, юридические и психологические стороны обрядности.

Проблемы социалистического быта и, в частности, роль семейно-бытовых обычаев в духовной жизни современного человека могут быть объектом изучения социологов, этнографов, историков, фольклористов, философов, психологов. Ученые рассматривают их и как источник для изучения этнической истории, и как отражение современных социальных процессов⁷, их классовой, национальной, политической и культурной специфики⁸.

Д. Денев в своей книге «Быт и традиции в семье»⁹ делает попытку выявить в праздниках и обычаях новые элементы и проследить их связь с традиционными. Психологическая сторона духовного быта болгарского народа нашла отражение в трудах М. Драганова; автор провел глубокое и тщательное исследование социальной психологии болгар¹⁰. Значительным вкладом в науку следует считать труд Г. Цонкова «Социалистический быт»¹¹, в котором рассматриваются сущность, история, диалектическая связь различных компонентов быта, его классовые, политические, культурные аспекты.

Хотя указанные труды внесли много нового в изучение современной болгарской семейно-бытовой обрядности, полностью эти проблемы еще далеко не разработаны.

Общая тенденция изменений, происходящих в семейной обрядности болгар, — это постепенное вытеснение элементов религиозности и суевер-

ник, ч. I, Болград, 1872; Ц. Гинчев, Песни, врачования, баяния, приказы и обичай от разни места, «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» (СбНУ), кн. II, София, 1890.

⁴ В. Г. Балджиев, Студия върху нашето персонално съпружество право. СбНУ, кн. IV, V, 1891; кн. VII, 1892; кн. VIII, 1892; кн. X, 1894; И. Шишманов, Значението и задачите на нашата этнография, СбНУ, кн. I, 1889.

⁵ Ю. Венелин, Древние и нынешние болгаре, II, М., 1856; Ф. К. Волков, Свадебските обреди на славянските народи, СбНУ, кн. III, 1890; кн. IV, 1891; кн. VIII, 1892; К. Иречек, Етнографически променения в България от основането на княжеството, СбНУ, кн. V, 1891.

⁶ Д. Маринов, Понятия и вярвания за задгробния живот, СбНУ, кн. XXVIII, 1914; И. Захариев, Село Слокошица, Антропогеографско изучаване, София, 1929; е го же, Чипровци, Поселищно-географски проучвания, София, 1938; М. Арнаудов, Фолклор от Еленско, СбНУ, XXVII, 1913; е го же, Студии върху българските обреди и легенди, ч. I, София, 1971; е го же, Български сватбени обреди, «Годишник на Софийския университет» (ГСУ), т. XXVII, София, 1931; е го же, Български народни обичаи, вярвания, песни и забави през пята година, София, 1943; е го же, Очерци по българския фолклор, кн. II, София, 1969; Х. Вакарелски, Народни обичаи-извадки из анкетата по сватбените обичаи в България, «Известия на народния етнографски музей в София» (ИНЕМ), т. VII, кн. I—IV, София, 1927; е го же, Сватбена песен, място и службата в сватбения обред, ИНЕМ, т. XIII, 1939; е го же, Етнография на България, София, 1974, стр. 557—592; П. Динеков, Български фолклор, ч. I, 1959; И. Хаджийски, Бит и душевност на нашия народ, София, 1966.

⁷ См.: Р. Пешева, Социалистически бит и култура, София, 1967; е е же, Бит, религия и ритуали, «Политически просвета», кн. 3, 1968; е е же, Бит и култура на селото, София, 1970.

⁸ См., например, Н. Мизов, Празниците като обществено явление, София, 1966.

⁹ Д. Денев, Бит и традиции в семейството, София, 1966.

¹⁰ М. Драганов, Религиозната психика на българите, София, 1968; е го же, Социалната психология в България, София, 1971.

¹¹ Г. Цонков, Социалистически бит, София, 1971.

рий, различных пережитков прошлого и обогащение ее новыми содержанием и формами.

Практика социалистического строительства выдвинула важные вопросы: как следует относиться к традициям прошлого, что взять из старой семейной обрядности, а что исключить; каков критерий такого отбора? ЦК Болгарской Коммунистической партии, Совет Министров НРБ и окружные партийные, комсомольские и профсоюзные организации приняли ряд решений, касающихся утверждения социалистических ритуалов в семейном быту. В качестве первого шага при разработке новой обрядности потребовалось выявить в ней традиционные компоненты. В пережиточных явлениях особое внимание обращалось на религиозные моменты. Нужно было, наконец, проследить, как утверждаются в быту новые ритуалы. Полученные результаты следовало обобщить и представить соответствующим организациям для выработки практических решений.

Изучение традиционных элементов в современной обрядности необходимо для более конкретного и обоснованного анализа современных общественных явлений и процессов. Методика подобных обследований обсуждалась на Международном семинаре по исследованию семьи в Токио в 1965 г., на VI Международном конгрессе социологов в Эвиане (Франция) в 1966 г., на VII Международном социологическом конгрессе в Варне (Болгария) в 1970 г.¹², на симпозиуме в Москве в 1972 г. и на первом Международном симпозиуме по проблемам социалистического быта и культуры народов социалистических стран в Бургасе (Болгария) в 1974 г.

Сущность применяемого нами социологического метода заключается в том, что с помощью опросных листов собираются данные не только о самих обрядах и ритуалах, но и о влиянии на них идеологии, политики, науки, социальных преобразований, культурного роста и изменений в психологии. Эти данные позволяют проследить, в какой степени в сознании человека сохраняются религиозные и буржуазные пережитки и в какой — утверждаются новые отношения, какие факторы способствуют их развитию. Была разработана система опроса, на основе которой проводилось изучение объектов на местах.

Для того чтобы составить опросные листы, авторы предварительно ознакомились со всеми обычаями и обрядами, связанными с рождением ребенка, свадьбой и погребением. Был изучен генезис традиционных обычаев, их языческие и христианские элементы. Такая предварительная работа была необходима для выяснения специфики элементов семейной обрядности, уточнения вопросов анкет, для расстановки и комбинации этих вопросов в целях дальнейшей их статистической обработки. При выяснении характера компонентов традиционной и современной семейной обрядности мы вынуждены были опираться более всего на полевые материалы, так как литература по этому вопросу очень скудна. Вся подготовительная работа заняла около четырех лет. После обработки полевых данных и ознакомления с общей и специальной литературой можно было приступить к составлению социологической программы и опросных листов.

В наших опросных листах мы ставили вопросы по восходящей ранговой шкале. При этом ответы были заранее разбиты по группам и закодированы для последующей машинной обработки.

Чтобы получить информацию о бытовании традиционных и современных элементов родильной, свадебной и похоронной обрядности, были составлены три анкеты. В каждой из них отмечалось бытование традиционных и современных компонентов обрядности. Для выявления мотивов совершения обряда существенными представляются вопросы, раскры-

¹² См. «Социальные исследования. Методологические проблемы исследования быта», вып. 7, М., 1971, стр. 6.

вающие политическую и социальную характеристику участников обряда, их образовательный ценз.

В листы были включены и дихотомические ответы типа «да» или «нет», и политомические (при этом информаторы обозначали один или несколько заранее намеченных ответов, которые тщательно фиксировались на ранговой шкале). Опросные листы включали также вводные (элиминирующие) вопросы.

Обследование велось в Великотырновском округе, во всех его городах и селах. Он находится в центральной части Северной Болгарии и является одним из самых больших и богатых округов страны. Территория его занимает пространство от Дуная до Балканского хребта. Состав населения сравнительно постоянен в течение длительного времени, и традиционные элементы семейной обрядности имеют здесь глубокие корни.

Предположение, что традиционные компоненты обрядности в настоящее время мало проявляются в городах, нашими данными не подтвердились. Напротив, отмечается сильное влияние крестьянской свадебной обрядности на городскую в связи с тем, что городское население увеличивается главным образом благодаря приливу жителей из деревни. За 20 лет численность жителей города Велико Тырново увеличилась в три раза.

Программа исследования намечала опрос только тех людей, которые совершали интересующие нас обряды (родильные, свадебные, похоронные). Те же информаторы, у которых рождение ребенка, свадьбы и похороны проходили без каких-либо ритуалов, отмечались на той же анкете в специальной графе.

Возникали вопросы, как собирать информацию, кого опрашивать и когда. Наблюдать ли и записывать все, связанное с совершением обряда? Но это сопряжено с большими трудностями и затратой времени. Кроме того, когда посторонний человек (интервьюер) присутствует при совершении обряда, вряд ли может быть получена достаточно достоверная информация. Вот почему программа рекомендует опрашивать всех людей, которые участвовали в обряде, по истечении не более двух месяцев после его совершения.

Общее число обследованных лиц составило 1584, из них 546 рассказали о родильных обрядах, 435 — о свадебных, 603 — о похоронных. Не нарушает ли этот «случайный» выбор месяцев точности данных? Могло получиться большое отклонение при учете тех обрядовых компонентов (в первую очередь свадебных), которые по традиции совершаются в зимний период, когда свадьба длится несколько дней. Однако при современной подвижности населения регламент этот сейчас почти полностью нарушен и вся свадьба празднуется в течение одного дня.

Сведения о совершавшихся обряд собирались прямыми и косвенными методами, т. е. были опрошены не только молодожены, но и их родственники, соседи, члены коллектива, где жених и невеста работают или учатся. Кроме того, были получены сведения от партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и местных властей.

Организационной и процедурной сторонам обследования придавалось большое значение. В работе участвовало 30 научных руководителей и 300 опрашивающих, которым была оказана всесторонняя поддержка Окружным комитетом партии, Окружным комитетом Отечественного фронта, Окружным исполкомом. Научные руководители ранее уже участвовали в социологических исследованиях и являются членами Окружного социологического общества. Это работники окружных учреждений, музея, библиотеки, преподаватели этнографии Великотырновского государственного университета.

Научные руководители и опрашивающие участвовали в работе подготовительного семинара, организованного Окружным социологическим

обществом в г. Велико Тырново, где получили подробную инструкцию о том, как работать с информаторами.

Опрос проходил с 1 по 30 июля 1970 г. Окружной исполком предварительно в письменной форме обратился ко всем городским и сельским общинам с просьбой подготовить списки интересующих нас информаторов (прежде всего тех людей, у которых проходили крестины, была свадьба или похороны). Выехавший в село или город научный руководитель получал в исполкоме такой список информаторов, еще раз консультировал опрашиваемых и приступал к работе. До начала обследования всего округа было проведено пробное исследование в небольшом г. Долна Оряховица, которое помогло нам обнаружить ошибки программы и блоков опросных листов.

Как уже было сказано выше, опрашивающие беседовали с людьми, исполнившими данный обряд или же наблюдавшими его, объясняли им цель своего приезда. После этого строго индивидуального, откровенного и убедительного разговора с информаторами работа по собиранию сведений, как правило, шла успешно.

Получив полное представление обо всех моментах ритуала, опрашивающий отмечал их кодом на опросных листах. Для опроса одного человека требовалось в среднем полтора-два часа.

Несмотря на то, что научные руководители и опрашивающие были хорошо подготовлены, мы допускали возможность получения недостоверных данных. И действительно, такие случаи были. Поэтому мы ввели контрольные вопросы, по которым проверяли логичность ответов. Прежде чем передать опросный лист научному руководителю, опрашивающий еще раз проверял, по всем ли вопросам дан ответ. Принимая листы, научный руководитель вновь проверял полученные материалы. Если он замечал логическое несоответствие, лист возвращался исполнителю. Для уточнения всей работы и для того, чтобы не перепутать листы, на них карандашом помечали имя информатора, а потом, после окончательного оформления, пометку стирали. Перед комплектованием опросные листы еще раз проверялись специалистами в центре.

Обработка полученной информации была проведена на электронно-вычислительной машине в Вычислительном центре г. Свищов.

Подобная методика обследования обрядности — первый в Болгарии опыт сбора массового этнографического и фольклорного материала, сопоставленного с социальными, демографическими культурными и другими показателями. Мы думаем, что этот метод должен быть в дальнейшем усовершенствован. Однако мы глубоко убеждены в достаточной надежности нашего метода обследования обрядности, при котором учитывается большой круг связей человека, совершившего данный обряд.

* * *

Какие же были получены результаты? Начнем с родильных обрядов. Постепенно исчезают многие традиционные обычаи прошлого, в первую очередь суеверия, связанные с магическими действиями, которые бытуют еще среди части населения с низким образованием и квалификацией. Но вместе с тем в традиционных ритуалах сохранились такие элементы, которые не являются религиозными. Это, например, обрядовый хлеб, который и в настоящее время является необходимым атрибутом в торжествах по поводу рождения ребенка. Так, после возвращения роженицы из родильного дома все родственники собираются поздравить мать и приносят ей обрядовый хлеб. Этот обычай исполняли 98,2% опрошенных.

Как видно из табл. 1, 17,2% рожениц соблюдают обычай не оставлять ночью пеленки во дворе, не есть чужого хлеба. Конечно, это немалый процент. Однако если проанализировать мотивы его сохранения, то выяснится, что лишь незначительная часть матерей выполняют магиче-

Обычай, соблюдающийся во время беременности, родов и в послеродовой период

Родители пекут обрядовый хлеб, не придавая этому религиозного значения	98,2%
Роженица не оставляет ночью пеленки на дворе, не ест чужого хлеба	17,2%
Женщина соблюдает табу во время беременности	3,3%
Через 40 дней после рождения ребенка мать идет в церковь, чтобы получить искупление грехов	3%
Мать ожидает трех волшебниц, которые якобы определяют судьбу ребенка	2,7%
Срок дней после рождения ребенка мать выполняет некоторые магические действия: рядом с ребенком кладет орудия труда — карандаш, серп и др.	2%
Родители пекут обрядовый хлеб, чтобы умиловить богородицу	1,8%
Беременная мать не ест черного хлеба и куриного мяса, чтобы не ослеп ребенок	1,6%
Обрезают пуповину серпом, завязывая ее красной ниткой или волосом матери ребенка	0,5%
Муж не охотится, жена не ест мяса убитого животного	0,4%
Матери, не выполняющие никаких магических действий	75%

Таблица 2

Влияние уровня образования женщин на соблюдение обрядовых действий (в %)

Обрядовые действия	Образование		
	неполное сред- нее	среднее	высшее
Лечатся травами, чтобы родить здорового ребенка	3,6	0,6	—
Соблюдают запреты во время беременности	7,1	1,3	0,5
Соблюдают запреты в течение 40 дней после родов	25,0	9,0	—
Верят в волшебниц, которые якобы определяют судьбу ребенка	14,3	—	—
Производят другие магические действия	3,6	1,4	—
Не выполняют никаких магических обрядов	42,8	87,1	95
Выпекают обрядовый хлеб (не придавая этому религиозного смысла)	32,1	45,6	100

ские действия действительно из опасения, чтобы не случилось несчастья с ребенком, остальные же соблюдают обычай лишь по традиции или под давлением родных.

Табл. 2 показывает, что выполнение обрядовых магических действий находится в прямой зависимости от уровня образования матерей: чем ниже образование, тем выше процент соблюдения ритуалов. Наоборот, почти все матери с высшим образованием не соблюдают магических обрядов. Следовательно, эта прямая зависимость между уровнем образования и бытованием обрядности играет существенную роль в борьбе с религиозными пережитками, постепенно обесценивая религиозные представления, прокладывая дорогу новой обрядности.

* * *

Перейдем к свадебным обычаям. Прежде всего рассмотрим вопрос, каким образом составляются брачные пары? Как и где знакомятся и сходятся будущие супруги? На этот вопрос проливают свет следующие цифры, приведенные в табл. 3.

Работали на одном и том же предприятии (или учились в одном и том же учебном заведении) и жили в одном населенном пункте	15,9%
Работали (учились) на разных предприятиях (учебных заведениях) и жили в одном населенном пункте	34,9%
Работали или учились вместе, а жили в разных населенных пунктах	6,2%
Работали (учились) на разных предприятиях (учебных заведениях) и жили в разных населенных пунктах	38,6%
Нигде не работали и жили в одном и том же населенном пункте	2,1%
Нигде не работали, а жили в разных населенных пунктах	2,3%

Эти данные расходятся с данными некоторых зарубежных социологов, например, американских, согласно которым существенное значение в сближении людей, испытывающих влечение друг к другу, имеет «пространственная близость» (совместная работа или учеба, проживание в одном населенном пункте)¹³. Социалистические преобразования изменили социальные установки людей, их психологию. Очевидно, решающее значение в выборе брачного партнера в современном болгарском обществе имеет духовная близость молодых людей и их взаимная привязанность.

Нарушается прежняя сезонная цикличность свадеб. По старой традиции свадьбы чаще справлялись осенью, после уборки урожая, или зимой. Теперь люди предпочитают праздновать свадьбы в теплое, солнечное время года, когда вокруг много зелени и цветов, особенно в мае, когда красота и свежесть природы особенно импонирует свадебному настроению и веселью. Это подтверждается данными о браках, заключенных в 1970 г. (см. табл. 4).

Таблица 4

Заключение браков в течение 1970 г. по месяцам

Место, где заключались браки	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
г. В.-Тырново	34	42	47	43	52	41	53	59	67	50	40	58
г. Килифарево	1	1	1	1	6	1	1	1	2	2	3	2
г. Долна Оряховица	3	1	6	3	8	6	5	1	—	3	7	2
г. Джулоница	3	4	3	7	14	6	2	3	—	5	10	6
с. Бяла Черква	1	5	2	6	8	1	2	1	3	5	1	3
с. Ресен	1	2	—	1	1	2	—	—	3	4	3	1
Всего:	43	57	59	61	89	57	63	65	75	69	64	72

Благодаря установившимся равноправным отношениям между мужчиной и женщиной, отмерли такие старые обычаи, как сватовство, а также публичное объявление о девственности невесты или публичные оскорбления ее и ее родителей бранными словами, ритуальными непристойными плясками, неприличными песнями, если она оказалась не девственной. Отпал обычай, обязывавший проявлять особое смирение по отношению к свекру, свекрови, крестному отцу и крестной матери, деверю, золовке до определенного срока, когда она получит от них «прощение».

В современной свадьбе — своеобразном драматическом действии — все меньшее место занимает традиционное народное творчество. К сожалению следует отметить, что из современной свадебной обрядности уходят свадебные песни, меняются ритм, пластика и темперамент плясок,

¹³ В. Б. Голфаст. Выбор супруга и мотивы брака в США, «Социальные исследования», вып. 7, М., 1971, стр. 148.

они все больше теряют свое первенствующее место в свадебном обряде. Почти не исполняются обрядовые песни во время одаривания, а также за свадебным столом. Вместо них распространяются новые песни и танцы, в которых отражаются новые отношения в коллективе, производственные и непроизводственные, и это хорошо. Однако, нам думается, не следует забывать и то хорошее, что было в тех старых народных традициях, которые не носили ни классового, ни религиозного характера.

Сохранились некоторые предсвадебные обычаи (например, помолвка), однако они изменили свое содержание. Помолвки совершаются по воле молодых, а не их родителей. Исследование устанавливает, что 11,6% заключивших брак решили вступить в брак без вмешательства со стороны родителей, родственников или других людей, 35,5% женихов и невест устраивали неофициальную помолвку, 15,3% — официальную, а 37,6% обошлись без помолвки.

Исследование свадебной обрядности показывает, что из нее выпал ряд обычаев и символов, не отвечающих современным взглядам людей (см. табл. 5).

Таблица 5

Выполнение основных традиционных моментов в свадебной обрядности, %

Засевки *	2,3
Выставление напоказ приданого невесты	23,9
«Купание» невесты	9,4
Встреча друзей жениха	37,7
Прощание невесты с родителями	41,6
Ношение знамени	6,7
Конные состязания перед свадьбой родственников и гостей со стороны жениха	1,6
Ритуальное бритье жениха	8,7
Прощальный вечер у девушки	8,5
Торжественная встреча крестного отца	52,4
Прием петуха, подушек и др. предметов свадебного реквизита	45,7
Торжественная отправка приданого	45,3
Встреча молодоженов в доме жениха, сопровождающаяся обрядовыми действиями	44,4
Одаривание родных невесты и жениха	67,6
Получение подарков женихом и невестой	67,6

* Обряд в доме невесты, совершаемый перед свадьбой, который сопровождается плясками, песнями, угощением. Девушки отсеивают муку для обрядового хлеба.

Таблица 5 показывает относительную частоту соблюдения отдельных элементов традиционного свадебного ритуала: обычая «засевок», прощального вечера у невесты, обрядового купания невесты, выставления напоказ приданого, обрядового бритья жениха и пр. Из таблицы видно, насколько неодинаковой оказывается стойкость отдельных свадебных обычаев. Дальнейший анализ материалов должен выявить причину этого.

Исследование показало, что старый обычай, сохранив свою традиционную форму, часто совершенно изменял прежнее содержание, приобретал новый смысл. Те действия, которые в прошлом служили христианскому или даже дохристианскому культу, осмысляются теперь совершенно по-иному. Например, символическая кража невесты, ношение свадебного знамени, петуха, подушки, полотенца на плечах шафера или других действующих лиц делают в настоящее время свадебный церемониал лишь более веселым и забавным. Отпало церковное венчание, как правило, не исполняются магические действия (невеста должна

была смотреть на жениха сквозь обручальное кольцо, чтобы дети рождались красивыми; она подбрасывала чужого здорового ребенка в очажную трубу, чтобы родился мальчик, и пр.).

Сохранение веры в древние магические действия и поверья в значительной степени зависит от образовательного уровня молодой пары (см. табл. 6).

Таблица 6

Зависимость веры в магические действия от уровня образования (в %)

Образование жениха и невесты	Вера в магические обряды		
	не верят	верят частично	верят
Неполное среднее	96,7	2,9	0,4
Среднее	98,7	1,3	—
Высшее	100,0	—	—

Современная свадьба — торжество молодых и молодости. Они в центре свадебного ритуала. Невесте и жениху, а не главному свату уделяется наибольшее внимание за свадебным столом. Разумеется, и сегодня родителям, родственникам, пожилым людям оказывается необходимое уважение во время свадьбы.

Как и в прошлом, свадебный ритуал объединяет и сближает родню жениха и невесты и потому это торжество приобретает общественное значение. Личная радость супружеской пары перерастает в радость и торжество всех присутствующих. Тем досаднее некоторые отрицательные моменты, которые получили довольно широкое распространение в современных свадьбах. Мы имеем в виду чрезмерно дорогие подарки молодым и распространившийся обычай одаривать всех участников свадебного торжества.

* * *

Похороны в настоящее время считаются событием, в котором должны принять участие не только семья и ближайшие родственники умершего, но и весь коллектив, с которым он работал и в котором жил.

Совет Министров НРБ в 1970 г. принял решение о бесплатных гражданских похоронах, о строительстве в крупных городах и селах Домов траура, похоронных бюро, в которых можно бесплатно получить гроб, венки, заказать оркестр, надгробные плиты, катафалк и транспорт до кладбища¹⁴. Местным Советам было предложено уделять серьезное внимание благоустройству кладбищ. В штатах всех городских Народных Советов предусматривается должностное лицо, руководящее похоронным ритуалом.

По нашим наблюдениям, характер гражданского погребального ритуала меняется в зависимости от мировоззрения, возраста покойного и лиц, совершающих погребение. Соответственно выделяются похороны:

- а) ответственных партийных, комсомольских и государственных деятелей, деятелей науки, культуры и искусства;
- б) людей, погибших при исполнении служебных обязанностей, во время стихийных бедствий и других трагических событий;
- в) атеистов, родные которых являются религиозными людьми, но обряд совершается под влиянием общественных организаций;
- г) людей с религиозными взглядами, которых хоронят убежденные атеисты;
- д) похоронные ритуалы, в которых объединяются и религиозные, и светские элементы: так, например, священник совершает обряд отпевания до начала гражданского ритуала и на похоронах уже не присутствует-

¹⁴ Те, кто хочет устроить более пышные похороны, могут сделать это за свой счет.

ет; верующие из числа родных или друзей умершего во время гражданской церемонии крестятся, зажигают свечи, молятся.

Наши исследования убедительно подтверждают предположение, что процент соблюдающих религиозные похоронные обряды зависит от социального положения умерших, их образования, партийной принадлежности и той среды, в которой они жили, работали (см. табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Зависимость исполнения религиозных обрядов от социального положения умершего

Социальное положение умершего	Придерживались ли религиозных традиций на похоронах, %
Работники низкой квалификации в Трудовых кооперативных сельскохозяйственных хозяйствах (ТКЗХ)	36,7
Рабочие низкой квалификации в промышленности	20,1
Рабочие Государственных сельскохозяйственных хозяйств (ГЗХ)	11,3
Служащие низкой квалификации	9,3
Служащие средней квалификации	7,6
Служащие высокой квалификации	1,8
Прочие	13,2

Как видно из табл. 7, самый большой процент исполнения религиозных обрядов приходится на похороны работников низкой квалификации в ТКЗХ, затем рабочих низкой квалификации в промышленности. Здесь прежде всего сказывается более низкое образование и культурный уровень среды, в которой происходят похороны, приверженность к традиционным обычаям, укоренившимся главным образом в религиозной психологии или привычках. Наблюдения показывают, что большая часть промышленных рабочих еще связана с деревней, вследствие чего у них в меньшей или большей степени бытуют еще религиозные суеверия и предрассудки. Надо также иметь в виду, что обряд похорон часто совершается под влиянием пожилых родственников, приехавших из деревни. В то же время наши данные говорят о резком снижении религиозных пережитков в среде служащих средней и особенно высшей квалификации.

Результаты исследования показывают, что соблюдение или несоблюдение религиозных обрядов при похоронах частично зависит от уровня образования. Чем выше уровень образования, тем меньше относительная доля похорон по религиозному обряду. Но уровень образования не всегда играет определяющую роль. Во время похорон по нерелигиозному обряду иногда производятся действия с элементами религиозной обрядности. Здесь, бесспорно, оказывают воздействие привходящие факторы — религиозность родственников, традиция проведения похорон по старому обряду, неудовлетворенность новыми ритуалами, в которых недостаточно разработана символика (надгробные памятники, надмогильный огонь и пр.), формальный оттенок соболезнований со стороны представителей общественных организаций и пр.

Социологическое исследование подтвердило, что на современном этапе общественного развития религиозные пережитки в Болгарии проявляются главным образом в быту. Из всех опрошенных в Великотырновском округе в 1970 г. 69% похоронили своих родственников по религиозному обряду, хотя 42,1% из них — неверующие. Следовательно, около половины похорон, проведенных по религиозному обряду, совершалось отнюдь не по религиозным мотивам. Видимо, тут сказывается желание похоронить близкого человека так, как хоронили раньше, по традиции, как этого хотел при жизни сам покойный.

Практика, однако, показывает и другое — необычайную живучесть религиозных и магических обрядовых действий. Например, у тела усопшего крестятся, в комнате, где умер родственник, бьют тарелки, чтобы прогнать злых духов, кладут деньги в гроб покойника, закрывают зеркало, чтобы кто-либо другой не умер; на третий, девятый, сороковой день, на шестом месяце и в годовщину смерти устраивают религиозные поминки: приглашают к могиле священника, который выполняет религиозный обряд, а родственники поливают могилу вином, кладут пищу, чтобы «накормить» душу покойного. Эти языческие и христианские обряды крепко держатся в сознании и практике народа.

Подходя творчески к использованию традиционных форм похоронной обрядности, взамен религиозно-магических обрядов современная общечеловеческая Болгария стремится выработать новую систему погребального ритуала. В последние годы новые погребальные ритуалы все шире распространяются среди народа. Вот несколько цифр, относящихся к Великотырновскому округу и показывающих неуклонное возрастание безрелигиозных похорон:

	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.
Безрелигиозные похороны	31%	34%	40%	59%	68%

Эти цифры свидетельствуют о постепенном укоренении новых традиций.

Старый обычай устраивать религиозные поминки тоже уступает место новому ритуалу нерелигиозных поминок. В городах Велико Тырново, Горна Оряховице, Долна Оряховице и во многих селах округа уже до 70% похорон сопровождается гражданским церемониалом поминовения. Подготовкой его ведаёт особая ритуальная комиссия, которая избирается на собрании местной организации Отечественного фронта или на профсоюзном собрании. Уговариваются с родными умершего о дне поминовения. Обычно это устраивается в нерабочий день, приблизительно через месяц, через 6 месяцев, в годовщину смерти. О дне памяти возвещают особыми афишами, посылаются приглашения всем родственникам и друзьям умершего принять участие в подготовке и проведении обряда.

В назначенный день и час все собираются на кладбище. Тихо подходят к могиле, ставят цветы, венки. Под звуки траурной мелодии, передаваемой с пульта Дома траура, вблизи надгробной плиты зажигают огонь. Люди собираются к могиле не для того, чтобы помолиться «за упокой души», а чтобы вспомнить о человеке, о его делах, сделать приятное родственникам и друзьям. При тихой траурной музыке особое должностное лицо городского Народного совета, руководящее ритуалом, произносит краткое слово о делах, которые совершил умерший, о том, что его дела не умерли, они продолжают и что все остается живым людям.

Ритуальный огонь потухает, музыка затихает. По традиции родственники умершего угощают гостей конфетами, печеньем со словами: «Вечная ему память», «Вечная ему слава» или «Не поминайте его лихом».

Все покидают кладбище. Иногда в этот же день в доме умершего устраивают поминальный завтрак или обед.

Такой ритуал разработан в Доме атеиста города Велико Тырново.

Впервые в стране в 1973 г. в том же Велико Тырново и в Горна Оряховице были организованы и большие коллективные гражданские поминовения. За неделю до церковной «родительской субботы» к назначенному дню собралось около полутора — двух тысяч человек. Мужской хор и духовой оркестр заняли свои места. Кладбище было радиофицировано. На трибуну поднялся ведущий, оркестр заиграл траурный марш. Ведущий начал речь. Он вспомнил о похороненных на этом кладбище, говорил о заслугах их перед народом. Группа артистов вместе с хором прочитала стихи о жизни человека на земле. Оркестр исполнил мелодии, в которых траурные ноты сочетались с жизнеутверждающими мотивами. После траурного митинга на могилы возложили венки, букеты цветов.

Так вместо церковного заупокойного обряда родился новый гражданский обычай поминовения ушедших от нас людей.

Сделаем краткие выводы.

Религиозная обрядность, которая в прежнее время глубоко проникала в быт народа, и прежде всего в семейный быт, ныне постепенно изживается. Тем самым религия шаг за шагом теряет самые надежные рычаги своего влияния на общественное сознание. Крестильные обряды, церковное венчание, христианские похороны встречаются все реже.

Но вытеснение из быта старых обрядов отнюдь не создает вакуума. На смену им приходят новые ритуалы, создаваемые на наших глазах самим народом. Эти новые ритуалы в свою очередь возникают не на пустом месте: люди находят в старых обычаях много ценного, критически отбирают все лучшее из традиционной семейной обрядности.

Так, в новые родильные обряды входят традиционные элементы: обрядовый хлеб, подарки ребенку, медовый хлебец. В свадебную обрядность вошли такие элементы, как венчальная фата, обмен кольцами, первый тост в честь новобрачных, дарение крестным отцом бокалов на память, встреча молодых в доме жениха с хлебом-солью, одаривание жениха и невесты, встреча и угощение крестного отца и матери. В похоронных обрядах остались поминальные трапезы, угощение родственниками покойного участников похорон сластями и пр.

Наше исследование подтвердило необходимость сочетания методов этнографии и социологии при исследовании современного быта. Исследователи стремились выявить обряды, характерные не для данного села, группы или коллектива, а для определенных слоев населения.

Современная этнография не может одна отразить пеструю гамму этнических компонентов только этнографическими методами. «Этнографическая наука в настоящее время может использовать методику и технику исследований, которые не являются достоянием лишь социологии, но получили в ней большое развитие»¹⁵. При этом нужно подчеркнуть, «что у этнографии и социологии имеется общая зона. Ею является этническая социология, которую можно рассматривать как подраздел, с одной стороны, этнографии, а, с другой стороны, социологии»¹⁶. Общим для этнографии и конкретной социологии объектом исследования, на наш взгляд, является прежде всего народ, его материальная и духовная культура, этнические процессы. Однако общий объект и общие методы исследования не означают, что одна наука будет поглощена другой.

TRADITIONAL ELEMENTS IN PRESENT-DAY FAMILY RITUAL IN BULGARIA (METHODS AND METHODOLOGY OF A REGIONAL SOCIOLOGICAL STUDY IN VELIKOŤYRNOŤ DISTRICT, BULGARIA)

The authors deal with the problem of what attitude to take towards past tradition, what elements of old-time family ritual should be retained and what — rejected.

The authors regard the stochastic representative method as the most trustworthy for collecting material on an aggregate of individuals: this method permits the researcher to embrace almost all the elements in a given sphere of social life together with their interaction with the elements of other spheres of the social structure.

Data on the occurrence of traditional customs pertaining to birth, marriage and burial were collected by aid of questionnaires, by the direct and the indirect method.

Analysis has shown the disappearance of many traditional customs, mainly magical superstitions. There are, however, certain old-time customs where the magical-religious element is absent; these are becoming transformed and supplemented by new socialistic elements.

The data show that new socialistic rituals arise on the base of traditional ritual by a natural process — the birth of new elements and the dying off of old ones.

The authors affirm that the religious elements are gradually disappearing from the new family ritual and will in the end be superseded by elements of socialistic ritual.

¹⁵ Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан, О соотношении истории, этнографии и социологии, «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 17.

¹⁶ Там же, стр. 16; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 248—254.

В. К. Соколова

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Устное народное поэтическое творчество в Болгарии живет еще полной жизнью и привлекает к себе внимание широкой общественности. С неизменным успехом проходят выступления народных певцов, хоровых и музыкальных коллективов и самодеятельных ансамблей на сценах, по радио и телевидению. С 1960 г. ежегодно в разных районах Болгарии проводятся фольклорные праздники — «соборы», а раз в пять лет — национальные «соборы»¹. Такие праздники, способствуя сохранению лучших национальных традиций, вызывают также теоретические дискуссии о месте фольклора в современной культуре, о возможностях и формах его использования и т. п. Интерес к фольклору поддерживают и постоянно появляющиеся статьи в периодической печати, и издающиеся в значительном количестве научно-популярные сборники словесного и музыкального фольклора. Достаточно широко развернулась в Болгарии собирательская и исследовательская работа в области фольклора.

Ведущими центрами болгарской фольклористики являются академические институты: Институт фольклора, созданный недавно на базе отдела фольклора Этнографического института, развернувшего широкую собирательскую и исследовательскую работу, отделы фольклора в Институте музыки и Институте литературы. Собрание и изучение фольклора ведется также в Софийском и Великотырновском государственных университетах и некоторых местных этнографических музеях (например, в Пловдивском музее, публикующем в своем ежегоднике «Годишник» статьи по современному фольклору). Фольклорная секция работает при Союзе писателей.

Следует отметить, что народное поэтическое творчество всегда воспринималось болгарами как важнейший элемент национальной культуры. К фольклору обращались видные деятели болгарской национально-освободительной борьбы против турецкого ига, поэты (например, Г. Раковский, Л. Каравелов, П. П. Славейков, Хр. Ботев и др.). После освобождения Болгарии начала интенсивно разворачиваться собирательская работа, в результате которой был накоплен огромный материал, особенно по песенному творчеству, началась его систематизация, появились и крупные теоретические исследования, среди которых наибольшее значение имеют труды И. Шишманова и акад. М. Арnaudова².

После 9 сентября 1944 г., когда болгарский народ сверг фашистскую диктатуру и приступил к построению социалистического общества, в

¹ См. об этом Б. Н. Путилов, Три недели в Болгарии, «Сов. этнография», 1970, № 1. В статье охарактеризована и работа болгарских фольклористов.

² Обобщенный очерк истории болгарской фольклористики дан в работе: П. Динев, Български фолклор, Второе издание, София, 1972.

болгарской фольклористике начался, как это отмечают все болгарские ученые, новый период. Болгарские фольклористы, продолжая исследование традиционного фольклора с новых методологических позиций, особое внимание обратили на современное народное поэтическое творчество. В постановке и разработке новых проблем, в овладении марксистско-ленинской методологией болгарские фольклористы опирались на опыт своих советских коллег.

За время, прошедшее после 1944 г., болгарские фольклористы провели большую собирательскую и исследовательскую работу и в ряде статей сами критически оценили ее, а также указали на нерешенные задачи и проблемы³. Современное состояние науки и перспективы ее развития стояли в центре внимания симпозиума по проблемам болгарского фольклора, состоявшегося 10—12 ноября 1970 г. в Софии⁴. Эти материалы были использованы при написании данной статьи.

Сильная сторона болгарской фольклористики — тесная связь исследовательской работы с собирательской. Фольклористы постоянно выезжают в экспедиции, они хорошо знают устное поэтическое творчество в его живом бытовании и наблюдают происходящие в нем сейчас процессы, их исследования во многом основываются на личных наблюдениях и записях, что придает им большую глубину и убедительность.

Фольклористы ставили перед собой задачу фиксировать все, что создается сейчас народом, а также заполнить по возможности имеющиеся пробелы по традиционным жанрам, записать все, что еще активно бытует или же сохранилось в памяти старшего поколения. В первые послевоенные годы основное внимание было, естественно, обращено на партизанский и революционный антифашистский фольклор. Записывались произведения, выражавшие социальный протест, и устное поэтическое творчество рабочих, оставшееся несобраным. Одной из важных проблем болгарские фольклористы считают изучение современного состояния традиционных фольклорных жанров. Перед экспедициями ставились и специальные задачи. Так, секция фольклора Этнографического института в течение ряда лет проводила сплошную запись юнацкого эпоса (песни и прозаические пересказы); обследована вся территория Болгарии. Сейчас начата такая же сплошная запись гайдучьего эпоса.

Экспедиции, как правило (если они не ставят специальных задач), проводятся комплексные; изучается не только устное поэтическое творчество, но и быт, материальная и духовная культура обследуемого района во всех ее проявлениях. Такие комплексные экспедиции работали, например, в Родопях — одной из интереснейших этнографических областей Болгарии. Фольклористы исходят из правильной основной предпосылки: чтобы всесторонне и глубоко понять явления фольклора и выявить их место и роль в народной жизни, нужно изучать их в неразрывной связи с породившим их бытом. Цв. Романская свою статью о задачах современной болгарской фольклористики начала с утверждения: «...фоль-

³ См. П. Динев, *Българската фолклористика след Втората световна война*, сб. «Проблеми на българския фолклор», София, 1972; Р. Кацарова-Кукудова, Н. Кауфман, *Развитие на българската музикална фолклористика*, там же; Цв. Романска, *Съвременната българска фолклористика, състояние и постижения, задачи и перспективи*, «Език и литература», 1964, № 4; ее же, *Задачи на съвременната българска фолклористика*, «Известия на Етнографския институт и музей» (далее — ИЕИМ), т. 8, София, 1965; Ел. Стрин, *Институт за музика при Болгарской Академии наук* (далее — БАН), сб. «15 години българска музикална култура», София, 1959.

⁴ Подробнее об этом см. Л. В. Маркова, *Симпозиум по проблемам болгарского фольклора*, «Сов. славяноведение», 1971, № 5. Доклады на симпозиуме и написанные на их основе статьи опубликованы в сб. «Проблеми на българския фолклор», София, 1972.

клористика тесно связана с этнографией. Произведения народного творчества не могут изучаться только в чисто литературном аспекте, как художественное поэтическое творчество народных певцов и рассказчиков, народных мастеров. Их целостная научная интерпретация составляет исследователей рассматривать их в тесной связи с народным бытом и традицией, с этнической группой, в которой они создавались, развивались и передавались из поколения в поколение»⁵. Этот принцип, которым фольклористы руководствовались как в собирательской, так и в исследовательской работе, дал им возможность достигнуть значительных успехов.

Фольклористы из Института музыки (Ел. Стоин, Р. Кацарова, Н. Кауфман и др.) собрали обширный материал, характеризующий современное состояние болгарской песенной культуры, поэтические и музыкальные стили разных областей.

Собранные фольклорные материалы по мере возможности публикуются в научных и научно-популярных изданиях и обобщаются в исследованиях. С 1949 г. Болгарская Академия наук возобновила издание «Сборник за народни умотворения и народпис» (с XLIV тома), первый том которого вышел в 1889 г. под редакцией и с программной статьей Ив. Л. Шишманова. В «Сборнике» опубликованы и продолжают публиковаться ценные материалы по этнографии и фольклору разных районов и сёл Болгарии⁶. Чаще это материалы комплексные, всесторонне характеризующие быт и культуру населения обследованной местности. В статьях, публиковавшихся в сборнике, ставятся проблемы сравнительно-исторического изучения фольклора и классификации отдельных жанров⁷, даются характеристики наиболее талантливых народных исполнителей.

Публикуются не только новые записи, но и материалы, хранящиеся в архивах, в том числе и некоторые крупные собрания. Так, Институт музыки в дополнение к вышедшим ранее капитальным сборникам песен В. Стоина издал его материалы из Северо-Восточной Болгарии и Западной области⁸. Переиздаются некоторые классические издания, ставшие библиографической редкостью («Български писател» издает многотомный труд К. А. Шапкарова «Сборник от български народни умотворения» под ред. П. Динекова и Ст. Стойковой; переизданы сборники песен братьев Миладиновых и Ст. И. Верковича). Важно отметить, что заботу об издании ценных фольклорных собраний проявляют и местные культурно-просветительные организации. Так, по инициативе Окружного совета по искусству и культуре в Смолянах Болгарская Академия наук издала песни, которые в течение 20 лет собирал в Средних Родопях Атанас Райчев⁹. Материалы сборника, содержащего 1025 песен, научно систематизировала и комментировала Р. Ангелова; в подготовке его к изданию большую помощь оказала местная интеллигенция. Таким образом, болгарские фольклористы получают солидную источниковедческую базу для своих исследований.

В 1961—1963 гг. издательство «Български писател» выпустило антологию «Българско народно творчество» в 12 томах. Это не только

⁵ Цв. Романска, Задачи на съвременната българска фолклористика, ИЕИМ, т. 8, София, 1965.

⁶ В юбилейном 50-м томе (1963 г.) дан систематический указатель всех материалов, опубликованных в 50 томах.

⁷ Так, большое значение имеет классификация песен, данная М. Арnaudовым в его работах: «Фолклор от Еленско» (т. XXVII, 1913); «Северна Добруджа» (т. XXXV, 1923) и «Народната песен в Софийско» (т. XI, 1942).

⁸ В. Стоин, П. Стефанов и Ив. Камбуров, Народни песни от Североизточна България (составители Ел. Стоин, Р. Кацарова-Кукудова и Ив. Кучумов). София, 1962; В. Стоин, Народни песни от Западните Покраини, София, 1959.

⁹ «Народни песни от Средните Родопи». Записал Атанас Райчев. Студия, съставяне, обработка и коментар Росица Ангелова, София, 1973.

первая полная антология болгарского фольклора, дающая представление о всех его жанрах, но и серьезный исследовательский труд. Крупнейшие фольклористы, подготовившие тома, отобрали тексты с большим знанием и вкусом, некоторые из них публикуются впервые, в комментариях указываются варианты, текстам предпосланы исследовательские статьи. Материалы систематизированы, причем некоторые виды и жанры фольклора классифицированы впервые. Большой интерес представляют классификация болгарских преданий и легенд, предложенная Цв. Романской (т. 11), статьи В. Валчева о волшебных сказках (т. 9) и П. Динкова о бытовых сказках и анекдотах (т. 10). Следует отметить исследование Хр. Вакарельского об исторических песнях (т. 3), которым раньше по сравнению с юнацким и гайдуцким эпосом уделялось мало внимания, а также том «Обрядовые песни» (т. 5), подготовленный М. Арнаутовым и Х. Вакарельским.

Одна из основных проблем, волнующих болгарских фольклористов, — современный фольклор, его состояние и тенденции развития. Проблема эта новая, вставшая только после 1944 г. Естественно, что на первых порах дело ограничивалось собиранием и публикацией материалов (главным образом партизанского фольклора), их первичной систематизацией и идейно-тематической характеристикой. При этом значимость нового материала порой переоценивалась. Так, Г. Керемедчиев, один из первых обратившийся к современной песне и успешно поработавший в этой области, считал, что начинается новый, блестящий период в развитии болгарского фольклора. Другие ученые утверждали, что новые фольклорные мотивы сейчас создаваться уже не могут. В дальнейшем фольклористы постарались более глубоко разобраться в современном состоянии народного поэтического творчества, уяснить место и значение новых явлений в нем, их связь с традицией.

Теоретически определить понятие «современный фольклор» попытался Т. Живков. Справедливо подчеркнув, что это понятие исторически меняется, он дает следующее определение: «Современным фольклором для каждой эпохи являются те произведения из системы активно действующих в старых и новых формах бытования жанров, которые отражают современную действительность, современные идеи и эстетические требования народа»¹⁰. Все же созданное в прежние эпохи по отношению ко всякой следующей эпохе — художественное наследие, причем некоторые традиционные жанры еще активно живут и «осваивают» в какой-то мере новую действительность. Но более полно современность, по мнению автора, отражает профессиональное искусство, фольклор же является частью современной культуры и должен изучаться комплексно, в связи с другими явлениями.

Болгарские фольклористы, пытаясь разобраться в сложном процессе, происходящем в современном народном поэтическом творчестве, изучают как новые явления, так и изменения, происходящие в традиционных жанрах.

Наиболее обстоятельно изучен партизанский фольклор, особенно песни. Изданы сборники текстов¹¹, статьи и исследования. Партизанские песни рассматриваются как продолжение традиций гайдуцких и народных революционных песен, подчеркивается богатство их идейного содержания, изучаются художественные особенности, связи с художественной литературой. Партизанское творчество изучается в связи с партизанским бытом. Обобщающим комплексным исследованием является

¹⁰ Т. Ив. Живков, Към въпроса за новите явления в българското народно поетично творчество и за тяхното изучаване от фолклористиката, ИЕИМ, т. IX, София, 1966, стр. 172.

¹¹ «Народни партизански песни. 1923—1944». Съставила Ел. Стоин, София, 1955; Ив. Койнатов, Партизан за бой се съяга, София, 1957, и др.

монография Цв. Романской и Ст. Стойковой¹². Труд этот написан на основании материалов, собранных экспедициями Этнографического института в 1949 и 1950 гг. в Плевненском и Ловешском районах. Работа состоит из двух частей. В первой характеризуются основные стороны партизанского быта, во второй части рассматривается, как партизанская жизнь отразилась в народных произведениях: поэтических — песнях и стихотворениях и прозаических — устных рассказах и легендах. Рассматриваются как песни, созданные самими партизанами (они часто имеют литературный характер, но быстро фольклоризировались по мере распространения), так и фольклор о партизанах. Последний более разнообразен. Авторы делят его на: 1) песни и произведения в стихах; 2) воспоминания народа о партизанах — устные рассказы и легенды; при анализе устных рассказов прослеживается, как действительные факты в них сочетаются с традиционными мотивами. Так же комплексно изучает партизанский быт и фольклор Ив. Коев¹³. Исследуется антифашистский фольклор, песни о восстаниях против фашистского режима¹⁴.

Сейчас болгарские фольклористы говорят уже о современной песне в целом, стараясь понять те процессы, которые наиболее активно протекают именно в песенном творчестве. Первые значительные сборники современных песен и статьи о них принадлежат Г. Керемидчиеву¹⁵. Он старался выяснить идейные и художественные особенности новых песен, определить их место и значение в общем фольклорном процессе, проследить их связь с традицией и литературой. В настоящее время много и успешно проблемами современной песни занимается коллектив фольклористов-музыковедов в Институте музыки, особенно Е. Стоин¹⁶.

Разные жанры традиционного болгарского фольклора были изучены неравномерно, мало исследовалась народная проза, особенно несказочная, и «малые» жанры. Поэтому болгарские ученые стараются, насколько это возможно, восполнить оставшиеся пробелы и собрать по традиционным жанрам все, что еще сохранилось. При рассмотрении отдельных жанров стремятся выяснить их генезис, историю и специфику, соотношение в них национального и интернационального и другие проблемы. Большое внимание уделяется современному состоянию традиционных жанров: прослеживаются изменения, происходящие сейчас в разных жанрах, тенденции их развития, их место и роль в современном устном поэтическом творчестве, отношение к ним исполнителей и слушателей, значение традиций в создании нового фольклора. Результаты наблюдений уже обобщены в ряде работ.

Наиболее всесторонне изучается песенная традиция. Это естественно, так как песня широко входит в современный народный быт и традиционное наследие тесно переплетается с новым песенным творчеством. Песенные стили разных районов и групп болгарского населения, отдельные песенные жанры изучаются достаточно обстоятельно фольклорис-

¹² Цв. Вранска (Романска) и Ст. Георгиева-Стойкова, Принос към изучаването на българския партизански бит и фолклор (по материалом от Плевенско и Ловешко), София, 1954.

¹³ Ив. Коев, Бит на партизанския отряд «Антон Иванов» и песенно творчество за антоневановци, София, 1962.

¹⁴ Т. Живков, Български антифашистски песенен фолклор, София, 1970; Р. Ангелова, За народна свобода. Априлско въстание в българската народна поезия, София, 1961; А. Примовски, Преображенското въстание в поетическата памет на народа, София, 1954, и др.

¹⁵ Г. Керемидчиев, Съвременната българска народна песен, проучване и образци, София, 1958, и др.

¹⁶ Ел. Стоин, Съвременната българска народна песен, «Известия на Института за музика» (далее — ИИМ), кн. 1, 1952; ее же, Съвременната българска народна песен. Сб. «15 години българска музикална култура», София, 1959; И. Качулев и Е. Стоин, Български съвременни народни песни, София, 1958, и др.

тами-музыковедами¹⁷. Но как отмечают сами болгарские фольклористы, поэтические особенности песен, их язык и особенно стихосложение, изучены еще недостаточно; опубликованные пока статьи, представляющие нередко значительный интерес, касаются только отдельных вопросов¹⁸. Принципиальное значение имеет работа Цв. Романской, которая, характеризуя некоторые особенности болгарских песен, подчеркивала и их сходство с песнями других славянских народов, Об общих чертах болгарских песен и песен восточнославянских народов писал Н. Кауфман¹⁹.

Наряду с лирическими песнями в фольклористических исследованиях значительное место занимают песни эпические, особенно юнацкие. Богатейший южнославянский эпос, сохранившийся еще в живом бытовании, всегда вызывал большой интерес не только у славянских фольклористов, но и у ученых других стран. Сейчас перед исследователями болгарского эпоса встали новые проблемы: происхождение эпоса и его отдельных сюжетов и мотивов, сложение, состав и развитие эпических циклов, эпос и история, художественные особенности песен²⁰.

Теоретические основы изучения эпоса, в частности цикла о Крале Марко, были сформулированы Цв. Романской²¹. Она прослеживает, как постепенно складывался основной цикл южнославянского эпоса о Крале Марко. Причем создавались новые песни на исторической основе и использовались, применяясь к новым обстоятельствам, старые мотивы и сюжеты. Цв. Романска делит цикл по тематике на три группы: I — песни историко-героические, II — бытовые новеллистические и III — фантастико-легендарные. В особую группу она выделяет поздние сатирические песни, в которых проявилось уже критическое отношение к старым эпическим героям. Намечаются и дальнейшие задачи изучения цикла, причем Романска подчеркивает, что выяснить происхождение, характер и развитие цикла можно только путем сравнительного изуче-

¹⁷ Кроме уже названных трудов, можно указать: Н. Кауфман, Песни на българските мохамедани от Родоните, «Родопски сборник», 1969, 2, стр. 41—130; его же, Тригласите народни песни от Костурска, ИИМ, кн. 6, 1959; его же, Народните песни от Смолянско и Маданско, ИИМ, кн. 8, 1962; его же, Песни на байрамско хоро, изпълнявани от българските мохамедани, ИИИМ, т. 6, 1963; Р. Кацарова-Кукудова, Народни хора и игри от село Хлевене, Ловешко, ИИМ, кн. 2—3, 1955, 1956; Ел. Стоин, Народните песни в Среднегорieto (Същинска Средна гора), ИИМ, кн. 10, 1964; ее же, Народни песни на Странджанския край, сб. «Комплексна научна Странджанска експедиция през 1955 на БАН», 1957, и другие работы.

¹⁸ Цв. Боров, Върху някои особености на фолклорната поетика (по материали от български народни песни), «Език и литература», 1963, № 18; П. Динев, Някои особености на поетиката на съвременната народна песен, «Литературни въпроси», София, 1963; Е. Георгиев, Ритмичните основи българската народно стихосложение, сб. «Романски. Езиковедски и етнографски изследвания в памет на акад. Стоян Романский» (далее — «Романски...»), София, 1960; Т. Джиджев, Към въпроса за стиховоритмичния строеж на българските народни песни, ИИМ, кн. 10, 1964; Хр. Вакарелски, Езикът на родопските песни, събрани в Институте за музика при БАН, ИИМ, кн. 8, 1962.

¹⁹ Н. Кауфман, Някои общи черти между народната песен на българите и източните славяни, София, 1968.

²⁰ Е. К. Теодоров, Сущност и происход на българските юнашки и хайдушки песни във връзка с отразените в тях состезания, София, 1963; Цв. Романска, Към въпроса за развитието на песните за Момчил юнак в българския фолклор, «Изследвания в чест на акад. Михаил Арнаудов, Юбилеен сборник», София, 1970; Ев. Теодоров, Наслоявания в една българска народна епическа песен, ИИИМ, т. 1, 1953; Р. Ангелова, Комичното в българския юнашки эпос, ИИИМ, т. 12, 1969; А. Фанасьева-Колева, Към проучването на епитета в юнашките песни за Крали Марко у българите и сръбите, ИИИМ, т. 10, 1967; Ст. Стойкова, Езикови архаизми в юнашките народни песни, «Известия на Института за български език», кн. VIII, 1962; ее же, Към проучването на българския народен стих (рими, алитерации и повторения в българските юнашки песни), «Изследвания в чест на акад. М. Арнаудов»; Г. Данчев, За поетиката на хайдушките народни песни, сб. «Трудове на ВПИ. Брата Кирил и Методий», т. II, В.—Търново, 1965, и др.

²¹ Цв. Романска, Към въпроса за произхода, разпространението, мотивите и развитието на эпоса за Крали Марко у южните славяни, «Славянска филология», т. V, 1963.

ния, так как этот цикл для южнославянских народов во многом общий. Это положение для исследователей болгарского эпоса является основным, они рассматривают юнацкие и гайдуцкие песни в сравнительно-историческом аспекте, раскрывая как их общность у южнославянских народов, так и болгарскую специфику; рассматриваются также связи южнославянского эпоса с восточнославянским.²²

Исследуя эпос, болгарские фольклористы привлекают не только песни, но и прозаические их пересказы, предания и легенды о юнаках и гайдуках. Этот материал раньше не изучался и записывался лишь от случая к случаю. На важность его указала Цв. Романска, исследовавшая предания о Крале Марко²³. Ст. Стойкова рассмотрела современное состояние эпической традиции в Болгарии²⁴.

Исключительно большое значение имеет работа по юнацкому эпосу, проведенная фольклористами из Этнографического института. Как уже говорилось, они обследовали всю территорию Болгарии и записали все сохраняющиеся еще песни и предания о юнаках. Собранные материалы послужили основой капитального труда «Болгарский юнацкий эпос»²⁵, в который вошли новые записи — песни и прозаические пересказы, а также указатели мотивов и сюжетов, карты распространения в Болгарии юнацкого эпоса и его отдельных сюжетов, подробная библиография. Этот труд — крупное достижение болгарских фольклористов и важный вклад в мировую науку.

Сейчас проводится сплошная запись песен и преданий о гайдуках. Следует отметить, что гайдуцкому эпосу уделялось гораздо меньше внимания, нежели юнацкому, и потому проводимая работа особенно важна. Современные болгарские ученые П. Динев, Д. Осинин и др. по-новому раскрыли идейное содержание образов гайдуков. Совместно с советскими коллегами (И. М. Шептуновым) они показали, что гайдуки не только выступали против турецких поработителей, как то представляли раньше, но и боролись за социальную справедливость, против богачей-чорбаджиев.

В этом плане песни и предания о гайдуках имеют много общего с фольклором о разбойниках — социальных мстителях²⁶.

В последние годы внимание фольклористов привлекла и баллада, занимающая в балканском фольклоре, в том числе и болгарском, значительное место, но изученная у болгар очень слабо. Обращение к балладе в какой-то мере связано и с тем интересом, который она вызывает в международной фольклористике (так, на прошедшем в Париже в августе 1971 г. первом конгрессе Международного общества европейской этнологии в качестве фольклорной темы была выдвинута именно баллада).

²² См. Цветана Романска, Общи особености на българските и сръбските хайдушки песни, «Славистичен сборник», т. II, София, 1958; Р. Ангелова, Т. Ив. Живков, Цв. Романска, Ст. Стойкова, Генетични връзки и типологични сходства на българския юнашки епос със сърбохърватските юнашки песни, руските билины и украинские эпические песни, «Славянска филология», т. XI, 1968; Ст. Стойкова, Далматинските бугарцици и техните български съответствия, «Етногенезис и културно наследство на българския народ», София, 1971, стр. 137—142; ее же, Общи черти и различия между българските и сръбските хайдушки и гръцките клефтички песни, «Славянска филология», т. XIV, София, 1973; А. Афанасиева-Колева, Изобразителни средства в южнославянския епос за Крали Марко, «Проблеми на българския фолклор».

²³ Цв. Романска, Преданията за Крали Марко във фолклора на южните славяни (обща характеристика), «Славистични студии», София, 1963.

²⁴ Ст. Стойкова, Наблюдения върху съвременното състояние на юнашката епическа традиция в България, «Славянска филология», т. 5, 1963; ее же, Традиция и новаторство в българско народно песенно творчество с историко-героична тематика, ИЕИМ, т. VIII, 1965.

²⁵ «Български юнашки епос», «Сборник за народни умотворения» (далее — Сб. НУ), кн. LIII, София, 1971.

²⁶ Об итогах и задачах изучения гайдуцких песен см. Ст. Стойкова, Състояние на изследванията на българските хайдушки песни, сб. «Проблеми на българския фолклор».

Балладе посвящены работы П. Динекова²⁷. Он поставил своей задачей выяснить национальное своеобразие болгарской баллады. Сделать это можно, как он совершенно правильно указывает, только с помощью сравнительно-исторического метода, так как многие сюжеты и мотивы баллад международные или общевалканские. Благодаря сравнительному изучению можно установить происхождение и проследить распространение отдельных балладных сюжетов и мотивов, а также показать, как на национальной почве они приближаются к конкретной обстановке, обретают новое оригинальное оформление и трактовку; при этом можно выявить и собственно болгарские сюжеты и мотивы. В работах П. Динекова, подошедшего к болгарским балладам с новых методологических позиций, определяются задачи их дальнейшего изучения и его методика.

Чтобы понять процесс создания песен и соотношение в нем традиции и индивидуального начала, исследователи закономерно обратились к изучению творческого облика их создателей и исполнителей. В Болгарии это начал М. Арнаулов, занимающийся этой проблемой и сейчас²⁸. Работу продолжили Г. Керемедчиев, Р. Кацарова-Кукудова, Цв. Романска и др., давшие характеристики одаренных певцов разного типа²⁹. Очень важны наблюдения над певцами разных поколений — отцом и сыном, представителями трех поколений³⁰, которые показывают, как изменения в жизни и воззрениях, культурном уровне певцов влияют на характер песнетворчества, отношение к песням и состав репертуара. Эти наблюдения помогают глубже понять современное состояние песен. Изучаются и певческие коллективы, их организация, состав и роль в сельской жизни³¹.

Обрядовые песни (как и обрядовый фольклор в целом) в последние годы не были в Болгарии предметом специальных исследований. Публикуются материалы по отдельным районам — описания сохраняющихся еще обычаев и празднеств: новогодние игры и ряжения, «лазаруване» — весенний девичий праздник, выражавший мечты об избраннике, семейном очаге, пожелания счастья, плодородия — и другие обычаи. В ряде статей дается обстоятельный анализ отдельных обычаев, раскрывается их генезис³².

Обобщающее исследование о болгарских песнях — монография Й. Иванова³³. Автор, поставивший своей целью исследовать болгарские песни во всех их разновидностях, говорит о происхождении песен, их историческом развитии, исследует поэтическую структуру, образный

²⁷ П. Динеков, Някои проблеми на българската народна балада, ИИМ, кн. 13, 1969.

²⁸ М. Арнаулов, Към въпроса за творците на народната песен. Един даровит народен певец от Софийско, «Известия на Институт за литература», 9, 1960.

²⁹ Г. Керемедчиев, Народният певец дядо Вичо Бончев, София, 1954; ето же, Народната певица Катя Тодорова-Бундова, «Романски...»; Цв. Романска, Дядя Мано, автор и изпълнител на народни песни от с. Маслово, Софийско, ИИИМ, т. 1, 1953; Д. Тодоров, Народната певица Магдалена Божанкова от с. Жабляно, Радомирско окръг, ИИИМ, т. IX, 1966, и др.

³⁰ Цв. Романска, Песни на двама народни певци — баща и син — от с. Лютово, Пазарджишки окръг, Сб. НУ, кн. 1, 1963; Р. Кацарова-Кукудова, Три поколения народни певици, ИИИМ, кн. 1, 1952.

³¹ Например, А. Примовски, Момински певчески групи в Беломорска Тракия, ИИИМ, т. VI, 1963.

³² В. Примовски, Родопски празнични обичаи от Устово, Сб. НУ, кн. 1, 1963; Н. Кауфман, Обредните песни на българските мохамедани, ИИИМ, кн. IX, 1963; Л. Йорданова, За народните сурвачки в България, ИИИМ, т. XI, 1968; Р. Ангелова, Кукерските игри — обичай за плодородие и здраве и народен театър, «Театър», 1956, 11; П. А. Петров, Кукери в Пъдарево, Бургаско, Сб. НУ, кн. 1, 1963; ето же, Ивановден в Живовци, Михайловградско, ИИИМ, т. IX, 1968; Р. Ангелова, Лазаруване в с. Бояново, «Романски...»; Л. Йорданова, За обичаи лазаруване в България, ИИИМ, т. IX, 1966; Ел. Стойц, Лазаруване в с. Негушево, Еленпелинско, ИИИМ, кн. 2, 1900; кн. 3, 1900; Т. Кольева, За произхода на пролетните моминске обичаи (лазаруване, кумичене и буенец), «Проблеми на българския фолклор», и др.

³³ Й. Иванов, Българските народни песни, София, 1959.

язык и размеры песен. Подчеркивая синкретизм песен, тесную связь текста и мелодии, И. Иванов говорит о мелодическом строе песен и музыкальных инструментах, сопровождающих пение; характеризует типы и роль певцов. В работе дается классификация песен и рассматриваются выделенные группы. К сожалению, этот капитальный труд остался незавершенным из-за смерти автора.

Новым для болгарской фольклористики явилось изучение рабочего фольклора. Раньше он не только не изучался, но и почти не записывался, к тому же рабочий фольклор в Болгарии в начале XX в. только еще начал формироваться. Сейчас рабочий фольклор (преимущественно песни)³⁴ собирается и публикуется, показано его значение. Намечены проблемы и задачи изучения³⁵. Исследуются связи революционных и рабочих песен с традиционными и литературными, выявляются новые черты в них, влияние на них русских революционных песен и т. д.³⁶

Прозаические жанры болгарского фольклора изучены слабее, чем песенные. Первые серьезные исследования болгарской народной прозы принадлежат И. Шишманову и М. Арnaudову, которые выделили отдельные устнопрозаические жанры и систематизировали их. Общую характеристику прозаических жанров дал в своем обобщающем труде П. Динев, однако капитальных исследований по отдельным видам болгарских сказок и несказочной прозы пока нет, не составлен и полный указатель сказочных сюжетов и мотивов³⁷.

Сказкам посвящены лишь называвшиеся уже два тома серии «Българско народно творчество» и научно-популярные издания сказок³⁸. Большой интерес представляют наблюдения над современным состоянием сказок и других прозаических жанров, обобщенные Р. Ангеловой³⁹. Но Р. Ангелова рассматривает в основном те общие процессы, которые типичны для всех видов устной прозы, специфические же особенности, характерные для сказок и разных видов несказочной прозы, еще не раскрыты достаточно отчетливо.

Большое внимание за последние годы в Болгарии уделялось преданиям, что связано, несомненно, с тем интересом, который проявляется сейчас к жанрам устной несказочной прозы в мировой фольклористике. Особенно большое значение имеют труды Цв. Романской. Она исследовала отдельные циклы болгарских преданий, в частности предания о юнаках и Крале Марко, показала их особенности и значение. Наиболее же важной ее заслугой является то, что она впервые (том II «Българско народно творчество» и другие работы) классифицировала болгарские предания и выделила их основные типы. О типах и мотивах болгарских преданий и легенд она говорила и на международных конгрессах⁴⁰.

Исследование преданий продолжил Т. Живков⁴¹. Как и Цв. Ро-

³⁴ Например, «Песни на българското работническо движение 1891—1944 гг.», составил Н. Кауфман, София, 1959.

³⁵ Цв. Романска, Към въпроса за проучването на българския работнически фолклор», «Народно стваралаштво», 1964, № 12, Београд.

³⁶ Н. Кауфман, Руските и съветските песни и някои техни влияния върху българските революционни песни, ИИМ, кн. 14, 1969.

³⁷ Об истории изучения болгарской устной прозы и задачах, стоящих перед исследователями в этой области, см. Р. Ангелова, Состояние на изследванията на българската народна проза, сб. «Проблеми на българския фолклор».

³⁸ Например, «Български народни приказки», събрал и ред. В. Вълчев, София, 1962; Е. Огнянова, Български народни приказки, пословици, поговорки и гатанки, София, 1962, и др.

³⁹ Р. Ангелова, Съвременното състояние на българските народни приказки, предания и легенди (живот, промени и нови моменти в тях), «Славянска филология», т. V, 1963; ее же, Към въпроса за съвременното състояние на българските народни приказки, предания и легенди, ИИМ, т. VII, 1964.

⁴⁰ Zw. Romanска, Die bulgarschen Volksagen und Legenden. Zustand ihrer Erforschung, Typen und Motive, «Tagung der Sagenkommission der „International Society for Folks Narrative Research“, Budapest, 14—16 Oktober, 1963». Budapest, 1964.

⁴¹ Т. И. Живков, За спецификата и развитието на българските народни предания, ИИМ, т. XII, 1969.

манска, он выделяет легенды и предания. Последние он предлагает делить на 3 основные группы: 1) фавулаты, 2) предания-хроники; 3) смешанные предания, объединяющие две или несколько фавул или сочетающие фавульный рассказ с хроникальным сообщением. Эта схема, конечно, нуждается в дальнейшей детализации. Кроме того, едва ли в основу классификации преданий можно класть деление их на фавулаты и хроники. Фавульные и хроникальные повествования, так же как и различные контаминации, встречаются почти в каждом виде устной сказочной прозы, а одно и то же предание может иногда передаваться и в форме развернутого сюжетного рассказа и в виде очень краткого хроникального сообщения. Подгруппы же выделяются по разному принципу; фавулаты делятся на рассказы с мифологической и легендарной основой и без нее, хроники же на рассказы о событиях, истории селений, семьях и личностях. Но ведь и предания с мифологической или легендарной основой также повествуют о событиях и лицах и в хрониках могут встречаться легендарные мотивы. Сам же автор, говоря об историческом развитии преданий, отмечает, что предания разных эпох и циклов имеют свою специфику. Очевидно, национальные классификации преданий целесообразно строить с учетом разработанных международных схем и стремиться выявить как национальное своеобразие преданий, их основные мотивы и циклы, так и входящие в них международные мотивы и сюжеты.

Не забыты и «мелкие» жанры болгарского фольклора. Загадкам посвящена обстоятельная монография Ст. Стойковой, ею же составлен сборник загадок, открывающийся исследованием «Характерные особенности болгарских народных загадок»⁴². Ст. Стойкова рассматривает загадки в историческом развитии, характеризует их тематику и образы, прослеживает отражение в них общественной среды, быта, старинных народных взглядов и представлений, выясняет их стилистические и языковые особенности, ритмический строй и пр., а также связи с другими жанрами. Классифицируя загадки по содержанию, она выделяет следующие основные разделы: природа, человек, трудовая деятельность, материальная и духовная культура. Особые разделы составляют загадки-вопросы и загадки-задачи. Как видим, загадки рассмотрены Ст. Стойковой достаточно полно и всесторонне, а сборник дает представление об их составе и разных типах.

Кардинальные проблемы, касающиеся пословиц, поставлены в трудах Цв. Романской⁴³. Она стремится раскрыть национальное своеобразие болгарских пословиц, их связь с историей и бытом народа. При этом она подчеркивает необходимость сравнительного изучения пословиц, так как у болгар (как и у всех народов) значительную часть пословичного фонда составляют пословицы, общие с другими народами, прежде всего со славянскими. Рассматривая соотношение национальных и интернациональных пословиц, исследовательница на конкретных примерах показывает, как последние на национальной почве иногда перерабатываются и получают новое звучание. Особое внимание Цв. Романска уделяет пословицам с социальной тематикой.

Народному театру у болгар посвящены исследования Р. Ангеловой⁴⁴

⁴² Ст. Георгиева-Стойкова. Български народни гатанки, София, 1961; Ст. Стойкова, Български народни гатанки, София, 1970.

⁴³ Цв. Романска (Вранска), Българските народни пословици с историческа тематика в сравнение с пословиците на останалите славянски народи, «Славянска филология», т. III, М., 1958; ее же, Българските народни пословици и поговорки, «Език и литература», кн. 3, София, 1959; ее же, Българските народни пословици със социална тематика в сравнение с пословиците на останалите славянски народи, «Рад XI-ог Конгреса Савеза фолклориста Југославије у Мостару и Требинье од 1962», Сарајево, 1963; ее же, Към въпроса за националната специфика на българските народни пословици и поговорки, сб. «Етногенезис и културно наследство на българския народ», София, 1971.

⁴⁴ Р. Ангелова, Театър в живота, «Театър», 1956, № 4.

и Р. Кацаровой⁴⁵. Р. Ангелова рассматривает разнообразные театрализованные действия и игры, встречающиеся в быту болгар. Р. Кацарова говорит о кукольном театре. У болгар по сравнению с чехами и рядом других европейских народов кукольный театр развит слабо, однако у них встречаются почти все виды театральных кукол. Чаще всего это домашняя забава, но есть и ритуальные куклы, употребляемые при обрядах «лазаруване» и вызове дождя. Р. Кацарова детально рассматривает способы изготовления и вождения кукол и приводит песни, сопровождающие кукольные представления. Работы о народном театре расширяют представления о болгарском фольклоре, раскрывают его новые виды.

Интересное исследование детского фольклора начали Цв. Романска и Г. Веселинов⁴⁶. Детский фольклор вообще слабо изучен, и тем большее значение имеет его классификация, предложенная авторами. Они делят его на следующие группы (отмечая при этом, кто исполняет данный жанр — взрослые или дети): 1) колыбельные песни; 2) забавы и речитативы для самых маленьких, исполняемые чаще взрослыми; 3) детские заклинания солнца, дождя и прочее; 4) дразнилки и насмешки; 5) песни и приговоры, сопровождающие различные работы и действия; 6) загадки; 7) считалки; 8) песни, сопровождающие игры; 9) детские праздничные обрядовые песни; 10) скороговорки и каламбуры; 11) песни о животных. Авторы подчеркивают общность детского фольклора у всех славянских народов, что, по их мнению, свидетельствует о его большой древности. Подробно рассматриваются в исследовании колыбельные песни — их тематика, мотивы, поэтические особенности, их распространение.

Таким образом, в орбиту внимания болгарских фольклористов вовлечены все (в разной, конечно, степени) жанры народной поэзии, в том числе и те, которые раньше не были известны.

Основное внимание болгарских фольклористов, естественно, обращено на фольклор своего народа, но они изучают и устную поэзию разных национальных групп, проживающих в Болгарии⁴⁷. Особо следует отметить фундаментальное исследование Цв. Романской, посвященное этнографии и фольклору русских казаков-некрасовцев, проживающих в Болгарии в с. Казашко⁴⁸ (село было основано в 1901 г. некрасовцами, переселившимися сюда из Добруджи). Изучается также и фольклор болгар, проживающих в других странах⁴⁹. Такие работы дают возможность выяснить, как сохраняется и развивается фольклор у национальных групп, оказавшихся в инонациональном окружении, каковы его взаимоотношения с фольклором окружающего населения.

Значительное место в болгарских фольклорных студиях занимает славянский фольклор, прежде всего народов Югославии. Он привлекается, как то можно видеть из данного обзора, в сравнительно-историческом плане, при исследовании разных жанров, так как болгарские ученые исходят из правильной предпосылки о тесных генетических и историко-культурных связях устно-поэтического творчества южнославянских народов. Такие исследования позволяют выявить общеславянскую общность и национальное своеобразие фольклора каждого народа и помогают разрешить такие сложные вопросы, как генезис отдельных жанров и их дальнейшее развитие. Исследуются также связи с восточнославян-

⁴⁵ Р. Кацарова, Народен куклен театър, ИЕМ, т. 6, 1963.

⁴⁶ Цв. Романска и Г. Веселинов, Към проучването на българските детски фольклор. Приспивни песни, ИЕИМ, т. 7, 1964.

⁴⁷ Например, Е. Боев, Х. Мемова, Родопски турски народни приказки, София, 1963; О. Сараджева, Една българска песен на одринските гагаузы, «Език и литература», 1968, № 2, и др.

⁴⁸ Цв. Романска, Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско, «Годишник на Софийския университет. Филологически факултет», т. LIII, 2, 1959; ее же, Някои етнографски особености на с. Казашко, сб. «Романски...».

⁴⁹ Н. Кауфман, Песните на малоазийските българи, ИИМ, кн. 9, 1963; Ст. Джуджев, Елена В. Янкова и песните на бесарабските българи, ИИМ, т. 1, 1952, и др.

ским фольклором и влияние русского фольклора на болгарский (в частности, на песни о войне с турками, на партизанские и современные песни). Как самостоятельная дисциплина славянский фольклор включен в учебный план филологического факультета Софийского университета⁵⁰, где развернулась и исследовательская работа в этой области, возглавлявшаяся проф. Цв. Романской.

Все расширяющееся и углубляющееся изучение конкретного материала заставляет болгарских фольклористов разрабатывать и теорию фольклора. Как отмечалось, важные теоретические проблемы ставятся и решаются при изучении отдельных жанров. Появляются и работы, в которых рассматриваются такие общие проблемы, как сущность фольклора, его отношение к действительности и способы ее художественного изображения в разных жанрах; традиция и новаторство, отвлеченные понятия в фольклоре и др.⁵¹ Но пока это только начало разработки важных теоретических проблем.

Единственное же обобщающее исследование по болгарскому фольклору — не раз упоминавшийся труд П. Динеева «Български фолклор» (остающийся незавершенным, вторая часть еще не опубликована), имеющий основополагающее значение для дальнейшей разработки важнейших проблем фольклористики. В нем с историко-материалистических позиций говорится о происхождении, сущности и значении фольклора, рассматривается историческое развитие болгарского фольклора и его песенные виды.

Дальнейшая разработка историографии идет по линии детального изучения, с привлечением новых материалов, деятельности наиболее выдающихся собирателей и исследователей болгарского фольклора. В работах, посвященных Л. Каравелову, К. Шапкареву, братьям Миладиновым, М. Арnaudову и др.⁵², определяется их место и значение в развитии науки и пересматриваются некоторые установленные представления.

В разных аспектах изучаются взаимосвязь устного поэтического творчества и литературы, влияние литературы на фольклор, судьбы отдельных литературных произведений в устной традиции, роль фольклора в становлении и развитии письменной литературы на разных этапах ее развития, фольклор в творчестве различных поэтов и писателей⁵³.

---

⁵⁰ Изданы и специальные хрестоматии: Цв. Романска, Славянски фолклор. Очерки и образци, София, 1963; С. Русакчиев, Русский фолклор, 2-е изд., София, 1962.

⁵¹ Например: Цв. Тодоров, Същност на фолклорното произведение, «Език и литература», 1961, № 6; Ст. Стойкова, Отражението на действителността във фолклора, «Език и литература», 1967, № 1; В. Шаренков, Конкретизация на абстрактното във фолклора, сб. «Романски...»; Цв. Романска, Думите добро и зло и други близки до тях по значение думи в българското народно-поетично творчество, «Сборник в чест на 95-годишнината на проф. Ал. Т. Балан», София, 1955; ее же, Наименования на отвлечени понятия в произведенията на българското и македонското народно-поетично творчество, ИЕИМ, т. 2, 1955.

⁵² Например, Д. Лекоев, Интересът на Л. Каравелов към фолклора и етнографията на славянските народи, «Славянска филология», т. V, 1963; П. Динеев, Делото на Димитър и Константин Миладинови, София, 1961; Н. Табаков, Братя Миладинови (биографичен очерк), София, 1963; Цв. Романска, Марин Дринов като етнограф и фолклорист, сб. «Изследвания в чест на Марин С. Дринов», София, 1960; очерк П. Динеева о К. Шапкареве, см. П. Динеев, Собр. соч., т. 1, София, 1967; Ив. Абаджиева, Сравнителният метод във фолклорните изследвания на проф. Иван Д. Шишманов, ИЕИМ, т. IV, 1961.

⁵³ Этой проблеме посвящен специальный сборник «Фолклор и литература. Изследования и статьи», София, 1968. См. также: Хр. Вакарелски, Христо Ботев в българското народно творчество, Сб. «Христо Ботев», София, 1949; Ив. Бурин, Ботев и народният поетичен гений, София, 1954; Ст. Стойкова, Литература и фолклор. Един случай на литературно проникване във фолклор, сб. «Романски...»; Д. Петканова-Тотева, Към въпроса за връзките на фолклора с богомилство, «Известия на Института за литература», 1958; ее же, Апокрифна литература и фолклор, «Език и литература», 1960, № 2, и др.

В теоретическом плане эта проблема разработана П. Диневым⁵⁴.

В небольшой статье невозможно не только детально охарактеризовать, но даже перечислить все сколько-нибудь значительные публикации и исследования болгарских фольклористов; целью ее было показать основные направления и проблематику, над которой они работают. Не упоминались мною популярные сборники разного рода песен, каких издано немало, и научно-популярные книги и статьи, пропагандирующие болгарское устное поэтическое творчество, показывающие его богатство в значении, характеризующие его особенности⁵⁵.

Однако и из данного краткого обзора можно видеть, какая большая собирательская и исследовательская работа ведется болгарскими фольклористами, насколько разнообразна, важна и актуальна разрабатываемая ими проблематика.

Особенно много сделано по изучению современного состояния фольклора. Сильно продвинулось изучение ряда песенных жанров, колоссальная работа, имеющая большое принципиальное значение, проведена по исследованию юнацкого эпоса. Разумеется, изучить все фольклорные жанры с одинаковой полнотой сразу невозможно; болгарские ученые хорошо видят имеющиеся пробелы и по мере возможности заполняют их. Своими важными задачами болгарские фольклористы справедливо считают учет всего материала, систематизацию и каталогизацию всех жанров, составление полной библиографии болгарской фольклористики, уточнение терминологии. Эти задачи, как справедливо подчеркнул П. Динев в заключительном слове на Симпозиуме фольклористов 1970 г., могут быть выполнены, если фольклор будет изучаться комплексно при сотрудничестве разных учреждений и научных обществ.

CONTEMPORARY BULGARIAN FOLKLORE RESEARCH

A general survey is given of recent (since 1950) works by Bulgarian folklore students; the main problems in which research is being carried out are highlighted. Among them are: the specific features and the history of individual genres (such as the epic); the characteristics, development trends and role of present-day people's poetry; international relations of Bulgarian folklore, its kinship with the folklore of other South Slavic peoples; the interrelationship between folklore and literature, etc. A positive feature of Bulgarian folklore research is the integrated study of folklore in its relation to the history and life of the people, their music, etc., as well as the close co-operation of research with practical collection work in the field.

---

⁵⁴ П. Динев, Фолклор и литература, сб. «Фолклор и литература», София, 1968; е го же, Из историята на българската литература, София, 1969; е го же, Хаидушките народни песни в развитието на българската литература, там же.

⁵⁵ Например, Р. Кацарова, Е. Огнянова, Богатството на народната песен, София, 1963; Цв. Романска, Българската народна песен, София, 1965.

И. Р. Григулевич

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ЕСТЬ ЛИ У НЕЕ БУДУЩЕЕ!

Антропология выживет в изменяющемся мире, если она позволит себе погибнуть ради того, чтобы возродиться в новом обличье.

Клод Леви-Стросс

Этнографической науке явно не повезло с названием. В отличие от других гуманитарных наук этнография в разных странах называется по-разному, а ее объект и предмет все еще вызывают оживленные споры и разноречивые суждения среди специалистов¹.

В Соединенных Штатах укоренился термин «культурная антропология», в Англии — «социальная антропология»². В последние годы термин «социальная антропология» все больше завоевывает себе сторонников как в США, так и в странах Западной Европы. Исходя из этого, и мы будем употреблять этот термин для обозначения западной этнографической науки.

Если представители других наук, по образному выражению американского антрополога К. Клакхона, видели в антропологе (здесь и дальше речь идет о социальном антропологе) «грабителя могильников, коллекционера индейских стрел, обитающего среди грязных каннибалов»³, то сами антропологи о себе более высокого мнения. Они считают свою науку высшей философией, которая призвана объяснить, почему мир, в котором мы живем, является таким, какой он есть⁴.

По словам К. Леви-Стросса, в «англосаксонских странах антропология стремится к глобальному познанию человека и изучает его во всей его географической и исторической пространственности, стремится к познанию, которое может быть применено к всеобщему развитию человека от гоминидов до современных народов, и ведет к выводам — положительным или отрицательным, но соответствующим всем человеческим обществам, от большого современного города до меланезийского племени»⁵.

¹ История этого вопроса и точка зрения советских ученых изложены в книге: Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, М., 1973, стр. 178—213.

² Критику культурной/социальной антропологии советскими учеными см.: сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951; сб. «Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции», М., 1963; Ю. П. Аверкиева, *Этнография и культурная/социальная антропология на Западе*, «Сов. этнография», 1971, № 5; е е же, *Этнография США и неоколониализм*, «Новая и новейшая история», 1972, № 5; е е же, *Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада*, «Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки», М., 1973.

³ C. Kluckhohn, *Antropología*, México, 1949, p. 20.

⁴ M. J. Herskovits, *El Hombre y sus obras*, México, 1964, p. 9.

⁵ C. Lévi-Strauss, *Antropología estructural*, La Habana, 1970, p. 319.

Эти притязания антропологов на свое собственное философское осмысление и видение человека и общества оказались, как увидит читатель, весьма преувеличенными, хотя и способствовали успеху социальной антропологии в кругах «истеблишмента», которые нашли применение как самой антропологии, так и философскому антропологизму.

Именно поддержкой «истеблишмента» объясняется, почему социальная антропология стала после второй мировой войны быстро растущей, «модной», «нужной» наукой. Особенной популярностью она пользуется в США. За послевоенные годы число членов Американской антропологической ассоциации (объединяющей ученых-специалистов в области физической и социальной антропологии) увеличилось в пять раз и достигло нескольких тысяч чел. Утверждают, что это превышает число ученых этой специальности во всех других странах мира, вместе взятых.

В послевоенные годы во всех крупных университетах США возникли кафедры социальной антропологии, начало выходить около десяти специализированных журналов, посвященных этой науке, в том числе такой авторитетный журнал, как «*Current Anthropology*», который по существу является международным органом ученых этого профиля.

Многочисленные частные фонды, которыми так изобилуют США, щедро финансируют исследования социальных антропологов во всех уголках земного шара и способствуют их публикации. Услугами антропологов пользуются сегодня Пентагон, Госдепартамент, ЦРУ и другие службы и ведомства правительства США. Все чаще обращаются к их услугам и крупные компании, действующие в странах «третьего мира».

Социальная антропология давно уже вышла за традиционные рамки науки о бесписьменных народах. Современная социальная антропология занимается политическими и экономическими структурами, маргинальными слоями, крестьянским и городским бытом и не только «отсталых» народов, но и высокоразвитых капиталистических обществ.

Однако этот бурный рост, этот успех имеет и свою изнанку, свои издержки. Вот уже несколько лет, как многие антропологи утверждают, что их наука находится в кризисном состоянии. Об этом говорят заголовки докладов и статей. Так, К. Леви-Стросс опубликовал статью под названием «Кризис современной антропологии»⁶, антрополог П. Уорсли назвал свой доклад на VI Международном конгрессе социологов в 1966 г. «Конец антропологии», Д. Д. Берремон выступил в 1968 г. в «*Current Anthropology*» со статьей «Жива ли антропология?». Таких примеров много.

Речь идет не о том, что в США нет спроса на социальных антропологов или падает интерес к их исследованиям. Наоборот, как мы уже отмечали, в этом отношении все обстоит благополучнее, чем когда-либо в прошлом. Кризис касается идеологических аспектов социальной антропологии. Предметом споров стало отношение антропологов к судьбе исследуемых ими «объектов», к империализму, «истеблишменту», революционным процессам. Антропологи все чаще задают себе вопрос: чьи интересы они защищают — угнетаемых или угнетателей, эксплуатируемых или эксплуататоров; с кем они — с силами социального прогресса и мира или со сторонниками агрессии, холодной войны, антикоммунизма, неоколониализма?

Эти вопросы в последние годы широко дебатуются на конгрессах, симпозиумах и страницах специализированных журналов, в частности в журнале «*Current Anthropology*».

Видное место в этих спорах занимает вопрос об отношении антропологов к колониализму и вопрос, касающийся сотрудничества с властями, ведущими неоколониалистскую, империалистическую политику.

⁶ C. Lévi-Strauss, La crise de l'anthropologie moderne, «Le Courrier UNESCO», Paris, 1961, № 11. В русском издании журнала статья озаглавлена менее драматично: «Пути развития этнографии», «Курьер ЮНЕСКО», 1961, ноябрь, стр. 12.

Хотя в американской литературе антрополог иногда изображается как некий безобидный чудак со странностями (по словам С. Такса, «нечто среднее между Эйнштейном, занимающимся изучением тайн природы, и артистом варьете»⁷), в действительности он являлся «полезным» винтиком в машине национального и колониального гнета.

К. Клакхон указывает, что знания антропологов о «примитивных» народах были использованы колонизаторами Англии, Португалии, Голландии, Франции. В Голландии колониальные чиновники, направлявшиеся в Ост-Индию (Индонезию), проходили специальный курс антропологических наук. Во Франции антропология преподавалась в Школе колониальных наук В Англии антропология превратилась чуть ли не в «научную» систему колониального угнетения. Антропологи служили как в Департаменте туземных дел в Лондоне, так и в колониальной администрации на местах, в особенности в африканских колониях и в Индии. Английские колонизаторы широко использовали в своих интересах функционалистскую школу в антропологии, создателем которой был Б. Малиновский⁸.

Сам Малиновский считал, что задача антрополога заключается не в том, чтобы выяснить историю происхождения тех или иных институтов, а чтобы показать их значение в данном обществе и показать это с определенной целью, не ради большей точности описания, но чтобы научить колониальные власти и предпринимателей, имеющих дело с этим народом, как нужно обращаться с ним для более удобного достижения своих целей⁹.

Некоторые английские антропологи очень гордились своей причастностью к колониальному угнетению. Например, небезызвестный С. Ф. Нагель, проводивший антропологические исследования в Нигерии и Судане по поручению английского колониального департамента и занимавший во время второй мировой войны пост секретаря по туземным делам в британской военной администрации в Эритрее, писал в одной из своих работ в 1942 г.: «Утверждается, что современной антропологии суждено оказывать большую помощь колониальным властям, снабжая их знаниями о социальной структуре туземных групп, на основе чего должна создаваться здоровая и гармоничная туземная администрация, как это предусмотрено системой косвенного управления. Разрешите мне сказать, что я принадлежу к числу тех, кто твердо убежден в возможности такого сотрудничества между антропологами и [колониальными] чиновниками»¹⁰.

Английские антропологи занимали ответственные посты в Форин оффисе, Адмиралтействе, Службе информации, Службе по изучению социальных аспектов войны, а также на фронтах войны. Широко использовались антропологи на Среднем Востоке; антропологом был администратор Англо-Египетского Судана, ответственный за установление связей с «туземцами» Кении и Абиссинии. Антрополог У. Г. Боуер стала известной как «Лоуренс второй мировой войны». Она сумела заручиться доверием племени земи, живущего на территории между Ассамом и Бирмой, и поднять его на борьбу с японцами¹¹.

С такой же откровенностью высказывался и английский антрополог Дж. Б. С. Холдэн. В статье, опубликованной в 1956 г. в «Journal of the

⁷ С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 20.

⁸ Там же, стр. 182—186.

⁹ См.: сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951, стр. 53.

¹⁰ См. J. Foris, Pax Britannica and the Sudan: S. F. Nagel, в кн. Tolal Asad (ed.), Anthropology and the Colonial encounter, London, 1974, p. 155. В этой же книге имеются и другие фактические материалы, свидетельствующие об использовании британскими колонизаторами антропологов и их исследований в целях порабощения и эксплуатации туземных народов.

¹¹ С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 187.

Royal Anthropological Institute», он заявлял: «Современная культурная антропология — это побочный продукт колониализма. Она состоит из работ людей почти исключительно европейского происхождения о поведении членов других культурных групп, над которыми они господствовали главным образом вследствие большей эффективности их оружия»¹².

В США правящие круги также использовали в своих интересах эту науку. Антропологи служили в Бюро по делам индейцев при Министерстве внутренних дел США, в Комиссии по рассмотрению исков индейцев. Антропологи принимали участие в колониальном управлении так называемыми «подопечными территориями» США в районе Тихого океана, причем в их обязанности входило: 1) давать рекомендации администрации при проведении в жизнь ее мероприятий и при разрешении возникающих в связи с этим проблем; 2) оценивать успешность и эффективность этих мероприятий; 3) определять исследовательские проблемы, представляющие теоретический интерес для антропологов и практическое значение для администрации¹³.

Еще до первой мировой войны антропологию стали преподавать в Школе для аспирантов по делам управления при Гарвардском университете. Предполагалось, что она вооружит будущих капитанов промышленности средствами, позволяющими избегать классовых конфликтов, налаживать «человеческие отношения» между капиталистами и рабочими. С этой же целью в 1914 г. было организовано Общество прикладной этнографии, начавшее выпускать журнал «Applied Anthropology».

Антропологи преподают в Институте иностранной службы Государственного департамента и в других специализированных учебных заведениях, готовящих кадры для зарубежной работы. Особенно укрепились связи антропологов с «истеблишментом» в годы второй мировой войны.

В солидном учебнике Р. Билса и Г. Хойджера «Введение в антропологию» (первое издание вышло в 1953 г., и с тех пор неоднократно эта работа переиздавалась) на первой же странице в главе «Содержание и предмет антропологии» авторы с гордостью сообщают: «Во время второй мировой войны почти во всех сражениях использовались антропологи и данные, представленные ими. С 1942 г. антропологи принимали участие в подготовке оккупационных военно-морских сил. Некоторое время спустя в колледжах и университетах США антропологи — знатоки языков и обычаев Азии, Африки и южной части Тихого океана — играли ведущую роль в специализированной подготовке особых военных частей, принимавших участие в военных действиях на различных фронтах. Одновременно антропологи, работавшие в разных «медвежьих уголках» земного шара, внесли огромный вклад в деятельность военной информационной службы, Бюро стратегических служб, Совета экономической войны, армейской и флотской разведок и других правительственных служб»¹⁴.

В США, кроме того, антропологов использовали в качестве советников по таким вопросам, как моральное состояние американской армии, расовые отношения в промышленности, психологическая война, вопросы пропаганды. В частности, антропологи резко возражали против отмены

¹² Цит. по «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, p. 398.

¹³ G. McGregor, Anthropology in government: United States, в кн. «Yearbook of Anthropology», N. Y., 1955, p. 421—432 (русс. перевод: Г. Мак-Грегор, Этнография в правительственных учреждениях, «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 4, стр. 75—85. См. комментарий к этой статье: Ю. П. Аверкиева, Службное значение этнографии в США, там же, стр. 67—74).

¹⁴ R. L. Beals, H. Hoijer, Introducción a la antropología, México, 1960, p. 3. Впрочем, антропологи использовались в разведывательных целях и в первую мировую войну (см. F. Voas, Scientists as spies, «The Nation», 1919, № 109, p. 797).

императорской власти в Японии, доказывая, что ее сохранение и подчинение американским оккупационным войскам позволит последним более успешно выполнить свои задачи¹⁵.

Как уже отмечалось, «послевоенный антропологический взрыв» в США объясняется главным образом возросшим использованием антропологов правительственными службами, а именно Пентагоном, ЦРУ и Государственным департаментом, щедро оплачивающими их профессиональные услуги, а также выделением крупных средств рокфеллеровским, фордовским и многими другими «фондами» для антропологических исследований во всех уголках земного шара, не исключая самих США¹⁶. Без такого финансирования не появилось бы на свет подавляющее большинство антропологических исследований, да и не выходили бы антропологические журналы, в том числе и «Current Anthropology», издающийся благодаря щедрости фонда Веннер Грена. Едва ли фонды столь щедро тратили бы свои средства на антропологические исследования, если бы они не приносили определенную и вполне конкретную пользу правящим кругам Соединенных Штатов.

Хорошо известно, что германские нацисты и итальянские фашисты тоже активно использовали антропологов с целью «научно» обосновать свои изуверские расистские измышления.

Известный идеолог американской антропологии М. Херсковиц по поводу этих фактов только разводил руками: что, мол, поделаешь, антропология не единственная наука, которую использовали в целях угнетения или оглушения правящие классы. Честные антропологи, дескать, всегда протестовали против такого использования их науки¹⁷. Однако это не меняет того факта, что в целом фактические данные антропологической науки, как и услуги многих антропологов, использовались колонизаторами и власть имущими в их классовых интересах. Именно этот факт и лежит в основе современного кризиса западной антропологии.

Ведь не случайно по мере возникновения независимых государств и роста национально-освободительного движения в «третьем мире» росла и самокритичность антропологов.

Уже в статье К. Леви-Стросса, опубликованной в «Курьере ЮНЕСКО» в 1961 г., автор отмечал, что к западным антропологам в «третьем мире» общественность относится враждебно по психологическим и этическим причинам¹⁸.

К. Леви-Стросс заявлял, что если антропология желает выжить в условиях этой коллизии с «третьим миром», она «должна изменить саму свою сущность, должна признать, что из логических и моральных соображений почти невозможно продолжать рассматривать общества только как объекты изучения (выделено К. Л.-С.), которые кое-что из ученых хотел бы сохранить. Теперь эти общества стали коллективными субъектами (выделено К. Л.-С.) и требуют прав на нужные им перемены»¹⁹.

Более обстоятельно эти же вопросы были затронуты в статье известного бельгийского антрополога Ж. Ж. Макэ, опубликованной в «Current Anthropology» в 1964 г.

Макэ писал, что до первой мировой войны, согласно писаниям этнологов, у «дикарей» «были странные, если не отвратительные обычаи, они

¹⁵ С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 188—190.

¹⁶ После второй мировой войны антропологов стали использовать крупные капиталистические компании для изучения социальных конфликтов. Возникшая таким образом «индустриальная антропология», как отмечает Клякхон, пытается к капиталистическому обществу приложить методику и методологию, выработанные в полевых условиях в колониях и использованные в прошлом колониальной администрацией (см. С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 205, 206).

¹⁷ М. J. Hershkovits, Указ. раб., стр. 709, 710.

¹⁸ «Курьер ЮНЕСКО», 1961, ноябрь, стр. 16.

¹⁹ Там же, стр. 17.

жили в дологическом мире нелепых предрассудков, их странное поведение, подчиненное инстинктивным импульсам, объяснялось только теорией расовой неполноценности и что, следовательно, их образ жизни был также неполноценным по отношению к цивилизованным европейцам... Колониальная экспансия требовала определенного представления о бесписьменных народах, приемлемого для западного общественного мнения. На более рафинированном уровне этнология поддерживала такие представления»²⁰.

Между двумя мировыми войнами, когда господствовавшие в Африке колонизаторы стремились укрепить свою власть, опираясь на местную феодальную и родо-племенную верхушку, в этом им помогали антропологи. В своих исследованиях по аккультурации они показывали вредность западного влияния на общество и культуру Африки. Высказываясь за сохранение туземных традиций, антропологи тем самым выступали в поддержку колониализма, ибо, как отмечает Макэ, защищаемая ими «консервативная сила традиции представляла меньшую опасность колониальному господству, чем прогрессивные силы, порождаемые промышленным развитием, торговыми городами, средними и высшими учебными заведениями»²¹.

По мнению Ж. Макэ, в колониальный период большинство антропологических исследований, часто невольно и бессознательно, носило «консервативный» характер.

Критические высказывания Макэ встретили широкий отклик среди антропологов. Не отрицал связи антропологии с колониализмом и Леви-Стросс. В статье, также опубликованной в «Current Anthropology» в 1968 г., апостол структурализма Леви-Стросс признавал, что социальная антропология «развивалась на фоне исторического процесса, одной из особенностей которого являлось подчинение большинства человечества его меньшинству и во время которого миллионы ни в чем не повинных человеческих существ подвергались истреблению, ограблению, порабощению и заражению болезнями, от которых не могли защититься, а институты и верования этих людей подвергались уничтожению...

Антропология — дитя этой эры насилия»²².

Антропология, по мнению К. Леви-Стросса, представляет собой науку о культурах, как они видны «извне», и первая задача народов, в которых пробуждается сознание их независимого существования и своеобразия, — это требовать себе право наблюдать свои культуры «изнутри». Тогда антропология потеряла бы свои специфические черты и превратилась в нечто подобное археологии, истории и филологии.

Народам развивающихся стран, в частности их интеллигенции, народам, которые числились на протяжении десятилетий в реестрах антропологов как «примитивные», «отсталые», «варварские», вовсе не нравится, чтобы их изучали «извне» подобно тому, как натуралист изучает насекомых. Боливийский ученый К. Альба с возмущением говорит о присущем его североамериканским коллегам чувству превосходства по отношению к объектам своего исследования. Он предлагает именовать этих ученых не этнографами, а «энтомографами»²³.

Антрополог К. Гоуф в статье «Новые предложения для антропологов», опубликованной на страницах все той же «Current Anthropology» в 1968 г., весьма категорично заявляла, что «антропология — это дитя западного империализма. Она уходит корнями в гуманистическое мировоззрение эпохи Просвещения, но как университетская дисциплина и

²⁰ J. J. Maquet, Objectivity in Anthropology, «Current Anthropology», 1964, vol. 5, № 1, p. 50.

²¹ Там же, стр. 49.

²² C. Lévi-Strauss, Anthropology. Its achievements and future, «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 7, p. 126.

²³ «Current Anthropology», 1973, vol. 14, № 5, p. 291 («энтомограф» — по аналогии с «энтомолог» — ученый, занимающийся исследованием насекомых).

современная наука со своими собственными задачами появляется в конце XIX — начале XX в. Это был период, когда западные страны предпринимали последний бросок для подчинения допромышленного незападного мира их политическому и экономическому контролю»²⁴.

Колонизаторов тогда сопровождали миссионеры и антропологи. И те и другие пользовались покровительством первых. И те и другие не знали забот, пока великие державы сохраняли свои позиции в колониях. Теперь же положение коренным образом изменилось, антропологи начинают испытывать трудности, отмечает К. Гоуф. С одной стороны, часть «третьего мира» находится в восстании, в основном против Соединенных Штатов как самой сильной и самой контрреволюционной из западных держав. Война во Вьетнаме, несомненно, обострила до предела чувство возмущения против империалистов. «С другой стороны,— пишет К. Гоуф,— антропологи все в большей степени подвергаются как ограничениям и политическому контролю, так и различным соблазнам со стороны американского правительства и подчиненных ему агентств. Возникает вопрос: что делать антропологу, зависящему от контрреволюционного правительства, во все более революционном мире? Проблема еще более усложнилась с выходом на арену четвертого и самого голосистого сословия — студентов, которые в прошлом мирно «питались» знаниями, а теперь, переживая свои собственные кризисные явления, задают неприятные вопросы об этике, сопричастности и конечных целях антропологической науки»²⁵.

Большинство послевоенных исследований, принадлежащих американским антропологам, указывает К. Гоуф, исходит из ошибочных или сомнительных установок и теорий и встречает все большее осуждение со стороны обществоведов развивающихся стран. В частности, в этих трудах утверждается, что экономическая отсталость может быть объяснена бытующей у туземного населения системой ценностей и его психологическими особенностями; что желательнее избежать быстрых «разрушительных» перемен; что антрополог не может занять оценочную позицию, противную официальной политике его страны; что причинность (нищеты, отсталости и т. п.) всегда многообразна; что местная община — подходящая единица для осуществления программ развития; что основной процесс развития происходит через «диффузию» из индустриального центра; что революция якобы не является единственным практическим путем, ведущим к экономическому благосостоянию»²⁶.

Другой американский антрополог, Д. Джонс, отмечает, что, хотя, по его мнению, большинство антропологов не является борцами против коммунизма и придерживается либеральных взглядов, все же нельзя игнорировать тот факт, что результаты их исследований «используются в целях угнетения определенных общественных групп. Судя по всему, в этом заключалась традиционная роль антрополога»²⁷.

Прошло два с половиной года, и эти вопросы вновь стали предметом обсуждения в статье Д. Льюис, озаглавленной «Антропология и колониализм»²⁸. Симптомы кризиса в антропологической науке, пишет автор, проявляются как в полевой работе, так и в университетской аудитории. Все более растет отчуждение между антропологами и небелыми народами, изучением которых они традиционно занимались. Начинаящий полевой исследователь, к примеру, может не получить разрешения

²⁴ K. Gough, New proposal for anthropologists, «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, p. 403.

²⁵ Там же, стр. 405.

²⁶ Там же, стр. 406.

²⁷ D. J. Jones, Social responsibility and the belief in basic research: an example from Thailand, «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 3, p. 349.

²⁸ D. Lewis, Anthropology and colonialism, «Current Anthropology», 1973, vol. 14, № 5, p. 571—591.

правительства соответствующей страны на въезд или столкнуться с враждебным отношением со стороны местной интеллигенции. Часто он встречает сопротивление со стороны групп, которые намеревается изучать. Их преждее доброжелательное отношение к нему сменилось откровенным недоверием и подозрительностью. Когда же полевой работник возвращается домой писать и читать лекций о народе, который он изучал, представители последнего все чаще оспаривают достоверность результатов его исследования.

Традиционный синдром антрополога, сложившийся в результате того, что он играл роль колонизатора, постороннего (outsider) и «объективно» наблюдателя, соответствовал эпохе, уходящей в прошлое, пишет Льюис. Теперь западный колониализм, основанный на «белом превосходстве», находится под ударами революционных освободительных войн и революционных форм мышления. В новых условиях народы Азии, Африки и Латинской Америки, а также этнические меньшинства в Северной Америке постоянно подвергают сомнению добросовестность антрополога, заставляя его критически оценивать себя и пересматривать установки, которые до недавнего времени считались им незыблемыми.

Неприятности, встречающие антрополога «извне», отмечает Д. Льюис, дополняются «изнутри». В Соединенных Штатах начиная с 1960-х годов все больше подчеркивается неспособность антропологов правильно оценивать характер и значение революционных перемен, происходящих в «третьем мире», и извлечь из этого соответствующие уроки для своей науки.

Причины такой «близорукости» Д. Льюис видит в том, что в прошлом колониализм диктовал отношения между антропологами и незападными народами. Полевые исследования были одной из многих привилегий антропологов, которыми они пользовались как члены господствующей группы. Их работа велась в интересах колонизаторов.

Д. Льюис считает, что антропологи, хотя в своем большинстве и не испытывали симпатий к колониальной системе; своими трудами объективно играли ей на руку. В данном случае сказывались идеологическая ограниченность, теоретическая неполноценность и методологическая порочность их установок²⁹. Главный изъян их работ, порождавший все прочие, заключался в отсутствии классового подхода к изучению общественных явлений, что не позволило им понять подлинную природу колониализма и империализма, их историческую обреченность. Отсюда и свойственное антропологам пренебрежение марксистом, методологические установки которого дали бы им ключ к раскрытию движущих сил исторического процесса, позволили бы уяснить закономерности социальных явлений.

Когда антрополог, отмечает Д. Льюис, связывал идеализацию примитивной культуры с понятием культурного детерминизма, его отношение к исследуемому народу становилось патерналистским и двуличным. Характерные черты примитивной жизни, которые антрополог романтизирует и стремится увековечить, отвергаются им для его собственной культуры. Он с энтузиазмом описывает высокоинтегрированную жизнь «примитивов», отсутствие «стресса» при ограниченной свободе выбора, однако он защищает для самого себя право самому принимать решения и делать выбор.

Антропологи, заключает автор, создали понятие «культура», которое в его аналитическом и теоретическом употреблении представляется опасным отражением точки зрения колониального расизма. И антрополог, и колонизатор — оба находят в культурной «уникальности» людей оправдание для увековечения существующего порядка вещей. Значение, которое придают антропологи понятию «культура», может помочь объяснить,

²⁹ D. Lewis, Указ. раб., стр. 291.

почему они столь некритически воспринимали колониальную систему, в рамках которой они действовали.

Нам представляется, что Льюис несколько смещает акценты, утверждая, что современное кризисное состояние социальной антропологии является следствием ее прошлых связей с колонизаторами и порожденного этим обстоятельством недоверия, с которым к представителям этой науки относятся власти и общественность развивающихся стран. Иначе говоря, современным антропологам приходится расплачиваться за старые грехи.

Как бы ни скомпрометировали себя в прошлом сотрудничеством с колонизаторами традиционные школы социальной антропологии, вряд ли общественность стран «третьего мира» и демократические движения индейцев, негров, чиканос и пуэрториканцев в США относились бы к ним с таким недоверием и даже враждебностью, если бы не их нынешняя связь с интересами «истеблишмента» и империализма.

Вот что по поводу этой связи пишет американский антрополог Д. Дж. Йоргенсен: «Хотя правительственные ведомства, в частности Министерство обороны США, в прошлом скептически относились к значению социальных наук, их заказы на социальные исследования постоянно растут. Они требуют информации в политических целях для того, чтобы решать текущие осложнения или предвидеть будущие и своевременно подготовиться к ним. Американские чиновники в зарубежных странах тоже, возможно, пожелают, чтобы антропологи доставали им информацию, которую они сами не в состоянии заполучить. Министерство юстиции, ФБР, местная полиция и другие им подобные органы внутренней безопасности могут потребовать от социальных антропологов и этнологов информацию, которая может быть использована в целях, расходящихся с целями исследователя»³⁰.

Антропологам следует быть готовыми к тому, что такая информация будет от них требоваться во все возрастающем объеме. Автор предупреждает, что добывание ее потребует от антрополога расширить использование специальной аппаратуры, такой, как потайные и направляемые микрофоны, миниатюрные магнитофоны, инфракрасная фотоаппаратура и тому подобные шпионские приспособления, которыми правительственные службы могут бесплатно или на льготных условиях снабжать антрополога и употребление которых ставит перед ним серьезные проблемы этического порядка. Более того, автор не исключает, что в недалеком будущем антрополог будет пользоваться невидимыми зеркалами, гипнозом, наркотиками, контролирующими поведение человека, зашифрованными анкетами и прочими преступными средствами в целях получения информации. В преступных целях могут быть использованы компьютеры»³¹.

Разумеется, далеко не все ученые выступают с критикой колониализма, требуют поддержать освободительное движение и разорвать пуповину, связывающую антропологов с «истеблишментом». Так, например, уже цитированный нами Р. Билс в своей работе «Политика социальных исследований. Вопросы этики и ответственности в социальных науках» возмущен, что среди американских ученых-обществоведов имеется «небольшая, но шумная» группа противников правительственной политики, подвергающих сомнению все мотивации властей. Некоторые из них вообще считают правительство преступным. Они отрицают возможность, что правительство или его политика могут в будущем в целом пользоваться поддержкой большинства населения или что на них может в положительном смысле оказать влияние общественное мнение или более

³⁰ J. G. Jorgensen, On ethics and anthropology, «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 3, p. 326.

³¹ Там же, стр. 326, 327.

совершенная информация. Некоторые даже сомневаются, следует ли публиковать результаты исследований, которыми может в аморальных целях воспользоваться свое собственное или какое-либо другое правительство. Эти «нигилисты» готовы тратить в неограниченном количестве правительственные средства на исследования, но отказываются от какого-либо сотрудничества с правительством.³²

Главный аргумент Билса заключается в том, что отказ ученых от сотрудничества с правительством приведет к захирению науки, якобы воспрепятствует достижению основной цели научных исследований — накоплению знаний для их конечного полезного использования.

Но что стоит за этими общими фразами, в чем существо спора между сторонниками и противниками сотрудничества с «истэблшментом»? Было бы действительно нелепо и смешно в XX в. требовать от антропологов замкнуться в некую «башню из слоновой кости», отказаться от сотрудничества с любым правительством, исходя из анархистского или «нигилистического» понимания его сути как воплощения «абсолютного зла». Правительство правительству рознь. Никто не станет отрицать желательность и даже необходимость сотрудничества зарубежных антропологов и ученых стран «третьего мира» с правительствами этих стран, за исключением расистских или «горилльских» режимов типа ЮАР или Гаити. В большинстве стран «третьего мира» не возникает проблема «несовместимости» целей и задач антропологов, стоящих, разумеется, на позициях антиколониализма местных правительств. Не возникает она и в Советском Союзе и других странах социалистического сотрудничества, где этнография отстаивает принцип равноправия, дружбы и взаимопомощи народов независимо от их численности и цвета кожи.

С другой стороны, с особой остротой вопрос о «совместимости» интересов антропологов и политики правительства возникает в США. К тому имеются совершенно конкретные причины. Их следует искать во внутренней и внешней политике правящих кругов этой страны. Что касается внутренней политики, то достаточно упомянуть «взрывчатое» положение среди таких групп американского населения, как негры, индейцы, чиканос, пуэрториканцы, являющиеся традиционными объектами исследований антропологов. Что дало этим группам сотрудничество антропологов и правительства? В целом ничего положительного. Если эти группы сегодня имеют несколько больше прав, чем в прошлом, то в этом заслуга не антропологов, а демократических, прогрессивных, революционных движений, представляющих интересы этих отверженных и борющихся за них. Следует ли удивляться, что у честных антропологов этот факт вызывает протест, приводит их к активной оппозиции против «истэблшмента», который они с полным основанием считают ответственным за бедственное положение их подопечных?

Перейдем теперь к вопросам внешней политики. Использование антропологов Пентагоном, ЦРУ и Государственным департаментом в многолетней агрессивной войне против вьетнамского народа и в целях подавления национально-освободительных движений в странах «третьего мира» вызвало протест и возмущение как в их собственной среде, так и в странах, ставших жертвами агрессивных действий американского империализма. Всем известны попытки Пентагона и ЦРУ использовать знания антропологов для борьбы с партизанским движением. Чтобы покончить с одним партизаном, нужно мобилизовать против него 10 солдат, утверждали ранее спецы Пентагона; теперь же они считают, что антропологи справятся с этой задачей лучше, чем солдаты, ибо ученые подскажут «мирные» и поэтому более эффективные и дешевые средства для оглушения отсталой туземной крестьянской мас-

³² R. L. Beals, *Politics of social research: an inquiry into the effectiveness and responsibilities of social science*, Chicago, 1969, p. 151.

сы, на которую опираются или рассчитывают опереться партизаны. Американские антропологи были привлечены к осуществлению проекта «Эйджил» (Agil) — широкого антиповстанческого обследования, которое активно проводилось в Боливии, Таиланде и других странах³³. По поручению Пентагона и ЦРУ они участвовали в создании скандальных «социологических» проектов «Камелот», «Симпатики» и им подобных, целью которых была выработка более действенных мер по борьбе с национально-освободительным движением. А разве не этой же цели служили мудреные «наиновейшие» антропологические теории, такие, как «культура нищеты» О. Льюиса, перекладывавшая ответственность за нищету социальных низов с власть имущих на самих обездоленных? Объективной наукой, да вообще наукой, здесь и не пахло. Антрополог, использующий свои знания в целях закабаления народов, уподобляется врачу, участвовавшему в преступных экспериментах в нацистских концлагерях или дающему советы охране, как «по-научному» попытаться допрашивать жертву.

Сказанное подтверждает марксистский тезис о партийности общественных наук, в их числе социальной антропологии. Беспартийных, надпартийных общественных наук в природе не бывает. Любая общественная система, теория, схема, модель, формула объективно носит классовый характер, служит определенным классовым интересам, независимо от субъективного желания ее автора или последователя. Пока антропология являлась хобби состоятельных джентльменов и увлечением одиночек, могло показаться, что она служит научной истине и только ей одной. Но по мере того как антропология превращалась в «законную» отрасль общественных наук, ее классовый характер проявлялся все заметнее и четче. Мы вовсе не считаем всех антропологов-немарксистов реакционерами и прислужниками империализма. Более того, мы полагаем, что и среди американских антропологов они составляют меньшинство. Об этом, в частности, свидетельствуют комментируемые нами статьи в «Current Anthropology». Большинство членов Американской ассоциации антропологов в свое время осудило вьетнамскую войну, многие антропологи осудили проекты типа «Камелот», отвергли «культуру нищеты» О. Льюиса³⁴.

Но именно наличие этих взаимоисключающих тенденций и направлений в антропологии подтверждает тезис о классовом характере этой науки.

Д. Льюис считает, что для превращения антропологии в «полезную науку» необходимо радикальным образом изменить ее социальные установки, методологию и цели. Антропологи должны учитывать мнения и интересы исследуемых ими групп и народностей. Действительно они должны воспринимать многопланово. Понятие единственно верного, объективного знания должно уступить место «перспективному» знанию, которое не претендовало бы на познание целого и рассматривало действительность с особенной, «экзистенциалистической» позиции, занимаемой наблюдателем. Скажем прямо, эти и другие высказывания автора, касающиеся новых методологических основ антропологии, не совсем ясны и требуют еще, как у нас принято говорить, дальнейшей доработки и уточнений.

Более четко автор формулирует свою мысль, когда выдвигает идею создания «активистской антропологии». Льюис заявляет: «Если антро-

³³ См. «Current Anthropology», 1968, vol. 5, № 5, p. 427; Там же, 1973, vol. 14, № 5, p. 567, 568.

³⁴ См. J. L. Horowitz (ed.), The rise and fall of Project Camelot: studies in relationship between social sciences and practical politics, Cambridge, 1967; Ch. Valentine, Culture and poverty. Critique and counter proposals, Chicago, 1968; E. Leacock (ed.), The «culture of poverty», N. Y., 1971; «Anthropology and world affairs as seen by USA associates», «Current Anthropology», 1964, vol. 5, № 5.

пология желает соответствовать действительным нуждам и интересам народов, изучаемых ею, а не личным и профессиональным интересам дисциплины и ее представителей, она должна стать на определенном уровне откровенно (выделено Д. Л.) активистской и ангажированной наукой, порождающей социальных ученых — сторонников радикальных перемен»³⁵.

Автор просит не смешивать «активистскую» антропологию с традиционной прикладной антропологией, представители которой известны в странах «третьего мира» как самые откровенные поборники колониальной и неоколониальной систем³⁶.

По мнению автора понятия «активистская антропология», следует учесть положительный опыт европейских антропологов, работающих на материале своих собственных стран, и представителей «туземной» антропологии, а точнее, местных антропологов стран «третьего мира». И те и другие действуют более «независимо» от эксплуататорских интересов и поэтому в большей степени заинтересованы приносить реальную пользу своим народам.

Рассуждения Д. Льюис напоминают призыв С. Такса более чем двадцатилетней давности создать «антропологию действия» (action anthropology), который не получил широкой поддержки³⁷.

Статья Д. Льюис была послана 50 антропологам на отзыв. Из 9 стран откликнулись 19 ученых. Их ответы напечатаны в журнале «Current Anthropology». Почти все ученые, солидаризируясь с основными положениями комментируемой статьи, вносят свои предположения и дополнения. К. Альба (Боливия), например, разделяет мнение Д. Льюис о том, что антрополог обязан быть сторонником радикальных перемен. Но это означает, указывает он, что исследователь должен обладать определенной идеологией. Если он сторонник перемен, то обязан объяснить их содержание и характер. К. Бертольд (Канада) в свою очередь считает, что критическая антропология должна опираться на радикальную теорию. К. Дж. Окойе (Нигерия) поддерживает почти каждую фразу в статье Д. Льюис. М. Овусу (США) напоминает, что симбиотическая связь западного ученого мира с господством Запада над незападными народами теперь полностью установлена.

В том же номере «Current Anthropology» помещена статья Д. Уиллнер «Антропология: призвание или товар»³⁸. Автор ее, как и Д. Льюис, озабочен кризисным состоянием американской социальной антропологии. Уиллнер предлагает разделить антропологию на науку «по призванию», т. е. независимую от работодателей, и науку-товар, за которую платят и которая служит интересам «истеблишмента». Хотя такое размежевание нам кажется трудноосуществимым, нельзя не приветствовать искреннего стремления Д. Уиллнер отказаться от подчинения антропологии интересам господствующих классов.

Каковы же выводы, о чем свидетельствуют приведенные выше высказывания американских антропологов? В первую очередь о банкротстве старых идейных установок этой науки, превращавших, как правило, ее представителей в служителей внутренних и внешних интересов «истеблишмента».

Представители американской официальной антропологии не скупятся на широковещательные декларации о пользе этой науки для современного человечества. Так, Клакхон, к слову сказать, подвизавшийся

³⁵ «Current Anthropology», 1973, vol. 14, № 5, p. 589.

³⁶ Эта точка зрения совпадает с мнением другого американского антрополога — Дж. Мура, выдвинувшего еще в 1971 г. идею создания «партизанской» антропологии (J. Moore, Perspective for a partisan anthropology, «Liberation», 1971, № 16, p. 34—43).

³⁷ См. советский отклик на выступление С. Такса: Ю. П. Аверкиев, Служебное значение этнографии в США, стр. 72, 73.

³⁸ D. Wullner, Anthropology: vocation or commodity? «Current Anthropology», 1973, vol. 14, № 5, p. 547—555.

и на поприще советологии (он был директором Центра русских исследований при Гарвардском университете), писал, что «антропология дает научную основу для изучения важной проблемы, стоящей перед современным миром: как непохожие народы, говорящие на непонятных друг другу языках и придерживающиеся разных образов жизни, могут жить в мире?»³⁹

Увы, социальная антропология в силу своей причастности к буржуазному обществоведению не может дать людям больше того, чем она располагает. Сам Клякхон вынужден был признать на заключительных страницах своей работы: «Эффективность современной антропологии весьма ограничена. Существует пропасть между ее программой и результатами. Главная сила антропологии заключается скорее в том, что она правильно формулирует некоторые вопросы, чем в том, что она дает на них правильные ответы»⁴⁰.

Следует ли удивляться, что как прогрессивные круги самих США, так и народы «третьего мира», вставшие на путь независимости, отвергают идейные установки традиционных американских антропологических школ, считая эти установки непригодными для потребностей молодых государств, освободившихся от оков колониализма. Этими обстоятельствами, собственно говоря, и вызван нынешний кризис социальной антропологии.

Очевидно и то, что кризисное состояние породило острую идеологическую борьбу в среде социальных антропологов, фактически раскололо их на два лагеря: на служителей «истеблишмента» и на сторонников «ангажированной» (активистской) антропологии, выступающих с позиций признания политической реальности «третьего мира» и пытающихся смыть с себя позорное пятно пособников империализма. Хотя сторонники ангажированной антропологии еще только вырабатывают свои идейные и методологические установки и между ними имеются существенные различия в оценке тех или других проблем, в целом они стоят на прогрессивных позициях. На наш взгляд, именно им и принадлежит будущее в социальной антропологии.

Антропология не умерла, утверждает другой американский антрополог — Дж. Дж. Берреман. Дело только в том, что ее традиционные жрецы не желают быть «ангажированными». Если они преуспеют, она может погибнуть. Их наука касается человека, и хотя они пытаются избежать вовлечения в борьбу, — их стремление безнадежно. Они уже ангажированы, хотят того или нет. Вопрос не стоит: «буду ли я вовлечен?», а «как могу я быть вовлечен таким образом, чтобы это соответствовало моему гуманизму?»⁴¹

«Антропология, — вещал К. Леви-Стресс в одной из своих статей в 1968 г., — выживет в изменяющемся мире, если она позволит себе погибнуть ради того, чтобы возродиться в новом обличе»⁴².

Каково же должно стать это «новое обличье» западной антропологии, признанное возродить ее? Будет ли оно заключаться в том, что она начнет относиться с равным уважением ко всем культурам мира и зафиксирует последний вздох последнего «примитива» до его поглощения западной цивилизацией, как считает тот же Леви-Стресс, или в том, что она превратится в «ангажированную», «активистскую» науку, как предлагает Д. Льюис, которая будет спасать этого «примитива» или другие объекты своего исследования, опираясь только на свои собственные силы, на «самое себя»?

³⁹ С. Клякхон, Указ. раб., стр. 11.

⁴⁰ Там же, стр. 281.

⁴¹ G. D. Bergeron, Is anthropology alive? Social responsibility in social anthropology, «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, p. 395.

⁴² «Current Anthropology», 1968, № 7, p. 126.

На наш взгляд, будущее антропологии не только в этом, но и в тесном сотрудничестве ее представителей в интересах социального и научного прогресса, мира и дружбы народов, с позиций непримиримости по отношению к империализму, старому и новому колониализму.

SOCIAL ANTHROPOLOGY: HAS IT A FUTURE!

Social anthropology has in many countries, and particularly in the United States, become a fashionable science. It has overstepped the traditional boundaries confining it to the study of peoples possessing no written language and deals also with political and economic structures, with the rural and urban life of highly developed capitalist societies.

At the same time, a number of bourgeois anthropologists affirm that their science is in a state of crisis. This crisis concerns the ideological aspects of social anthropology; it is engendered by the fact that the anthropologists' skills have long been utilized by the colonialists of European countries and by the ruling circles of the United States. This situation gives rise to objections on the part of the peoples of developing countries, as well as of progressive circles within the U. S. This, in its turn, induces anthropologists to revise certain propositions that have hitherto appeared immutable.

The future of anthropology lies in the close mutual collaboration of its representatives in the interests of social and scientific progress, of peace and friendship between peoples from the standpoint of an uncompromising attitude against imperialism, against colonialism old and new.

К. В. Мелик-Пашаян

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАЧИКА САМУЭЛЯНА

Видный армянский этнограф, историк, правовед, филолог и педагог Хачик Степанович Самуэлян родился в 1873 г. в г. Керчь в семье священника. Среднее образование он получил в гимназии в Феодосии. В 1900 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, затем уехал в Германию, где в 1901—1903 гг. учился на факультете права Йенского университета. По возвращении из-за границы Х. С. Самуэлян поселился в Тифлисе и до 1907 г. занимался журналистикой, а затем преподавательской деятельностью. После установления Советской власти в 1921—1922 гг. он был членом коллегии Эчмиадзинского научно-института. С 1924 по 1934 г. Самуэлян работал в Государственном центральном архиве Армении на ответственных должностях. Он по праву считается основателем архивного дела Советской Армении. В эти годы Х. С. Самуэлян занимался и педагогической работой — вел общие и специальные курсы на историческом и юридическом факультетах Ереванского государственного университета.

Начало научной деятельности Х. С. Самуэляна относится к 1902 г., когда в «Кавказском вестнике» была опубликована его первая статья, представляющая значительный интерес с точки зрения как этнографии, так и правоведения — «Очерки по обычному семейному праву армян»¹, в которой автор обстоятельно исследует формы семьи и брака, а также свадебные обычаи армян, причем их древние корни он ищет в первобытном обществе. М. О. Косвен назвал этот труд «большой и содержательной работой»². С 1903 г. Самуэлян принял деятельное участие в издании армянского «Этнографического журнала» («Азгагракан Андес») ³, в котором сотрудничал до прекращения его выпуска. В X книге «Азгагракан Андес» была опубликована большая статья Х. С. Самуэляна «Кривная месть и выкуп», где на богатом фактическом материале, с умелым использованием не только данных исторических трудов и судебных актов, но и норм обычного права истолковывалась эволюция этого института с древнейших времен до конца XIX в. Х. С. Самуэлян первым в армянской этнографии рассмотрел вопрос о кривной мести и выкупе у армян, определил их социально-экономическое значение, установил их пережиточные формы, которые своими корнями уходят в эпоху первобытнообщинного строя.

Будучи по образованию юристом, Х. С. Самуэлян придавал большое значение использованию материалов обычного права при изучении быта и культуры народа, его истории. Это особенно наглядно отразилось в его

¹ «Кавказский вестник», 1902, № 1—2.

² М. О. Косвен, Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, «Кавказский этнографический сборник», III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXIX, М., 1962, стр. 232.

³ «Азгагракан Андес» издавался в Шуше (I книга) и Тифлисе (II—XXVI книги) с 1896 по 1916 г. (на арм. яз.).

работе «Древнеармянское право и методы его изучения»⁴. Говоря о методах исследования древнеармянского права, Х. С. Самуэлян особое внимание уделял сравнительно-историческому методу как наиболее плодотворному, позволяющему определить наделания различными эпох.

С точки зрения изучения брачных норм и обычаев, значительный интерес представляет опубликованная в «Азгагракан Андес» статья «Умыкание и выкуп»⁵, в которой автор исследует исторические формы этих брачных обычаев, характеризует их пережитки, сохранившиеся в быту армян вплоть до XIX в. Он отмечает, что брак похищением уже исчезает, а выкуп уступает свое место приданому.

На страницах журнала «Азгагракан Андес» была опубликована и другая работа Х. С. Самуэляна, до сих пор не потерявшая своего значения, — «Семейный культ армян»⁶, в которой автор обстоятельно характеризует культ духов, теснейшим образом связанный с культом умерших и похоронными обрядами. На большом фактическом материале показывается, что культ духов составлял одну из важнейших частей семейного культа армян. Здесь же автор детально характеризует культ очага, реликты которого сохранялись у армян вплоть до недавнего времени.

Целая серия работ Х. С. Самуэляна посвящена изучению права в юридическом и историко-этнографическом планах. Здесь следует отметить «Наследственное право армян»⁷, в котором автор анализирует армянские судебники, данные обычного права армян, а также широко привлекает сравнительный материал по другим народам древности и средневековья. Это позволило ему всесторонне рассмотреть формы наследования у армян и ряда других народов, выявить их особенности у армян, определить права и обязанности получателей наследства в разные эпохи. В статье «Право и религия» автор выявляет некоторые связи права и религии, подчеркивая, что церковь и духовенство сыграли большую роль в создании юридических памятников⁸. Весьма ценной и оригинальной является статья «Символы армянского права»⁹. В ней автор впервые в арменоведении исследует юридические символы армян, выявляет их роль и место в общественном быту. Тщательному анализу подвергается ряд старинных обрядов и обычаев, подобных калаи, андемас и др. Историко-юридический характер носит статья Х. С. Самуэляна «Церковно-государственные отношения в Древней Армении», опубликованная в журнале «Арор» («Соха») в 1910 г.¹⁰

В 1911 г. в Тифлисе выходят отдельной книгой работы, опубликованные ранее в разных номерах «Азгагракан Андес», которые он не только дополнил новыми фактическими данными, но и основательно переработал.

Продолжая изыскания в этой области, Х. С. Самуэлян исследует «Судебник» Мхитара Гоша. Работа о нем вышла на армянском языке в Вене в 1911 г. Это по существу первая серьезная попытка всестороннего анализа «Судебника» и вопросов армянского гражданского права. Автор, выявляя предпосылки создания «Судебника» и его источники, обстоятельно характеризует вопросы судопроизводства, нормы обычного права, а также имущественные права отдельных членов семьи: родителей, детей, усыновленных и др. Будучи многогранным ученым — и правоведом, и этнографом, и историком, он с большим мастерством провел сопоставительный анализ всех компонентов.

⁴ «Азгагракан Андес», кн. XI, 1904.

⁵ Там же, кн. XII, 1904.

⁶ Там же, кн. XIII, 1906.

⁷ Там же, кн. XV, 1907; кн. XVI, 1907.

⁸ Журн. «Арагат», Эчмиадзин, 1908, № 2—4.

⁹ «Азгагракан Андес», кн. XXII, 1911; кн. XXIII, 1911.

¹⁰ Журнал издавался в Тифлисе.

В этнографическом плане значительный интерес представляет статья Х. С. Самуэляна «Материнское право»¹¹, написанная под влиянием работ И. Бахофена, М. Ковалевского, Л. Моргана. Это первая работа в истории армянской этнографии, в которой рассматривается проблема материнского рода. В ней автору удалось не только выявить социально-экономические предпосылки материнского рода и высокого положения женщины в обществе у армян, но и описать и проанализировать некоторые пережитки матриархата. Показательно, что эта работа получила похвальный отзыв видного советского исследователя проблемы матриархата М. О. Косвена¹².

О круге научных интересов Х. С. Самуэляна свидетельствуют такие его работы, как «Армянская патриархальная семья»¹³, «Тотемизм у армян»¹⁴, «Культе камня у армян»¹⁵ и др. В этих работах Х. С. Самуэлян охарактеризовал основные этапы развития армянской семейной общины, ее характерные черты; привел неопровержимые доказательства существования у армян пережитков тотемизма. На основе данных археологии и этнографии Самуэлян доказывает существование поклонения камню у армян с ранних времен. Пережитки этого культа сохранялись в быту армян вплоть до недавнего времени.

Среди трудов Х. С. Самуэляна исключительное место занимает трехтомное исследование «Культура Древней Армении»¹⁶, над которым он работал почти 40 лет. В него вошли в обобщенном и переработанном виде как ранее опубликованные работы, так и новый материал. В этом трехтомнике на высоком для своего времени научном уровне обстоятельно рассмотрена многовековая духовная и материальная культура Армении. В «Предисловии» к своему исследованию Самуэлян признавал, что «предпринимать такую работу, для которой все еще отсутствуют в нашей научной литературе в достаточной мере материалы и для успеха которой в лучшем случае, пожалуй, необходимо коллективное сотрудничество специалистов,— ответственное дело. Однако,— продолжает автор,— ждать, пока основные вопросы истории культуры Армении, становясь предметом специальных исследований, окончательно разрешатся, ждать, пока отдельными монографическими работами будут подготовлены пути для осуществления этого и только затем предпринять исследование истории культуры Армении — значит отложить осуществимое уже на основе имеющихся материалов дело до неопределенного времени» (т. 1, стр. 3). В этом же «Предисловии» Х. С. Самуэлян характеризует методику изучения истории культуры Армении и основные источники. Он выделяет стратиграфический и типологический методы в археологии и сравнительно-исторический метод и, выражаясь терминологией самого автора, «метод пережитков» в этнографии. Резюмируя развернутое изложение основных видов источников — археологических, этнографических, антропологических, собственно исторических, фольклорных и лингвистических, Х. С. Самуэлян подчеркивает, что только комплексный подход к изучаемым явлениям создаст реальные предпосылки для плодотворного исследования (стр. 10).

В I разделе автор наряду с характеристикой естественногеографических условий Армянского нагорья уделяет значительное внимание изучению этнокультурных слоев на основе анализа обширной литературы того времени. Он обстоятельно описывает историю и культуру хеттов, урартов и других народов, подчеркивает их роль в сложении армянского

¹¹ «Азгагракан Андес», кн. XVIII, 1909.

¹² М. О. Косвен, Матриархат, М., 1948, стр. 292, 293.

¹³ «Арагат», 1908, № 2—4.

¹⁴ «Вестник научного института Армении», кн. 1 и 2, Вагаршапат, 1921—1922, стр. 15—34.

¹⁵ «Андес амсоря» («Ежемесячный журнал»), Вена, 1927, № 1—3.

¹⁶ Работа вышла в Ереване (на арм. яз.), I т.— в 1931 г., II и III т.— в 1941 г.

этноса, которая проявилась, в частности, в преемственности многих элементов культуры и быта.

Во II разделе характеризуется материальная культура Армении эпохи неолита. Хотя в то время на территории Армении еще не были обнаружены археологические материалы эпохи палеолита, Х. С. Самуэлян с присущим крупному ученому чутьем пишет: «Если осуществить систематические археологические исследования и предпринять в широких масштабах научно организованные раскопки, по всей видимости, будут обнаружены ценные и имеющие важное научное значение палеолитические памятники, которые по сей день затеряны на неизвестных глубинах земли» (стр. 107). И действительно, предсказание ученого сбылось. Богатыми археологическими данными уже доказано, что Армения прошла через стадию палеолита.

Раздел III, носящий название «Социальная культура», посвящен всестороннему исследованию различных вопросов, связанных с тотемизмом и матриархатом. Основное внимание в нем уделено вопросу их происхождения, а также характеристике их пережиточных форм на армянском материале. Как и в других разделах исследования, здесь автор широко привлекает сравнительные данные для интерпретации местного материала. Автор высказал целый ряд положений, которые и в наши дни находят много сторонников. Так, Х. С. Самуэлян считает, что в тотемизме главное — вера в существование кровной связи между группой людей и определенным видом животного или растения. Много места уделяет автор характеристике культа различных животных — быка, коровы, лошади, овцы, козы, свиньи, собаки, кошки, медведя, оленя, зайца и др., различных видов птиц, насекомых и пресмыкающихся (стр. 172). Особенно в этой части работа представляет значительный интерес и сейчас, поскольку в ней приводится уникальный материал о степени распространенности культа того или иного животного и весь анализ дается в сравнительном плане. Характеризуя сущность и происхождение матриархата, Х. С. Самуэлян подчеркивает, что на ранних этапах развития земледелия руководящая роль в этой отрасли хозяйства принадлежала женщине, что и отразилось в системе общественных отношений (стр. 217). Для иллюстрации своей мысли он приводит данные из жизни племен различных частей света. Говоря о пережитках матриархата у армян, Х. С. Самуэлян обращается к легендам, свадебным обрядам и обычаям, некоторым явлениям семейного быта армян (стр. 233).

Раздел IV, целиком посвященный духовной культуре, преимущественно касается анимистических верований, магии. Большое внимание уделяет автор культу воды, огня и камня у армян. Ценность этого раздела — в полноте и тщательности отбора разнообразного и разновременного материала, в строгой системности его изложения.

Второй том исследования посвящен материальной культуре эпохи бронзы и раннего железа. Здесь обстоятельно исследуются поселения и крепости, могильники, хозяйственные занятия, орудия, керамика, искусство. Второй том, вышедший уже после смерти автора, был написан в 1930-х годах, когда еще не были начаты ныне широко известные раскопки Двина, Кармир-блур, Арин-берда, Лчашена, Шенгавита, Гарни, Мецамора и др. И все же, несмотря на наличие весьма ограниченного материала, Х. С. Самуэлян удалось умело обобщить имеющиеся данные, сделать ценные выводы об основных этапах в развитии хозяйственной жизни и материальной культуры насельников Армянского нагорья в рассматриваемые периоды. Некоторые из этих выводов и поныне не потеряли своей значимости.

Третий, завершающий том, посвящен характеристике социального строя населения Армянского нагорья с периода первобытнообщинного строя до феодализма. Автор исследует здесь вопросы, связанные с возникновением рода и племени, рассматривает характерные черты перво-

бытного общества в Армении, выявляет пережиточные формы общинных работ, обычаи ритуального разделения труда, формы семьи и брака, кровную месть, сельскую общину, возникновение рабства и, наконец, переход к феодализму.

«Культурой Древней Армении» не исчерпываются капитальные труды Х. С. Самуэляна. И в этой связи особенно следует отметить его «Историю древнеармянского права», вышедшую в 1939 г. Второй том автор не успел завершить. В этом исследовании обобщаются основные труды автора в области армянского права, причем анализ материала осуществлен на основе не только собственно юридических памятников, но и историографических и этнографических материалов, это значительно расширило рамки работы и создало предпосылки для углубленного анализа. Автор последовательно характеризует основные периоды развития армянского права, начиная с эпохи первобытности и вплоть до позднего средневековья. По полноте материала, тщательности анализа и аргументированности сделанных выводов данное исследование по сей день остается непревзойденным в этой области. Не случайно это исследование характеризуют как настольную книгу правоведов, незаменимое пособие в изучении истории армянского права¹⁷.

Значительны заслуги Х. С. Самуэляна и в области собственно истории. В свое время огромный интерес в кругах научной общественности вызвала его статья «Рабство в Древней Армении»¹⁸, острая дискуссия, развернувшаяся тогда в связи с ней, продолжается по сей день.

Х. С. Самуэлян принял деятельное участие в составлении учебника по истории армянского народа. Ему принадлежит один из сложнейших разделов — история Армении от эпохи первобытного общества вплоть до падения царства Аршакидов (V в. н. э.). Были опубликованы курсы лекций, прочитанных Х. С. Самуэляном в Ереванском государственном университете и Армянском государственном педагогическом институте, — «История первобытного общества», «История Древнего Востока», «Халдское общество»¹⁹. В архиве ученого сохранились рукописи «История античного общества», «Исследование по истории Грузии», «История России» и др.

Х. С. Самуэлян — основоположник антирелигиозной литературы в Советской Армении. В своих многочисленных книгах, брошюрах и статьях он вскрыл корни религии и подверг тщательному анализу основные догматы религии. Особое внимание он уделял различным религиозным праздникам и разоблачению религиозных суеверий. Многие из статей и брошюр были опубликованы под псевдонимом Ниманд. Активную деятельность Самуэлян вел и в Ереванском антирелигиозном университете. Важное место в этих работах автор уделял народным верованиям, различным суевериям и обрядам, анализ которых представляет значительный интерес и с точки зрения этнографии.

Много сделал Х. С. Самуэлян и в области фольклора. В 1908 г. в издаваемом в Тифлисе журнале «Гехарвест» («Искусство») выходят в свет его статьи: «Труд и ритм», «Труд в народных песнях». Он активно содействовал организации систематического сбора фольклорных материалов. Показательна его корреспонденция по вопросу создания Международного фольклорного общества, в которой Х. С. Самуэлян ставит вопрос о создании при Армянском этнографическом обществе отдела по сбору и исследованию фольклорных материалов²⁰.

Плодотворной была деятельность Х. С. Самуэляна и в области литературоведения и перевода. Он опубликовал циклы статей о таких

¹⁷ См. рецензии на эту книгу: «Арменоведение за пятьдесят лет», вып. I, Ереван, 1971, стр. 235; «Изв. Арм. филиала АН СССР», 1942, № 6, стр. 9—13.

¹⁸ «Известия Ин-та истории и литературы АрмССР», кн. II, Ереван, 1937.

¹⁹ Изданы в Ереване в 1938—1939 гг.

²⁰ См. «Азгагракан Андес», кн. XXI, 1912.

крупных русских писателях, как Н. В. Гоголь, А. П. Чехов, Максим Горький и др. С русского на армянский и с армянского на русский он перевел ряд художественных произведений и научных работ.

Велики заслуги Х. С. Самуэляна в организации архивного дела в Армении. С первого дня создания Государственного архива Армянской ССР (май 1924 г.) он стал его заведующим. Благодаря энергичным усилиям ученого быстро пополняются архивные фонды, внедряется научная систематизация, налаживается сотрудничество с архивными учреждениями Москвы и Ленинграда, Тбилиси и Баку. Целый ряд архивных дел передается из Грузии и Азербайджана в Армению. Х. С. Самуэлян составил многочисленные программы и проекты дальнейшего совершенствования архивного дела в Армении, подготовки квалифицированных кадров. Так, в докладной на имя Комиссариата просвещения, написанной им 25 июня 1930 г., Х. С. Самуэлян предлагает включить в университетскую программу «Архивное строительство» как предмет и представляет его программу. Плодотворная работа Х. С. Самуэляна в архиве длится более 10 лет.

Много сделал Х. С. Самуэлян и как библиограф. Еще до революции, совместно с основателем «Азггракан Андес» Е. А. Лалаяном, он составил библиографию по этнографии, которая, к сожалению, осталась незавершенной. Ее рукопись хранится в библиотеке Государственного музея истории Армении. В 1941 г. вышла в свет составленная Х. С. Самуэляном совместно с О. Петросяном «Краткая библиография древней и средневековой армянской литературы», представляющая интерес и в историко-этнографическом аспекте.

Х. С. Самуэлян написал свыше 150 крупных и мелких статей для Армянской энциклопедии, посвященных различным сторонам быта и культуры армян. О неутомимой деятельности Х. С. Самуэляна свидетельствует и то, что ежегодно, с 1927 по 1932 г., он составлял стенной отрывной календарь, многие страницы которого были заполнены статьями историко-культурного характера.

Для Х. С. Самуэляна характерно редкое сочетание активной общественной и политической деятельности с многогранной научной и научно-организационной работой. Еще в студенческие годы он активно участвовал в студенческом движении, за что в 1900 г. был арестован. В 1906 г. он был вновь арестован за активную политическую деятельность. Х. С. Самуэлян горячо откликался на жгучие общественные проблемы. В годы первой русской революции он выступал с яркими публицистическими статьями. Так, в статье «Армянский крестьянин и армянская печать» он отмечает, что армянская интеллигенция невнимательно относится к крестьянству, не интересуется его жизнью, не помогает ему. Х. С. Самуэлян ставит вопрос о необходимости проведения политической работы среди крестьянства. В другой статье — «Армянский сельский пролетариат»²¹ — он отмечает, что крестьянство неоднородно, оно уже делится на два класса: сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Он показывает, как в результате развития и дальнейшего проникновения капиталистических отношений в деревню там постепенно разрушается традиционный бытовой уклад.

И в годы Советской власти Х. С. Самуэлян продолжал вести большую общественную и организационно-воспитательную, пропагандистскую работу наряду с весьма плодотворной деятельностью в области этнографии и ряда смежных наук, в золотой фонд которых вошли многие из его трудов.

THE LIFE AND WORK OF KHATCHIK SAMUELYAN

The article describes the activities of Khatchik Samuelyan, the prominent Armenian ethnographer, historian, jurist, philologist, and teacher whose hundredth birth anniversary has been recently celebrated by the Soviet public.

²¹ «Ашхатанк» («Труд»), 1906, № 1, 6.

В. А. Гавриленко

СТОЛЕТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА АН УССР

В 1974 г. исполнилось сто лет со дня основания Львовского Государственного музея этнографии и художественного промысла Академии наук Украинской ССР — одного из старейших музейных учреждений нашей страны. Юбилей музея с интересом встречен широкими кругами общественности. В связи со столетием музей награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР «за значительные достижения в развитии научных исследований в области народного искусства, художественного промысла, этнографии, музееведения и идейно-воспитательной работе среди широких масс трудящихся»¹.

За сто лет своего существования музей прошел сложный и трудный путь. Он был создан на базе Городского промышленного музея Львова и Музея древностей Научного общества им. Т. Г. Шевченко (НТШ), в частности его этнографического отдела.

Появление Городского промышленного музея было вызвано распространением капиталистических отношений на западноукраинских землях во второй половине XIX в., развитием промышленности и возросшей в связи с этим конкурентной борьбой на внешнем и внутреннем рынках. Непосредственными инициаторами его создания выступили львовские ремесленники. В 1872 г. известный львовский архитектор, профессор Политехнического института Ю. Захаревич обратился от их имени к наместнику Галиции со специальным меморандумом, в котором предлагал основать музей на государственные средства. Но в условиях австро-венгерского владычества об этом не могло быть и речи. Организацией музея занялись частные лица. Был создан учредительный комитет, который провел сбор средств среди жителей Львова, преимущественно ремесленников. На собранные деньги в 1873 г. на проходившей в Вене Всемирной выставке была произведена закупка необходимых художественных изделий, которые и положили начало коллекциям нового музея.

13 мая 1874 г. магистрат Львова утвердил Устав Городского промышленного музея во Львове, ставивший перед музеем задачу: путем собирания соответствующих образцов и вспомогательных средств, которые дает наука и искусство, способствовать усовершенствованию промышленности и ремесел края в техническом и эстетическом аспектах².

В июле 1874 г. открылась первая небольшая выставка музея, на которой в основном экспонировались изделия, приобретенные в Вене³.

¹ Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 20 мая 1974 г., «Львовская правда», 21 мая 1974 г.

² «Statut miejskiego muzeum przemysłowego we Lwowie», § 1, [б. м., б. г.]. Центральный государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 146, оп. 7, ед. хр. 4387, л. 7.

³ W. Rebczyński, Muzeum przemysłowe miejskie we Lwowie, «Przemysł artystyczny», zeszyt I, Lwów, 1896, s. 24.

С целью обеспечения конкурентной способности изделий местной промышленности и ремесел в 1875 г. при музее была открыта Школа рисунка и моделирования, находившаяся в его подчинении до 1892 г.⁴ Музей и школа размещались в Городской ратуше в нескольких малоприспособленных комнатах и все же, несмотря на ограниченные средства, тесноту и отсутствие подготовленных кадров музейных работников, экспозиция музея и его фонды постепенно расширялись. Вначале руководство музея обращало внимание преимущественно на предметы западноевропейского происхождения, однако вскоре началось коллекционирование и изделий местных художественных промыслов. Ценные экспонаты были приобретены на краевых выставках 1877 и 1894 гг., поступили в дар от ремесленников и коллекционеров-любителей. Музей практиковал проведение конкурсов на лучшие работы из металла (лампы, подсвечники, фонари), дерева (письменные столы, мебель для столовой, детские игрушки), кожаные переплеты для книг, ковровые изделия и др.

Для популяризации местных народных художественных промыслов и отдельных экспонатов из своих коллекций музей в 1882—1885 гг. издавал «Взоры промысла домашнего селяна на Руси» («Образцы домашнего промысла крестьян на Руси»). Это — 10 папок-альбомов цветных хромолитографических таблиц с пояснительным текстом на нескольких, в том числе и на русском, языках. На 107 таблицах были представлены 305 лучших образцов резьбы по дереву и металлу, ткачества и вышивки, изделий из керамики, соломы и других народных промыслов. Издание это — одно из первых по украинскому народному прикладному искусству — имело большое значение, далеко выходящее за рамки музейной публикации. В 1896 г. музей выпустил два сборника под названием «Художественный промысел»⁵, а в 1911—1914 гг. — четыре отдельных выпуска «Публикаций из музейных собраний»⁶.

В 1904 г. музей получил новое, построенное на средства магистрата здание, что дало возможность оживить музейную деятельность. Улучшилась экспозиция музея: около трети ее экспонатов отражали развитие украинского искусства. Но строилась она бессистемно по так называемому формально-сравнительному принципу: предметы разных стран и эпох группировались, как правило, по типологическим рядам и рассматривались как одно целое. Это затрудняло их изучение, не давало целостного представления о культуре разных народов, о стилях и направлениях в искусстве.

В 1905 г. часть здания музея была отдана Городской картинной галерее, и вновь из года в год в музейных отчетах стали повторяться жалобы на тесноту и «ограниченные возможности» для работы.

В еще более трудных условиях находился Музей древностей НТШ, точная дата образования которого пока не установлена. Вероятнее всего, накопление экспонатов этого музея началось сразу же после 1892 г., когда была проведена реорганизация Общества Т. Г. Шевченко и оно стало научным. В уставе Общества говорилось о необходимости сбора материалов для библиотеки и музея⁷. С 1895 г. в годовых отчетах НТШ появляются сообщения о поступлениях экспонатов для музея⁸. В 1900 г. уже была выделена отдельная комната для него и заказано специальное оборудование.

На первых порах музей пополнялся исключительно археологическими экспонатами, этнографические же материалы он стал приобретать в на-

⁴ «Sprawozdanie dyrekcji miejskiego muzeum przemysłowego we Lwowie za lata 1874—1910», Lwów, 1911, s. 6.

⁵ «Przemysł artystyczny wydawnictwo miejskiego Muzeum przemysłowego we Lwowie», Zeszyt 1—2, Lwów, 1896.

⁶ «Publikacje ze zbiorów muzealnych», I—IV, Lwów, 1911—1914 [20 tabl. ill.].

⁷ «Записки Наукового товариства імені Шевченка», ч. I, Львів, 1892, стр. 211.

⁸ «Справозданє з діяльності НТШ у Львові за час від 1 січня до 31 грудня 1895 р.», Львів, 1896, стр. 6.

чале 1900-х годов. В определении нового профиля собирательской деятельности музея решающее значение имело подготовленное выдающимся украинским писателем-революционером И. Франко и известным фольклористом-этнографом В. М. Гнатюком в 1901 г. воззвание «В справі збирання етнографічних матеріалів» («В деле собирания этнографических материалов») ⁹. Это было не только обращение к широкой публике с просьбой собирать и присылать в музей этнографические материалы, но и программа деятельности музея на многие годы вперед.

В дальнейшем музей еще не раз выпускал памятки-воззвания о собирании отдельных предметов народного прикладного искусства — керамики, вышивки, писанок — и всегда находил отклик среди широких кругов общественности (учителей, школьной молодежи, крестьян). В музей передали свои коллекции собиратели-энтузиасты: учитель Л. Гарматий, инженер В. Червинский, художник И. Труш, Д. Лукиянович, О. Роздольский, А. Павлова и другие. Ценные материалы были собраны во время этнографических экспедиций, предпринятых членами Научного общества им. Шевченко И. Я. Франко, В. М. Гнатюком, Ф. М. Колессой, В. О. Шухевичем и другими в различные этнографические районы Украины — на Бойковщину, Гуцульщину, Лемковщину, в Закарпатье и Буковину.

С музеем установили тесные связи выдающаяся украинская поэтесса Леся Украинка, черниговский художник А. Г. Сластион, специалисты-музеееды из Киева Н. Ф. Беляшевский и Д. М. Щербаковский. При их содействии были приобретены коллекции народной одежды, вышивок, ковров, плахт, керамики с Полтавщины, Киевщины и Полесья. В 1929 г. в дар музею поступила коллекция народной керамики Украинской ССР от советника посольства СССР в Польше Ю. М. Коцюбинского.

К концу 1920-х годов музей имел уже довольно большую этнографическую коллекцию — около 10 тыс. единиц, но это были в значительной степени разрозненные материалы — музей пополнялся за счет отдельных даров и случайных находок. В нем совершенно не была представлена русская и белорусская народная культура, что приводило к односторонности в исследовании культуры украинского народа, разрывались естественные связи, общность в развитии трех братских народов. Из-за отсутствия средств музей не имел возможности публиковать свои собрания. Незначительной была и его посещаемость — 600—700 человек в год.

В начале 1930-х годов Городской промышленный музей был переименован в Музей художественного промысла, а Музей древностей НТШ — в Культурно-исторический музей НТШ.

Новые названия не изменили положения музеев. Решающее влияние на их судьбы оказало воссоединение западноукраинских земель с Советской Украиной в 1939 г. После провозглашения Советской власти на территории Западной Украины все львовские музеи и частные коллекции были национализированы и на их базе создано несколько больших профильных музеев. В мае 1940 г. Культурно-исторический музей НТШ был преобразован в Государственный этнографический музей ¹⁰. Археологические памятники, художественные произведения и все непрофильные экспонаты передали в другие музеи. В то же время в Этнографический музей перешли богатейшие коллекции предметов народного быта и культуры из бывшего Львовского музея Дедушицких (3975 ед.), этнографическое собрание А. Прусевича из Городского музея (1523 ед.), а также этнографические материалы бывшего Музея Любомирских в г. Львове (718 ед.), Музея Львовского университета (250 ед.), Музея «Народного Дома» (137 ед.), Исторического музея (124 ед.), Музея г. Рава-Русская Львовской обл. и др. ¹¹. Фонды Государственного этнографического музея уже в 1940 г. насчитывали более 43 тыс. экспонатов.

⁹ «Хроніка НТШ», ч. 8, Львів, 1901, стр. 16—18.

¹⁰ «Культурне будівництво в Українській РСР», т. 1, Київ, 1959, стр. 813.

¹¹ Архив Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР (далее ГМЭХП), фонд Этнографического музея, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 1—99.

Значительно пополнились также и фонды Музея художественного промысла: с 6 тыс. экспонатов в 1939 г. до 21,5 тыс. в 1941 г.¹² Началась систематическая работа по приведению в порядок и исследованию новых поступлений. Но она была прервана вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз.

За годы фашистской оккупации оба музея понесли значительные материальные потери, особенно пострадал Музей художественного про-

Рис. 1. Государственный музей этнографии и художественного промысла АН УССР во Львове (это и остальные фото сделаны Я. Ю. Мыськовым)

мысла. Гитлеровцы заняли его помещение для военных целей, коллекции были переведены в другие львовские музеи. В результате бесследно исчезло более 2300 экспонатов, в том числе керамики — 1045 ед., тканей — 352 ед., мебели — 226 ед., часов — 32 ед.

Музей художественного промысла и Этнографический музей возобновили свою работу в конце июля 1944 г., в первые же дни после освобождения г. Львова от немецко-фашистских захватчиков.

В 1945 г. Этнографический музей был передан Академии наук Украинской ССР; его возглавил известный фольклорист-этнограф академик АН УССР Ф. М. Колесса. В послевоенные годы в музее была проведена большая работа по подготовке кадров и созданию новой экспозиции, ко-

¹² Архив ГМЭХП, ф. Музея художественной промышленности, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1.

торую впервые построили на подлинно научной основе. Она состояла из трех разделов: 1. Быт рабочих Бориславского бассейна в прошлом и настоящем; 2. Быт колхозного села; 3. Воссоединение украинского народа.

Научную работу в те годы в Музее вели отделы этнографии и фольклора. Было опубликовано несколько интересных работ в области фольклористики¹³.

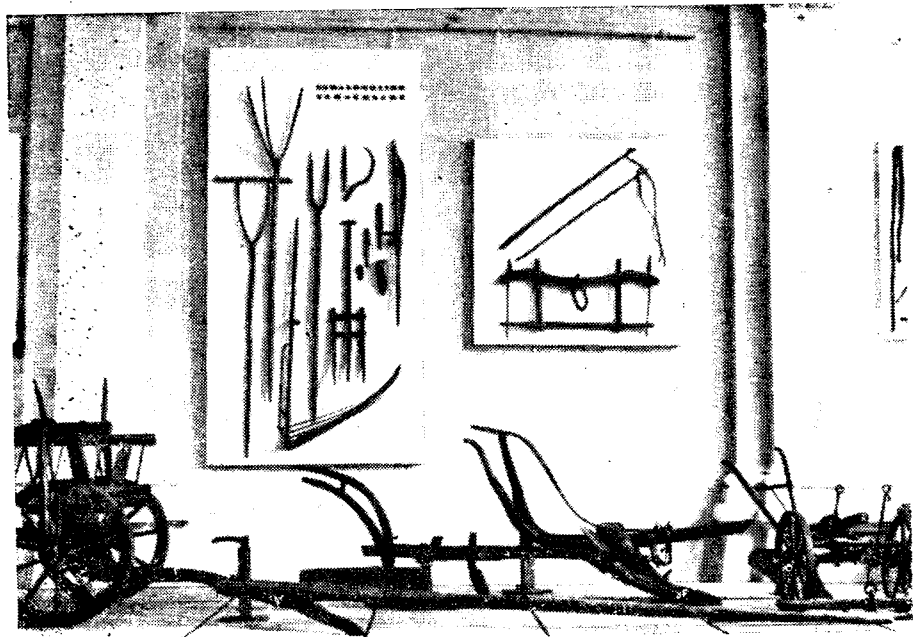

Рис. 2. Крестьянские орудия труда (конец XIX — начало XX в.)

Новая экспозиция Музея художественного промысла, переименованного в Государственный музей художественной промышленности¹⁴, открылась в ноябре 1947 г. после капитального ремонта здания, поврежденного бомбой во время войны. В 1949 г. музей получил новое здание в центре города, в котором он находится и в настоящее время.

В собирательской работе музей сосредоточил свое внимание на пополнении фондов материалами советского периода и предметами русской народной культуры и художественного промысла. Музей безвозмездно получил ценные экспонаты из Загорского историко-художественного музея-заповедника (30 ед.), Государственного музея керамики «Усадьба Кусково», киевских музеев русского и украинского искусства (214 ед.) и др. Музей провел большую работу по возрождению народных промыслов в западных областях УССР. Было выявлено 72 народных мастера, которым сотрудники музея оказывали помощь в выборе тематики, а также снабжали их специальной литературой. В музее обсуждались новые произведения и исполнительская техника¹⁵ таких мастеров, как талантливые резчики по дереву В. П. Одреховский, А. П. Сухорский, В. Кищак, чеканщик А. Курочка, мастер гутного стекла П. Семененко.

Важным этапом в развитии обоих музейных учреждений стало объединение в 1951 г. Музея художественной промышленности Комитета

¹³ Ф. Колесса, *Улюблені пісні Івана Франка*, Львів, 1947; сб. «Фольклор вітчизняної війни», Львів, 1946; сб. «Українська радянська народна пісня», Львів, 1950, и др.

¹⁴ *Культурне будівництво в Українській РСР*, т. 2, Київ, 1961, стр. 58.

¹⁵ Архив ГМЭХП, ф. Музея художественной промышленности, оп. 1, ед. хр. 25, л. 36.

по делам искусства при Совете Министров УССР и Этнографического музея АН УССР в единый Государственный музей этнографии и художественного промысла АН УССР¹⁶. Укрупнение музея положительно сказалось на всей дальнейшей деятельности коллектива, способствовало росту его идейно-политического и профессионального уровня. Началась планомерная научная работа по исследованию культуры и быта украинского народа, художественных промыслов, народного декоративно-прикладного искусства в их историческом развитии и взаимосвязях.

Большое место в работе музея стала занимать культурно-просветительная деятельность. Новая экспозиция музея воспитывала трудящихся в духе дружбы народов, интернационального единения, гордости за наши общие достижения. Она получила высокую оценку посетителей музея, о чем свидетельствуют записи в «Книге отзывов» за 1952—1953 гг. «Я, простая рабочая, проходя по музею, вижу большую разницу между прошлым и настоящим. Мы благодарны Советскому государству за новую жизнь для украинского народа. В наших сердцах горит большая любовь к партии и правительству. Петрук М. К.»; «Посетив музей, мы, ленинградские комсомольцы, еще больше убедились в художественном мастерстве советских людей, замечательных тружеников Украины и Чукотки, РСФСР и других республик»; «Посещение Музея этнографии дало мне возможность еще глубже осознать мою ответственность за защиту нашей Великой Родины. Младший лейтенант Тарасов»¹⁷.

Музей, подобно живому организму, может успешно развиваться только постоянно пополняя свои фонды новыми материалами. Используя значительные ассигнования, отпускаемые государством, Музей этнографии и художественного промысла ежегодно увеличивает свои фонды

на 400—500 ед. хранения. С целью комплектования коллекций организуются экспедиции в определенные этнографические районы. В настоящее время число экспонатов в основных фондах Музея достигает 76 тыс. Распределяются они следующим образом: орудия сельскохозяйственного труда — около 2,5 тыс. ед., народная одежда — более 4 тыс. ед., народные ткани и ковры — около 2 тыс. ед., промышленные ткани — около 3 тыс. ед., вышивка — более 17 тыс. ед., керамика — 7760 ед., резьба по дереву — около 1 тыс. ед., бондарные изделия — около 1 тыс. ед., народные игрушки — около 1,2 тыс. ед., писанки — более 13 тыс. ед.; художественные изделия из металла: народные — около 2 тыс. ед., промышленные — 2,6 тыс. ед.; европейский и восточный фарфор, фаянс, художественное стекло — около 12 тыс. ед., художественная мебель — 800 ед. Имеется

Рис. 3. Глиняный кувшин. Работа народного мастера А. Бахматюка (вторая половина XIX в., с. Косов Ивано-Франковской обл.)

¹⁶ «Радянський Львів в документах і матеріалах. 1939—1955», Львів, 1956, стр. 591.

¹⁷ «Книга отзывов за 1952—1953 гг.», Архив ГМЭХП, фонд МЭХП, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 4, 32, 49.

Рис. 4. Часть экспозиции персональной выставки художницы-модельера С. В. Кульчицкой (1971 г.)

также несколько специальных коллекций: коптских тканей, гобеленов, кружев, слущких поясов, музыкальных инструментов, часов и др.

Исключительно богатые фонды музея дают возможность постоянно совершенствовать экспозицию и периодически устраивать тематические выставки. Ежегодно в музее организуются одна-две таких выставки. Наряду с ними музей практикует проведение передвижных выставок предметов, взятых из коллекций других крупнейших музеев страны, близких по профилю. Стало хорошей традицией проводить в музее персональные выставки местных художников и народных мастеров. Содержательными были, например, выставки моделей одежды с элементами украинского народного декора художницы-модельера С. Кульчицкой, художественного стекла мастеров А. Геры и Я. Мациевского, керамики Марии и Анатолия Курочек, персональные выставки художника-прикладника М. Биласа, театральной художницы И. Карпинец и др. В 1974 г. музей подготовил пять выставок. Две из них — юбилейные: одна посвящена 30-летию возрождения народной Польши, вторая — 30-летию освобождения г. Львова от немецко-фашистских захватчиков. Три выставки знакомили посетителей с разными видами искусства, в том числе и прикладного. Это выставки художественного стекла мастеров Львовщины, живописи Г. Смольского и уникальной коллекции часов XVI—XIX вв. из фондов Музея.

Музей поддерживает тесные контакты с производством. Лучшие образцы народного искусства, хранящиеся в фондах музея, с успехом используются текстильными и швейными фабриками, домами моделей многих городов нашей страны. Много ценного находят в музейных собраниях и народные мастера.

Частые гости в музее — театральные художники, работники кино, архитекторы, скульпторы, художники-графики. Музей практикует различные формы работы с ними. Это и показ фондовых коллекций, и научные консультации, и специальные лектории по вопросам народного искусства. Сотрудники музея выезжали на предприятия легкой промышленности для составления рекомендаций по улучшению качества и ассор-

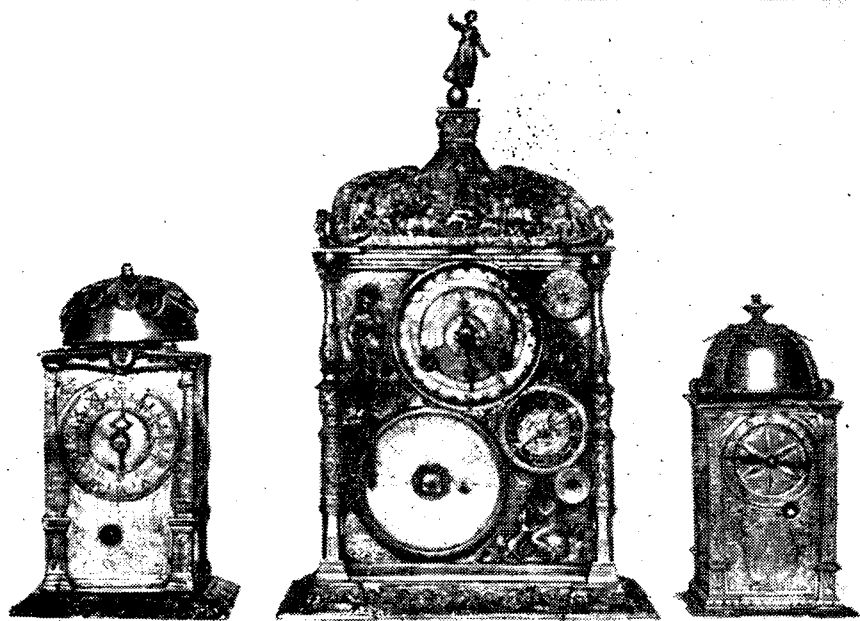

Рис. 5. Настольные часы (Германия, XVI—XVII вв.)

тимента продукции. В течение 1953—1973 гг. музей подготовил около 30 справок-рекомендаций, внедренных в производство, в частности, на трикотажных предприятиях г. Львова, художественных промыслах Закарпатья, скульптурно-керамической фабрике г. Львова, ткацкой фабрике в г. Черновцы, в артели им. К. Цеткин с. Решетилівка Полтавской области и в других местах. В 1973 г. отдел искусствоведения музея изучил состояние художественных промыслов на территории Львовской области и наметил перспективы их дальнейшего развития.

Музей уже давно стал базой для подготовки студентов и учащихся художественных вузов, училищ и школ. Они проходят здесь производственную и преддипломную практику. Научные сотрудники музея дают им квалифицированные консультации, читают лекции о народном искусстве.

Свои богатые фонды музей предоставляет широкому кругу ученых-исследователей: этнографам, искусствоведам, историкам, археологам. Большая исследовательская работа ведется и во всех трех отделах музея: этнографии; искусствоведения; фондов и музееведения. Его сравнительно небольшой коллектив за последние 23 года (1951—1974) опубликовал 17 монографий, 25 альбомов и каталогов, 36 брошюр и буклетов, 360 статей в сборниках и журналах, 85 статей в энциклопедических изданиях, много газетных статей. Пользуются популярностью серийные сборники музея «Материалы по этнографии и искусствоведению»¹⁸.

Отдел этнографии музея уделяет большое внимание исследованию социалистических преобразований в культуре и быту рабочих и крестьян западных областей УССР. По этой проблеме опубликованы монография И. Ф. Симоненко и ряд статей других сотрудников музея¹⁹.

¹⁸ «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства» (Збірник статей), вып. 1—8, Київ, 1954—1962.

¹⁹ Ф. Симоненко, Соціалістичні перетворення у побуті трудящих села Нересниці, Закарпатської області, Київ, 1957; Ю. Г. Гошко, Зміни в побуті трудящих західних областей України, «Народна творчість та етнографія», 1969, № 5; В. П. Васьків, Со-

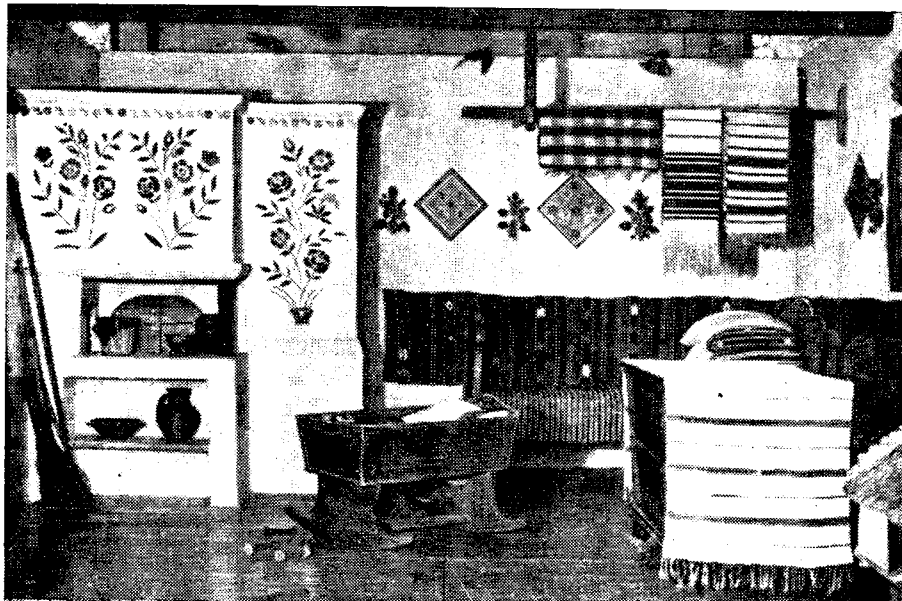

Рис. 6. Интер'єр подольської хати (XIX в.)

Становленню нового отряда рабочего класса Украины посвящена статья Н. П. Ковальского и С. И. Уваротова²⁰. Вопросы быта рабочих Западной Украины в историческом аспекте рассматриваются в монографии Ю. Г. Гошко и статье Д. И. Фиголя²¹.

Значительные успехи достигнуты сотрудниками в области исследования материальной и духовной культуры украинского народа. Опубликованы монографии Е. И. Матейко, Л. М. Сухой, М. Ф. Ломовой, ряд альбомов и статей²².

На протяжении ряда лет отдел этнографии изучает новую советскую обрядность. Им изданы два сборника статей²³, разработаны рекомендации-сценарии проведения новых советских праздников и ритуалов, таких как «Посвящение в рабочие», «Обряд посвящения в колхозники», «Вручение советских паспортов», «Проводы на пенсию» и др. Работа в этом направлении продолжается.

Отдел искусствоведения ведет свою работу по двум направлениям: исследует яркое и самобытное народное искусство в таких разнообразных его проявлениях, как резьба по дереву, народный художест-

ціалістичні перетворення у побуті трудящих села Ясенів, Олеського району Львівської області, сб. «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства», вип. 7—8, Київ, 1962; С. А. Макарчук, Нові риси в побуті робітників Прикарпаття; там же, и др.

²⁰ М. П. Ковальський, С. І. Уваротов, Формування та склад робітничих колективів Львівсько-Волинського вугільного басейну, «Український історичний журнал», 1970, № 2.

²¹ Ю. Г. Гошко, Громадський побут робітників Західної України (1920—1939 рр.), Київ, 1967; Д. І. Фиголь, До історії побуту робітників Львова в кінці XIX — початку XX ст., «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства», 1959, вип. 4.

²² К. І. Матейко, Народна кераміка західних областей Української РСР XIX—XX ст. Історико-етнографічне дослідження, Київ, 1959; Л. М. Суха, Художні металеві вироби українців Східних Карпат другої половини XIX—XX ст., Київ, 1959; М. Т. Ломова, Етнографічна діяльність І. Франка, Київ, 1957; альбоми: О. Л. Кульчицька, Народний одяг західних областей УРСР, Київ, 1959; «Квітуче народне мистецтво. Вишивка, тканини, кераміка та писанки на Сокальщині» (укладач В. А. Маланчук), Львів, 1964; «Художня кераміка західних областей Української РСР» (укладач К. І. Матейко), Київ, 1962.

²³ «Народні традиції сьогодні», Львів, 1963; «Окраса праці і побуту», Львів, 1969.

Рис. 7. Фрагмент ковра «Социалистическая Гуцульщина»

Рис. 8. Изразцы. Работа народного мастера А. Бахматюка (вторая половина XIX в., с. Косов, Ивано-Франковской обл.)

венный металл, керамика, комнатная роспись, народное зодчество, и изучает художественные промышленные и ремесленные изделия бытового назначения (фарфор, фаянс, художественные изделия из стекла, мебель и др.). Результаты этих исследований нашли отражение в ряде монографий²⁴. Изданы художественные альбомы памятников материальной культуры из коллекций музея²⁵.

Отдельную группу составляют исследования по истории украинской живописи и графики²⁶, статьи по орнаментальному оформлению украинской рукописной книги²⁷ и народному хореографическому искусству Прикарпатья²⁸.

Сотрудники отдела участвовали в подготовке и публикации шеститомной «Истории украинского искусства». За активное участие в ее создании заведующий отделом искусствоведения П. Н. Жолтовский отмечен Государственной премией УССР (1972 г.).

²⁴ А. Ф. Будзан, Різьба по дереву в західних областях України, Київ, 1960; Л. В. Долинський, Український художній фарфор, Київ, 1963; П. М. Жолтовський, Художній метал. Історичний нарис, Київ, 1972; его же, Художнє лиття на Україні XIV—XVIII ст., Київ, 1973; Ю. П. Лашук, Закарпатська народна кераміка, Ужгород, 1960; В. Ф. Рожанківський, Українське художнє скло, Київ, 1959.

²⁵ А. Ф. Будзан, Різьба по дереву, Роботи різьб'ярів Юри, Василя та Миколи Шкрібляків, Київ, 1960; П. М. Жолтовський, Художні металеві вироби західних областей Української РСР (XVI—XIX ст.), Київ, 1959; О. Л. Кульчицька, Архітектура Західної України, Курськ, 1956; «Мечислав Павловський» (автор вступної статті і упорядник Ф. С. Петрякова), Київ, 1972; и др.

²⁶ П. М. Жолтовський, Визвольна боротьба українського народу в пам'ятках мистецтва XVI—XVIII ст., Київ, 1958.

²⁷ Я. П. Запаско, Використання народного орнаменту в оформленні українських рукописних книг кінця XVI—першої половини XVIII ст., в сб. «Матеріали з етнографії та художнього промислу», вип. 2, Київ, 1956 и др.

²⁸ Р. Герасимчук, І. Сенів, Мистецтво, «Торжество історичної справедливості. Закономірність воз'єднання західноукраїнських земель в єдиній Українській Радянській державі», Львів, 1968.

Научные сотрудники отделов этнографии и искусствоведения участвовали в создании фундаментальных коллективных работ²⁹. Их статьи часто публикуются в периодических изданиях «Советская этнография», «Декоративное искусство СССР», «Народна творчість та етнографія» и др.

На протяжении многих лет, начиная с 1948 г., коллектив музея работает над созданием «Регионального историко-этнографического атласа Украины». Проведено комплексное исследование народной земледельческой техники, одежды, народного зодчества, предметов повседневного быта и других разделов материальной культуры населения западных областей УССР.

Музей включился в исследование Карпатского региона, ведущееся совместными усилиями этнографов, лингвистов и историков СССР, ПНР, ЧССР, ВНР, СРР. Сотрудники музея занимаются изучением этногенеза, народных промыслов, одежды, питания, народной медицины. По этой проблематике уже опубликован ряд статей³⁰.

Сотрудники музея готовят коллективную историко-этнографическую монографию «Бойковщина».

Недавно созданный отдел музееведения и фондов приступил к разработке проблем музееведения, определению научных принципов построения экспозиции, фондовой работе, консервации и реставрации музейных собраний. Начата подготовка к созданию обобщающей работы о музейном деле Украины дореволюционного и советского периодов.

С 1967 г. при музее существовал отдел народного строительства, на основе которого в 1971 г. во Львове был создан Музей народной архитектуры и быта под открытым небом. Сотрудники Музея этнографии и художественного промысла оказывают ему значительную помощь в научно-экспозиционной и исследовательской работе.

В сентябре 1974 г. коллектив музея торжественно отметил юбилей своего учреждения. К юбилею были выпущены красочный художественный альбом о наиболее ценных экспонатах из музейных собраний и библиографический указатель печатных трудов сотрудников музея³¹, подготовлено несколько монографий.

Музей получил дополнительно большое трехэтажное здание (в историческом центре города Львова — на площади Рынок), где будут размещены открытые фонды мебели и фарфора.

Состоялись торжественное заседание и научная конференция, посвященные 100-летию музея. На праздновании присутствовали представители партийных организаций и советских учреждений, научной и художественной общественности города, гости из Москвы, Ленинграда, Минска, Киева, республик Прибалтики, музейных центров Украины.

В свое второе столетие Львовский Государственный музей этнографии и художественного промысла вступает с новыми творческими планами.

---

²⁹ «Історія міст і сел Української РСР. Львівська область, Київ, 1968; «Торжество історичної справедливості».

³⁰ Ю. Г. Гошко, Народное зодчество в украинских Карпатах, «Карпатский сборник» (отв. ред. Ю. В. Бромлей), М., 1972; М. Д. Мандыбура, Гуцульское полонинское хозяйство второй половины XIX — начала XX в., там же; Е. И. Матейко, Этнографические особенности одежды бойков, там же; Л. Суха, Художественная обработка металла на Гуцульщине, там же.

³¹ «Бібліографія праць наукових співробітників Державного музею етнографії та художнього промислу АН УССР, 1951—1973» (укладачі — В. О. Гавриленко, Л. С. Хулаш), Львів, 1974.

Ю. Г. Самойлов

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОВАНОГО ЖЕЛЕЗА В АРХИТЕКТУРЕ РУССКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Русское народное жилище, с его высокими планировочными, конструктивными и художественными особенностями, создавалось широким кругом народных мастеров. Кроме талантливых плотников и искусных резчиков по дереву, жилище сооружали и умельцы разных других ремесел. Каменотесы строили из природного камня. Каменщики возводили кладовые и дома, используя тесаный, лекальный и раскрашенный кирпич как декоративный элемент. Печники выкладывали печи разнообразных форм и конструкций. Живописцы расписывали фронтоны и ставни изб, двери, потолки, перегородки и мебель. Кузнецы ковали двери и ставни, дверные запоры и ручки, всякую домашнюю утварь.

Однако вклад сельских мастеров (за исключением резчиков по дереву) в архитектуру народного жилища изучен недостаточно. Лишь некоторые — очень неполные — сведения о творчестве каменщиков, живописцев, кузнецов встречаются как сопутствующий материал в исследованиях по народной архитектуре.

Специального внимания заслуживают между тем изделия из кованого железа, несущие на себе следы горячей обработки и холоднойковки и обладающие высокими декоративными качествами. Их формы просты, пластичны и вместе с тем очень выразительны. В немногочисленных публикациях, посвященных этим изделиям¹, рассматриваются в основном либо металлические предметы крестьянского быта — светцы, подсвечники, сечки и т. д., либо архитектурные детали — личины замков, жуковины, решетки уникальных сооружений (дворец в с. Коломенское, церковь Иоанна Богослова на р. Ишне и др.) либо решетки, ограждения, навесы городских домов, создававшиеся под влиянием профессионального искусства (Великий Устюг). Анализируются, таким образом, лишь уникальные образцы народного искусства, причем определяющими признаками при отнесении к таковым являются, с точки зрения авторов, украшенность декоративными элементами, сложность рисунка и силуэта. Более простые, но не менее художественно ценные изделия народных мастеров-кузнецов почти полностью игнорируются, что дает неправильное представление об их искусстве. Кроме того, в названных работах

¹ Д. В. Прокопьев, Художественные промыслы Горьковской области, Горький, 1939; Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилище и хозяйственные строения), «Востонославянский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXI, М., 1956; Н. Р. Левинсон, Изделия из цветного и черного металла, «Русское декоративное искусство», т. I, II, III, 1962—1963; А. Е. Горпенко, Кованое железо Великому Устюга, «Сборник трудов Научно-исследовательского ин-та художественной промышленности», М., 1962; А. Чекалов, Русская народная мебель, «Декоративное искусство СССР», 1966, № 5.

совсем нет сведений о таких видах изделий из кованого металла, как дверные запоры, ручки, двери и др.

Интересные образцы кузнечного ремесла были обнаружены автором настоящей статьи при изучении народного жилища Горьковской области. Анализ собранных во время поисковых поездок материалов, использование данных предыдущих исследований, изучение музейных фондов позволяют сделать некоторые обобщения.

* * *

Кованные из железа изделия, применявшиеся в крестьянском жилище, можно условно разделить на две группы. Употреблявшиеся в быту предметы — светцы, подсвечники, сечки, посуда — служили элементами интерьера, в известной мере участвовали в его архитектурном решении, но не были связаны с какой-либо конструкцией или с постоянным местом расположения, а потому их роль в архитектуре народного жилища ограничена. Кованые двери, оконные ставни и решетки кладовых, личины амбарных замков, накладные запоры дверей и ворот, дверные ручки, петли-жуковины дверей, ворот и ставен — это элементы архитектурной конструкции, часто определяющие ее решение, а иногда и художественную форму и композицию. Личина замка — этот основной декоративный элемент рубленого амбара — делала замок более надежным, намертво скрепляя его с тяжелой деревянной дверью. Без петель-жуковин нельзя было навесить двери, ставни, ворота на косяк, колоду или верейные столбы. Форма кованных дверей или ставен кладовых определялась конструкцией проема в кирпичной стене, а их художественное решение — характером декоративного оформления крестьянской избы.

Одним из наиболее старых по своему происхождению видов изделий из кованого металла являются личины амбарных внутренних (нутряных) замков. Металлической кованой пластине придавалась ромбовидная или секирообразная форма, поверхность обрабатывалась чеканкой или просекалась. Для большей прочности пластину оковывали накладками и скрепляли с дверью и нутряным замком болтами и заклепками. Крупная по размерам, причудливая по силуэту личина из мягко поблескивающего кованого металла четко выделялась на потемневшей древесине амбарной двери — получался интересный декоративный элемент.

Личины, сохранившиеся кое-где в Горьковской области, повторяют традиционные формы, бытовавшие в других районах России². Встречаются секирообразные личины с простым, ясным силуэтом, на плоскости их выделяются кованные головки заклепок и более сложные, с обильным орнаментом образцы. Таким личинам кузнец придавал нарядный силуэт, а поверхность украшал чеканкой и просечным орнаментом, накладными «рельями» с чеканкой. Повторяющая силуэт боевой секиры личина с богатой отделкой, раскрашенная киноварью, хранится в коллекции Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Сравнение различных образцов показывает, что мастер часто добивался высокого художественного результата не только с помощью всевозможной декоративной обработки, но и благодаря тонко прочувствованным пропорциям простого рисунка.

Из истории русской архитектуры известно, что личины, которые применялись в народном зодчестве лишь на амбарных дверях, в более ранние периоды широко использовались в культовых и гражданских сооружениях. Личины, аналогичные по рисунку описанным выше, можно видеть на церкви в с. Холм Костромской области (1552 г.), церкви

² Это особенно наглядно выступает при сравнении с личинами, бытовавшими в Моложском уезде Ярославской губернии, опубликованными Е. Э. Бломквист (см. Е. Э. Б л о м к в и с т, Указ. раб., стр. 312).

Иоанна Богослова на р. Ишне в Ярославской области (1687 г.), во дворце в с. Коломенском (XVII в.), в церкви с. Троицкое Горьковской области (1713 г.). Распространение секирообразных личин на такой обширной территории уже в XVI в., по мнению С. Я. Забелло, говорит о древнем происхождении этой декоративной формы³, дошедшей до нас в изделиях сельских кузнецов.

Большую изобретательность и выдумку проявляли мастера при изготовлении различных нутряных замков и запоров. Надежные, удобные в

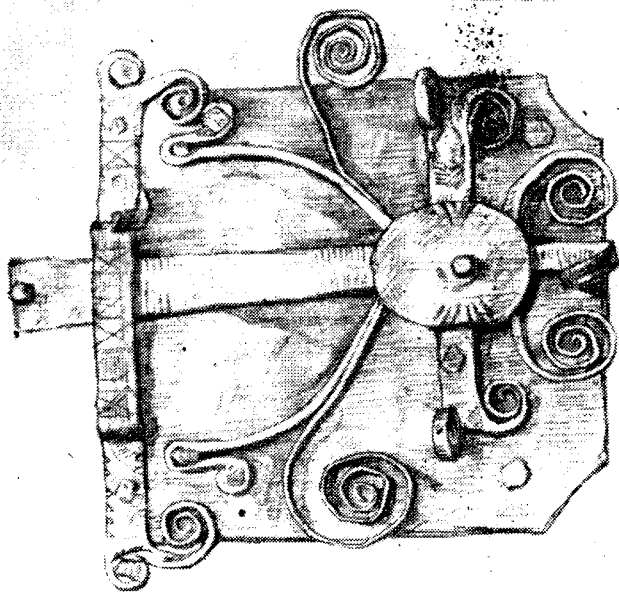

Рис. 1. Запор-щеколда конца XIX в. из д. Мары Бутурлинского р-на. Этот и остальные рисунки и фото к статье выполнены автором

пользовании, долговечные, они получались еще и красивыми по форме, декоративными.

В Горьковской области встречаются три вида запоров — щеколды, засовы и петли. Щеколда — самозакрывающийся запор; она представляет собой кованую пластину, которая удерживается в постоянном положении припаянными к ней более тонкими стальными полосками, выполняющими роль пружин. Наезжая при закрывании двери на вбитую в дверной косяк кованую бородку, пластина отходит и зацепляется за нее. Запор связан с ручкой, расположенной снаружи. При ее повороте дверь отворяется. Интересна конструкция запора, широко распространенного в юго-восточных районах области — Бутурлинском, Вадском, Больше-Мурашкинском и др. Ручка запора представляет собой кованое кольцо, продетое через бородку, навинчивающуюся на ось запора. Сам запор — кованый плоский стержень с пружиной, насаженный на ось и укрепленный на металлическом листе (рис. 1). Чтобы отпереть дверь, достаточно повернуть кольцо, чтобы запереть — вывинтить кольцо, выполняющее роль ключа.

Чтобы придать декоративность запору, мастера расчленили в горячем состоянии металл, завивали его в спиральные завитки, насекали поверхность несложным рисунком, украшали металлическую основу чеканкой,

³ С. Я. Забелло, Костромская экспедиция, «Архитектурное наследие», 1955, № 5.

места сочленения элементов у оси прикрывали накладным «репейком». Порой, как бы любуясь своей властью над металлом, они создают фантастические композиции, где конструктивно необходимые элементы переходят в декоративные, один завиток — в другой, и все это с большим чувством меры и изяществом.

Дверные замки — засовы, предназначенные для запираания двери изнутри, наружной ручки не имели. Они или вообще снаружи не открывались, или открывались специальным ключом.

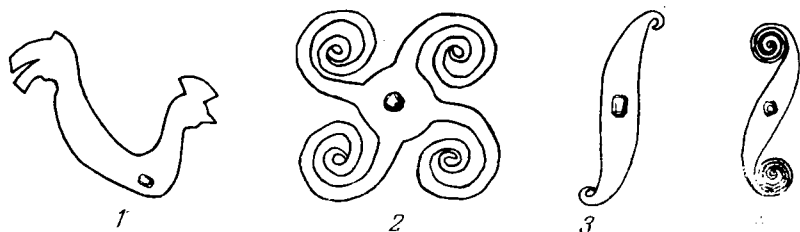

Рис. 2. Дверные ручки-вертушки XIX в.: 1, 2 — из с. Зимёнки Семеновского р-на; 3, 4 — из г. Семенов

Запоры-петли, накладываемые на «ушко» с круглым отверстием, имели форму насаженной на ось пластины с прорезью. Такие запоры иногда делались как часть петли-жуковины, на которой удерживалась дверь. Оформлялись они несложным орнаментом, либо геометрическим, нанесенным зубильцами, либо в виде звездочек, отчеканенных пуансо-

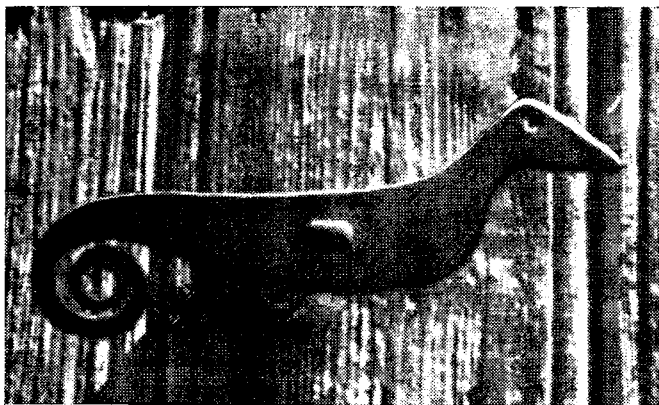

Рис. 3. Дверная ручка-вертушок конца XIX в. из с. Большое Мурашкино, 1956 г.

нами; эти два орнамента могли сочетаться. Запор — часть жуковины покрывался тем же орнаментом, что и петля.

Ручки запоров, встречающиеся на территории Горьковской области, очень разнообразны, многие из них высокохудожественны. Кроме ручек в виде свободно подвешенного кольца, повсеместное распространение получили так называемые вертушки (рис. 2). Дверь отпиралась поворотом такой ручки вокруг оси.

Наиболее старые ручки-вертушки (1817) обнаружены на жилом доме Тараканова в с. Зимёнки Семеновского района⁴. Вертушок дверей на главном фасаде сделан в виде обобщенной стилизованной фигуры пе-

⁴ Е. А. Белоусова, Архитектура крестьянского жилища конца XVIII и первой половины XIX в. в Горьковской области, «Архитектурное наследство», 1955, № 5.

туха. Мастер с доброй иронией выковал эту хорошо всем знакомую птицу, искусно обыграв ее силуэт, чтобы ручка была удобна для пользования. Другая ручка-вертушок имеет богатую пластичную свастикообразную форму, образуемую четырьмя спиральными завитками. Сама эта форма динамичная, полная движения, будто просит повернуть ручку. Выявление этого основного назначения изделия (движение, поворот) лежит в основе ручек S-образной формы, особенно распространенных в Семеновском районе. Такие вертушки можно увидеть на некоторых домах в г. Семенов и на доме Лапшина в д. Пестово Городецкого рай-

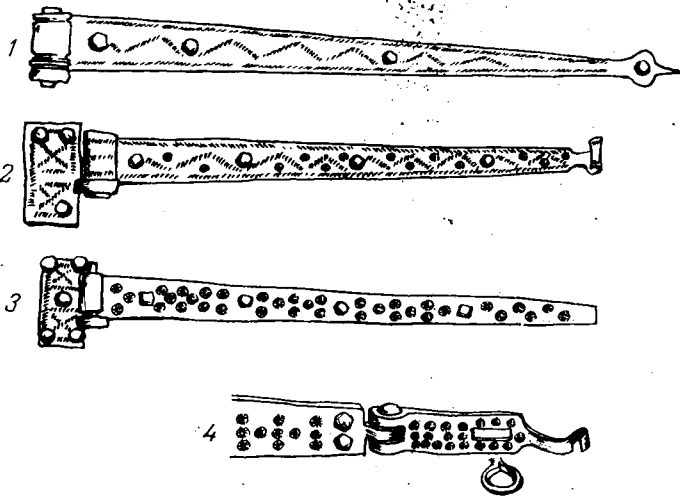

Рис. 4. Дверные петли-жуковины второй половины XIX в.: 1 — из д. Мары Бутурлинского р-на; 2, 3, 4 — из с. Безводное Кстовского р-на

она⁵. S-образные ручки неодинаковы по рисунку: то они массивны и заканчиваются небольшим завитком, то напоминают по очертаниям стилизованную голову коня, то образуют сложную спиралевидную форму. Чувство меры никогда не покидает мастера, всегда ощущается в изделии материал, видна конструктивная логика.

Интересная по замыслу, изысканная по рисунку и пропорциям ручка обнаружена на жилом доме Е. Х. Телициной в с. Большое Мурашкино (рис. 3). S-образная форма ручки интерпретирована в сказочную птицу, хвост которой завит в красивую спираль. Ударом пуансона наметен глаз птицы в виде звездочки.

С особым старанием работали кузнецы над дверными ручками, располагавшимися на «красном» месте, на фасаде дома.

В основу декоративных форм рассмотренных выше ручек положены очень древние мотивы. Изображение птицы, излюбленное в русском декоративном искусстве и народной архитектуре⁶ — отзвук языческой мифологии, связанной с культом солнца. Другие элементы — орнамент в виде буквы S, свастикообразные эмблемы, широко применяющиеся в конце бронзового — начале железного века в Европе, — соотносятся многими исследователями с символическим изображением бога Солнца. На эту связь указывал еще в начале XX в. А. А. Бобринский, говоря о связи древних языческих символов с декоративным искусством русско-

⁵ Е. А. Белоусова, Указ. раб.

⁶ С. Л. Агафонов, Архитектура и зодчие Нижегородского края, «Люди русского искусства», Горький, 1960, стр. 392.

го народа⁷. Несомненно, со временем древний смысл изображений был утрачен, у них появились новые значения, но передаваемые из поколения в поколение традиционные мотивы сохранились до наших дней.

Петли-жуковины, применяемые в крестьянском быту для навески дверей и ворот, имели форму, которая определялась конструкцией дверей и ворот. Из-за небольшой ширины обвязок или поперечин жуковины выполнялись в виде узкой, насаженной на ось полосы с отверстиями для гвоздей. Изделия кузнецов, ограниченных очень тесными рамками конструкции, тем не менее не повторяли друг друга, а были индивидуальны (рис. 4). Это достигалось за счет придания, различных форм концам жуковин и изменения декоративной обработки плоскостей. Конец петли то заострялся в виде копыя, то просто обрубался. Ему придавали также форму лепестка или цветочного бутона. При помощи зубильцев и пуансонов всевозможных размеров и рисунков поверхность петли покрывали несложным орнаментом из волнообразных или крестообразных линий и звездочек, ритм которого определялся коваными головками гвоздей, скрепляющих петлю с основой. Петли оконных ставен украшались с помощью того же приема, что и жуковины, т. е. насечками, сделанными зубильцами и пуансонами.

Простота декора петель-жуковин объясняется их утилитарностью и второстепенной ролью в композиции архитектурной детали. Характер отделки органично сочетался с назначением изделий: мастер стремился не к самостоятельному декоративному акценту, а как бы придавал обрабатываемой плоскости какую-то фактуру. На примере петель-жуковин можно убедиться в большой устойчивости декоративных мотивов в кузнечном ремесле. Сравнивая их с сохранившимися жуковинами из дворца в Коломенском⁸, легко убедиться, что приемы декоративной обработки на протяжении трех столетий оставались неизменными.

Во второй половине XIX в. в связи с развитием строительства народного жилища из огнестойких материалов (кирпич, камень и др.), особенно в юго-восточных уездах Нижегородской губернии, широкое распространение получили железные двери, решетки, ставни кузнечной работы на кладовых — в двухэтажных жилых домах, домах-полудомках (рис. 5), в одноэтажных домах, где кладовые пристраивались, и в отдельно стоящих кладовых. Дома с кладовыми строились зажиточной прослойкой сельского населения, значительной в крупных поволжских селах и хлебородных уездах.

⁷ А. А. Бобринский, Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода, вып. V, М., 1918.

⁸ Фотографию одной жуковины из этого дворца см. в статье В. Грибкова «Русское кованое железо», «Декоративное искусство СССР», 1964, № 9, стр. 21.

Рис. 5. Жилой дом-полудомок конца XIX в. с кованой дверью кладовой из с. Варганы Лысковского р-на. 1967 г.

Кованые двери и решетки, запираемые хитроумными внутренними и висячими наружными замками, надежно берегли достояние хозяина. Вход в кладовую занимал ведущее место в композиции фасада дома, располагаясь на его главной оси, поэтому отделке двери и окон кладовых уделялось очень большое внимание. Решетки и решетчатые двери ставились в оконных и дверных проемах кладовых и для того, чтобы можно было проветривать помещение. При открытых дверях и ставнях эти детали хорошо просматривались с улицы, что требовало от мастера их искусного выполнения.

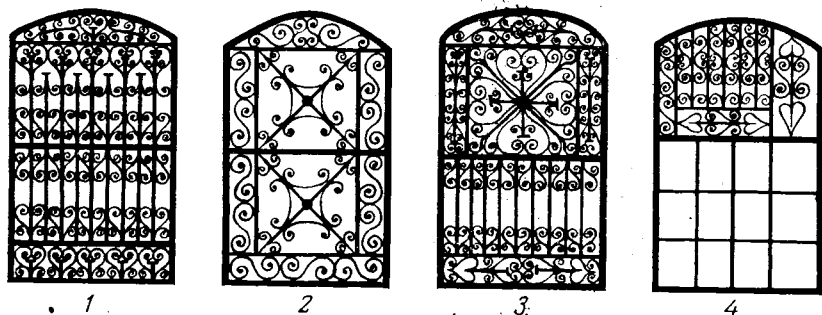

Рис. 6. Основные типы кованых дверей: 1 — с метрическим рисунком каркаса; 2 — с центрическим рисунком каркаса; 3 — со смешанным рисунком каркаса; 4 — с асимметричным рисунком каркаса

Кованые двери состоят из конструктивной основы — обвязки по контуру и средней поперечины из полосового железа, стержней, членящих двери на отдельные части, и декоративных гнутых элементов из полосового железа, скрепленных с металлическим листом заклепками. К обвязке крепятся металлические детали для навески двери и засов с петлями для висячего замка. Изнутри к обвязке прикреплен кованый крючок, а иногда и внутренняя замочная скважина. Конструкция ставен аналогична конструкции дверей, но наружного запора они не имеют и запираются крючком изнутри. Оконные решетки обычно наглухо заделывались в кладку, а внутренние решетчатые двери, имея ту же конструктивную основу, что и наружные, выполнялись более легкими и изящными. Форма и размеры дверей и ставен полностью определялись формой и размерами проемов, а поэтому чаще всего двери и ставни изготовлялись прямоугольными, с изогнутым верхом различной кривизны, так как при кирпичном строительстве применялись для перекрытия проемов лучковые перемычки.

Декоративный рисунок, украшающий кованые двери, удивительно разнообразен и в большинстве случаев не повторяется. То он строг, геометрически правилен, уравновешен и упорядочен, то расцветает многочисленными розетками и фантастическим каскадом спиралевидных завитков и «червонок», то, утратив упорядоченность и симметрию, строится из чистых плоскостей и мелких криволинейных элементов.

Анализируя многочисленные приемы украшения дверей, приходим к выводу, что среди них можно выделить несколько характерных типов (рис. 6). К первому типу относятся двери, у которых рисунок образуют прямые стержни, расположенные вертикально на равном расстоянии друг от друга (рис. 6, 1). Свободное пространство между ними мастер заполняет коваными завитками, по-разному их сочетая и komponуя, он создавал красивый, строгий рисунок из ритмически повторяющихся по горизонтали и вертикали элементов. Лучковая часть заполняется элементом с симметричным рисунком, вписанным в криволинейную плоскость.

Для второго типа дверей характерен центрический или смешанный рисунок. Плоскость двери разбивается на несколько квадратных и прямоугольных полей. Квадратные плоскости заполняются коваными элементами в виде центрического рисунка из криволинейных и прямолинейных элементов со спиралевидными завитками, составляющими сложные розетки (рис. 6, 2). Однако чаще встречаются двери со смешанным рисунком: верхняя половина их украшается розеткой из кованных элементов, нижняя имеет четкий метрический ряд из орнамента, аналогичного

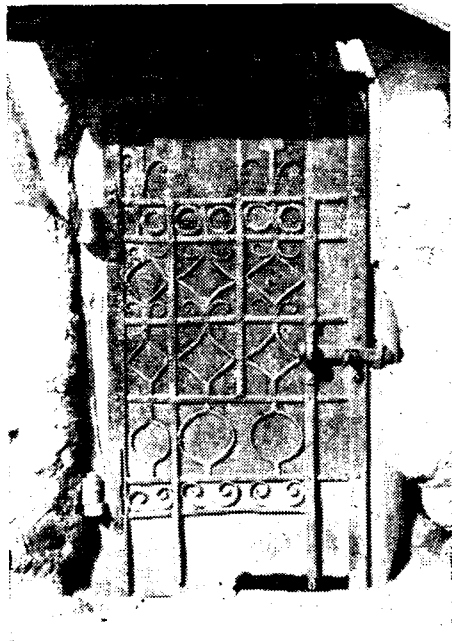

Рис. 7. Кованая дверь кладовой из с. Варганы Лыковского р-на. 1967 г.

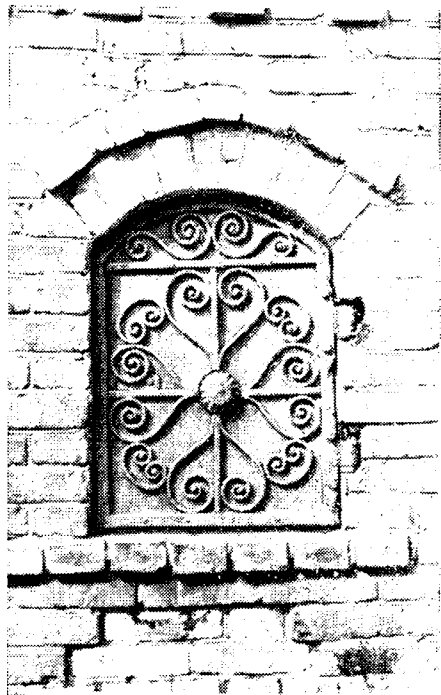

Рис. 8. Кованый ставень из с. Вазьянка Спасского р-на. 1967 г.

тому, который применяется в первом типе (рис. 6, 3). Главный элемент рисунка на двери — сложная розетка из пышно извивающихся завитков, сплетающихся в побеги — черwonки; ее центр, как правило, украшался небольшим накладным репейком из кровельного железа. Этим двум типам дверей присущ очень четкий, строго симметричный рисунок из повторяющихся по размерам и очертаниям элементов.

Особый тип составляют двери кладовых с асимметричным рисунком каркаса (рис. 6, 4). Прямолинейные стержни, располагаясь свободно, местами сбиваясь с основного ритма, членят плоскость двери на прямоугольники, заполняемые декоративными элементами или свободные от них (рис. 7).

Встречаются также двери, у которых рисунок идет полосой по периметру, или богато украшена нижняя часть, отличающаяся пышным симметричным орнаментом, который уравновешивает верхнюю, лучковую часть.

Иные двери имеют рисунок, не подходящий ни под один из разобранных типов.

Столь же разнообразны по рисунку и кованые ставни — здесь встречаются и орнамент из метрически повторяющихся элементов, и всевозможные розетки (рис. 8). Ставни и двери обычно выполнялись одним и

Кованые двери и решетки, запираемые хитроумными нутряными и висячими наружными замками, надежно берегли достояние хозяина. Вход в кладовую занимал ведущее место в композиции фасада дома, располагаясь на его главной оси, поэтому отделке двери и окон кладовых уделялось очень большое внимание. Решетки и решетчатые двери ставились в оконных и дверных проемах кладовых и для того, чтобы можно было проветривать помещение. При открытых дверях и ставнях эти детали хорошо просматривались с улицы, что требовало от мастера их искусного выполнения.

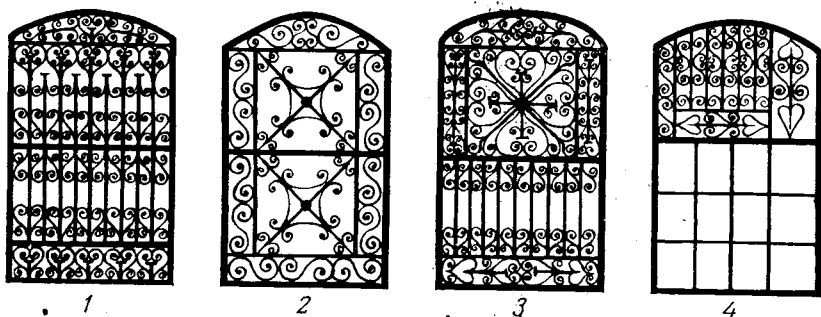

Рис. 6. Основные типы кованых дверей: 1 — с метрическим рисунком каркаса; 2 — с центрическим рисунком каркаса; 3 — со смешанным рисунком каркаса; 4 — с асимметричным рисунком каркаса

Кованые двери состоят из конструктивной основы — обвязки по контуру и средней поперечины из полосового железа, стержней, членицы двери на отдельные части, и декоративных гнутых элементов из полосового железа, скрепленных с металлическим листом заклепками. К обвязке крепятся металлические детали для навески двери и засов с петлями для висячего замка. Изнутри к обвязке прикреплен кованый крючок, а иногда и нутряной замок. Конструкция ставен аналогична конструкции дверей, но наружного запора они не имеют и запираются крючком изнутри. Оконные решетки обычно наглухо заделывались в кладку, а внутренние решетчатые двери, имея ту же конструктивную основу, что и наружные, выполнялись более легкими и изящными. Форма и размеры дверей и ставен полностью определялись формой и размерами проемов, а поэтому чаще всего двери и ставни изготовлялись прямоугольными, с изогнутым верхом различной кривизны, так как при кирпичном строительстве применялись для перекрытия проемов лучковые перемычки.

Декоративный рисунок, украшающий кованые двери, удивительно разнообразен и в большинстве случаев не повторяется. То он строг, геометрически правилен, уравновешен и упорядочен, то расцветает многочисленными розетками и фантастическим каскадом спиралевидных завитков и «червонок», то, утратив упорядоченность и симметрию, строится из чистых плоскостей и мелких криволинейных элементов.

Анализируя многочисленные приемы украшения дверей, приходим к выводу, что среди них можно выделить несколько характерных типов (рис. 6). К первому типу относятся двери, у которых рисунок образуют прямые стержни, расположенные вертикально на равном расстоянии друг от друга (рис. 6, 1). Свободное пространство между ними мастер заполняет коваными завитками, по-разному их сочетая и komponуя, он создавал красивый, строгий рисунок из ритмически повторяющихся по горизонтали и вертикали элементов. Лучковая часть заполняется элементом с симметричным рисунком, вписанным в криволинейную плоскость.

Для второго типа дверей характерен центрический или смешанный рисунок. Плоскость двери разбивается на несколько квадратных и прямоугольных полей. Квадратные плоскости заполняются коваными элементами в виде центрического рисунка из криволинейных и прямолинейных элементов со спиралевидными завитками, составляющими сложные розетки (рис. 6, 2). Однако чаще встречаются двери со смешанным рисунком: верхняя половина их украшается розеткой из кованных элементов, нижняя имеет четкий метрический ряд из орнамента, аналогичного

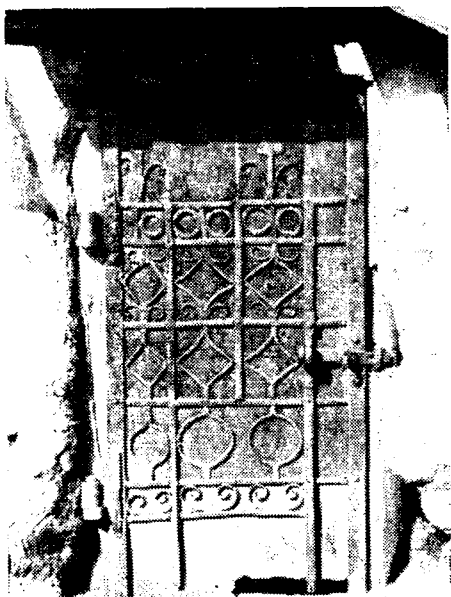

Рис. 7. Кованая дверь кладовой из с. Варганы Лысковского р-на. 1967 г.

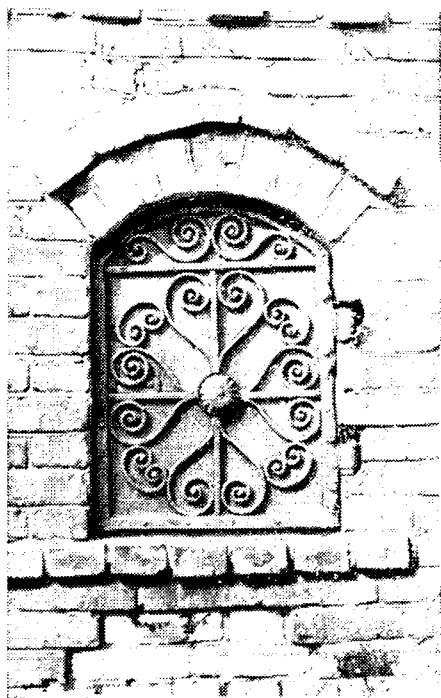

Рис. 8. Кованый ставень из с. Вазьянка Спасского р-на. 1967 г.

тому, который применяется в первом типе (рис. 6, 3). Главный элемент рисунка на двери — сложная розетка из пышно извивающихся завитков, сплетающихся в побеги — червонки; ее центр, как правило, украшался небольшим накладным релейком из кровельного железа. Этим двум типам дверей присущ очень четкий, строго симметричный рисунок из повторяющихся по размерам и очертаниям элементов.

Особый тип составляют двери кладовых с асимметричным рисунком каркаса (рис. 6, 4). Прямолинейные стержни, располагаясь свободно, местами сбиваясь с основного ритма, членят плоскость двери на прямоугольники, заполняемые декоративными элементами или свободные от них (рис. 7).

Встречаются также двери, у которых рисунок идет полосой по периметру, или богато украшена нижняя часть, отличающаяся пышным симметричным орнаментом, который уравнивает верхнюю, лучковую, часть.

Иные двери имеют рисунок, не подходящий ни под один из разобранных типов.

Столь же разнообразны по рисунку и кованные ставни — здесь встречаются и орнамент из метрически повторяющихся элементов, и всевозможные розетки (рис. 8). Ставни и двери обычно выполнялись одним и

тем же кузнецом. Для ставен использовался орнамент, близкий орнаменту двери — он как бы повторял рисунок одной из декоративных плоскостей двери.

Орнамент оконных решеток и решетчатых дверей, хорошо видимый снаружи на темном фоне помещения или темным силуэтом смотрящийся изнутри, более прост и легок. Чаще всего он имеет «купчатый» рисунок, т. е. рисунок, построенный повторением единообразных составных частей, создающих островажные просветы; иногда встречаются решетки, набранные из элементов в виде буквы S.

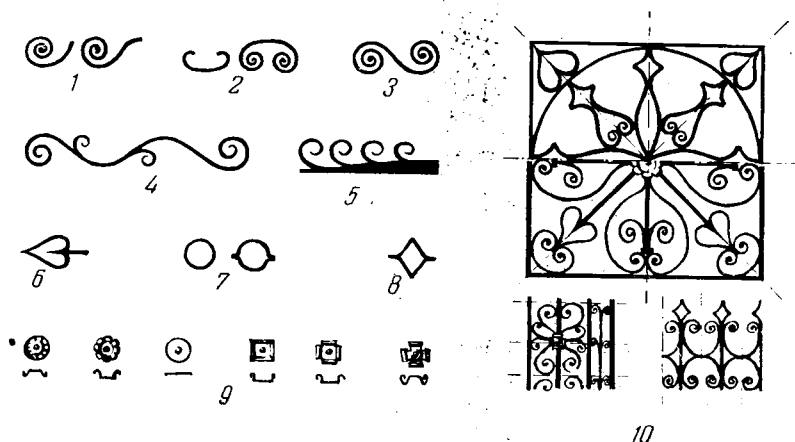

Рис. 9. Основные декоративные элементы кованых дверей и ставен: 1, 2 — спиральные завитки; 3 — «S»-образный завиток; 4 — волнообразный побег; 5 — растительный побег; 6 — сердцевидная червонка; 7 — круги; 8 — ромб; 9 — розетки из кровельного железа; 10 — компоновка более сложных узоров из исходных элементов

Разнообразные и редко повторяющиеся кованые орнаменты на дверях, ставнях и решетках кузнецы компоновали из сравнительно небольшого набора исходных элементов (рис. 9), которые, так или иначе сочетаясь, создавали все это богатство форм и мотивов: спиралевидные (одинарные и двусторонние) и S-образные завитки, волнообразные и растительные односторонние или двусторонние побеги, червонки (сердцевидные фигуры). Применялись, но реже, круги и ромбы. Рисунок этих деталей вытекал из свойств материала и технологии его обработки. Раскаленное докрасна железо легко поддавалось обработке: кузнец расщеплял полосу и, завивая ее концы, расслаивал на несколько частей. Затем с помощью молотка и клещей из закрученных лепестков создавал буйные побеги, отдельные завитки соединял в пышный узор.

Чисто декоративный на первый взгляд орнамент выполнял и значительные конструктивные функции, так как способствовал большей надежности дверей и ставен. Неразрывное единство формы и конструкции — существеннейшая черта предметов быта и архитектурных элементов из металла — присуще и кованым дверям, ставням и решеткам.

Несомненно, рассмотренные нами декоративные формы заимствованы от церковных решеток. Купчатые оконные решетки уже в XVI в. широко применялись в гражданском и церковном строительстве; червонки были популярнейшим мотивом русского декоративного искусства. Ими украшены решетка галереи-паперти церкви Николы Мокрого в Ярославле (1657), оконные решетки церкви Рождества в Нижнем Новгороде (1719). Волнообразный побег с отходящими от него спиральными завитками широко применялся уже в XIII в.⁹ Каждый мастер-кузнец, исполь-

⁹ Примером может служить фриз на стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1234 г.).

зую хорошо известные приемы и мотивы, выработанные многими поколениями народных умельцев, вносил в них что-то индивидуальное. Один ковал суховатые, геометрически точные фигуры и располагал их в строгом порядке по основным осям орнамента, другой, не заботясь о математической точности формы, старался сделать элементы орнамента более пластичными, не похожими один на другой, третий не уделял внимания деталям, зато интересно решал композицию в целом. Узорчатые украшения на редкость удачно сочетались с пропиленной резьбой на деревянных домах, мотивы которой были близки тем, что использовались для украшения кованых изделий, и с пластичной кирпичной кладкой из лекального и тесаного кирпича.

* * *

Сельское кузнечное производство, в том числе и изготовление изделий для жилища, существовало на Руси уже с X в. В X—XIII вв. в русской деревне были освоены все важнейшие технические приемы обработки железа: сварка, клепка пластин, наваривание стальных лезвий, пробивание отверстий, кручение, закалка стали. Кузнецы в те далекие времена пользовались теми же инструментами, которые мы находим в современной кузнице. Более того, основные конструктивные решения сельскохозяйственных орудий из кованого железа были найдены уже в то время¹⁰. Декоративные формы архитектурных элементов — личин замков, запоров, ручек, петель-жуковин и др., — по-видимому, зародились тогда же и дошли без каких-либо существенных изменений до настоящего времени.

Широкое развитие в XV—XVI вв. в крупнейших русских городах кузнечного ремесла, возникновение в XVII и особенно в XVIII в. новых центров добычи и обработки черных и цветных металлов в Москве, Калуге, Костроме, Туле, Ярославле, в Нижегородской губернии и на Урале, а также отмена в 1753 г. внутренних таможенных сборов способствовали более широкому применению черного металла для нужд сельского населения¹¹. Для сельского кузнечного дела в Нижегородской губернии имело большое значение появление Выксунского железодельного района (Выксунский, Ухтенский, Гусевский, Велетминский, Илевский, Железницкий заводы). Сравнительно дешевое местное железо поступало на местные торги и Нижегородскую ярмарку и отсюда расходилось по деревням. Благодаря мощной сырьевой базе не только начали действовать крупные помещичьи заводы в Павлове и Ворсме, производившие ножи, замки, ножницы, ружья и другие металлические изделия, но и стимулировалось развитие металлических промыслов в окрестных деревнях и в губернии¹².

Кузница была неслучайной принадлежностью русской деревни, а ремесло кузнеца редким и почетным — оно переходило от отца к сыну, от деда к внуку. «Кузнечество составляет наследственное достояние семьи и, по словам кузнецов, существует издревле»¹³.

Тонкое проникновение в секреты кузнечного мастерства, которые накапливались из поколения в поколение, позволяло мастерам создавать изделия, отмеченные высоким искусством и профессиональным совершенством. Зона распространения изделий, выполняемых тем или иным мастером, была небольшой, и это вызывало к жизни местные оригиналь-

¹⁰ Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, М., 1948, стр. 133—140.

¹¹ Н. Р. Левинсон, *Указ. раб.*, т. II, стр. 397.

¹² С. И. Архангельский, *Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв.*, Горький, 1950, стр. 87—101.

¹³ И. И. Звездин, *Кузнечное производство Нижегородского уезда, Нижегородской губернии*, «Нижегородский сборник», т. VII, Нижний Новгород, 1887, стр. 214.

ные приемы конструирования и декоративной обработки, рождало многообразие художественных решений.

Вторая половина XIX в. отмечена в Нижегородской губернии широким развитием кустарных промыслов. Изготовление ножевых и скобяных товаров, плотницких, слесарных и столярных инструментов, сельскохозяйственных орудий, домашней утвари, проволочной сетки и гвоздей, цепей, рыболовных снастей и других изделий из черного металла наблюдается в Нижегородском, Балахнинском, Горбатовском, Арзамасском, Княгининском, Лукояновском, Лысковском уездах¹⁴.

Развивались и художественные металлические промыслы. В Лыскове делали окованные железом шкатулки, сундучные и амбарные навесные замки, в Нижегородском и Княгининском уездах — железные решетки для церковных оград и дверей, в Павлове — навесные замки. Разные домашние вещи и архитектурные изделия из кованого металла постепенно входили в крестьянский быт.

Возникновение кузнечного промысла по изготовлению железных дверей, ставен и решеток, по-видимому, относится к 60—70-м годам XIX в. В эти годы двери не украшались и состояли из сетки взаимно перпендикулярных полос, скрепленных заклепками с металлическим листом, который обычно окрашивали масляной краской. Богатую декоративную отделку начинают применять в конце 70-х — начале 80-х годов. Так, на двери кладовой в доме А. В. Карагановой в с. Вазьянка Спасского района (1880) имеется рисунок, ставший позднее традиционным. Просуществовав 40—50 лет, этот промысел угас. Последние изделия относятся к 20-м годам XX в. Кованые решетки, ставни и двери, которые можно увидеть на современных домах, перенесены сюда с более ранних построек.

Появление, быстрый расцвет и широкое распространение этого народного промысла не были случайными. Решетки и ограды для церквей изготовлялись кузнецами в Нижегородской губернии издавна. Прекрасные по рисунку оконные решетки украшают Строгановскую церковь Рождества. Замечательной решеткой в 1865 г. был огорожен ансамбль церквей в с. Николо-Погост Городецкого района. В губернии имелись очень опытные мастера, придерживавшиеся определенных художественных традиций. Эти-то традиции и были использованы затем при создании новых в крестьянском быту изделий. В публиковавшихся тогда материалах о кузнечных промыслах довольно часто упоминается о производстве церковных решеток и дверей¹⁵. Хотя эти материалы не содержат сведений об изготовлении в упоминаемых кузницах дверей, ставен и решеток для крестьянских кладовых, вполне можно предположить, что отсюда выходили и эти изделия.

Большинство решеток, ставен и дверей с украшениями, которые встречаются на территории современных Спасского, Лысковского районов, были изготовлены братьями Балдинами из с. Белозериха Лысковского района. Ими же выполнены решетки, двери и ограда для церкви в с. Вазьянка Спасского района (1911 г.). Есть указания, что кованые двери, ставни и решетки для крестьянских домов делались и в с. Княгинино.

Над внутренними замками обычно трудились другие кузнецы, специализировавшиеся на их производстве. Так, большая часть замков на дверях, изготовленных Балдинами, сработана в с. Варганы Лысковского

¹⁴ «Промыслы Нижегородской губернии», Нижний Новгород, 1878; М. А. Плотников, Кустарные промыслы Нижегородской губернии, Нижний Новгород, 1894; М. Соловьев, Металлические промыслы Нижегородской губернии, «Кустарная промышленность Нижегородской губернии», вып. I, Нижний Новгород, 1916.

¹⁵ И. И. Звездин, Указ. раб., стр. 214; Н. И. Русановский, Кузнечный промысел Княгининского уезда Нижегородской губернии, «Нижегородский сборник», т. IX, стр. 197. В этих статьях можно найти и некоторые сведения о творческом процессе мастера-кузнеца.

района. Умение и искусство сельских кузнецов были оценены уже тогда: «Рисунки для решеток составляются самими кузнецами»¹⁶; «...во всей его (кузнеца Угланова.— Ю. С.) работе видна везде чистота и искусство. Всякую решетку он делает, конечно, по рисунку... он составляет их сам, и многие выходят до того красивы, что иной знаменитый мастер только подивится»¹⁷. Мастера работали поистине творчески, не копируя готовых образцов, они находили новые решения, искусно применяя традиционные приемы, декоративные формы и мотивы.

Художественная работа кузнецов ценилась очень высоко, а сам промысел приносил мастерам значительный доход. Цена за изделия назначалась в зависимости от его веса. Чем более сложным был рисунок на двери, тем тяжелее она была. Кузнецы Балдины брали по 4 р. 50 к. за пуд веса (вес двери обычно колебался в пределах от 4 до 6 пудов). Аналогичные сведения приведены и в печатных источниках: «Решетки работают по весу, из железа кузнеца, по 4 р. за пуд. Железо для них идет от 1 р. 60 к. до 2 р. за пуд»¹⁸. Разумеется, заказать мастеру кованые двери, ставни и решетки было по карману лишь наиболее зажиточной части сельского населения.

* * *

Обзор архитектурных деталей из кованого железа, применявшихся в народном зодчестве Горьковской области, показывает, что народные мастера в совершенстве владели мастерством обработки железа, умели выявить красоту материала, его тектоничность и пластическую выразительность. Форме изделий всегда присуща конструктивность, а степень декоративной обработки определяется местом детали в композиции экстерьера или интерьера сооружения. Сельские кузнецы донесли до наших дней декоративные мотивы, формы, способы обработки кованого железа, истоки которых теряются в глубине веков. Это относится прежде всего к тем изделиям, которые появились еще в Киевской Руси (личины, ручки замков, жуковины). В их формах отразились древнейшие символы языческой мифологии, древние приемы кузнечного мастерства. Возникновение у сельского населения пореформенной России спроса на новые, не известные ранее виды изделий (железные двери, ставни и решетки) потребовало от мастеров создания других форм. В качестве первоисточника кузнецы использовали и творчески разработали декоративные приемы и мотивы церковного зодчества XVI—XVII вв.

Сохранение в архитектурных изделиях из кованого железа идущих из глубины веков декоративных мотивов и конструктивных форм, их «консерватизм» объясняются прежде всего свойствами и качествами самого материала, способами его обработки и долговечностью кованых изделий. Сыграла свою роль и устойчивость традиций в народном искусстве.

Как и в других видах декоративно-прикладного искусства, в изготовлении таких обыденных вещей, как личины амбарных замков, запоры, петли-жуковины, двери и ставни кладовых, проявилась высокая художественная одаренность русских народных мастеров. И в этом промысле они создали подлинно художественные произведения, пополнившие золотой фонд нашего национального искусства.

¹⁶ И. И. Звездин, Указ. раб., стр. 218.

¹⁷ Н. И. Русановский, Указ. раб., стр. 198.

¹⁸ И. И. Звездин, Указ. раб., стр. 218.

С. Б. Арутюнян, А. Ш. Саакян

НОВЫЕ ЗАПИСИ ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»

(К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ЗАПИСИ И ПУБЛИКАЦИИ
АРМЯНСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА)

Исполнилось сто лет с того времени, как армянский народный эпос «Сасна црер» («Давид Сасунский») стал известен армянскому обществу и ученому миру, хотя первые сведения о нем восходят к XVI в. Эти сведения сохранились в португальских печатных источниках, которые стали известны специалистам лишь в последние годы¹.

В июне 1873 г. архимандрит Гарегин Срвандзтянц в селе Арнист Мушского вилайета (северо-восточные районы Турции, населенные тогда армянами) записал от ктитора Крпо (Карапет) первый вариант «Сасна црер».

По свидетельству Срвандзтянца, он, зная о существовании эпоса в устной народной традиции, три года разыскивал его. Только в 1873 г. ему удалось найти и записать полный вариант, который он опубликовал в 1874 г. в Константинополе отдельной книжкой².

1874 год стал вехой в истории армянской фольклористики не только потому, что было обнаружено большое эпическое полотно; но и потому, что вновь открытое произведение, вызвав в армянском обществе восхищение и интерес к народному творчеству, явилось стимулом к собиранию и публикации произведений народно-поэтического творчества. До Г. Срвандзтянца сбор и публикация фольклорных материалов производились случайно. Г. Срвандзтянц становится пионером и основоположником армянской фольклористики.

В 1886 г. Манук Абегян — студент Эчмиадзинской духовной семинарии записывает от крестьянина Мокского селения Гинеканц Нахо Кэри второй вариант эпоса, который он публикует в 1889 г. в Шуше под заглавием «Давид и Мгер». По счастливой случайности, с первых же записей эпоса выявились две типологические версии «Давида Сасунского» — Мушская и Мокская (условно названные по месту их записи); дальнейшие записи лишь подтвердили существование этих двух типов.

В течение последующих ста лет благодаря усилиям армянских ученых-фольклористов записывались все новые и новые варианты эпоса

¹ Португальцы Антонио Тенрейро и Местре Афонсо, путешествовавшие в XVI в. по Востоку и по Армении, побывали в Сасуне. Они сообщают ценные сведения о популярности легенды о Давиде, бывшем Сасунском царе, среди жителей Сасуна, о его жене-богатырше, об огромном мече и кресте, которые носил Давид. Антонио Тенрейро эту легенду называет даже легендой «армянского Самсона», см.: Roberto Gulbenkian et H. Verbérian, La légende de David de Sassoun d'après deux voyageurs Portugais du XVIe Siècle, «Revue des études Arméniennes» Nouvelle Serie, t. VIII, Paris, 1971, p. 175—188.

² Г. Срвандзтянц, Гроц и броц и Давид Сасунский или дверь Мгера, Константинополь, 1874, стр. 137—183 (на арм. яз.).

(около 60 из них опубликованы) и появилось множество исследований, посвященных проблемам изучения «Давида Сасунского». В 1936—1951 гг. издается свод вариантов армянского эпоса с обширным научным аппаратом³. В 1939 г. народы СССР отмечали 1000-летие армянского народного эпоса. К юбилею был составлен и издан сводный текст «Давида Сасунского», который сразу же перевели на русский⁴ и другие языки народов Советского Союза.

В течение 1930-х годов благодаря усилиям К. Мелик-Оганджяна⁵ и других собирателей в разных районах Армянской ССР, населенных бывшими переселенцами из северо-восточных районов Турции, записывается много вариантов эпоса «Сасна црер». Однако в последующие десятилетия был записан лишь один новый вариант⁶; внимание армянских фольклористов-собрателей сосредоточилось на других фольклорных жанрах. У многих специалистов укоренилась мысль, что эпос как жанр уже отжил свой век и больше не бытует среди народа.

И все же в конце 1960-х годов поиски новых вариантов эпоса, принятые фольклористами, дали первые результаты: в 1969 г. в журнале «Гарун» публикуется новый вариант «Сасна црер», записанный Г. А. Григоряном в селе Гукасаван Масисского района (близ Еревана). А в 1969—1970 гг. фольклорная экспедиция записала в Ахурянском и Артикском районах Армянской ССР два новых варианта эпоса. Это открытие, свидетельствовавшее о том, что эпос продолжает еще существовать в памяти народа, вызвало новый интерес к нему среди специалистов. Надо было выяснить, где, в каких этнографических районах, в каких социальных и половозрастных группах он бытует, какова степень сохранения традиционности в новых вариантах.

Для ответа на эти вопросы и выявления новых вариантов «Сасна црер» Институт археологии и этнографии АН Армянской ССР организовал целевую экспедицию⁷.

Опубликованные ранее варианты эпоса и их исследование показали, что «Сасна црер» бытует в основном среди армян северо-восточных районов Турции. Поэтому экспедиция с самого начала наметила следующую программу работ: а) исследовать те районы Армянской ССР, которые заселены переселенцами из северо-восточной Турции; б) идти по следам прежних собирателей эпоса и выяснить, сохраняют ли потомки сказителей эпоса эпическую традицию предков, и если сохраняют, то на каком уровне традиционности, в каком качестве? В 1971 г. обследовались Аштаракский, Талинский, Эчмиадзинский, Октемберянский, Анийский, Спитакский районы; в 1972 г.—Арташатский, Арагатский Масисский, Абовянский, Разданский районы; в 1973 г.—Апаранский, Камо, Мартунинский, Варденисский районы.

Армянское население указанных районов состоит в основном из армян-аборигенов и армян-переселенцев и их потомков, перебравшихся сюда из северо-восточной Турции и из Ирана (Хой, Салмаст) тремя основными потоками (1828—1829, 1877—1878, 1915—1916 гг.).

Члены экспедиции собирали материал, в основном, среди переселенцев из северо-восточных районов Турции. В течение 6,5-месячных поле-

³ «Сасна црер, армянский народный эпос», под ред. М. Абеяна, составители М. Абеян и К. Мелик-Оганджян, т. I, Ереван, 1936; т. II, кн. I, Ереван, 1944, т. II, кн. II, Ереван, 1951 (на арм. яз.).

⁴ «„Давид Сасунский“, армянский народный эпос», под ред. акад. И. А. Орбели, Ереван, 1939; то же, М., 1939; то же, М.—Л., 1939; то же, М., 1958.

⁵ В начале 1930-х годов Институтом истории культуры Армянской ССР была организована фольклорная экспедиция во главе с К. А. Мелик-Оганджяном.

⁶ Собратель — этнограф В. Бдоян. См. «Сасна црер», т. II, кн. II, стр. 641—703.

⁷ Руководитель экспедиции — С. Б. Арутюнян, члены экспедиции: А. Ш. Саакян, Л. К. Мелик-Оганджян, Г. М. Амалян, Ж. К. Хачатрян, З. Е. Халафян.

вых работ они обследовали 205 населенных пунктов и записали 81 новый вариант «Сасна црер» различного объема и ценности.

Эти варианты по времени и месту записи распределились следующим образом:

Таблица 1

№ пп.	Место записи	1971 г., число вариантов	1972 г., число вариантов	1973 г., число вариантов	Всего
1	Аштаракский район	9	2	—	11
2	Талинский »	17	—	—	17
3	Анийский »	4	—	—	4
4	Эчмиадзинский »	6	1	—	7
5	Октемберянский »	4	—	—	4
6	Арабатский »	1	7	—	8
7	Арташатский »	—	2	—	2
8	Абовянский »	—	2	—	2
9	Масисский »	—	3	—	3
10	Апаранский »	—	3	5	8
11	Разданский »	—	1	—	1
12	Камо	—	—	4	4
13	Мартунинский »	—	—	7	7
14	Варденисский »	—	—	1	1
15	г. Ереван	1	—	—	1
16	г. Тбилиси	1	—	—	1
Всего по годам:		43	21	17	81

Установлено также, что все записанные варианты возникли в северо-восточных районах Турции, населенных армянами (см. табл. 2).

Исполнители эпоса принадлежат к разным половозрастным и социальным группам. Среди них 72 мужчины и 9 женщин. Сказители по

Таблица 2

№ пп.	Место, откуда принесены записанные варианты	Число вариантов
1	Сасунский район	21
2	Таронский (Муш, Буланых, Хут)	12
3	Алашкертский	20
4	Маназкертский	2
5	Хнусский	2
6	Битлисский	2
7	Баязетский	7
8	Мокский	6
9	Шатажский	3
10	Гавашский	1
11	Спаркертский	2
12	Хайоцзорский	1
13	Башкалайский	1
14	Ванский	1
Всего:		81

половозрастным данным распределяются таким образом: 1) от 60 до 69 лет — 12 мужчин, 2 женщины; 2) от 70 до 79 лет — 28 мужчин, 3 женщины; 3) от 80 до 89 лет — 23 мужчины, 3 женщины; 4) от 90 до 99 лет — 7 мужчин, 1 женщина; 5) от 100 до 109 лет — 2 мужчины, 1 женщина.

Цифры очень характерны: подавляющее большинство вариантов (64) записано от 70—100-летних сказителей.

Данные, полученные нами во время экспедиции, дают основания сделать следующие выводы:

а) Эпос «Сасна црер» распространен в Армянской ССР, однако родина его — северо-восточные районы Турции. Из 81 сказителя 57 переселились в Восточную Армению во время первой мировой войны (1914—1916 гг.), а 24 сказителя — уроженцы Восточной Армении — потомки армян, переселившихся сюда из северо-

восточной Турции во время русско-турецких войн 1828—1829 и 1877—1878 гг.

б) Эпос знают и помнят лишь старые люди, которым больше 60 лет, слышавшие его еще в молодости от известных сказителей — односельчан и от своих предков.

в) 80 сказителей — армяне, они пересказывают эпос по-армянски. Лишь один, по национальности курд, передавал эпос по-курдски, он знает «Сасна црер» от своих предков, которые в XIX в. переселились в Восточную Армению из Турции и слышали в свое время эпос от армянских сказителей.

г) Большинство сказителей неграмотные и малограмотные крестьяне, разнорабочие и ремесленники — выходцы из крестьянской среды.

д) Те, от кого мы записали эпос, в большинстве своем случайные рассказчики: 54 из них эпос только слышали, помнили, но никогда не рассказывали. Остальные 27 рассказывали «Сасна црер» раньше (около 30—40 лет тому назад), и хотя между ними есть и профессиональные (в прошлом) сказители, однако они давно эпос не исполняли и почти его забыли.

Если крупнейший эпосовед Манук Абегян еще в начале текущего столетия утверждал, что сказители эпоса в большинстве своем случайные рассказчики и эпос находится уже в процессе разложения и постепенного забвения, то спустя 70 лет эти процессы еще более углубились.

Эпос теперь уже совсем не бытует в устной народной традиции. Однако лучшие сказители, одаренные замечательной памятью, несмотря на преклонный возраст с точностью воспроизводили старинную эпическую традицию.

Индивидуальными особенностями сказителей и исторической судьбой эпоса обусловлены качественные признаки записанных вариантов.

Как известно, эпос «Сасна црер» состоит из четырех эпических ветвей, а именно: 1) Санасар-Багдасар, 2) Мгер Старший, 3) Давид, 4) Мгер Младший. Каждая ветвь представляет собой отдельное эпическое произведение о новом поколении героев эпоса. Ветви связываются друг с другом по принципу преемственности от отца к сыну. Эта общая классическая структура армянского эпоса засвидетельствована в течение последнего столетия многочисленными записями различных вариантов. Не все варианты сохранили четыре ветви эпоса с одинаковой цельностью, в большинстве вариантов количество ветвей колеблется от одной до четырех и материал изложен с разной степенью цельности. Естественно, что записанные нами варианты отразили общие закономерности.

Из 81 варианта 30 содержат все четыре ветви эпоса, причем 12 из них — без пробелов, а 18 — с пропусками в той или иной ветви; 23 варианта содержат три ветви с различными контаминациями и неодинаковой цельностью; 16 вариантов составлены из двух ветвей, также разной степени полноты и с разнообразными контаминациями; 12 вариантов состоят только из одной ветви; при этом один вариант содержит ветвь Санасара-Багдасара, а 11 — ветвь Давида.

Подытоживая (в процентах) приведенные данные, получаем следующее соотношение количества ветвей эпоса в записанных вариантах: варианты из четырех ветвей — 37,1%; из трех — 28,4%; из двух — 19,7%; из одной ветви — 14,8%.

Таким образом, большинство записанных вариантов состоит из трех или четырех ветвей эпоса (65,5%), при этом ветвей:

Санасара-Багдасара	имеется в 49 вариантах,	в 40—целиком,	в 9—с лакунами
Мгера Старшего	— в 61	» в 39	» в 22
Давида	— в 80	» в 77	» в 3
Мгера Младшего	— в 43	» в 22	» в 21

Таким образом, чаще всего встречается ветвь Давида, реже других ветвь Мгера Младшего. Почти такая же частота ветвей характерна и для изданных вариантов эпоса. Варианты, записанные нашей экспедицией, основными своими чертами соответствуют предыдущим, отражая традиционные особенности эпоса.

Если количеством и последовательностью сочетания ветвей вновь записанные варианты лишь подтверждают традиционную структуру эпоса, то в число ветвей разных вариантов этнографической зоны новые записи вносят определенные изменения. Так, например, в пяти изданных вариантах, записанных в Шатахском этнографическом районе, ветвь Санасара-Багдасара отсутствовала. Один из этих вариантов состоял из трех ветвей (Мгер Старший, Давид, Мгер Младший), остальные — из двух (Мгер Старший, Давид). Три вновь записанных здесь варианта имеют ветвь Санасара-Багдасара. При этом сказитель из Шатаха Рашо Мурадян в 1933 г. рассказывал лишь две ветви эпоса — Мгер Старший и Давид⁸. А в 1972 г. от него же записаны четыре ветви эпоса. Новь записанные варианты изменяют представление о структуре Шатахских вариантов, распространенное в армянском эпосоведении.

Новым записям эпоса присущи разные качества, обусловленные исполнительским мастерством сказителя, его памятью, качеством повествовательного первоисточника, степенью традиционного отношения сказителя к эпосу, отчасти и влиянием книжных источников.

Вновь записанные варианты эпоса мы сгруппировали по типам, характеризующимся следующими стилистическими показателями.

1. Традиционно-повествовательный тип в ритмизованной прозе со стихотворными вставками включает те варианты, которые отличаются очевидной традиционностью, т. е. эпико-традиционным стилем, лаконичной образной речью, свободным стихом и частыми стихотворно-песенными вставками.

2. Свободно-повествовательный тип в ритмизованной прозе со стихотворными вставками. В эту группу входят те варианты, которые уже потеряли многие традиционные признаки (традиционный стиль, образную речь с формулами, метрические особенности) и превратились в свободный сказ, однако продолжают еще сохранять традиционную сюжетную линию эпоса, некоторые стихотворные вставки, эпические фразеологизмы и пр.

3. Свободно-повествовательный тип в прозе. К нему относятся те варианты, которые, утратив эпико-традиционные черты, формулы и стихотворные вставки, превратились в обыкновенный прозаический сказ.

Из 81 варианта к первому типу относятся 43, ко второму и третьему — по 19 вариантов. Таким образом, большинство записанных вариантов (около 53%) относятся к традиционно-повествовательному типу, 47% — к свободно-повествовательным.

Сохраняя традиционную сюжетную структуру эпоса, новые записи дают добавочные эпизоды, мотивы, новые вариации старых эпизодов, которые значительно обогащают содержание эпоса.

Одна запись Мгера Младшего, однако, сильно отличается от известных вариантов. В варианте, рассказанном 82-летним Т. Саркисяном, уроженцем села Тми Мокского района (северо-восточный район Турции), конец последнего богатыря армянского эпоса описывается следующим образом: Мгер Младший становится более могучим богатырем, чем его отец Давид. Ангел посещает Мгера и требует, чтобы он уничтожил всех дэвов (демонов) и весь мир взял в свои руки. Мгер борется против дэвов, уничтожает всех, остается только один дэв-великан по имени Багбаг. Он живет на одной горе со своей матерью. Мгер идет к Багбагу и бьется с ним три дня и три ночи. Мать дэва каждый день тайком сыплет золу под ноги сыну, а под ноги Мгера льет мыльную воду. После трехдневной борьбы Мгер побеждает дэва и отрубает ему голову. Во всем мире больше никто не может соперничать с Мгером, он становится непобедимым великаном. Тогда сатана приходит к Мгеру и, соблазняя его властью над небом, подстрекает на борьбу с богом. Как только соблаз-

⁸ «Сасна црер», т. I, стр. 755—784, запись К. А. Мелик-Оганджяна.

ненный сатаной Мгер решается на борьбу с богом, сила его пропадает. Ангел спускается с неба, борется с Мгером, побеждает его, приковывает за ногу к скале и приговаривает его к страшной казни: ворона будет клевать ему почки, а сорока — легкие.

Такой вариант до сих пор известен не был. Эта новая концовка армянского эпоса напоминает известное древнегреческое сказание о Прометее и кавказское об Амран-Амиране и свидетельствует о наличии данного цикла мифических сказаний и в армянской эпической традиции. Эти мотивы обогащают и с новой стороны раскрывают традиционный образ Мгера Младшего, связывают его новыми связями с однотипными мифическими героями, открывают новые перспективы для сравнительного исследования этих образов.

Интересной фольклористической проблемой является отношение современных сказителей к эпосу. Еще 70 лет назад, по свидетельству М. Абеяна, а затем и других фольклористов, сказители относились к эпосу, как к действительным историческим событиям, как к были. Такое отношение остается почти неизменным и сегодня. На вопрос, что они понимают под эпосом, большинство сказителей ответили — реальную историю, быль. Более осмотрительные уточняют свое мнение, подчеркивая, что в эпосе много реального, действительного, но с некоторым добавлением, преувеличением. А некоторые сказители, особенно преклонных лет, чудесные ситуации эпоса интерпретировали так: раньше люди были праведные, справедливые, а поэтому и сбывалось то, о чем они просили.

Более того, ни один сказитель из Сасуна не считал эпос сказкой или небылицей. Наоборот, многие из них, хорошо помнящие местность Сасуна, особенно те места, здания, предметы, которые были связаны с именами героев «Сасна црер», единодушно уверяли в исторической правдивости эпоса. Выходцы из деревни Чахырман Сасунской области или их потомки с жаром доказывали, что род Давида Сасунского продолжает существовать и до наших дней. Считается, например, что семья Давтянов из деревни Чахырман, к которой принадлежал и прославленный сказитель эпоса Тамо Давтян, происходит из рода Давида. Их родовая мельница в Чахыркане, по свидетельству односельчан, принадлежала эпическому Давиду. Эта мельница от Давида перешла к его потомкам и дошла до Тамо Давтяна. 75-летний сказитель С. Авакян, выходец из деревни Схунд, рассказывал, что между деревнями Грху и Схунд Сасунской области он видел большую каменную плиту, на которой рельефно отпечатались следы копыт коня Давида. С. Авакян свидетельствует также, что он на Сасунском поле видел яму, в которую Мсра Мелик хитростью бросил Давида. По словам 88-летнего сказителя Хачатура Оганесяна из деревни Спыханк Сасунской области, у монастыря св. Марута находится могила Мгера Старшего с длинной мраморной могойльной плитой и надписью на ней.

Имена и деяния героев эпоса закреплены и в названиях, сохранившихся в Мушской долине (близ Сасуна). По свидетельству крестьянина из деревни Эриштер Мушской области Арташа Казаряна, вблизи Эриштера расположено село Дехцемер, населенное курдами. Местные жители название этой деревни считают производным от имен эпических героев Дехцун и Мгера (Дехцемер).

Вблизи села Алвариндж Мушской области, по сообщению 91-летнего Енго Мхитаряна, находятся окаменевшие пласты земли, якобы поднятой плугом Давида при вспашке. Они так и называются «Пласты Давида».

У подножья горы, расположенной за Алваринджом, по свидетельству бывшего жителя этой деревни Гаспара Казаряна, находится большая глыба. Рассказывают, что во время пастушества Давида этот камень

катился вниз с горы, а Давид коленом и рукой остановил глыбу. До сих пор на камне ясно видны вмятины — это якобы следы колена и пальцев руки Давида. «Я своими глазами видел и камень и следы», — добавил сказитель.

Следы сасунских богатырей находят также за пределами Армении — в городах Алеппо и Диарбекире. Некоторые сказители свидетельствуют, что они сами либо их соотечественники видели в этих городах крепость с четырьмя воротами, построенную Давидом, на фронтоне центральных ворот которой стоит изваянная фигура Давида на коне или висит его палица. А у моста, ведущего в Алеппо, есть громадный камень, который, по сообщениям сказителей, был камнем из пращи Давида. В эпосе часто встречаются историко-географические реалии, например, Батманский мост, река Меграгет, гора и монастырь Марута и т. д. Такими реалиями (правда, с некоторой художественной гиперболизацией) поддерживается глубокая вера сказителей в то, что эпос «Сасна црер» является действительной историей их предков. Поэтому многие из них считали грехом вводить в заблуждение собирателей, сочиняя или добавляя от себя забытые или неизвестные им эпизоды:

Трехлетняя работа экспедиции способствовала расширению наших научных знаний об армянском эпосе.

1. В армянской фольклористике с родине эпоса — Сасуна до сих пор были известны только два варианта, записанные в 1930-х годах К. Мелик-Оганджяном в Талинском районе Армянской ССР. Наша экспедиция записала от сасунцев 21 новый вариант и выяснила, что в Сасуне было очень много профессиональных сказителей; некоторые из них в 1916 г. переселились в Восточную Армению и в 1920-х годах от них производились записи, местонахождение которых пока неизвестно. Таким образом, меняются представления о роли сасунцев в создании и сохранении эпоса, и Сасун находит свое достойное место в армянской эпической традиции.

2. вновь записанные варианты значительно меняют этнографические границы распространения эпоса, расширяют ареал его бытования. До сих пор армянскому эпосоведению не были известны варианты «Сасна црер» из таких близких к родине эпоса районов, как Буланых, Маназкерт, Хнус и Битлис. Экспедиция записала от бывших жителей названных районов 9 новых вариантов: три варианта из Буланых, два — из Маназкерта, два — из Хнуса, два — из Битлиса. Таким образом, уничтожено несколько белых пятен на географической карте распространения эпоса.

3. Армянскому эпосоведению были известны всего четыре женщины-сказительницы (Маргарит Саркисян, Манушак Задоян, Парик из Спаркерта и Зардар Тер-Мхитарян). Экспедиции 1971—1973 гг. выявили еще 9 новых имен. Из записанных от женщин-сказительниц 9 новых вариантов эпоса, 6 представляют большую художественную ценность. Кроме того, следует отметить, что в вариантах, записанных от женщин-сказительниц, содержатся отдельные эпизоды и эпические предания, связанные с детством Давида. При этом некоторые из них записаны впервые.

4. Во время экспедиционных работ выявились новые, ранее неизвестные армянским фольклористам, традиционные эпические центры с профессиональными сказителями эпоса.

Записаны также многочисленные новые предания, рассказы, свидетельства, связанные с эпосом, представляющие большую ценность и уточняющие наши представления о «Сасна црер».

Ж. К. Хачатрян

ТРАДИЦИОННЫЕ СВАДЕБНЫЕ ПЛЯСКИ АРМЯН

Армянские народные пляски интересовали многих этнографов и искусствоведов. О них писали Е. Лалаян, С. С. Лисициан и др. В настоящее время существует ряд публикаций материалов об армянских народных плясках. Однако исчерпывающих записей плясок, характерных для всех районов Армении, до сих пор нет.

Задача этой статьи — ввести в научный оборот собранные нами в 1960—1974 гг. полевые материалы.

Обрядовые пляски армян восходят к глубокой языческой древности. Среди них большое место занимали пляски свадебного цикла, которые, согласно народным верованиям, имели магическое значение. Ими старались «обеспечить» материальное благополучие, многочисленное потомство и счастье супружеской чете.

Пляски сопровождали все обряды свадебного цикла, начиная с момента сватовства вплоть до вступления на брачное ложе. Одни и те же пляски повторялись по нескольку раз в строго установленном порядке, соответственно месту и времени обряда.

О начале свадьбы на рассвете оповещал музыкальный «клич»¹. Затем начинались пляски. Сперва исполнялись «Тцандыр парэр» — торжественные и величавые медленные коллективные обрядовые пляски, связанные с почитанием предков. Участвующие в них двигались в правую, «счастливую» сторону. Такие обрядовые пляски исполнялись не только на свадьбах.

Специальные свадебные обрядовые пляски по своему назначению можно подразделить на три основные группы:

1. Пляски, посредством которых старались вызвать расположение предков.

2. Пляски-обереги, исполнявшиеся с целью защиты молодых супругов от «злых духов» и обеспечения им многочисленного потомства и благополучия.

3. Пляски, связанные некогда с посвятельными обрядами, а также с пережитком «умыкания невесты».

К первой группе относятся коллективная пляска «Тагвори мэр дус ари» («Мать венценосца, выходи») и сольная «Тантыгни пар» («Пляска хозяйки дома»). Эти обрядовые пляски предшествовали введению невесты в дом жениха и в ряде районов так и назывались «Арсин тун танэлу пар» («Пляска ввода невесты»).

Пляска «Мать венценосца, выходи» в разных районах имела разные плясовые фигуры: «Йэрку гыңал мэк даррнал» — «Два шага вправо, один — влево» и «Йэрку гыңал Йэрку даррнал» — «Два шага вправо, два — влево».

¹ «Кличем» называют специальную свадебную мелодию для зурны. В языческие времена «клич» был связан с поклонением восходу солнца.

По характеру исполнения танцы были либо «Дуз» («ровный»), либо «Шорор» («Покачивающийся»). В пляске участвовали юноши и девушки. Перед введением молодых в дом они выстраивались полукругом во дворе жениха. Новобрачные стояли особняком в центре. Начиналась песня:

Мать венценосца, выходи!
Тебе подметальщицу привели,
Тебе прачку привели...

Затем перечислялись все обязанности невестки и говорилось о взаимоотношениях, которые могут сложиться у нее со свекровью.

Мать венценосца, выходи!
Тебе по голове колотильщицу привели,
Тебе за косы трепальщицу привели,
Смотри-ка, кого тебе привели!... и т. д.²

Содержание песнепляски не носило строго обрядового характера. Однако во всех районах Армении она служила актом, посредством которого молодых как бы передавали в половозрастные союзы женатых и замужних³.

Свекровь, танцую, выходила на песню-призыв дружков жениха. Она выносила с собой от трех до семи тонких как салфетки длинных хлебцев (лавашей), непрерывно приплясывая, клала их крест-накрест на голову или плечи невестки, осыпала новобрачных сладостями, сушеными фруктами, изюмом, очищенными орехами и монетами, целовала сына и невестку в глаза⁴. В это время к ней подбегали дружки жениха, надевали на нее свои шапки, прицепляли сзади метлу.

Эта обрядовая сольная пляска свекрови исполнялась только на свадьбе у порога дома в момент ввода в него новобрачных. Если у жениха не было матери или она была слишком стара, то вместо нее плясала жена старшего брата или специально приглашенная женщина, выполнявшая функции хозяйки дома. Она же руководила свадебным обедом и угощением. Иногда «Пляску хозяйки дома» исполняли двое — мать жениха и распорядительница свадебной трапезы. Считалось, что магическая колдовская сила пляски связана не только с полом и возрастом исполнительницы, но и с ее положением и с функциями в доме жениха. Хозяйка дома — мать жениха, олицетворявшая собой предстательницу предков в момент введения в род нового его члена — невестки, выступала также от имени женщины-прародительницы вообще. Мужские шапки и метла (хвост), по-видимому, должны были символизировать преобразование в образ — предка рода. Танец матери-свекрови перед новобрачными — один из обязательных обрядовых актов. В древности ему придавалось очень большое значение. Об этом говорит бытование его почти во всех районах Армении и сохранение его названия. Правда, ныне эта пляска исполняется уже без соблюдения всех нюансов. Однако существенно то, что она приурочена только к свадьбе, более того, к определенному моменту свадебной обрядности.

Пляска хозяйки дома состоит из двух частей. В первой части (медленной) преобладают переменные шаги (плясовая фигура типа *chassé* — армянская разновидность) с продвижением вправо по кругу. Во второй (быстрой) части — два шага вправо и соответственно влево в центре

² С. С. Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. 2, Ереван, 1972, стр. 308.

³ Ж. К. Хачатрян, Возрастные сообщества Джавахка, «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР», 1968, № 1, стр. 203 на арм. яз.

⁴ Е. Лалаян, Джавахк, «Этнографический журнал», Тбилиси, 1897, стр. 148 (на арм. яз.).

круга, а потом зигзагообразное продвижение вперед. В некоторых случаях характерны туры вправо.

К той же группе плясок, посредством которых старались вызвать расположение предков рода и членов общины, относится сольная мужская «Хынаму пар» («Пляска кума»). Ее исполнял в доме жениха один из женатых старших представителей рода невесты вечером после венчания.

Ко второй группе относятся пляски разных жанров. Во всех районах Армении особо торжественные шествия во время похорон, праздников, встреч и проводов канатных плясунов и борцов, свадеб начинались плясками. Если путь лежал за пределы села, то плясали, пока процессия не подходила к околице, и снова продолжали пляску уже у околицы другого села. Эти пляски назывались «Тчампхавэн», «Тчампу парэр» («Дорожные»). Каждая из плясок этой группы имела свое название, определенную плясовую фигуру, мелодику, иногда и словесный текст. Песни исполнялись в том случае, если не было музыкантов или они устали. Дорожные пляски в наши дни исполняются только на свадьбах. В их число входят несколько сольных, дуэтных, а также ряд коллективных плясок, носивших иногда название «Почов» («хвостовые») ⁵. В последних обязательно были пароглух («вожак») и поч («закрывающий»). Вожак, часто меняя направление, вел вереницу извилистой дорогой, поворачиваясь то лицом, то спиной к участникам общего торжественного шествия. Вожак и замыкающий держали в руках по большому цветному платку. Если процессия двигалась вечером, то платки заменяли факелами, которые не только освещали путь, но и как бы «очищали» его огнем «от всякой нечисти». В дорожных плясках участвовали все желающие, независимо от пола, возраста, семейного положения. Они придавали шествию торжественность, а также выполняли функции оберега. Зигзагообразные продвижения — вращения — «заметали» следы, оберегая от преследований «злых духов». Не случайно у армян до сих пор сохранился обычай, согласно которому любая процессия должна возвращаться непременно по другой дороге, чтобы запутать следы; «сбить с толку» «злых духов». Назначение вереницы в свадебных плясках не подпускать злых духов к новобрачным ⁶.

Когда свадебная процессия приближалась к дому жениха или невесты, считалось, что опасность преследования «злых духов» уменьшилась и можно плясать враспыну.

К свадебным обрядовым пляскам, «обеспечивающим» плодovitость брачующейся пары, относится пляска невесты и жениха, распространенная во всех районах Армении. Называлась она «Момэров пар» («Пляска со свечами»), «Арсн у пэси пар» («Пляска жениха и невесты»), «Чрагван» («Сверкающий») и пр. Названия связаны не с видами танца, а с их содержанием и оформлением ⁷. Для всех плясок этого типа характерен медленный темп, торжественная приподнятость; невесте вообще не разрешалось быстро двигаться и прыгать. «Пляске со свечами» придавалось магическое значение, поскольку она представляет собой целое обрядовое действо; более того, это единственная пляска, которая в наши дни считается обязательной на свадьбе.

Вечером после венчания исполнялись коллективные пляски, в которых участвовали все желающие, даже те, кто не был приглашен на свадьбу. А в полночь посаженный отец, взяв за руку жениха и невесту, вводил их в круг пляшущих. С этого момента и начиналась «Пляска со

⁵ Одна из плясок называется «Тэлэр, тэлэр» («Нити, нити»), поскольку возникает ассоциация между вереницей пляшущих и длинной нитью. См. Ж. К. Хачатрян, Армянские народные пляски Джавахка, Автореферат, канд. дисс., Ереван, 1971, стр. 18.

⁶ С. С. Лисициан, Указ. раб., т. 2, стр. 128—131.

⁷ Э. Петросян, Ж. Хачатрян, Собрание произведений армянского танцевального и театрального фольклора; «Сов. этнография», 1965, № 1, стр. 157.

свечами». Посажённая мать раздавала зажжённые свечи всем супружеским парам — участникам этого действия. Как правило, пляшущие образовывали замкнутый круг, чтобы оградить себя от злых духов. Они становились рядом, плечом к плечу, лицом к центру круга, держась за руки и сцепив мизинцы. Руки сгибали в локтях на уровне пояса. Какая бы плясовая фигура ни исполнялась в этой пляске, исполнители все равно двигались вправо⁸. Жених и невеста проходили всего три круга. Затем хоровод продолжался уже без них до тех пор, пока не гасли свечи. Недогоревшие свечи жениха и невесты хранились в семье и зажи-

Рис. 1. Дорожная пляска

гались во время родов, на крестинах и в иные торжественные дни⁹. В некоторых районах во время пляски жених доставал из правого кармана зерна пшеницы и осыпал пляшущих, что должно было согласно верованиям «обеспечить» хороший урожай¹⁰. Этот обряд был связан с магией обеспечения мужской силы и плодородия. Характерно, что в старину холостые мужчины, как не познавшие полового общения, не имели права сеять.

В старину в «Пляске со свечами» могло участвовать неограниченное число супружеских пар. Вдовы же и вдовцы не только не имели права плясать, им не разрешалось участвовать в свадебных обрядах и даже касаться одежды новобрачных, чтобы не «заразить» их вдовством.

Согласно обычаю, каждая из супружеских пар, участвующих в пляске, должна была держать по одной крупной праздничной свече. Если таких свечей было мало, то старались дать праздничную свечу, обвитую цветными нитками и лентами, хотя бы жениху и невесте. Праздничные большие свечи часто изготовляли в домашних условиях. Для красоты верхний конец с фитилями делили на три части. Однако чаще употребляли длинные тонкие самодельные свечи. Согласно армянским верованиям, свеча, как и огонь вообще, была символом половой силы. Зажигание свечей отражало народное поверье в живительную силу огня.

В древности верили, что огонь «защищает» людей от «злых духов». Ему приписывалась очистительная сила. Поэтому жених, прежде чем взойти на брачное ложе, проходил обязательное очищение огнем, чтобы оградить себя и новую семью от злых духов и несчастных случаев и

⁸ Движение влево допускалось лишь в плясках, связанных с трагическими событиями.

⁹ Если же супруги не имели детей, то когда умирал один из них, свадебные свечи зажигали у одра покойного.

¹⁰ Ж. К. Х а ч а т р я н, Амшенские пляски, «Известия общ. наук», Ереван, 1964, № 3, стр. 75.

чтобы «сберечь свою половую силу»¹¹. Все эти верования являются пережитками языческого культа огня.

«Пляска со свечами» была общинным магическим действием, «обеспечивающим» плодovitость молодым супругам. Да и вся свадьба у армян считалась общественным актом, по совершении которого у новобрачных появлялись новые обязанности перед общиной.

В ряде районов в «Пляске со свечами» должно было участвовать не менее семи пар, так как число семь в Армении связывалось с положительной магией. Число три считалось счастливым, поэтому жених и невеста плясали всего три круга.

Особое место в системе свадебных обрядов отводилось церемонии украшения «женихова древа», олицетворявшего вечную жизнь и плодородие. Этот обряд совершался в день венчания в разных районах Армении с некоторыми вариациями. Утром, после того как жених уже был одет к венцу, один из холостых парней приносил «древо», обычно ветвь тополя, укрепленную в глиняном горшке. Девушки и парни складывали на «древо» сладости, ядра орехов, бумажные цветы, яблоки, гранаты. Эту церемонию сопровождала песнепляска — «Тцарр пынджелу пар» — «Пляска украшения древа». Песню пели юноши и девушки, а вокруг них плясали участники церемонии. Вот текст песни:

Парень:

Я принес древо красу,
Берите, глядите, берите, глядите!
Я принес древо красу,
Несите, украсьте, несите, украсьте!

Девушка:

Месяц светлый осветит
Горы во цвету, горы во цвету,
С тех гор ростки да цветы,
Нашему царю, нашему царю!¹²

Пляшущие образовывали замкнутый круг. Держась за руки, согнутые в локтях на 90° и направленные вперед, они исполняли одну из плясок плодородия «Вэр-вэри» («Вверх-вверх»). Плавные шаги сменялись широкими прыжками, которые по древним поверьям способствовали росту маленьких детей, растений и животных.

Когда пляска заканчивалась, «древо жениха» отодвигали в сторону, чтобы никто его не повредил и сажали рядом «стража» из холостых парней¹³.

Ко второй группе коллективных обрядовых плясок относятся и поминальные пляски, о которых мы не имеем достаточных сведений. Они исполнялись на кладбище на следующее утро после свадьбы в том случае, если отца новобрачного не было в живых. Посещал кладбище жених со своими близкими друзьями «свитой холостых» и музыкантами. Обычно жених плясал на могиле отца, а его «свита» — вокруг нее.

Своей пляской сын как бы извещал отца о вступлении в брак, «заверяя» его, что будет свято хранить честь семейного очага и «испрашивал» отеческого благословения.

¹¹ Если новая семья отделялась от родительской, то очаг в новом доме молодые зажигали от отцовского очага.

¹² В статье приведен Армянский вариант текста песнепляски и способ украшения, применявшийся в этом районе.

¹³ С. С. Л и с и ц и а н, Указ. раб., т. 2, стр. 128—131.

Во второй половине XIX в. подобная обрядовая пляска уже почти не исполнялась. Сохранились лишь отдельные свидетельства о ее бытовании у тифлиссских армян в среде мелких торговцев — кинто.

Вано Ходжабекян — художник конца XIX в. мастерски запечатлел в нескольких рисунках пляску новобрачного на могиле отца.

К третьей группе относятся «Военные пляски», некогда связанные с посвятельными обрядами. В них юноши должны были продемонстрировать свою силу, ловкость, способность владеть оружием. Поскольку свадебный ритуал отражал «возмужалость» жениха, то со временем ряд плясок, исполнявшихся во время инициаций, вошел в состав свадебной

Рис. 2. Пляска новобрачного на могиле отца

церемонии. Кроме того, в эту группу вошли военные пляски, сложившиеся некогда как отражение обряда умыкания невесты и былых межродовых боев за женщину.

В конце XIX — начале XX вв. военные пляски или военные игры проводились во время шествия за невестой и возвращения процессии в дом жениха (в обоих случаях по пути от дома жениха к дому невесты и обратно). Их плясали также ночью в конце свадебной церемонии.

Наиболее распространенными военными плясками были «Яркушта» («Товарищ по оружию»), «Трахак» («Пляска с саблями»), «Ханчал пар» («Пляска с кинжалами») и др.

Для военных плясок характерны плясовые фигуры со специфическим ритмом. Они символизируют различные сцены боя, в том числе и осаду крепости. Участники строятся в одну или две линии. Они все время перестраиваются, пляшут с мечами, саблями, палками различной длины, с кинжалами, «щитами». Иногда пляски исполняются без оружия, но звуки оружия имитируют хлопками в ладони или же ударами своих ладоней о ладони противников. Танцующие движутся вперед, вправо, влево, назад, как бы нападая на врага, отступая и обороняясь. Бой изображают прыжками, вращениями, преклонением колен, присядкой, взаимной переменной места. Иногда один ряд наступает на другой, стараясь сбить шапку с противников. Шапка вожака, сбита саблей или палкой, символизирует отсечение головы и победу танцора, сбившего шапку.

Помимо плясок, имевших строго обрядовое магическое значение, во время свадьбы в основном после венчания, исполнялись эпические, тотемические, пантомимические, трудовые, лирические, комические и другие пляски, которые являлись реликтами древнейших армянских обрядов. Свадебные театральные представления начинались по окончании свадебных плясок. Холостые парни, надев маски и костюмы волка, козла, медведя, обезьяны, верблюда, лисы и других животных, а иной

раз и фантастических существ, исполняли тотемические пляски. Для каждой из них характерна определенная плясовая фигура, передававшая характерные для данного животного движения. Образы тотемов-предков также имели охранительную функцию.

На свадьбе обычно исполнялись следующие тотемические пляски: «Газ-газ» («Гусиная»), «Крыngoци» («Журавлиная»), «Тавух пари» («Куриная»), «Дон-Дон» («Рыбья») и «Шорор» («Покачивающаяся»). Они были сольными и коллективными с разными построениями и перестроениями. В плясках «Тавух пари», «Газ-газ», «Шорор» и «Крыngoци» передавались повадки птиц. Танцующие как бы махали крыльями, клевали зерна, пили воду, имитировали полет стаи, свивание гнезда и пр.

Во время исполнения «Тавух пари» и «Крыngoци» участники пляски выстраивались в один ряд друг за другом. Впереди становилась матка — вожак, охранявшая «стаю», руководившая всеми движениями танцоров; временами она отставала, чтобы «защитить птенцов».

Сольная и коллективная пляска «Шорор» была одной из самых распространенных в Армении¹⁴. В сольной пляске танцор изображал птицу, в коллективной — пляшущие изображали овец, покачивание их жирных курдюков¹⁵. Во время этой пляски танцоры покачивались с ноги на ногу.

В плясках в честь предков — тотемов важную роль играли различные атрибуты: маски, платки, одежда из шкур. По-видимому, в древности пляски в честь предков — тотемов исполнялись мужчинами во время возрастных собраний. В некоторых плясках (например, «Крыngoци») исполнители постепенно сбрасывали с себя одежду, что было связано с культом плодородия, с обрядами обеспечения увеличения количества и роста тотемных животных.

Таким образом, свадьба, формируясь как сложное обрядовое действие, вобрала в себя почти весь плясовой фонд народа, за исключением танцев, связанных с праздниками календарного цикла.

---

¹⁴ Этот вид плясок сохранился до сих пор, но потерял свое обрядовое значение.

¹⁵ С. С. Л и с и ц а н, Указ. раб., т. 1, Ереван, 1958, стр. 374—375.

С. И. Рехвиашвили

РАЧИНСКИЕ КУЗНЕЦЫ

Горная Рача (селения Геби, Глола и Чиора), расположенная в верховьях р. Риони, была одним из древних центров добычи железной руды и кузнечного ремесла на Кавказе. Это подтверждается археологическими материалами III — IV вв. до н. э., найденными в истоках Риони¹, а также сохранившимися до сих пор остатками угольных ям и шахт, в которых добывалась железная руда (например, в окрестностях горы Саарцивидзири на левом берегу Риони). Железную руду добывали также в бассейне р. Чвешури, в частности, в местечке Гона, у подножья горы Киртишо, а также на горе Буба близ сел. Глола.

О давних традициях рачинцев в кузнечном деле свидетельствуют наряду со скудными письменными источниками местные исторические предания, данные топонимики² и главным образом — предметы, изготовленные местными мастерами: ружья, мечи, кинжалы, подковы, железные амулеты, талисманы и т. д. Традиционное занятие рачинцев кузнечным ремеслом отразилось и в некоторых рачинских фамилиях. Так, в селах Геби и Чиора есть семьи, носящие фамилию Мчедлианти, т. е. «Кузнечные». В сел. Геби потомственными кузнецами считаются люди из фамилии Лобжанидзе.

В каждом селении Горной Рачи имелась кузница, принадлежавшая определенному роду. Это было большое помещение с навесом и одним окном. У рачинских кузнецов существовал веками выработанный режим труда, которого строго придерживались: они трудились с раннего утра до позднего вечера. Перед началом работы кузнец совершал определенный ритуал: благославлял огонь и вымаливал у бога защиту от дурного глаза, произнося при этом: «Накажи нечестивца, в глаза насыпь золы, а в сердце вонзи шило». Только после этого он приступал к работе. Если постоянно сохранявшийся в горне огонь затухал, кузнец, чтобы вновь разжечь его, шел за огнем к соседям. Крестьяне обычно давали огонь неохотно. По народным поверьям, вместе с огнем из дома уходят счастье и изобилие. Однако кузнецу никогда не отказывали, поскольку он был уважаемым лицом в селе. Считалось, что ремесло кузнеца послано богом и что злые силы боятся огня. Способность отгонять злых духов приписывалась не только огню, горячей головне, но и всем орудиям добывания огня.

Наковальня, как и другие предметы, находящиеся в кузнице, признавалась священной, садиться на нее считалось грехом. В Кахетии подмастерья каждую субботу зажигали на наковальне свечи и, становясь на колени, целовали ее³.

¹ Г. Гобеджишвили, Древние памятники горнодобывающей промышленности в Раче, «Дзеглис Мегобаря», т. 6, Тбилиси, 1966, стр. 20. (на груз. яз.).

² Например, «мчедлис тке», т. е. «кузнечный лес».

³ Г. Ф. Чурсин, Народные обычаи и верования Кахетии, «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», кн. XXV, вып. 2, Тифлис, 1905, стр. 31.

Самые необходимые в хозяйстве вещи — нож, топор, кинжал, мотыгу, серп, лемех, щипцы, надочажную цепь рачинцы приобретали у кузнеца. Поэтому крестьянин, посещая кузницу, обязательно подносил мастеру подарок: бутылку вина, хлеб и пироги. Они вместе садились за трапезу, после окончания которой кузнец начинал работу. В религиозные праздники каждый дом в селе посылал кузнецу причитающуюся ему долю угощения: два кувшина вина, два ребра свиного мяса и каравай хлеба. При этом произносилось: «Ты наш кузнец — ешь на

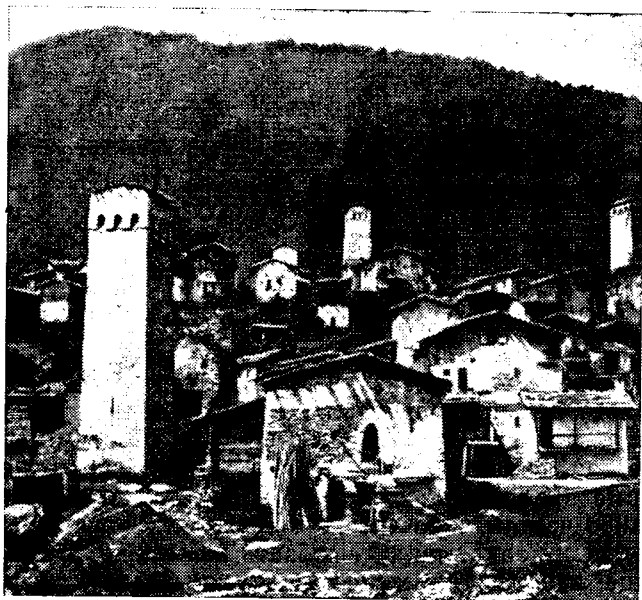

Рис. 1. Сел. Геби в конце XIX в. Это и остальные фото, помещенные в статье, выполнены автором

здоровье»⁴. Рачинские кузнецы славились не только умением делать такие необходимые в быту предметы, как топоры, ножи, мотыги, плуги, подковы и т. п., но и мастерством закалки стали, ковкой мечей, отливкой дул кремневых ружей. До недавнего времени у одного из жителей сел. Геби, мастера Р. Лобжанидзе, хранилась матрица — «зумпара» для изготовления дул кремневых ружей, которые здесь назывались грузинскими ружьями. У него хранились также дробильные приспособления из камня и железа шарообразной формы. С их помощью железная руда смешивалась с мягким камнем — «квармила». Чтобы получить железо, эту смесь плавил в печах.

Хорошим мастером по изготовлению дул ружей считался охотник и кузнец из этого же села С. Лобжанидзе. У него был свой метод проверки готового изделия на качество: в дуло ружья наливалось молоко, которое при малейшем изъяне просачивалось наружу, и тогда дуло вновь подвергалось обработке.

Особенно хорошо кузнецы из Геби ковали мечи, отличавшиеся прочностью и остротой лезвия. Когда меч был готов, кузнец брал в правую руку рукоятку, в левую — его конец и, согнув меч, помещал в решето. Через некоторое время меч вынимался. Если после этого меч принимал первоначальную форму, то он заслуживал высокой оценки.

⁴ Н. Рехвиашвили, Мчедлоба Рачаши (на груз. яз.), Тбилиси, 1953. стр. 166.

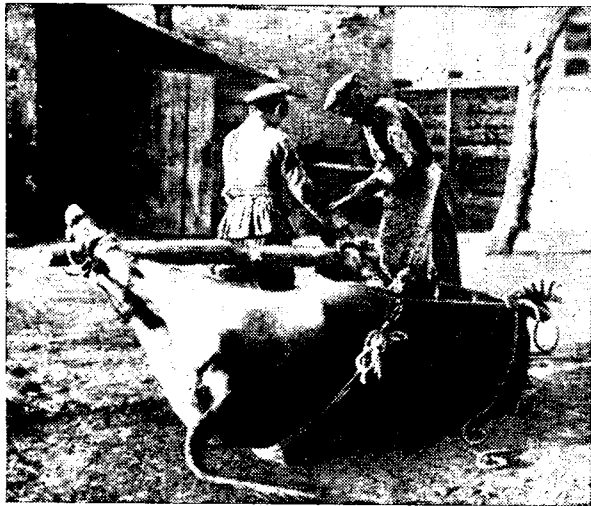

Рис. 2. Рачинские кузнецы подковывают вола

Некоторые специально заказанные у кузнеца изделия использовались как амулеты или приносились в жертву. Обычай приносить в жертву кузнечные изделия в прошлом был широко известен среди народов Кавказа и связан, видимо, с широко распространенным здесь культом железа⁵. Форма приносимых в жертву предметов нередко соответствовала каким-либо частям человеческого тела. Если у человека заболела рука, то кузнецу заказывали выковать железную руку. Однако при болезни сердца заказывали железную ложку, а при пулевой ране — шампур (вертел). Особой силой наделяли кинжал. Грузинский горец считал, что если кинжал с ним, то ему не опасны злые духи.

Если в хозяйстве начинался падеж скота, то старший в семье ехал в кузницу и просил выковать железное кольцо, которое кузнец должен был изготовить, не сказав ни слова. Кольцо называлось «убори бече-ди» — «немое», т. е. кольцо, выкованное в полном безмолвии. Люди верили, что такое кольцо ограждает скот от несчастных случаев. Кузнецы выковывали также лошадиные подковы «убрисчедили», использовавшиеся как средство защиты от сглаза. Подкову обычно прибивали над дверью жилого или хозяйственного помещения.

Обычай ковать железное кольцо в целях оберега до позднего времени встречался и в других местах Грузии. В Кахетии, например, мать, у которой умирали дети, в четверг на страстной неделе заказывала кузнецу такое кольцо и затем постоянно носила его на руке. Среди мужчин Грузии и Армении был распространен обычай носить на большом пальце железное кольцо, сделанное по заказу на страстной неделе. Считалось, что такое кольцо ограждает от злых духов⁶.

Кольца и подковы для оберега кузнец, как правило, ковал в четверг пасхальной недели. Сделанные в другие дни, они, по народным поверьям, не имели священной силы. Все необходимые для сельского хозяйства изделия из железа изготавливали и ремонтировали так называемые

⁵ Так, например, по представлениям адыгов, железо оберегало от злых духов, опасностей, болезней. Раненных холодным или огнестрельным оружием адыги лечили с помощью железа, для чего у постели раненого клали лемех и молот. См.: М. А. Меретуков, Кузнечное ремесло у адыгов в XIX в., «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», т. IV (сер. история и этнография), Нальчик, 1965, стр. 103, 104.

⁶ Г. Чурсин, Амулеты и талисманы кавказских народов, «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46, Тифлис, 1913, стр. 219.

общинные кузнецы, выбираемые сельским обществом. Кузнецы заранее (на год вперед) договаривались с общиной об оплате своего труда. «Немое» кольцо и «священная подкова» изготовлялись кузнецом бесплатно, так как считалось, что иначе они не могут иметь силы. Остальные изделия крестьяне оплачивали деньгами или сельскохозяйственными продуктами. Если кузнец делал предметы, не предусмотренные договором с обществом, то за них он получал особую плату с заказчика. Общинные кузнецы имелись в Грузии, Абхазии, Чечне, Адыгее, Осетии.

Другая категория кузнецов — так называемые свободные кузнецы — работала в основном на рынок. Свободные кузнецы, создавая товарищества, на год уходили на заработок в горные районы. Заработанные средства они пересылали семьям через товарищей или приносили сами, когда приходили домой на побывку.

Изделия рачинских кузнецов пользовались большим спросом не только в Грузии, но и за ее пределами и, прежде всего, в Дигории, Балкарии и Кабарде. Из сел. Геби лошадиные сбруи, железные инструменты для лечения скота, подковы, топоры, ножи, кинжалы, цепи, мотыги, лемеха перевозились через перевал на лошадях. Эти предметы на Северном Кавказе обменивались на местные изделия: шерсть, домотканое сукно, бурки, кожу, скот.

По свидетельству С. О. Шахмурзаева (84 года), балкарцы по ближайшим перевалам часто приходили в сел. Геби (по-балкарски Гезе),

Рис. 3. Ритуальная железная рука.

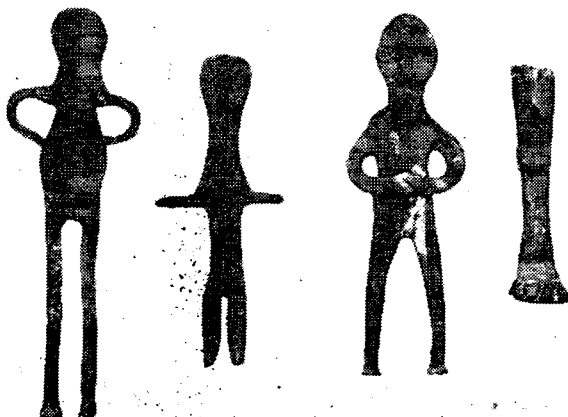

Рис. 4. Ритуальные железные предметы

где продавали пригнанный скот или обменивали его на железные изделия, необходимые в хозяйстве. По всей Балкарии славились гебинские изделия из железа и стали. До сих пор среди балкарцев сохранился термин «гезетемир», т. е. «гебинское железо». Балкарцы закупали в Геби не только готовые изделия, но и «полуфабрикат», т. е. куски железа «квери» 25×24 см, толщиной в 4 см. За такой кусок железа балкарцы отдавали овцу. Особой популярностью среди балкарцев пользовались оружейные дула, сделанные в Геби. Стоимость одного дула приравнивалась к стоимости одной овцы. Но если оно было сделано из стали высшего качества, то за него брали двух овец. Железную часть ружья, сделанную в Геби, балкарцы отдавали нальчикским мастерам, и те насаживали ее на приклад.

Во второй половине XIX в. в связи с ввозом на Северный Кавказ дешевого железа из станицы Баталбашинская (ныне Черкесск) кузнечное дело в Горной Раче пришло в упадок.

Г. В. Цулая

ОБЕЗЫ ПО РУССКИМ ИСТОЧНИКАМ¹

Первые сведения

Обезы — один из кавказских народов, нередко упоминаемых в памятниках древнерусской письменности. Несмотря на это им посвящена только одна статья Л. И. Лаврова². Но в этой работе центральное место заняла демографическая сторона истории абазин³ и именно в этой части она представляет преимущественный интерес. Автор совершенно справедливо отверг существовавшую ранее точку зрения о миграции собственно абхазов на Северный Кавказ как об основном факторе образования абазинского народа. Вопреки установившейся традиции, которая под обезами подразумевает средневековых абхазов, автор доказывал, «что под обезами русские летописи (автор ограничивается летописями XII—XIV вв.— Г. Ц.) имели в виду не абхазов, а абазин»⁴. Однако эту точку зрения Л. И. Лаврова следует существенно дополнить и уточнить.

Первое упоминание об обезах в русских источниках сохранилось в ранних частях «Киево-Печерского патерика», относящихся к 70—80 гг. XI в. Как известно, начало составления этого свода памятников древнерусской литературы относится к XIII в., но в него вошли произведения более раннего периода, такие, например, как сказание «О первых черноризцах печерских», составленное в 1074 г.; «Житие Феодосия Печерского», написанное в 80-х годах XI в., и др. В данном случае сведения об обезах автор, очевидно, почерпнул из каких-то не дошедших до нас источников.

Эти сообщения знаменательны тем, что они дают нам представление о культурном сотрудничестве русских и обезов на заре их политических взаимоотношений. В первом из названных сочинений, составленном в 70-х годах XI в., приводятся весьма интересные сведения, характеризующие такого рода сотрудничество. Приводим этот отрывок: «И се дивно чудо, еже сказаю вам. Придоша от того же богохранимого Константина града к игумену Никону писци иконнии, глаголюще сице: „Постави рядца наша, хочеве ся истязати: нам показаша церковь малу,

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором статьи 3 апреля 1974 г. в Институте этнографии АН СССР на сессии, посвященной итогам полевых этнографических исследований.

² Л. И. Лавров, «Обезы» русских летописей, «Сов. этнография», 1946, № 4.

³ Предки современных абазин — джики и абазы — известны по ранним грузинским летописям и другим документам. Абазины играли активную роль в исторических событиях, происходивших в Грузии на протяжении всего средневековья. Картлийские правители часто поселяли в разоренных войнами и междоусобицей феодальных поместьях представителей новых, часто негрузинских племен. Среди них нередко бывали выходцы с Северного Кавказа, в том числе абазины (абазы) и джики. См. об этом: И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. II, Тбилиси, 1965, стр. 36, 167 (на груз. яз.); С. Н. Джанашиа, Труды, т. II, Тбилиси, 1952, стр. 466 и др. (на груз. яз.).

⁴ Лавров, Указ. раб., стр. 161.

и тако урядохом ся предо многими сведетели, сия же церковь велика велми; и се ваше злато възмете, а мы идем к Цариграду⁴. И отвеща игумен: „каковы баше ряд деявше с вами? Писци реша подобие и образ, имена Антония и Феодосиа⁵. И рече им игумен: „о чада, нам не мощно вам явити тех, прежде бо 10 лет отъидоша света сего, и суть непрестанно молящися за ны, и неотступно хранять сию церковь, и соблюдаютъ свой монастырь, и промышляют о живущих в нем. И сие слышавше Греци и ужасни быша о ответе, приведоша же и иных купец много, иже беша отгуду путешествовавши с теми Греци и Обези⁶. И глаголаху: „пред сими ряд сътворихом, злато възяхом от руку ею, и ты не хочещи нам явити ею. Аще ли приставилъся есть, яви нам образ ею, да и сии видять, аще тая еста⁷. Тогда игумен изнесе пред всеми иконе ею. Видевши Греци и Обези образа ею, и поклонилася, глаголюще, яко сии еста воистину, и веруем, яко жива еста и по смерти, и можета помогати и спасати и заступати прибегающих к нима. Въдавше же и мусию, иже беша принесли на продание, ею же святой олтареустроиша. Писци же начаша каатися своего согрешения⁸».

Таковы первые сведения письменных источников об обезах.

«Авер иже суть обезы»

На вопрос о том, кого в Древней Руси подразумевали под обезами, дает ответ краткая, но выразительная формулировка: «авер иже суть обезы». Впервые она встречается в «Повести временных лет» и географическом компедиуме «Толковая Палей», в котором собраны известные анонимному компилятору названия 72 народов. А. А. Шахматов в свое время проанализировал свидетельство «авер иже суть обезы» «Толковой Палеи» и пришел к выводу, что данное отождествление, встречающееся в «Повести временных лет» и «Толковой палее», было заимствовано из византийских источников⁵. По поводу этой гипотезы мы хотим сказать следующее: византийские источники не знают этнонима «обезы». Для выражения того смысла, который русские вкладывали в этот термин, византийцы пользовались названием «абазги» (авазги). Древнерусские переводчики с греческого сохранили эту деталь. Так, например, в «Житии святого Кирилла» (IX в.) переводчик называет абхазов (подразумеваемая все население Западной Грузии) по-греко-византийски — «авазги»⁷.

В X—XI вв., как известно, Грузинское государство вступило в тесный политический и культурный контакт с Киевской Русью. Именно в этот период русские летописцы и распространили термин «обезы» не только на родственные абазинам племена — одно из важных звеньев, связывавших Древнюю (Киевскую) Русь с закавказскими государствами, но и на всех грузин. Для древнерусского автора «обезы» — это «аверы», т. е. иверы (закономерность перехода фонемы *a* в *и* можно проследить на примере: Ирина — Арина). Русско-грузинские контакты с Киевской Русью через Западную Грузию (Абхазское царство) сказались и в том, что термин «обезы» в русском языке стал звучать с характерным для древнерусского языка оканьем. Однако русская форма термина «обезы» не имеет непосредственного отношения к этнониму «абхазы» в том смысле, в каком последний употреблялся в Грузии, Армении и Византии. Если иноземные авторы название «абхазы» восприняли непосредственно из грузинских источников (устных или письменных), в которых местные

⁵ Д. Абрамович, Киево-Печерский Патерик, Киев, 1931, стр. 9, 10.

⁶ А. А. Шахматов, «Повесть временных лет» и ее источники, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. IV, М., 1940, стр. 75.

⁷ Ф. Брун, Сборник исследований по исторической географии южной России, т. II, Одесса, 1880, стр. 129.

правители именовались «абхазскими царями», то русский термин «обезы» возник под влиянием названия «абазины».

Таким образом, не вдаваясь в вопрос о том, когда возникла формулировка «авер иже суть обезы», можно сказать, что в ней отразились исторические традиции XI в. С XII в., когда Русь начала устанавливать более тесные связи с Грузинским царством, отождествление обезов с иверами-грузинами стало общепринятым. Так, например, согласно Галицко-Волынской летописи, великий князь Владимир Мономах, разбив половцев в 1118 г., загнал их правителя Отрока «во Обезы за Железные врата». Имя половецкого хана Отрока известно и в грузинских хрониках в форме Атрака Шараганис-дзе (сын половецкого князя Шарукана). С ним был в родстве грузинский царь Давид Строитель (1073—1125), который в русском источнике и выступает в роли «обезского царя». Обращает на себя внимание также упоминание «Железных врат». Трудно, конечно, устоять перед соблазном отождествить их с Дарьяльским проходом, широко известным как в кавказских, так и в иных литературных источниках. В принципе не отрицая такого тождества, мы, однако, не можем не отметить, что в представлении средневековых писателей и путешественников Кавказ вообще был синонимом горных «ворот». Так, Ибн-Хордадбех, арабский автор конца IX в., родом перс, перечислил 13 наиболее «выдающихся ворот» Кавка, т. е. Кавказа. Среди них для нас может представить интерес «Баб-Лазика»⁸, что, безусловно, должно было означать «Лазские (т. е. западногрузинские) ворота», которые мы склонны отождествить с Клухорским перевалом. Не имеется ли в виду в Галицко-Волынской летописи под «Железными вратами» именно этот перевал?⁹

В 1154 г., по сообщению «Повести временных лет», волынский князь Изяслав Мстиславович «повел из Обез жену себе, цареву дочь»¹⁰. Это была сестра грузинского правителя Георгия III—Русудан, тетка известной грузинской царицы Тамары. Она была, очевидно, доставлена «морем, через Олешье» и «с почетным эскортом в составе сына княжеского, воеводы и русской рати встречена в устье Днепра»¹¹.

«Сказание о Вавилоне-граде».

В начале XV в. крепнущее Русское государство постепенно возобновляет связи со своими прежними соседями и союзниками. Среди них Кавказу отводилось особое место. Сведения об обезах в этот период появляются в летописях в связи с войнами Тамерлана. Так, одна из русских летописей под 1403 г. среди завоеванных Тамерланом стран называет: «Тефлизи... Горзустани, Обезы и Гурзы»¹². Совершенно очевидно, что в XIV—XV вв. новые для русских географические названия персидского происхождения «Гурзы», «Горзустани» стали вытеснять исконно русское название «Обезы»¹³, которое отныне в русской литера-

⁸ Н. А. Караулов, Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. 32, Тифлис, 1903, стр. 15.

⁹ Отметим, что еще А. Н. Дьячков-Тарасов усомнился в соответствии названия «Железные врата» Дарьяльскому ущелью, хотя в свою очередь выдвинул сомнительное предположение о тождестве их с «железными воротами» в Гагре (см. А. Н. Дьячков-Тарасов, Гагры и его окрестности, «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества», кн. XXIX, вып. 1, стр. 42, 43; В. И. Стражев, Руинная Абхазия, «Изв. Абхазского научного об-ва», т. 1, Сухум, 1925, стр. 5 (отдельный оттиск).

¹⁰ «Повесть временных лет», т. 1, М., 1950, стр. 202.

¹¹ А. П. Новосельцев, Русь и государства Кавказа, в кн.: В. Т. Пашуто, Внешняя политика Древней Руси, М., 1968, стр. 217.

¹² «Полное собрание русских летописей», т. XI—XII (Патриаршая, или Никоновская летопись), М., 1965, стр. 248.

¹³ Ср. Ш. А. Месхия и Я. Э. Цинцадзе, Из истории русско-грузинских взаимоотношений, Тбилиси, 1958, стр. 28.

туре приобретает чисто книжный характер. Именно с этой точки зрения можно рассматривать упоминание обезов в небольшом по объему сочинении безымянного русского автора, очевидно, начала XV в., «Сказание о Вавилоне-граде». Оно интересно прежде всего по своему идейно-политическому замыслу, поэтому не случайно привлекает внимание ученых вот уже второе столетие. Основной идейный смысл данного произведения, как это убедительно доказали видные советские ученые М. О. Скрипиль, Л. В. Черепнин, М. А. Алпатов и др., заключается в том, что Русское государство в начале XV в., оказавшись перед фактом развала Византийской империи, взяло на себя миссию объединения православных народов Востока в борьбе против мусульманских завоевателей. Эта идея приняла особо острый характер со времен опустошительных нашествий Тамерлана. Политика Русского государства того периода во многом обуславливалась его географическим положением и была направлена на культурно-политический союз как с Западом, так и с Востоком. С обострением «восточного вопроса» Русское государство было вынуждено ради сохранения своей безопасности принять активное участие в его решении. Однако политическим мероприятиям должно было предшествовать их идейное обоснование. Именно в такой обстановке и создавалось «Сказание о Вавилоне-граде», автор которого «ставит всемирно-историческое значение Руси в связь с Востоком»¹⁴.

Рассмотрим содержание памятника. Византийский император Лев (в крещении Василий) отправляет трех посланцев в Вавилон для спасения святых христианских реликвий. Однако посланники заявляют ему: «Неподобно нам тамо ити, но пошли из грек гричина, из без обежанина, из роуси роусина». Царь принял эти «рекомендации». Как замечает М. О. Скрипиль, «именно такой состав посольства в самом же начале сказания считается основой успеха всего дела»¹⁵. Во второй части «Сказания» говорится о том, как послы императора, подступив к Вавилону, обнаружили, что вход в город преграждает спящий змей. Далее идет следующий текст: «Бяшетъ тоу лествица от древа коупариса прилождена чрес змея, а написано бо бяше на неи три слова греческы, обезскы, роускы. Первое слово, греческы: „Котораго человека бог принесет к лествице сеи...“ Второе слово, обезскы: „Да идет чрес змея без боязни...“ Третье слово, роускы: „Да идет с лествице чрес полаты, до часовниче“»¹⁶. По словам автора «Сказания», на подступах к «Вавилону-граду» была еще одна такая же «надпись».

Кого же в данном случае следует подразумевать под «обезом» и производным от этого термина «обежанином»? В научной литературе на этот счет существуют противоречивые высказывания. Так, З. В. Анчабадзе пишет: «В так называемом „Сказании о Вавилонском царстве“ (XV в.) в числе главных действующих лиц упоминаются русский, грек и „обежанин“. Здесь „обежанин“ выступает как синоним „грузина“»¹⁷. В книге М. А. Алпатова читаем: «Посланцы византийского царя Василия (Льва) — византиец, русский и обежанин (абхазец) — прибывают в Вавилон»¹⁸. Столь же противоречивы и высказывания М. О. Скрипиля. В ряде мест своего исследования он отождествляет Обезы-Абхазию с Грузией¹⁹. На других же страницах его работы встречаются следующие замечания: «Названием „Обезы“ в древней Руси, как известно [?], обозначались абхазцы (абазги, абхазы) или, вернее, их родина»²⁰. И далее:

¹⁴ М. А. Алпатов, Русская историческая мысль и Западная Европа, М., 1973, стр. 168.

¹⁵ М. О. Скрипиль, Сказание о Вавилоне-граде, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. IX, М., 1953, стр. 130.

¹⁶ Там же, стр. 142.

¹⁷ З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959, стр. 174.

¹⁸ М. А. Алпатов, Указ. раб., стр. 167.

¹⁹ М. О. Скрипиль, Указ. раб., стр. 133, 142 и др.

²⁰ Там же, стр. 135.

«В „Сказании“ речь идет об Обезах, а не о Грузии». Данное замечание автор считает «драгоценнейшей реалией определенного исторического времени. Она помогает правильно подойти к решению трудного вопроса датировки этого произведения»²¹.

Прежде всего следует отметить, что отождествление терминов «обез-обезжанин» и «абхазец» не что иное, как терминологический анахронизм. Этноним «абхазец» впервые появляется в русских канцелярских документах после присоединения Абхазии к России (1810 г.). Сконструирован он был присоединением к этническому названию «абхаз» деминутивного (уменьшительного) суффикса *-ец*, что обычно практиковалось на Кавказе в XIX в. для обозначения представителей малых «народцев» (ср. чеченец, осетинец, мингрелец). Кроме того, терминологически «обез-обезжанин» связан не с «абхазом-абхазцем», а, как правильно отметил Л. И. Лавров, с этнонимом «абазин».

К сожалению, работа М. О. Скрипиля в части, где излагается история Грузии и Абхазии, содержит и более серьезные недостатки. «Конец XIV века,— пишет автор,— это было время в истории Грузии, когда среди всех областей Грузинского царства Абхазия заняла совершенно особое положение. Главные удары Тамерлана во время его шести больших походов в Грузию не достигали ее. Вследствие этого, когда Восточная Грузия и часть Западной Грузии лежали в развалинах, Абхазия избежала прямых последствий нашествий Тамерлана. Сохранилось ее население. Не была разрушена ее экономика. Кроме того, она в это время пользовалась полной церковной независимостью от Грузии. Еще в XIII в. упоминается абхазский католикос, местопребыванием которого был город Пицунда. Теперь его власть простирается на всю Западную Грузию — на Абхазию, Сванетию, Мегрелию, Гурнию. Это могло способствовать поднятию авторитета Абхазии как в самой Грузии, так и за ее пределами»²². Далее автор делает еще одно заключение: «Эти страницы истории Абхазии были, очевидно, известны на Руси, где до конца XV в. лучше знали абхазцев, чем грузин других областей (?!). Здесь в первой половине XV века скорее Абхазия, чем Грузия в целом, могла быть сочтена той страной, которой наряду с Византией и Русью было суждено представлять на международной арене христианский православный мир»²³.

В этих двух приведенных цитатах из работы М. О. Скрипиля содержится ряд неточностей. Прежде всего отметим, что окончательный распад Грузии на отдельные княжества произошел не на рубеже XIV—XV вв., а лишь в конце XV в.²⁴ Абхазия в этот период не занимала «особого положения», а наоборот, входила в состав образовавшегося в середине XV в. партикулярного мегрельского княжества Сабедиано²⁵.

Это княжество, хотя и избегло опустошительных набегов монгольских и тамерлановских армий, но подъема общественной, экономической и духовной жизни в нем не наблюдалось. Вот как описывают положение в Сабедиано авторы того времени: «Правитель этой провинции зовется Бендиан. Он владеет двумя крепостями... одна называется Вати, другая Севастополь (Батуми и Сухуми.— Г. Ц.)... Вся страна — каменистая и бесплодная; там нет хлеба иного сорта, кроме проса; соль туда при-

²¹ Там же, стр. 136.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 304.

²⁵ «Абхазская АССР», статья; в БСЭ, изд. 2, т. I, М., 1949, стр. 48; см. также: Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Указ. раб., стр. 310.

возят из Каффы. Жители выделывают небольшое количество холста, весьма плохого. Народ там дикий»²⁶. Комментируя эти сведения, а также данные собственно грузинских источников, И. А. Джавахишвили писал: «Сообщения итальянских послов, а также грузинские грамоты свидетельствуют о том, что народ Сабедиано, в особенности Мегрелии и Абхазии, в культурном отношении был принижен. Сельское хозяйство, торговля и промышленность пали настолько, что население обеднело и деградировало...»²⁷

Католикос, упоминаемый в работе М. О. Скрипиля, распространял свою религиозную власть не только на «абхазцев», но на абхазов, под которыми подразумевалось население всей Западной Грузии. Поэтому местопребывание католикоса было перенесено в Центральную Грузию (Кутаиси). Именно отсюда, как прежде из Пицунды, простиралось «на всю Западную Грузию — Абхазию, Сванетию, Мегрелию, Имеретию, Гурию» его влияние.

Христианство в средневековой Абхазии насаждалось грузинами, в частности мегрельскими священниками, которые собственно и создали небогатую христианскую терминологию на абхазском языке. Примечательно, что наиболее популярный в грузинском церковном календаре христианизированный образ св. Георгия и даже праздник «рождества Христова» были известны исключительно в пограничной с Мегрелией зоне Абхазии и совершенно незнакомы абхазцам бассейна р. Бзыбь²⁸. Но самый сильный аргумент в пользу отождествления «обеза-обежанина» с грузином — упоминание в «Сказании» о надписи на «обезском» языке. Эта надпись могла быть сделана только на грузинском языке, который в ряде средневековых литературных источников часто называется «языком абхазским», тогда как абхазский оставался бесписьменным вплоть до рубежа XIX—XX вв.

В «обезе-обежанине» «Сказания» дан собирательный образ грузиниверов (древнерусское авер), которые были активными союзниками Руси в ее политике на Кавказе, ставшем одним из главных форпостов Русского государства в «восточном вопросе». Сведения об «обезе-обежанине» в «Сказании», скорее, не аргумент для решения «трудного вопроса датировки этого произведения», как пишет М. О. Скрипиль, а подтверждение преемственности между поздними русскими источниками и более ранними. «Сказание о Вавилоне-граде» свидетельствует о жизнненности культурно-политического союза Руси и Грузии в течение всего средневековья.

Проследив за процессами развития этнонима «обез» («обежанин») по русским средневековым источникам, можно прийти к заключению, что под данным наименованием, впервые появившимся в русских источниках в XI в., в период расцвета Грузинского феодального царства, русские могли подразумевать только грузин.

²⁶ «Барабаро и Контарини о России. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской», Л., 1971, стр. 153, 214 (первое издание: «Библиотека иностранных писателей о России», СПб., 1836); Арканджело Ламберти, Описание Колхиды, называемой теперь Мигрелией, СМОМПК, Тифлис, 1913, т. 43, стр. 24, 174—177, 181 и др.

²⁷ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. IV, Тбилиси, 1967, изд. третье, стр. 108; см. также: З. В. Анчабадзе, Указ. раб., стр. 255, 256.

²⁸ Н. С. Джанашиа, Статьи по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, стр. 23, 25, 26, 33—39, 41, 43—45, 47, 52, 59, 60; Г. Ф. Чурсин, Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, стр. 29, 30; Ц. Н. Бжаниа, Из истории хозяйства и культуры абхазов, Сухуми, 1973, стр. 261, 262. Отметим также, что само слово «церковь» по-абхазски обозначалось чисто мегрельским термином дохристианского (языческого) происхождения «аухуама» (мегр. охваме — «молельня»). См. «Русско-абхазский словарь», Сухуми, 1964, стр. 614. Ср. также: Н. Я. Марр, Племенной состав населения Кавказа, Пг., 1922, стр. 55.

Рассмотрим, как трактовался этноним обезы в трудах ранних представителей русской исторической науки. Так, например, в многотомной «Российской истории» В. Н. Татищева, созданной им в первой половине XVIII в., обезы упоминаются неоднократно. Будучи неутомимым собирателем древнерусских литературных памятников, В. Н. Татищев сохранил нам старорусские традиционные свидетельства об этнониме обезы в различной его интерпретации. Он, например, писал: «Часть Мингрелии северная, которую турки и кабардинцы именуют Авхазос, наши древние именовали Обезы»²⁹. Примерно то же повторяет он и в комментариях к сочинению византийского автора Константина Багрянородного: «Ахейцы, по сказанию Страбона, в Колхиде греки населенные и, может, оное ж авхаши, у Плиния авхети. Наши может тоже именовали обезы. Турки и доднесь северную Мингрелию имянуют Авхаз»³⁰. Необходимо отметить, что в приведенных комментариях допущены ошибки: «Часть Мингрелии северную» турки именовали не Авхазос, а Абаза, под которой подразумевалась причерноморская территория к северу от г. Ингури. Кроме того, названием страны Обез в древней Руси пользовались для обозначения не только северной Мегрелии, но нередко Грузии в целом. Именно так прокомментировал В. Н. Татищев сведения из «Повести временных лет» о царской дочери «из Обез» (см. выше), называя ее: «Грузинская княжна»³¹. По существу, то же самое он повторяет и в других местах своего сочинения³². Из примечаний В. Н. Татищева видно, что он сам понимал и что было принято в его время понимать под названием древней страны Обезы. В частности, В. Н. Татищев пишет: «Обезы в четырех манускриптах точно написано, а в прочих пропущено. Карпейн называет георгиан обезы. Грузинцы Мингрелию и весь край к Черному морю против Крыма зовут Авхаз, а Птоломей город Авхис положил ...Абаза же есть владение кабардинское по реке Куме, имя татарское, значит малый народ»³³. По примеру Плано Карпини (Карпейн) В. Н. Татищев называл грузин «георгианами»: «Геоργия — мы зовем Грузия»³⁴. Но к чести В. Н. Татищева надо сказать, что текст Плано Карпини он понял лучше, чем некоторые современные нам комментаторы сочинения знаменитого итальянца. Для В. Н. Татищева георгианы — это то же самое, что и обезы, как указывает источник, которым он пользовался («Обезы или Георгианы») ³⁵. В то же время А. И. Малеев в своем комментарии к сочинению Плано Карпини именуется «георгиан» «абазами, или абхазцами, или обезами»³⁶, не имея никаких данных для подобной интерпретации. В. Н. Татищев развязывает сложный узел содержания этнонима «обезы», он приближает его к собственно «абазианам», название которых в свое время получило в древнерусских источниках собирательное значение.

Итак, книжный характер сведений В. Н. Татищева об обезах не должен вызывать сомнений. Свидетельства древнерусских источников не потеряли своего первоначального содержания под пером даже критически мыслящего историка первой половины XVIII в.

²⁹ В. Н. Татищев, Российская история, т. I, М., 1962, стр. 171.

³⁰ Там же, стр. 202.

³¹ Там же, стр. 375.

³² В. Н. Татищев, Указ. раб., т. III, М., 1962, стр. 44, 47.

³³ Там же, стр. 241. Впоследствии в южнорусских говорах этноним «абаза» принял неоративный характер (см. «Словарь русских народных говоров», вып. I, М.—Л., 1965, стр. 188).

³⁴ В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 176.

³⁵ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини», М., 1957, стр. 57.

³⁶ Там же, стр. 214, примеч. 127.

Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич

РИСУНКИ В ПЕЩЕРЕ БЛИЗ ХУМАРЫ

О рисунках в неглубокой пещере-навесе нам рассказал А. Г. Костенко. Он обнаружил их случайно 20 лет назад, укрывшись от дождя под навесом скалы. Недавно Пятигорский музей краеведения организовал экспедицию, чтобы обследовать пещеру.

Пещера находится в Карачаево-Черкесии на правом берегу р. Кубани, между Черкесском и Карачаевском. На расстоянии 1 км южнее пещеры протекает правый приток Кубани — Кубрань.

Как можно судить по результатам обследования, пещера образовалась в результате выветривания отвесного обнажения красноватого песчаника. Она находится во втором ярусе выхода скал, опоясывающих расположенную здесь возвышенность с юга, запада и севера. Пещера-навес имеет среднюю глубину 4—5 м и ориентирована на запад. При ее осмотре выяснилось, что часть нависающей скалы обрушилась, закрыв многотонными глыбами участок стены, где, по словам А. Г. Костенко, находится большая часть рисунков. Все же нам удалось осмотреть ряд изображений на нижней части стены. Они были вырезаны на стене, глубина линии — 3—6 мм, но в результате выветривания сохранились довольно плохо. На рисунке приведены сохранившиеся изображения. Фигуры 1—4 составляют сцену охоты двух всадников на оленя, которого загоняет, видимо, собака. 5—7 — изображения двух кабанов и лани. Ниже приведены четыре изображения собак (11—14). Фигура 8 изображает собаку, а 9 и 10 — двух животных, напоминающих молодых оленей. Один рисунок сохранился частично.

Прежде всего обращают на себя внимание два изображения всадников. Они переданы в традиционной аланской манере: левая рука придерживает повод, а правая опирается на круп лошади. Такая поза характерна для аланских бронзовых фигурок всадников. Эти фигурки относят к VI—VIII вв. Они встречаются на территории Кабардино-Балкарии — Кисловодска¹ и иногда в соседних районах².

Что касается изображений собак с закрученными вверх хвостами, то подобные изображения имеются на стене дольменобразного склепа

¹ Г. Е. Афанасьев, Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа, «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXXVI, Л., 1973, стр. 36—39; его же, Бронзовые фигурки всадников Северного Кавказа, «Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных республик РСФСР», М., 1970, стр. 54—55. Помимо описанных в этих работах фигурок следует упомянуть бронзовую фигурку, найденную А. П. Руничем в катакомбном могильнике 2 у Лермонтовской скалы близ Кисловодска; фигурку, найденную Б. Тамбиевым в могильнике в Гришкиной балке у Кисловодска, а также фигурки, происходящие из могильника в ущелье р. Гоначхир близ Теберды (сведения о последних получены от А. П. Утякова).

² К востоку от указанного района аналогичные предметы были найдены в могильнике Гоуст, к западу, как уже говорилось, — в Гоначхире.

из Верхнего Прикубанья³. Есть находки, позволяющие считать подобные изображения очень древними⁴. По имеющимся аналогиям данный памятник можно ориентировочно датировать эпохой раннего средневековья. Такую датировку косвенно подтверждают и расположенные в этом районе раннесредневековые памятники⁵. Из параллелей следует вспомнить о результатах разведок в долине р. Индыша, которые В. М. Сысоев опубликовал еще в 1904 г. Там под скальным навесом были обнаружены сделанные красной краской изображения охотников, стреляющих из лука, собак и оленей⁶. Вопрос о назначении рисунков в таких пещерах почти не исследован. Однако он может дать определенный материал для изучения культов населения Северного Кавказа. Обращает на себя внимание то, что эти изображения в пещерах-навесах скорее всего связаны с культом охоты. Мы видим всадников, загоняющих зверя при помощи собаки, стреляющих из лука охотников и т. д. Это наталкивает на мысль, что в раннем средневековье такие пещеры служили святилищами охотничьего культа. Такая трактовка находит и этнографические параллели у горцев Кавказа. Например, сваны, отправляясь на охоту совершали в специальном месте жертвоприношения⁷. Чеченцы приносили жертву одноглазому покровителю охотников Этлу⁸. Обычай жертвоприношения богу охоты бытовал и у осетин. «Отправляясь на охоту,— писал В. Ф. Миллер,— осетин с вечера велит своей жене спечь три маленьких сырника и берет их с собой. Дойдя до места охоты, он обращается с молитвой к Авсати, просит его дать ему из своего стада одного бедного оленя или козла и принять в жертву сырники»⁹. Подобные обычаи были широко распространены у многих народностей Кавказа¹⁰.

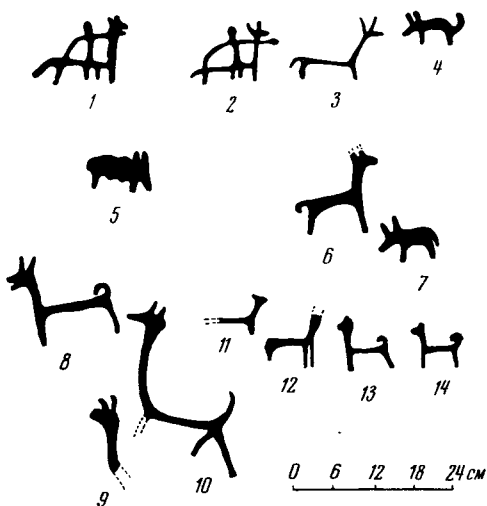

Рис. 1. Наскальные изображения в пещере (прорисовка)

сваны, отправляясь на охоту совершали в специальном месте жертвоприношения⁷. Чеченцы приносили жертву одноглазому покровителю охотников Этлу⁸. Обычай жертвоприношения богу охоты бытовал и у осетин. «Отправляясь на охоту,— писал В. Ф. Миллер,— осетин с вечера велит своей жене спечь три маленьких сырника и берет их с собой. Дойдя до места охоты, он обращается с молитвой к Авсати, просит его дать ему из своего стада одного бедного оленя или козла и принять в жертву сырники»⁹. Подобные обычаи были широко распространены у многих народностей Кавказа¹⁰.

³ В. А. Кузнецов, Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», 85, 1961, стр. 110.

⁴ А. А. Миллер, Изображение собаки в древностях Кавказа, «Изв. Российской академии истории материальной культуры», т. II, 1922, стр. 321.

⁵ Е. П. Алексеева, Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, М., 1971, стр. 82, 90.

⁶ В. М. Сысоев, Древности с р. Индыша, «Материалы по археологии Кавказа» (МАК), IX, М., 1904, стр. 163.

⁷ Д. Маргани, Сваны, «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее СМОМПК), вып. X, стр. 70, 71.

⁸ Б. Далгат, Первобытная религия чеченцев, Терский сборник, вып. III, кн. 2, Владикавказ, 1893.

⁹ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. II, М., 1883, стр. 244, 245.

¹⁰ А. М. Дирр, Божества охоты и охотничий язык у кавказцев, СМОМПК, вып. 44, стр. 1—16.

М. В. Сазонова

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОКАНДСКОМ ХАНСТВЕ XIX в.

Большой вклад в изучение истории узбекского народа вносит публикация «Каталога архива кокандских ханов XIX в.», правителей одного из феодальных ханств Средней Азии, а также исследование на его основе социально-экономических отношений в Кокандском ханстве XIX в.¹

Подготовка к публикации и исследование документов архива — работа огромная и весьма сложная. Этот труд взяла на себя А. Л. Троицкая, один из крупнейших исследователей истории и этнографии Средней Азии. Большой диапазон научных интересов, многоплановость исследований А. Л. Троицкой хорошо известны советской этнографической общественности, отметившей недавно 75-летие со дня ее рождения. Труды А. Л. Троицкой вводят в научный оборот новый, обширный по объему и значительный, а в некоторых отношениях и уникальный по содержанию материал. За несколько лет до издания документов архива кокандских ханов в статье А. Л. Троицкой был дан обзор существовавших к тому времени сведений об этом архиве². Так, в 1876 г. в газете «Туркестанские ведомости» под инициалами Н. П. появились статьи, в которых давалось краткое описание архива и рукописей из ханского дворца, характеризовалось налоговое обложение, приводились сведения о мерах и весах. Как убедительно доказала А. Л. Троицкая, эти статьи написаны русским ориенталистом Н. Н. Пантусовым. Позднее об архиве кратко упоминали П. П. Иванов (при разборе архива хивинских ханов ему встретилось несколько ферганских документов)³ и М. Ю. Юлдашев⁴.

Основная масса документов (а их в «Каталоге...» приведено около 4000, включая и свитки) относится к концу 60—началу 70-х годов XIX в., т. е. к последнему, третьему периоду правления Худаяр-хана (1866—1875).

А. Л. Троицкая не только разобрала и систематизировала документы, определила их виды. Главная ее заслуга заключается в том, что струк-

¹ А. Л. Троицкая, Каталог архива кокандских ханов XIX в., М., 1968; ее же, Материалы по истории Кокандского ханства XIX в., М., 1969; ее же, Ганчи, ганчибаши в Кокандском ханстве (XIX в.), «Терминологические исследования АН СССР. Отделение литературы и языка», М.—Л., 1963, стр. 250—255; ее же, Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX в., «Восточный сборник», вып. 3, Ин-т востоковедения АН СССР и Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, М., 1972, стр. 138—148.

² А. Л. Троицкая, Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор, «Восточный сборник», вып. 2, «Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. II (V), 1957, стр. 185—209.

³ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», 1939, т. 7, стр. 9.

⁴ М. Ю. Юлдашев, Новые архивные источники по истории Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР», 1951, № 1, стр. 37.

тура «Каталога...» органически связана с характером архива. Аннотация каждого документа в сжатой, лаконичной форме дает представление о внешнем виде, типе, содержании и адресате. Важными определителями документов служат датированные и прочтенные исследователем печати.

По своему содержанию рассматриваемый архив типично хозяйственный и состоит из большого количества ханских жалованных грамот — *инайатнама* и распоряжений — *мубаракнама* или *мархаматнама*; многочисленных распоряжений и уведомлений, так называемых *патта*, служивших оправдательными документами, прилагавшимися к отчетным записям — *дафтар*. В архиве сохранились дафтары сборщиков налогов и обложений, записи прихода и расхода собранного зерна, расходов в дворцовых хозяйствах, списки жалованной одежды, перечень земельных площадей, занятых садовыми и огородными культурами, облагавшихся денежным налогом и пр. Многочисленные донесения и челобитные — *ариза*, *арза*, а также письма — *хатт* дают материал о внутренней жизни ханства, преимущественно хозяйственной. Имеется несколько мало-важных документов о ханской резиденции — *урде* и большой материал об урде маргеланского бека Султан Мурада, брата Худаяр-хана.

Документы архива служат новым источником по малоизученным вопросам земледелия и землепользования. Они содержат особенно ценный материал об «удельных», или «коронных» землях Худаяр-хана и его заповедниках, своего рода лесничествах.

Как видно из документов, удельные земли кокандских ханов были расположены в местности Ер-Масджид, находившейся неподалеку от Коканда, к западу от него: Доходы с этих земель поступали в ведение своего рода «удельных ведомств», управлявшихся придворными, назначенными ханом — *инаками*, которые сдавали сбор хараджа (налога, взимавшегося с удельных земель в размере от 1/10 до 1/2 доли урожая) на откуп *инджара*, так называемым *саркарам*. Удельные земли хана получали особые льготы в пользовании водой. Вода из каналов поступала сюда вне очереди и в большем количестве, чем на другие земли. Челобитные и донесения свидетельствуют о том, что это вызывало недовольство жителей неудельных земель.

Из удельных земель на правах бенефиций выделялись участки придворным и должностным лицам, которые сдавали их в субаренду. Остальные земли обрабатывались в основном издольщиками, находившимися в ведении местной сельской администрации. Основной возделываемой культурой был рис, имевший наибольшую товарную ценность; пшеница, маш и другие растения выращивались в незначительном количестве. Документы архива позволяют судить о размерах натуральной ренты, получавшейся с рисовых посевов (взимались стоимость семян, определенная часть урожая за право пользования землей и харадж).

А. Л. Троицкая использовала материалы архива в исследовании, посвященном определению форм эксплуатации удельных земель Худаяр-хана⁵. В этой работе она показала хищническое ведение хозяйства и феодально-ростовщический характер угнетения крестьян, обрабатывавших ханские земли, и населения окружающих кишлаков. А. Л. Троицкая сумела раскрыть сущность хашарных работ (по своему характеру и организации близких к барщине) по обработке ханских садов, сбору топлива и его доставке. Архивные документы свидетельствуют о том, что к хашарным работам привлекались не только дехкане селения Ер-Масджид, но и жители его окрестностей. При этом дехкане использовали свой тягловый скот, свои сельскохозяйственные орудия и арбы. Урожай с удельных земель шел в основном на содержание ханской урды. Часть зерна выдавалась в виде ссуды на посев или свозилась в

⁵ А. Л. Троицкая, Материалы по истории Кокандского ханства XIX века.

ханские амбары. Излишки продавались на месте перекупщикам или же вывозились на базары Коканда.

Материалы архива позволили выделить несколько категорий ханских земель. Из них наименее известными до сих пор были земли *курук* — «заповедники».

Судя по документам, заповедники Худаяр-хана были расположены по тугаям на берегах Сырдарьи, в междуречье между Нарыном и Карадарьей, по берегам речек, находящихся к югу от Сырдарьи в районе Коканда, Маргелана, Шарихана и Асеака. Заросли верблюжьей колючки (*йантак*), основного топлива в Кокандском ханстве, также были объявлены ханом заповедными. Ханские заповедники охранялись многочисленным штатом объездчиков — *курукчи*, подчинявшихся старшему из них — *курукчибаши*, доверенному лицу хана.

А. Л. Троицкая опубликовала ряд исследований, основанных на глубоком анализе изученных ею материалов по отдельным разделам архива или по группам документов. Так, в своей статье о заповедниках Кокандского ханства⁶ она показала, что эти земли в описываемый период были превращены в один из источников доходов ханской казны. Здесь господствовала откупная система взимания налогов с постепенным переводом их в денежные обложения. Автор делает вывод об усилении эксплуатации дехкан и скотоводов ханства.

Рассматривая особую группу придворной челяди, так называемых сирот-выкормышей (*сагира*)⁷, А. Л. Троицкая анализирует документы, свидетельствующие об использовании их в качестве конюхов, табунщиков, работников в оружейной мастерской, прислужников при ханской охоте в качестве егерей, издольщиков на удельных землях хана и беков.

Уникальны документы архива по вопросам организации войска ханства. Они рассматриваются в одной из статей А. Л. Троицкой⁸. Теперь можно считать установленным, что в Кокандском ханстве во время Худаяр-хана существовало постоянное войско, состоявшее из регулярной пехоты (пехотинцев — *сарбазов* и пушкарей — *тубчи*) и конницы. В статье приведены данные о воинских подразделениях, их командном составе, вооружении, довольствии и обмундировании. Некоторые войсковые соединения снабжали зерном откупщики хараджа (по установленной форме и по специальному разрешению из ханской канцелярии — *барат*). Эти части назывались *галлагир* — получающий зерно. В ряде случаев военным отрядам отводились земли, прилегающие к какому-нибудь каналу. С этих участков они получали харадж. Выделенный из их среды мираб ведал оросительной системой данной местности. Войска, снабжавшиеся таким способом, назывались *джуйдар* — владеющий каналом, ручьем. Лица, имевшие воинский чин, пользовались льготами при взимании налогов с их земель, некоторые из них совсем освобождались от налогового обложения.

Очень интересен тот раздел архива, где раскрывается положение бекства, в том числе бека, его урды, должностных лиц, многочисленной челяди, а также войсковых частей, расквартированных на территории бекства и содержавшихся за счет обложений, взимаемых с населения. Все расходы строго учитывались. Сохранились записи выдачи по дням мяса, сала и даже лепешек, составлявшиеся должностным лицом, ведавшим убойным скотом и выдачей сала, так называемым *ганчибаши*.

⁶ А. Л. Троицкая, Заповедники — курук Кокандского ханства Худаяр-хана, «Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III, 1955, стр. 122—156.

⁷ А. Л. Троицкая, Сагира в Кокандском ханстве (XIX в.), «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика И. А. Орбели», М.—Л., 1960, стр. 271—279.

⁸ А. Л. Троицкая, Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX в.

А. Л. Троицкая посвящает специальную статью анализу документов архива, связанных с этим термином⁹.

В документах отражены также расходы бекства на строительство, на представительство, на одежду, затраты на прием хана и членов его семьи. Учитывались также расходы на содержание бекской семьи и его многочисленной челяди, арбяного двора, на ремонт арб. В ведении бека находились также рудники, добыча нефти и так называемый керосиновый завод.

В этнографическом плане интересны сведения архива, к сожалению отрывочные, о жертвоприношениях по случаю пуска воды, освящении новых зданий, благотворительных трапезах, праздновании Нового года, курбана и рамазана, а также материалы о семейных торжествах, рождении, первых годах ребенка, свадьбе, похоронах и различных обрядах. Заслугой А. Л. Троицкой является точный перевод терминов и раскрытие содержания обрядов.

В архиве есть данные и по материальной культуре (об одежде, тканях, утвари, упряжи, сбруе).

Обширные знания о быте народа, его материальной и духовной культуре, общественной и семейной жизни, обрядах и обычаях позволили автору увидеть в архиве то новое, что еще не стало достоянием науки. Опыт собственных этнографических исследований помог А. Л. Троицкой оценить значение материала, который составляет основу опубликованного ею Каталога. Она выявила такие стороны социальных отношений, которые до последнего времени были известны лишь в самом общем виде.

Широта этнографических и лингвистических знаний А. Л. Троицкой проявились и в составленном ею предметно-терминологическом глоссарии. Она стремилась вскрыть значение слова и определить его происхождение. Каталог снабжен также указателем собственных имен и указателями географических и топографических названий, составленными О. П. Шегловой.

Все названные выше статьи снабжены также тщательно составленными переводами документов. К книге «Материалы по истории Кокандского ханства XIX в.» дается обширное приложение — документы-факсимиле и их переводы.

Работы А. Л. Троицкой, посвященные анализу документов, характеризующих социально-экономические отношения в Кокандском ханстве в XIX в., имеют огромное значение для изучения проблем среднеазиатской этнографии.

---

⁹ А. Л. Троицкая, Ганчи, ганчибаши в Кокандском ханстве (XIX в.).

Г. Л. Хить, Л. Намсарайнайдан

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ДЕРМАТОГЛИФИКЕ МОНГОЛОВ

Кожные узоры кисти у монголов изучались немногими исследователями и, как правило, по неполной программе. Наиболее ценной сводкой, несмотря на давний срок публикации, является работа Э. Акабори и А. Суда¹, таблица из которой приводится ниже (табл. 1).

П. Бисвас приводит ориентировочные пределы групповых вариаций типов пальцевых узоров у монголов: дуги—1,5—2,4%, петли—43,4—46,0, завитки—52,4—54,3%².

Т а б л и ц а 1

Пальцевые узоры (%) и дельтовый индекс у населения Монголии (мужские группы)

Группа	N	A	R	U	R+U	W	D ₁₀ [*]	Автор и год исследования
Монголы-халха	101	3,07	2,77	39,90	42,47	54,26	15,10	Sato a. Shimazaki, 1936
Монголы Внутренней Монголии	191	1,57	2,62	43,40	46,02	52,41	15,08	Yokoo, 1936
То же	27	2,6	3,7	46,7	50,4	47,0	14,44	Suda, 1937
Баргуты	157	2,73	3,63	44,71	48,34	48,92	14,62	Sato a. Shimazaki, 1936
Буряты	108	2,04	1,76	42,22	43,98	53,98	15,19	То же
»	55	1,45	2,73	42,73	45,46	53,09	15,16	Yokoo, 1936

* Вычислено нами по данным авторов.

По более полной программе Т. Д. Гладковой была изучена группа монголов (81 мужчина, сборы А. И. Закревской в 1941 г.)³. Приведем характеристику этой серии: дуги—1,0%, петли—39,75, завитки—59,25%, дельтовый индекс—15,82, индекс Камминса—8,08, узоры на гипотенаре, Th/I, II, III и IV межпальцевых подушечках отмечены в 14,2%; 8,7, 1,8, 32,1, 56,2% соответственно. Осевой ладонный трирадиус t —64,2% (сомнительная величина, если учесть, что свыше 25% исследованных попадают в графу 0+?). Данные по добавочным межпальцевым трирадиусам отсутствуют.

Небольшая группа монголов (25 человек) исследована Л. Малой. Автор приводит суммарные данные о мужчинах и женщинах, изучив

¹ E. Akabori, A. Suda. On the finger patterns of the Mongolian in West Sinit, Silingol, «Journ. of the Anthropological Society of Tokyo», vol. 52, № 592, 1937 (на японск. яз.).

² P. S. Biswas, Ethno-geographical variations in dermatoglyphics, «Proceedings of the Second International Congress of Human Genetics», Rome, 1961.

³ Т. Д. Гладкова, Особенности дерматоглифики некоторых народностей СССР, «Сов. антропология», 1957, № 1; ее же, Материалы по дерматоглифике казахов, «Вопросы антропологии», 1964, № 16.

отпечатки только левых рук⁴. Последнее обстоятельство сильно ограничивает возможности использования ее материалов при сопоставлениях.

Все авторы в той или иной форме отмечают у монголов особенности кожного рельефа, присущие восточному (монголоидному) расовому стволу: сильную узорную интенсивность пальцев, косой ход главных ладонных линий, малое количество узоров на гипотенаре. Эти в общем правильно уловленные закономерности нуждаются в подтверждении на более обширном материале, описанном по полной программе. Возникает также вопрос о степени сходства монголов с родственными им по происхождению народами и об их месте в системе азиатских популяций.

Основу данной статьи составили материалы, собранные в полевых условиях в Монголии стажером АН МНР Л. Намсарайнайданом в 1968—1969 гг.

Были изучены следующие группы: 1. Монголы-халха (60 мужчин); 2. Монголы-дариганга (31 мужчина); 3. Буряты (30 мужчин); 4. Казахи (30 мужчин).

Все выборки являются дисперсными. Отпечатки были получены с помощью типографской краски. Материал изучен и отработан Г. Л. Хить по методу Камминса и Мидло⁵.

Таблица 2

Пальцевые узоры и типы ладонных линий А и D (%)

Группа	Численность	A+T	R	U	R+U	W	D ₁₀	
		Типы линий А			Типы линий D			
		1 (1-2)	3 (3+4)	5 (5+6+7)	7	9	11	Индекс Камминса
Монголы-халха	60	3,5	2,2	39,5	41,7	54,8	15,13	
Монголы-дариганга	31	3,9	2,6	50,0	52,6	43,5	13,96	
Буряты	30	3,3	3,0	40,7	43,7	53,0	14,97	
Казахи	30	2,3	1,3	44,7	46,0	51,7	14,94	
Монголы-халха	7,5	77,5	15,0	23,3	50,9	25,8	7,49	
Монголы-дариганга	14,5	67,8	17,7	22,6	37,1	40,3	7,66	
Буряты	15,0	70,0	15,0	15,0	51,7	33,3	7,62	
Казахи	6,7	76,6	16,7	15,0	48,3	36,7	7,87	

Кратко изложим результаты обработки серий (табл. 2—4). В целом группы имеют мало бездельтовых узоров, много завитков и высокий дельтовый индекс, часто встречающийся ладонный трирадиус t , косое направление главных ладонных линий, мало добавочных межпальцевых трирадиев, малое или среднее число узоров на гипотенаре, часто встречающийся узор на IV межпальцевой подушечке. Все перечисленные особенности в высшей степени характерны для популяций монголоидного происхождения и отличают последние от европеоидных групп. Однако не все указанные свойства присущи изученным популяциям в равной мере. Так, в полном соответствии с известной соматической характеристикой буряты оказываются «монголоиднее» казахов по всем признакам, кроме узоров на гипотенаре. У бурят частота последних достигает 33%, что свойственно обычно европеоидным популяциям. Между тем у бурят СССР узорность гипотенара наблюдается в 1,5—2 раза реже, чем у бурят Монголии. Учитывая при этом малую числен-

⁴ L. Mala, The finger and palmar prints in Khalkha-Mongols, в кн.: E. Viček, A contribution to the anthropology of the Khalkha-Mongols, «Acta Facultatis rerum naturalium universitatis Comenianae. Anthropologia», t. IX, Fasc. VI—VII, Bratislava, 1965.

⁵ H. Cummins, Ch. Midlo, Finger prints, palms and soles, New York, 1961.

Окончание ладонных линий А, С и D, %

Группа	Линия А						Линия D				
	1	2	3	4	5'	5"	7	8	9	10	11
Монголы-халха	6,7	0,8	65,0	12,5	14,2	0,3	19,1	4,2	43,4	7,5	25,8
Монголы-дариганга	14,5	—	58,0	9,7	11,3	6,5	17,7	4,8	33,9	3,3	40,3
Буряты	11,7	3,3	53,3	11,7	13,3	1,7	15,0	—	43,3	8,4	33,3
Казахи	6,7	—	66,6	10,0	16,7	—	15,0	—	35,0	13,3	36,7
Линия С											
	4	5'	5"	6	7	8	9	10	11	X	0
Монголы-халха	1,7	5,0	15,0	4,2	33,3	0,8	18,3	4,2	—	12,5	5,0
Монголы-дариганга	—	11,3	8,2	3,3	40,3	—	14,5	3,2	3,2	12,9	3,2
Буряты	—	1,7	13,3	—	38,2	1,7	21,7	—	—	21,7	1,7
Казахи	—	—	13,3	—	38,3	—	26,7	1,7	—	15,0	5,0

Таблица 4

Окончание линии В и система ладонных трирадиусов, %

Группа	Окончание линии В							
	3	4	5'	5"	6	7	8	9
Монголы-халха	2,5	3,3	45,0	21,0	0,8	25,8	0,8	0,8
Монголы-дариганга	8,1	1,6	33,9	12,9	—	38,7	1,6	3,2
Буряты	5,0	1,7	38,3	21,7	—	33,3	—	—
Казахи	1,7	—	28,3	28,3	—	38,4	3,3	—
Осевые и добавочные межпальцевые трирадиусы								
	t	t'	t''	tt'	tt''	t't''	tt	добавочные межпальцевые трирадиусы
Монголы-халха	76,7	20,8	—	—	0,8	—	1,7	11,7
Монголы-дариганга	54,9	37,1	3,2	—	3,2	1,6	—	8,1
Буряты	83,3	15,0	—	1,7	—	—	—	3,3
Казахи	68,4	25,0	—	3,3	3,3	—	—	13,3

ность бурятской выборки МНР, можно предположить случайность полученного результата.

Особого внимания заслуживает своеобразие монголов-дариганга, сочетающих парадоксальные черты в строении кожного рельефа, а именно: чрезвычайно высокую (даже по европейскому масштабу!) узорность гипотенара (37%) и редкий трирадиус t (55%), а также меньшую узорную интенсивность на пальцах (13,96), с типично «монголоидными» величинами остальных признаков. Оценку этого факта как проявления ослабленной «монголоидной» основы у дариганга или случайности результата вследствие малочисленности выборки следует оставить до получения новых, более обширных материалов.

Перейдем от характеристик отдельных признаков к анализу их комплексов (рис. 1). Для этой цели нами был использован широко распространенный метод межгрупповой шкалы с построением комбинационных полигонов⁶. Метод был модифицирован за счет введения в формулу в качестве знаменателя межгруппового размаха колебаний признака ($\max - \min$) в евразийском масштабе. Последний был установлен

⁶ Принципиальные основы метода см. в книге: Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1963. Пример использования этого метода на дерматоглифическом материале см.: Г. Л. Хить, Дерматоглифика населения Финляндии, «Сов. этнография», 1973, № 3.

благодаря многочисленным данным о популяциях, расселенных от Скандинавии и Кавказа до Чукотки и Монголии, и дает основу для суждения об изменчивости признаков в пределах двух больших расовых стволов⁷.

Анализировались пять признаков, наиболее четко разграничивающих эти расовые стволы и не связанных внутригрупповыми корреляциями: дельтовый индекс, индекс главных ладонных линий (Камминса), осевой ладонный трирадиус t , добавочные межпальцевые трирадиусы и узоры на гипотенаре.

При построении полигонов учитывался расовый градиент признака: центр окружности признака соответствует «европеоидному», конец радиуса — «монголоидному» лимиту евразийской шкалы. В соответствии с этим увеличение площади полигона означает увеличение выраженности восточных, «монголоидных» особенностей популяции. Форма полигона позволяет судить о комбинациях признаков. Помимо монголов, на рис. 1 изображены также калмыки⁸ и другие популяции (неопубликованные данные Г. Л. Хить), в том числе белорусы (как пример европеоидной группы).

Обращают на себя внимание полигоны двух верхних рядов от якутов до киргизов включительно (I—VIII). Эти группы в общем сходны как по комбинациям, так и по величинам признаков. Дунгане и корейцы заметно отличаются от них меньшим индексом Камминса и пониженной частотой t . Монголы-дариганга по типу комбинации признаков сходны с дунганями и корейцами, имея при этом гораздо менее «монголоидные» величины признаков.

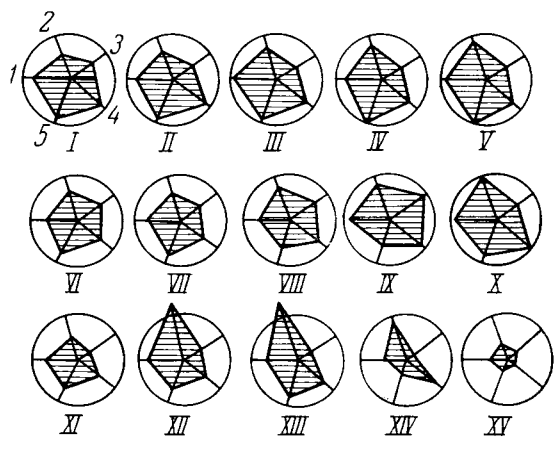

Рис. 1. Комбинационные полигоны монгольских групп и других популяций. Обозначения: 1 — дельтовый индекс, 2 — индекс Камминса, 3 — t , 4 — добавочные межпальцевые трирадиусы, 5 — узоры на гипотенаре.

I — якуты, II — буряты-хоринцы, III — буряты-булагаты, IV — буряты-ашебогаты, V — монголы-халха, VI — калмыки-торгоуты, VII — казахи Казахстана, VIII — киргизы Киргизии, IX — нивхи, X — чукчи, XI — алтай-кижи, XII — дунгане, XIII — корейцы, XIV — монголы-дариганга, XV — белорусы

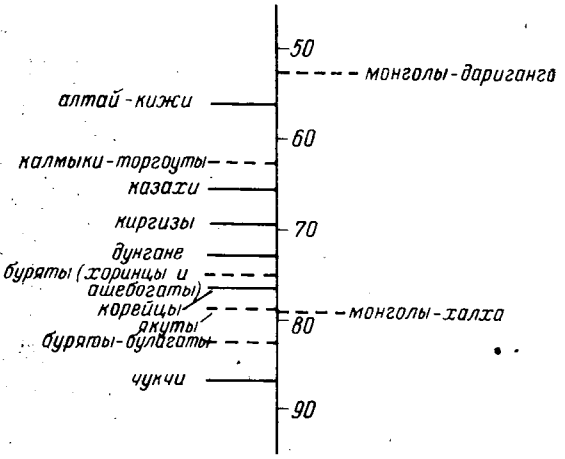

Рис. 2. Восточный комплекс у различных популяций Азии. Прерывистой линией обозначены популяции центральноазиатского расового типа

⁷ Г. Л. Хить, Дерматоглифическая дифференциация населения СССР, М., 1973.
⁸ Н. А. Никольская, Новые материалы по дерматоглифике финноязычных народов, сб. «Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии», М., 1974.

Средняя сумма радиусов полигонов дает представление о «восточном», или «монголоидном» комплексе группы (рис. 2). Бурятские группы, якуты, халха-монголы имеют высокие величины комплекса, причем обе последние популяции характеризуются промежуточными значениями между вариантами комплекса у бурят. У калмыков комплекс менее выражен и сходен с таковым у казахов. Монголы-дариганга,

Таблица 5

Величины попарной разницы (d) между халха-монголами и другими группами

Центральноазиатский расовый тип	d	Другие расовые типы	d
Буряты-ашебогаты	3,6%	Дунгане	11,2
Буряты-булагаты	8,7	Киргизы	14,2
Буряты-хоринцы	10,5	Казахи	19,9
Якуты	12,6	Корейцы	20,8
Калмыки	18,5	Алтай-кижи	22,3%
Монголы-дариганга	32,9		

которым свойственно неравномерное соотношение признаков, уступают по выраженности восточных особенностей всем остальным группам, в том числе алтай-кижи.

Мы попытались определить степень близости халха-монголов к остальным популяциям посредством вычисления средней разницы по комплексу признаков. Различия по каждому признаку (без учета знака разницы) были выражены в процентах евразийского размаха вариаций. Сгруппировав популяции соответствующим образом, получаем следующие величины их «расстояний» от халха-монголов (табл. 5).

Как видим, южные буряты чрезвычайно сходны с халха-монголами. Почти вдесятеро большее (и максимальное из найденных) расстояние разделяет халха- и дариганга-монголов. Прибайкальские и забайкальские буряты, якуты, а также киргизы отличаются от халха-монголов примерно в одинаковой степени (9—14%), калмыки и казахи — более существенно (19—20%). Сравнительно невелико расстояние между халха-монголами и дунганями (11%), но здесь следует вспомнить о существенной разнице между ними в комбинациях признаков, нивелирующейся при вычислении среднего расстояния.

В заключение отметим, что существует острая необходимость в более обширных исследованиях этнотерриториальных групп Монголии, представляющих различные антропологические компоненты ее населения. Данное сообщение должно рассматриваться как первое звено в цепи этих дерматоглифических исследований.

Учитывая все сказанное выше, можно сделать следующие выводы.

1. По строению кожи ладоней халха-монголы МНР сходны с другими монголоидными популяциями центральноазиатского происхождения (буряты, якуты, калмыки), а также с киргизами и казахами СССР. Это сходство проявляется как в величинах и типе сочетаний признаков, так и в отчетливой выраженности «монголоидных» особенностей кожного рельефа.

2. Монголам-дариганга свойственно крайне противоречивое сочетание признаков, резко выделяющее их из круга вышеуказанных популяций. В целом дариганга характеризуются ослаблением «монголоидных» особенностей. Вопрос о том, насколько в этом отразился дефект выборки, связанный с ее малочисленностью, остается открытым.

М. Н. Мологин

БУРУНДИ. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ, ПРАВА, ИСТОРИИ И ЯЗЫКА

Республика Бурунди, которую часто называют «сердцем Африки», — небольшая горная страна (27 834 км²), расположенная почти в центре Африканского континента. Население страны, насчитывавшее в 1973 г. 3,6 млн. чел., состоит из трех этнических групп: бахуту (банту), батутси (нилоты), батва (пигмеи). Бурунди имеет очень высокую для Африки плотность населения — 138 чел. на 1 км². Столица Бурунди — Бужумбура (100 тыс. жителей).

На протяжении многих веков Бурунди сохраняла самостоятельность и самобытность общественно-политической организации. Только в начале XX в., когда колониальный раздел Африки был почти завершен, Бурунди была порабощена германскими колонизаторами. После поражения Германии в первой мировой войне Бурунди, объединенная с соседней Руандой в составе территории Руанда-Урунди, оказалась сначала под мандатом, а потом под опекой Бельгии, которая рассматривала ее как дополнение к своей колонии Бельгийское Конго.

Достигнув в июле 1962 г. национальной независимости, Бурунди столкнулась с многочисленными проблемами как экономического, так и социального характера. В настоящее время Бурунди относится к числу 25 наименее развитых стран мира. Доход на душу населения (не превышающий 60 долл. в год) — один из самых низких в мире. Преодоление экономической и культурной отсталости — это основная задача молодого государства.

Своим небольшим сообщением об исследованиях в области истории, этнографии и языка бурундийского народа мы стремились, с одной стороны, показать, что сделано и делается для развития экономики страны и возрождения национальной культуры, с другой — пробудить интерес к этой самобытной африканской стране.

* * *

В 1971 г. исполнилось 100 лет со дня встречи на оз. Танганьика двух знаменитых исследователей Африки — Д. Ливингстона и Г. Стэнли; последний во главе большой экспедиции был направлен в район Междоузья на поиски затерявшегося там Ливингстона. Путешественники на лодке объехали северную часть оз. Танганьика и первыми из европейцев познакомились с прибрежными районами Бурунди¹. Путешествие по озеру позволило установить, что река, которая могла бы быть истоком Нила, не вытекает из Танганьики. Это приблизило ответ на занимавший тогда всех географов вопрос об истоках великой реки Африки.

¹ H. Stanley, How I found Livingstone, London, 1872; P. Leroy, Stanley et Livingstone en Urundi, «Lovania», 1957, № 43.

О внутренних районах Бурунди путешественники смогли сообщить только те немногие смутные сведения, которые они получили от арабов-торговцев, закрепившихся на оз. Танганьика с середины XIX в., но не имевших доступа в Бурунди. Ливингстон и Стэнли также не смогли проникнуть в прилегающие к озеру сухопутные районы, так как население встретило пришельцев недружелюбно. Вместе с тем путешествие Ливингстона и Стэнли по оз. Танганьика положило начало проникновению европейцев в эту ранее закрытую для иноземцев центральноафриканскую страну.

Впервые в глубь Бурунди попал лишь в 1892 г. немецкий путешественник О. Бауманн, участник германской колониальной экспедиции в Восточную Африку. Пересекая границу страны, он записал: «На этот раз мы вступаем в совершенно незнакомый район... Бурунди — это страна, с которой никаких связей не существует и о которой ходят самые неопределенные слухи... Мы продвигаемся на ощупь в полную неизвестность»².

В конце XIX — начале XX в. в связи с общим усилением колониального натиска европейских держав на Африканский континент подвергается давлению и Бурунди — одна из немногих стран Африки, еще сохранивших свою независимость. Проникновение колониализма в Бурунди осуществлялось по двум линиям — духовной и военной: первую осуществляла католическая церковь, которая стремилась обосноваться в стране, направляя туда «белых отцов» с якобы «цивилизаторской миссией», другую — военно-экспедиционные отряды, подготавливавшие присоединение территории к «Германской Восточной Африке».

Чтобы быстрее поработить африканские народы, эти силы в начале XX в. объединились, что во многом предопределило судьбу Бурунди. Миссионеры начиная с 1879 г. предпринимали многочисленные попытки обосноваться в Бурунди, однако только в 1896 г. при поддержке немецких колониальных сил им удалось открыть в стране свою первую миссию. В мае 1903 г. немецкая военная экспедиция подавила сопротивление армии Бурунди во главе с мвами (верховный правитель страны) Мвези Гизабо и принудила подписать «договор», который фактически ставил страну в положение германской колонии. С этого момента европейцы — сначала немцы, а потом бельгийцы — приступили к «культурному освоению» Бурунди.

Несмотря на все усилия немецких колонизаторов, включая широкое использование оружия и «просветительскую» деятельность церкви, им так и не удалось за время своего пребывания в стране установить твердый колониальный «порядок» и покончить с пассивным сопротивлением народа. Немецкие власти не имели возможности составить какое-либо мнение о жизни и культуре барунди (население Бурунди). Однако кое-что в этом направлении было сделано. Речь, прежде всего, идет об обработке материалов немецких экспедиций в Восточную Африку. Материалы этих экспедиций нашли частичное отражение в опубликованных работах таких руководителей и участников этих походов, как Г. Рамзей, фон Беринг, Р. Кандт, Г. Мейер и др.³

Эти работы, написанные на основе наблюдений, хотя и очень беглых, быта народа, еще не деформированного колониальными порядками, представляют большую ценность для этнографов. Однако, поскольку знакомство авторов со страной было поверхностным, а материал зачастую собирался и анализировался без системы, в этих трудах содержатся многочисленные ошибки.

² O. B a u m a n n, *Durch Massailand zur Nilquelle*, Berlin, 1894, S. 77.

³ H. R a m s a y, Uha, Urundi, Ruanda, «*Mitteilungen aus den Deutschen Schutzgebieten*», 1897, № 10; V o n B e r i n g, Bericht über eine Expedition nach Urundi, «*Deutsche Kolonialblatt*», 1904; R. K a n d t, Caput Nili, Eine empfindsame Reise zu den Quellen des Nils, Berlin, 1904; H. M e y e r, *Die Barundi*, Leipzig, 1916.

С первых дней пребывания на земле Бурунди миссионеры активно стремились сблизиться с местным населением, надеясь более рациональным путем добиться своей цели — духовного порабощения народа. Миссионеры изучали язык барунди, характерные черты быта, верования, особенности культурного и психического склада. Полученные сведения тщательно систематизировались и обрабатывались. Их использовали при составлении практических пособий и разговорников для служителей церкви, что способствовало их «сживанию» с народом. «Белые отцы» были авторами первых работ по языку барунди — кирунди, а также ряда монографий и значительного числа статей, содержащих обширный материал этнографического характера⁴.

Колониальные преемники Германии в Бурунди — бельгийцы — продолжили порабощение страны, опираясь на уже накопленный опыт, что позволило им расширить базу исследований прикладного характера, в том числе и этнографических. Некоторые из этих работ отличает более глубокая, чем у предшественников, постановка вопросов, более бережное отношение к деталям. Накопление материала позволило исследователям перейти к его классификации и сосредоточиться на конкретных проблемах. Большой интерес представляют работы по политической структуре, обычному праву и нормам отношений в традиционном обществе барунди, а также по истории германской колонизации Бурунди⁵.

Однако при всех достоинствах указанных работ нужно отметить, что большинство из них было написано не учеными, а чиновниками. Это обстоятельство усиливало степень тенденциозности, которую можно предполагать при изучении порабощенного народа колонизаторами. Сказывается и то, что авторы далеко не всегда учитывали изменение общественной структуры барунди, их поведения и морали под влиянием колониальной политики. Большим минусом исследований рассматриваемого периода было то, что в них часто смешивались два различных народа — барунди и баньяруанда, объединенных для удобства управления в рамках одной территории. Особенно заметны недостатки такого подхода у Р. Буржуа, автора наиболее солидного исследования в области этнографии и традиционного права⁶.

Продолжением, а возможно, завершением серии публикаций по Бурунди, написанных колониальными бельгийскими чиновниками, служит появившаяся уже после получения Бурунди независимости книга Ж. Гислена «Феодальный строй в Бурунди». Как бы подводя итог работам колониального периода, задачей которых было помочь управлению коло-

⁴ J. Gorju, *En zigzag à travers l'Urundi*, Anvers, 1927; J. Gorju et ses Missionnaires, *Face au royaume hamite du Ruanda. Le royaume frère de l'Urundi*, Bruxelles, 1938; Marie-André du Sacré-Coeur, *Civilisations en marche*, Paris, 1956; F. Menard, *Dictionnaire Français-Kirundi et Kirundi-Français*, Roeselaere, 1909; его же, *Grammaire Kirundi*, Maison-Carrée, 1908, 1934; A. E. Meeussen, *Notes de grammaire Rundi*, Tervuren, 1952; его же; *Essai de grammaire Rundi*, Tervuren, 1959; B. Zuure, *Croyances et pratiques religieuses des Barundi*, Bruxelles, 1929; его же; *L'âme du Murundi*, Paris, 1932; «Urundi», Namur — Paris — Berne, 1949; Van der Burgt, *Un grand peuple de l'Afrique Equatoriale*, Bois le Duc, Hollande, 1903; его же, *Dictionnaire Français-Kirundi*, Bois le Duc, 1903.

⁵ A. Delacauw, *Droit coutumier des Barundi*, «Congo», 1936, vol. I. № 3, 4; R. Borgerhoff, *Le Ruanda-Urundi*, Bruxelles, 1928; A. Gille, *Note sur l'organisation des Barundi*, «Bulletin des Juridictions Indigènes et du Droit Coutumier Congolais» (далее — BJI et DCC), 1937, № 3; его же, *L'Umuganuro ou fête de sorgho en Urundi*, «BJI et DCC», 1945, № 11; A. Gille (ed), *Le Ruanda-Urundi*, 1959, Bruxelles, 1959; G. Gekkens, *Les Batutsi et les Bahutu*, Bruxelles, 1949; J. Goffin, *Le rôle joué par le gros bétail dans l'économie de l'Urundi*, «BJI et DCC», 1951, № 2—4; R. Janssens, *Sur les coutumes de l'Urundi*, «BJI et DCC», 1954, № 9—10; P. Ryckmans, *Une page d'histoire coloniale. L'occupation allemande dans l'Urundi*, Bruxelles, 1953; его же, *Dominer pour servir*, Bruxelles, 1948; его же, *L'organisation politique et sociale dans l'Urundi*, «Congo. La revue Générale», 15 avr. 1921; J. S. Sasserth, *Le Ruanda-Urundi: un étrange royaume féodal au coeur de l'Afrique*, Bruxelles, 1948; E. Simons, *Coutumes et institutions des Barundi*, «BJI et DCC», 1944, № 7—11.

⁶ R. Bourgeois, *Banyarwanda et Barundi*, t. 1—3, Bruxelles, 1954—1957.

ний, Ж. Гислен пишет, что его книга — это результат обобщения материалов, собранных им на протяжении 15-летней службы в административном аппарате в горных районах Бурунди. «Цель автора, попросту говоря, состояла в том, чтобы создать пособие для бельгийской администрации в Бурунди. Сейчас, когда страна получила независимость, подобные материалы еще более необходимы для понимания Бурунди, населения этой страны и его духовного склада»⁷.

В работах по истории, этнографии и языку, посвященных колониальному периоду истории Бурунди, помогают ориентироваться специальные библиографические справочники и некоторые обзорные труды⁸.

В 1950-х годах изучение Бурунди начинает проводить бельгийский Институт научных исследований в Центральной Африке (ИРСАК). В г. Астрида (Руанда) был организован филиал института — Центр по исследованиям в Руанде и Бурунди.

Сотрудниками ИРСАКА или при его содействии изучались сырьевые ресурсы и экономические возможности Бурунди, социология современного общества страны, антропология населения и т. д.⁹ Проводились фольклорные и этнографические полевые исследования, однако объем этих работ был незначительным.

В качестве сотрудника ИРСАКА в Бурунди работал известный ученый Ж. Вансина, впоследствии возглавлявший Центр в Астриде. Его исследования по истории древнего государства Бурунди были частично опубликованы в различных журналах. В 1972 г. появилась в печати новая работа Ж. Вансины, посвященная традициям устного творчества бурунди¹⁰.

В результате научной командировки сотрудника ИРСАКА А. Купэ был собран и обработан фольклор бурунди. В частности, опубликованы предания, пересказанные одним из старейшин страны (башингатае) Ж. Ругомана¹¹.

Весьма плодотворной можно считать научную деятельность в Бурунди в 1958—1959 гг. нидерландского ученого А. Траувборста, который уделил много внимания анализу структуры традиционного общества бурунди¹². Труд А. Траувборста «Бурунди», вошедший в шестой том серии «Этнографические монографии» — издание бельгийского Королевского музея Центральной Африки, является своего рода обобщением исследований в области истории и этнографии Бурунди¹³. В предисловии к этой

⁷ J. Ghislain, *La Féodalité au Burundi*, Bruxelles, 1970, p. 6.

⁸ А. С. Орлова. Источники по истории общественного строя Межозерья, «Африканский сборник (История)», М., 1963; «Bibliographie ethnographique du Congo et des régions avoisinantes», Tervuren, 1961; J. R. Clément, *Essai de bibliographie du Ruanda-Urundi*, Usumbura, 1959 (mimeo). N. de Cleene, *Introduction à l'Ethnographie du Congo Belge et du Ruanda-Urundi*, Editions de Sikkel, Antwerpen, 1957.

⁹ L. Vaesck. *Etude socio-économique du centre extra-coutumier l'Usumbura*, Bruxelles, 1957; P. Gourou, *La densité de la population du Ruanda-Urundi*, Bruxelles, 1953; J. Hiernaux, *Les caractères physiques des populations du Ruanda et de l'Urundi*, Bruxelles, 1954; P. Leurquin, *Le niveau de vie des populations rurales du Ruanda-Urundi*, Louvain, Paris, 1960; J. Maquet et M. d'Hertefeldt, *Elections en société féodale*, Bruxelles, 1959.

¹⁰ J. Vansina, *Notes sur l'histoire du Burundi*, «Aequatoria», vol. XIV, № 1; его же, *Note sur la chronologie du Burundi ancien*, «Bulletin d'Académie royale des Sciences d'Outremer», № 3, 1967; его же, *La légende du passé. Traditions orales du Burundi*, Tervuren, 1972.

¹¹ A. Coupez, *Texte Rundi*, № 1, «Zaire», vol. XI, № 6, 1957; его же, *Texte Rundi*, № 2, «Aequatoria», XXI Année, 1958, № 3; J. Rugomana, *La justice de l'Imana et de Kiroroge roi des Chasseurs*, «Revue juridique de droit écrit et coutumier du Ruanda et du Burundi», 1962, № 5/6.

¹² A. A. Trouwborst, *L'organisation politique en tant que système d'échange au Burundi*, «Anthropologica», vol. III, № 1, 1961; его же, *L'organisation politique et l'accord de clientèle au Burundi*, «Anthropologica», vol. IV, № 1, 1962; его же, *La mobilité de l'individu en fonction de l'organisation politique des Barundi*, «Zaire», vol. XIII, № 8, 1959.

¹³ A. A. Trouwborst, *Le Burundi*, в кн. «Les anciens royaumes de la zone interlacustre méridionale: Rwanda, Burundi. Buha», Tervuren, 1962.

монографии Я. Вансина писал: «В настоящее время общие социальные и культурные особенности района (южное Междозерье — М. М.) хорошо известны, и в наших знаниях имеются пробелы только в деталях»¹⁴. Однако, что касается Бурунди, столь определенный вывод является несколько преждевременным, поскольку многочисленные суждения об истории и традиционном обществе этой страны в значительной мере представляют собой гипотезы, доказательство которых требует расширения источниковедческой базы.

* * *

После достижения Бурунди независимости появилась возможность оценить результаты почти полувекового мандатного управления и опеки Бельгии над этой страной. Одним из наглядных показателей «заботы» метрополии о развитии Бурунди явился тот факт, что накануне провозглашения независимости в стране практически не было собственных специалистов высшей квалификации: в 1962 г. только два бурундийца имели высшее образование¹⁵.

В первые годы независимости наиболее просвещенные национальные силы Бурунди начали группироваться вокруг двух высших учебных заведений страны: Бужумбургского государственного университета и Высшей нормальной школы. Эти учебные центры наладили издание своих печатных органов, что явилось большим вкладом в культурную жизнь страны (до этого выходила, и то нерегулярно, только одна газета). С 1967 г. при университете с некоторыми перерывами начал выходить ежемесячный журнал «Ревю д'Университэ Оффисьель де Бужумбура» («Revue de l'Université Officielle de Bujumbura»). Высшая нормальная школа стала выпускать ежемесячный журнал «Лиэзон» («Liaison. Revue de l'École Normale Supérieure de Bujumbura»). В этих журналах существуют определенные рубрики, где редакция помещает материал, посвященный вопросам истории, традиционной культуры, права и т. д.

Как в университете, так и в Высшей нормальной школе профессорско-преподавательский состав стремится привлечь внимание студентов к вопросам национальной культуры и истории. Эта тенденция нашла выражение в речи преподавателя университета профессора права д-ра Де Клерка, посвященной началу учебного года в 1966 г., которую он закончил словами: «Бурундийцы могут гордиться своей историей. Однако эта история еще мало изучена. Если мне удалось пробудить у студентов-историков интерес к изучению истории страны, сбору документов и исследованию источников, то цель конференции достигнута»¹⁶. В Высшей нормальной школе рассматриваются проблемы национальной культуры и традиционного общественного устройства Бурунди. Студенты этой школы в течение ряда лет принимали участие в полевых исследованиях, которые проводил, находясь в Бурунди в качестве преподавателя истории в Высшей нормальной школе, французский историк Ж. Шретъен. В сотрудничестве со студентами этой школы Шретъен обследовал горный лесной район Кабира на северо-западе Бурунди — традиционное место захоронения мвами Бурунди и провел опрос среди жителей этого района и хранителей традиции «абиру», стремясь восстановить историческое прошлое и содержание этого древнего обычая захоронения мвами. Кроме того, Ж. Шретъен совместно со студентами прошел по маршруту первого европейца, проникшего во внутренние районы страны — О. Бауманна и предпринял попытку восстановить обстановку, которая окружала этого путешественника. Результаты работы Ж. Шретъена в

¹⁴ Там же, стр. 3.

¹⁵ G. M p o z a g a r a, La République du Burundi, Paris, 1971, p. 19.

¹⁶ «Tribune du Burundi», 1966, № 4—9.

Бурунди частично нашли отражение в ряде статей, опубликованных во французских журналах¹⁷.

Научную деятельность учебных заведений страны направляет и контролирует Министерство национального образования. Министерство проявляет заботу о возрождении национальной культуры и изучении истории страны. Об этом свидетельствуют и материалы издаваемого министерством с 1963 г. журнала «Ревю насьональ д'Эдокасьон дю Бурунди» («Revue National d'Education du Burundi»)¹⁸.

Исследованиям в области этнографии, истории и лингвистики уделяют внимание и два других министерства: Министерство юстиции, при котором в 1968 г. была образована «служба кодификации» — для сбора и обработки материалов традиционного права барунди, и Министерство социальных дел и труда, в составе которого имеется департамент туризма и фольклора.

Значительный вклад в дело возрождения национальной культуры барунди и развитие языка внесли бурундийцы, получившие духовное образование. Важно отметить, что при бельгийской опеке длительное время колониальные власти в силу необходимости давали местному населению возможность получить такое образование. При «Большой семинарии», открытой бельгийцами в 1950-х г. в Руанде и Бурунди для подготовки священнослужителей из коренного населения Конго, Руанды и Бурунди, бурундийцы организовали кружок по изучению культуры своей родной страны. Члены этого кружка занимались сбором и обработкой фольклора, изучением верований и обычного права, составлением словарей, переводами и т. д.

Среди бурундийского духовенства, получившего образование в «Большой семинарии», достойны упоминания такие широко образованные люди, как А. Макаракиза, Ф. Мутерагиранва, Ж. Нтахокажа, принявшие самое активное участие в просветительской деятельности в стране и внесшие свой вклад в изучение истории, языка и этнографии страны. Андрэ Макаракиза стал первым бурундийским автором, работа которого «Развитие барунди» была опубликована Королевской академией Бельгии и получила широкую известность¹⁹.

После провозглашения независимости Бурунди кружок бывших семинаристов окончательно оформился под названием «Кружок св. Поля», в котором определились четыре секции: музыки, литературы, обычаев и религии. В 1968 г. «Кружок св. Поля» начал издавать журнал «Ке вуз ан самбль?» («Que vous en semble?»), выходящий раз в два месяца. Он посвящен исключительно «исследованию национальных культурных ценностей». Во вступительной статье первого номера редакция отмечала, что «в подобных исследованиях семинаристы не были первыми. Но до настоящего времени богатства нашей культуры открывали главным образом иностранцы. Этот парадоксальный факт еще имеет место, так как

¹⁷ J.-P. Chrétien, Le passage de l'expédition de Oscar Baumann au Burundi, «Cahiers d'Etudes Africaines», vol. VII, I cahier; его же, Une révolte au Burundi en 1934, «Annales, Economies, Sociétés, Civilisations», № 6, nov.—dec. 1970; его же, La Burundi, Notes et études documentaires, «Documentations française», № 3364, Paris, 1967; J.-P. Chrétien et E. Mworoha, Les tombeaux des Bami du Burundi, «Cahiers d'Etudes Africaines», vol. X, № 1, 1970.

¹⁸ Одним из активных авторов этого журнала был Абрахам Бояйо, подготовивший диссертацию на тему «Традиционный брак в Бурунди» и ряд работ по истории страны. См., например: A. Boyayo, Le mariage traditionnel au Burundi, Louvain, 1964; его же, L'organisation militaire dans le Burundi ancien, Bujumbura, 1971 (mimeo); A. Boyayo, Th. Butare, Abergé d'histoire du Burundi, Bujumbura, 1970 (mimeo); его же (ed.), Contes et Légendes du Burundi, Gitega, 1971 (mimeo).

¹⁹ A. Makarakiza, La dialectique des Barundi, Bruxelles, 1959; F. X. Muteragirirwa, La philosophie des Barundi (mimeo), Usumbura, s. a.; его же, Le Burundi (mimeo); J. Ntahokaja, Proverbes et sentences, «Grands Lacs», № 4—6, 1948/49; его же, La musique des Barundi, там же.

у некоторых иностранцев гораздо больше возможностей для изучения нашей культуры, чем у нас. И в то время, как они проводят свои исследования, мы, хорошо понимая их необходимость, не переходим все-таки в должной мере к активной деятельности. В этом, возможно, самая большая трагедия нашей отсталости»²⁰.

При активном содействии членов кружка бельгийский миссионер Ф. Родегем, много лет работавший над изучением языка кирунди и национальных обычаев страны, подготовил и опубликовал в 1961 г. большой сборник крылатых народных выражений под названием «Мудрость кирунди»²¹. В 1971 г. был издан большой кирунди-французский словарь Ф. Родегема²², а совсем недавно вышла в свет еще одна его монография, посвященная исследованию языка — «Антология рунди»²³. Интересны его труды по топонимике, традиционному праву, общественной жизни барунди²⁴.

«Кружок св. Поля» разработал план издания серии работ под названием «Культурное наследие рунди» в 14 томах. Многие работы этой серии уже вышли из печати, но, к сожалению, они изданы на ротапринте и весьма ограниченным тиражом (в сноске даются названия только некоторых работ)²⁵.

Совершенно особое место среди работ, представляющих интерес для понимания этнического и культурно-психологического склада барунди, занимают книги первого бурундийского писателя Мишеля Кайоя, которые положили начало становлению национальной художественной литературы Бурунди²⁶. Книги Мишеля Кайоя «По следам моего отца» (1968 г.) и «Между двумя мирами» (1970 г.) отражают глубокое раздумья национальной интеллигенции Бурунди о прошлом и будущем родного народа. Они проникнуты чувством горечи, вызванным отсталостью, бедностью и засилием предрассудков среди барунди, и в то же время чувством гордости за трудолюбие, сердечность и жизнерадостность этого народа. Автор размышляет о путях развития страны и преодоления отсталости.

В первые годы после достижения независимости выявилось, что национальные силы Бурунди, способные заняться освоением и возрождением самобытной культуры народа, чрезвычайно распылены. Устранить этот недостаток и внести элемент организованности в работу должен был созданный в июне 1969 г. Культурный центр Бурунди. Началом деятельности этого центра явилась конференция на тему «Почему мы слабо развиты?».

В первом номере печатного органа Культурного центра — «Перспектив» («Perspectives») — была опубликована программа возрождения национальной культуры, в которой говорится, что задача состоит «как в возрождении нашей древней культуры, так и в том, чтобы способствовать становлению новой современной культуры... Мы с горечью должны отметить, что Бурунди, в отличие от большинства африканских стран, поздно осознала необходимость работы в обоих направлениях»²⁷.

²⁰ «Que vous en semble», 1968, № 1, p. 2.

²¹ F. M. Rodégem, *Sagesse kirundi*, Tervuren, 1961.

²² F. M. Rodégem, *Dictionnaire Rundi-Français*, Tervuren, 1970.

²³ F. M. Rodégem, *Anthologie rundi*, Paris, 1973.

²⁴ E. M. Rodégem, *Essai d'Onomastique Rundi*, Bujumbura, 1966 (mimeo); его же, *Structure juridiques traditionnelles au Burundi*, «Revue Juridique du Droit écrit et coutumier du Rwanda et du Burundi», № 1, 1966; его же, *Savoir — vivre*, «Patrimoine culturel Rundi», t. III, Bujumbura, 1965.

²⁵ «Patrimoine culturel Rundi: Fables», t. VI, 1962; «Contes et Légendes (a. Bestiaires)», t. VII, 1963; «Le rire et l'humour», t. XI, 1962; «Poésie, épiques», t. XIV, s. a; «Poésies: Eglogues et Berceuses», t. XII s. a.

²⁶ M. Kayoya, *Sur les traces de mon père*, Bujumbura, 1968; его же, *Entre deux Mondes*, Bujumbura, 1970.

²⁷ «Perspectives», 1969, № 1, p. 3, 4.

Борясь за осуществление своей программы, культурный центр Бурунди привлек к сотрудничеству самые различные слои бурундийского населения. При его деятельном участии в стране был проведен первый фестиваль национального искусства, организована выставка народных умельцев, довольно регулярно проводились лекции и собрания общест-венности. Программа Центра предусматривает создание национального бурундийского театра на базе небольших артистических групп, существующих при некоторых учебных заведениях страны. Центр начал работу по оживлению деятельности национального музея Бурунди, созданного в г. Гитега, бывшей столице страны, еще в 1957 г.

Создание Культурного центра Бурунди было качественно новым эта-пом в развитии культуры и формировании национального сознания бу-рундийского народа: теперь идея о необходимости освоения националь-ной культуры воплотилась в деятельности конкретной организации. Од-нако существует целый ряд факторов, которые в значительной мере пре-пятствуют достижению более ощутимых результатов. Одной из главных причин, тормозящих преодоление культурной отсталости и ограничива-ющих проведение исследований в области истории, этнографии и линг-вистики, является крайняя ограниченность финансовых возможностей страны и недостаток подготовленных научных кадров. Это обстоятель-ство не позволяет разработать и осуществить широкую программу ис-следований в этой области.

Бурунди — страна древней, самобытной и своеобразной культуры, которая представляет несомненный интерес для историков, этнографов и языковедов. Всестороннее изучение истории Бурунди важно еще и по-тому, что эта страна занимает особое положение в древнейшей истории Африканского континента к югу от Сахары, поскольку она находилась на стыке культур зоны саванн Восточной Африки и зоны лесов бассейна Конго. Вдоль пересекающей Бурунди линии границы между лесом и са-ванной проходило одно из основных направлений миграции народов в Африке. Исследование истории и культуры Бурунди, таким образом, не только важно для объяснения особенностей этой страны, но и помогает ответить на вопросы, связанные с развитием Африканского континента в целом.

Не случайно поэтому не ослабевают интерес к Бурунди буржуазных ученых, о чем свидетельствует, в частности, появление за последнее вре-мя ряда объемистых монографий. Это, например, солидные труды Р. Лемаршана, Р. Люи и Р. Розье²⁸. Учитывая существующий в насто-ящее время на Западе интерес к политическому развитию стран Афри-ки, эти исследователи стремятся проследить в своих работах связь меж-ду прошлым и настоящим, однако их оценки зачастую оказываются субъективными.

Национальные научные кадры Бурунди начинают все более активно выступать с самостоятельными работами. Подвергая критическому ана-лизу теории западных исследователей, вводя в научный оборот новые источники, бурундийские ученые воссоздадут историю своей страны. Многие предстоит сделать этнографам и лингвистам. Наметился серьез-ный интерес к изучению новейшей истории и современного положения Бурунди. В этом отношении показательны работы таких ученых и по-литических деятелей, как Теренс Нзанзе, Габриель Мпозагара и др.²⁹

---

²⁸ R. Lemarchand, *Rwanda and Burundi*, London, 1970; R. Louis, *Ruanda-Urundi, 1884—1919*, Oxford, 1963; R. Rozier. *Le Burundi pays de la vache et du tambour*, Paris, 1973.

²⁹ T. Nsanze, *L'édification de la République du Burundi au carrefour de l'Afrique*, Bruxelles, 1970; G. Mposagara, *La République du Burundi*, Paris, 1971.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. М. Линдер

У ПОРОГА ОТКРЫТИЯ

«В игре да в дороге узнают людей», гласит старинная русская поговорка. К этому можно добавить: в игре проявляется душа народа. Разве можно, например, представить себе жизнь узбеков без сцен народной борьбы «кураш», современных бразильцев — без вездесущего футбола или японцев — без настольной игры в «го»...

В играх — как развивающих физические силы, так и тренирующих интеллект — отражаются национальные и бытовые особенности людей, нравы и обычаи народов. О том, как глубоко проникают они в самую плоть и кровь народного организма, семейной и общественной жизни, много интересного могут рассказать и памятники устного народного творчества, и изделия ремесленного производства, и произведения прикладного искусства.

Отсюда можно заключить, что картины народной жизни, воссоздаваемые в известной серии этнографических очерков «Народы мира», оказались бы еще более разносторонними, яркими, сочными, если бы в них добавили раздел «народные игры».

Сказанное в полной мере относится и к исторической этнографии. Авторы вышедшей недавно работы о средневековой жизни народов Средней Азии справедливо сетуют на то, что в отличие от праздников и обычаев, которыми давно интересуются ученые, история игр почти не затронута исследователями. А между тем они занимали в быту населения (и об этом свидетельствует накопленный археологический материал) большое место¹.

Одни игры живут недолго, лишь несколько поколений, другие — столетия. А некоторые удивительно живучи. Переходя от народа к народу и представляя собой тем самым прекрасный пример взаимовлияния и обогащения народных культур, эти игры оседают в той или иной стране и приобретают национальный колорит — новые названия, специфическое преломление в быту, художественных промыслах, культурной жизни.

К ним относится прежде всего шахматная игра — королева настольных игр. Свыше тысячи лет пленяла она ум и воображение многих народов Азии и Европы, а ныне является достоянием народов всей планеты, став поистине благоприобретением человечества.

Нетрудно ответить на вопрос, почему шахматы пользуются такой популярностью во всем мире. Игра эта — источник такой гаммы эстетических чувств, спортивных переживаний, умственных нагрузок и размышлений, что она стала своего рода эталоном человеческих возможностей, мерилom его способностей, предметом самых разнообразных соревнований.

¹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 129.

Гораздо сложнее оказалось выяснить, когда и где впервые появилась на свет мудрая игра, время и пути ее первоначального распространения и развития. По этим вопросам написаны уже горы книг, высказаны самые различные гипотезы и точки зрения. Но под них до сих пор не подведен еще общий знаменатель...

Вот уже более полутора столетий ученые разных стран стремятся проникнуть в тайну происхождения шахмат. Они изучают санскритские рукописи и трактаты средневековых мастеров, восточный фольклор и этимологию, этнографические очерки современников и археологические находки, а также другие исторические памятники, чтобы выявить игру, послужившую основой для создания шахмат, время и место появления их в известном нам сегодня виде.

Большинство исследователей считает, что начало шахматной игре положила чатуранга, возникшая в Северной Индии. При этом, однако, они расходятся по вопросу — были ли шахматы созданы в результате единовременного изобретения или в ходе длительной эволюции. Так, известный английский ориенталист Г. Мэррей, автор фундаментального труда «История шахмат», вышедшего в свет в 1913 г. в Оксфорде и содержавшего глубокий анализ процесса развития шахмат, был склонен считать, что они возникли в результате какого-то «толчка», данного одним человеком. К этому выводу ученый пришел в связи с отсутствием заслуживающих доверия документальных данных о древнейшем периоде игры. Во всяком случае, в написанном им в 1917 г. (опубликован в 1963 г. после смерти автора) кратком историческом очерке о шахматах вступительная часть была озаглавлена «Изобретение». В ней утверждалось, что чатуранга, появившись на свет, по расстановке фигур не отличалась от современных шахмат и что «эта игра была сознательным и намеренным изобретением какого-либо жителя северо-западной Индии»².

Иную точку зрения высказали в начале XX в. другие историки шахмат, в том числе замечательный сибирский этнограф и археолог И. Т. Савенков. Он тоже сетовал на ограниченность сведений и источников. Но уже то, что было известно (особенно этнографическое описание чатуранги, сделанное в начале XI столетия хорезмским ученым Бируни, а позднее индийскими авторами, а также изучение шахмат у народов Сибири и Дальнего Востока) привело его к убеждению, что шахматная игра прошла в Азии различные ступени — как в процессе своего развития, так и в период зарождения. При этом Савенков полагал, что вопрос об эволюции древнеиндийской формы и ее последующем прогрессе «может быть исследован и выяснен только этнографией»³.

Современный уровень знаний по этому вопросу позволяет уже более определенно высказаться в пользу того, что шахматы на протяжении около полутора тысяч лет прошли три ступени развития: чатуранга — шатранг — современные шахматы. При этом первоначальные сведения о шахматах в Индии касаются не современной формы этой игры, а чатуранги (четверной игры). В ней были представлены фигуры, изображающие слонов (хасты), колесницы (ратха), конницу (ашва) и пехотинцев (падати), а также царя (раджа). Позднее она встречается у индийских авторов под названием чатурраджа (игры четырех царей). Фигуры располагались на 64-клеточной доске (аштапада) в четырех углах.

Именно такая игра описана у Бируни в его труде «Индия» (XI в.). Это не были еще шахматы в нашем представлении — не только по-ино-

² Н. J. R. Murray, A short history of chess, Oxford, 1963, p. 1.

³ И. Т. Савенков, К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк, «Этнографическое обозрение», кн. LXIV, М., 1905, стр. 53—56 (отд. оттиск).

му размещались фигуры и отсутствовал ферзь, но и сама игра сводилась не к тому, чтобы поставить мат королю, а к уничтожению всех сил противника. Соперники делали ходы поочередно в соответствии с указаниями игральной кости. Например, если выпадала цифра «2», то играла ладья, «3» — конь, «4» — слон и т. д. Причем каждая фигура имела определенную стоимость, согласно которой играющие получали свою долю ставки⁴.

Следовательно, игра эта, с одной стороны, принципиально отличалась от современной, ибо в ней еще была велика роль случая и ставились иные цели перед играющими. В то же время игра чатуранга, во всяком случае в том виде, в каком она нам известна по описаниям средневековых авторов, носила военный характер и непосредственно предшествовала игре, получившей впоследствии широкое распространение под названием шатранга.

Как строй войска чатуранга часто упоминалась в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», который сложился примерно в VI—V вв. до н. э. и был записан на санскрите в первые века нашего летоисчисления. Здесь то и дело вступает в бой, как говорится в «Адипарве», «могучее войско, состоящее из четырех родов», в том числе «приводимые в бешенство» громадные слоны с восседавшими на них легендарными героями и игравшие решающую роль в сражении колесницы с могучими воинами и главными военачальниками⁵. Что касается конницы, то, как полагает исследователь древнеиндийского военного дела Б. П. Синха, ее роль особенно возрастает с началом буддийского периода — в результате «прихода скифов»⁶.

В эпосе нередко приводятся сведения и об игре в кости. Герой Юдхиштира, благодаря не знающей границ страсти к этой игре, теряет царство, обрекает себя и близких на тяжелые скитания. О том, как велика была приверженность к игре в кости у юношей древней Индии, рассказывает еще «Ригведа», где в «Гимне игрока» игральные кости рассматриваются в качестве враждебной человеку магической стихии:

Они вниз катятся, они вверх прядают,
Без рук одолевают имеющего руки.
Неземные угли, брошенные в желобок,—
Сжигают сердце, хоть и сами холодные⁷.

Воспринималась ли чатуранга как одна из разновидностей игры в кости и потому не считалась достойной особого описания, мы не знаем. Ясно одно, что ни древнеиндийский эпос, ни санскритская литература первых столетий нашей эры (самые ранние упоминания о чатуранге мы находим в произведениях VII—IX вв.), ни легенды о шахматах, получившие распространение на Востоке в средние века, ничего не добавляют к решению вопроса о времени ее бытования и месте сложения. В этом плане ничего не может поведать, например, и самая старая из известных легенд о шахматах. Создание их она приписывает одному брахману, который взамен за свое изобретение попросил у раджи незначительную, на первый взгляд, награду — столько пшеничных зерен, сколько покажут 64 клетки шахматной доски, если, начиная с одного зерна, число все время удваивать. Их оказалось, однако, так много

⁴ Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, т. II, «Индия», Ташкент, 1963, стр. 186—187.

⁵ В. И. Кальянов, Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе, «Махабхарата», кн. 4, М., 1967, стр. 143—148.

⁶ Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия, сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 158.

⁷ «Поэзия и проза Древнего Востока», «Библиотека всемирной литературы», М., 1973, стр. 386.

(18 446 744 073 709 551 615), что раджа не в силах был выполнить свое обещание.

Так как по сути своей эта легенда говорит лишь об игровых возможностях на 64-клеточной доске и не содержит ничего специфического для понимания самих шахмат, то можно предположить, что она возникла в Индии еще до их появления, а позднее стала ассоциироваться с этой игрой. Поэтому сюжет ее представляет интерес скорее для исторического обозрения математических теорий игр.

В этой связи трудно согласиться с отдельными гипотезами по вопросам возникновения шахмат, которые основаны не на конкретно-историческом анализе, а на различных математических, астрологических и других теориях. Во-первых, если бы игра эта носила с самого начала отвлеченный, мистический характер, какой приписывают ей нынешние авторы математических гипотез, мало вероятно, чтобы она стала в полном смысле этого слова народной и триумфально процветала бы по всем странам и континентам нашей планеты. Во-вторых, во всех этих построениях большей частью не учитывается эволюция правил игры, ходов фигур, а анализ ретроспективен и очень далек от фундамента подлинно исторических фактов далекого прошлого⁸.

Установление математической и иной первоосновы ходов фигур может, на наш взгляд, оказаться полезным для выяснения обстоятельств возникновения игральных досок, в частности, аштапады, разного рода игр, предшествовавших чатуранге, или позднейших модификаций шахмат, но менее всего оно помогает узнать, как зародилась игра военного характера, а тем более причины ее быстрого распространения и особенности эволюции в других странах. Нельзя также отрицать и того, что астролого-математические концепции, которые стали модными в последнее время, способствуют возникновению дискуссии вокруг проблем происхождения шахматной игры, однако практически они пока что не помогли решить ни одного вопроса, связанного с выяснением обстоятельств и времени появления ее на свет.

В конце 1972 г. ТАСС сообщило сенсационную новость — узбекские археологи во время раскопок древнего городища Дальверзин-Тепе нашли две шахматные фигурки II в. н. э. Эта весть обошла советскую и мировую прессу. «Шахматы родились на четыре столетия раньше, чем предполагали», — таков был лейтмотив комментариев многих газет и журналов. А в шахматном еженедельнике («64») утверждалось, что эта находка дает веское основание для более твердой ориентации в исследовании индийской чатуранги на первые века нашей эры⁹.

О том, что археологам предстоит сказать решающее слово в изучении проблем раннего развития шахматной игры, становилось в последнее время все более очевидным благодаря замечательным открытиям советских и зарубежных ученых в изучении кушанской культуры первых веков нашей эры. Речь идет о культурной жизни в государствах Кушан (II—I вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.) и эфталитов (V—VI вв. н. э.), которые занимали обширную территорию Северной Индии и прилегающих районов современного Афганистана, южных районов Средней Азии, часть Восточного Ирана. Важную роль в политической и культурной истории этих государств играла Бактрия (позже — Тохаристан), которая включала в себя южные районы Узбекистана и Таджикистана и Северный Афганистан. Здесь рано распространяется буддизм, наблюда-

⁸ Так, в книге Н. М. Рудина объяснение происхождения игры, расстановки фигур и правил скрытыми в квадрате шахматной доски магическими рядами с одной и той же константой носит явно искусственный характер (см. Н. М. Рудин, От магического квадрата к шахматам, М., 1969). Это достаточно убедительно показано в статье: Ю. Барский, Е. Полторанов, Открытие не состоялось, «Шахматы в СССР», 1970, № 5, стр. 28, 29.

⁹ «Самые древние шахматы», «64», М., 1973, № 1 (236).

ется отчетливо выраженное влияние индийской культуры и искусства. Бактрия, в свою очередь, оказала воздействие на развитие гандхарского искусства. Обо всем этом наглядно свидетельствуют иконографические материалы археологических памятников Бактрии — Тохаристана, Маргианы и более северных территорий Средней Азии. И буддийское и небуддийское искусство несут здесь черты влияния и взаимодействия с индийским искусством¹⁰.

Как известно, в античное время и в раннем средневековье искусство реалистического изображения животных и людей в виде терракотовых статуэток, а также костяных и иных изделий достигло высокого уровня в Индии, Средней Азии, Иране и других странах Востока. Отсюда закономерно появление таких игр, где на доску ставились миниатюрные фигурки. Наряду с другими обстоятельствами, это в немалой степени благоприятствовало зарождению и распространению индийской чатуранги.

Все это делает понятным тот огромный интерес, который был проявлен научной общественностью к находке осенью 1972 г. в Дальверзин-Тепе двух фигурок индийского происхождения из слоновой кости, датированных II в. н. э. и изображающих слона и быка-зебу. Высота первой из них около 2 см, второй — 1,8 см. Подставки свидетельствуют об их игровом назначении, а по своим величинам они типичны для средневековых шахмат, размеры которых, как правило, сохранялись в пределах 2—4 см.

Фигурки обнаружены экспедицией ташкентского института искусствознания им. Хамзы под руководством члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР Г. А. Пугаченковой, которая уже несколько лет исследовала этот древний город на правом берегу Сурхандарьи. Он возник еще в греко-бактрийскую эпоху (III—II вв. до н. э.) и стал затем одной из цитаделей Кушанского царства. Крушение кушанской династии в начале IV в. н. э. привело к запустению города, а после арабского завоевания Дальверзин-Тепе прекратил свое существование.

Ныне перед взорами археологов открылся почти «стерильный» город, необычайно перспективный для исследования древней цивилизации на территории Средней Азии¹¹.

В городище Дальверзин-Тепе открыты памятники древней архитектуры, квартал-гончаров, скульптура из буддийского святилища, фрагменты терракотовых статуэток и ранней кушанской живописи, клад редчайших драгоценных украшений. Две миниатюрные фигурки, которые руководители экспедиции Г. А. Пугаченкова и Б. А. Тургунов определили как шахматные, были обнаружены на полу одной из комнат дома на глубине до 2,5 м от дневной поверхности. Датировалась находка II в. благодаря тому, что в слое, лежащем выше ее на 40 см, нашли бронзовую монету кушанского царя Хувишки (около II в. н. э.). Так что эти фигурки могут быть и более раннего времени.

Археологи, обнаружившие фигурки, склонны отнести их к переходной форме игры от чатуранги к шатрангу. При этом они называют чатурангой «сражение равных по силе партнеров, как бы идущих из четырех стран света, из четырех углов разделенной на клетки доски»¹². К этому заключению они пришли, исследуя изображения слона, льва, быка-зебу и коня на индийских стамба III—II вв. до н. э., символизир-

¹⁰ О буддизме в Средней Азии и проникновении индийской культуры см.: В. А. Литвинский, Outline of history of Buddhism in Central Asia, Moscow, 1968; В. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль, Аджина-Тепе. Живопись. Скульптура. Архитектура, М., 1971.

¹¹ Г. А. Пугаченкова, Новое в изучении Дальверзин-Тепе (К истории Бактрийско-Кушанской городской культуры), «Сов. археология», 1971, № 4, стр. 202.

¹² Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов, Исследование Дальверзин-Тепе в 1972 г., в сб. «Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана», Л., 1974, стр. 65.

ровавших четыре страны света. Эта символика, по их мнению, вошла в чатурангу.

Интересно также предположение о том, что ко времени образования Кушанской державы в I в. н. э. чатуранга в Индии существовала. Ибо дальверзинские находки говорят в пользу того, что в следующем столетии она проникла в ее северо-западные владения — в Бактрию.

Рис. 1. Слон. Слоновая кость. Дальверзин-Тепе. II в.

Рис. 2. Бык-зебу. Слоновая кость. Дальверзин-Тепе. II в.

одной из модификаций чатуранги, распространенных якобы уже в то время в Индии и Средней Азии¹³.

В этой статье, как и в последующем научном сообщении того же автора, вместе с тем совершенно правильно ставится вопрос о необходимости более широкого рассмотрения всех найденных ранее в раскопках терракотовых скульптурок с точки зрения их возможного применения к чатуранге¹⁴. По-видимому, речь может идти пока что лишь об изобра-

Насколько эта гипотеза соответствует действительности, сегодня еще трудно сказать. Во всяком случае, она выглядит вполне правдоподобной. Описанная в «Махабхарате» организация армии в Индии к этому времени уже изменилась, и поэтому название ее могло быть перенесено на игру не в абсолютном значении слова, а означало лишь игру четырех партнеров. Тем не менее, терминология чатуранги, ее позднейшие описания индийскими авторами (например, у Ратнакары и Рудраты в IX в.) и, главное, последующее развитие игры, представляющей собой своеобразную модель военного сражения, а не символику, в которой фигуры животных олицетворяли части света, дают основание утверждать, что найденные фигурки, скорее всего, принадлежали игре, непосредственно предшествовавшей военной чатуранге.

Менее вероятно другое предположение, высказанное З. М. Ходжаевым и поддержанное Б. А. Тургуновым в его предыдущей публикации. Находка в Дальверзин-Тепе могла быть, по их мнению, частью комплекта стоклеточных шахмат, которые явились

¹³ Б. Тургунов, Фигурки из Дальверзин-Тепе, «Шахматы в СССР», 1973, № 5, стр. 16, 17.

¹⁴ Б. А. Тургунов, Новые данные к истории шахмат в Средней Азии, «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1973, № 11, стр. 76.

зительных фигурках, соответствовавших терминологии чатуранги. Ибо из трех приведенных автором примеров абстрактная «пешка», наиболее убедительная с его точки зрения, явно интерпретирована на основании современных шахмат и вряд ли имеет отношение к древней чатуранге.

Ценность находки в Дальверзин-Тепе отмечают в своих статьях и публикации и зарубежные историки шахмат. Так, известный итальянский исследователь Адриано Кикко считает сообщение советских археологов одним из самых важных за последние годы, касающихся древней истории шахматной игры¹⁵. Западногерманского историка шахмат Эгберта Мейсенбурга смутила фигурка быка-зебу, в связи с тем, что о наличии ее в шахматной игре ничего не сообщают индийские и арабские источники¹⁶. Но ведь о распространении чатуранги из Индии в другие страны и ее ранних модификациях, особенно об игре, предшествовавшей ей, у нас вообще нет никаких документальных данных. Между прочим, позднее, в XV в., бык входил в число фигур 112-клеточных шахмат в Средней Азии. О модификациях шахмат на досках вплоть до 144 клеток сообщает интересные сведения Г. Мэррей¹⁷.

Хотя двух фигурок недостаточно для того, чтобы определенно сказать, принадлежали ли они к чатуранге или к какой-либо другой более ранней форме, в целом следует оптимистично оценивать значение для изучения истории шахмат дальверзинских находок и возможность новых археологических открытий на древних городищах Кушанского царства периода его расцвета и государства эфталитов.

Установить состав древних шахматных фигур Индии и стран Средней Азии трудно еще и потому, что мы не знаем, всегда ли они изготовлялись в полном соответствии с характером военной игры и терминологии. В частности, фигурировали ли в игре кони без всадников, слоны без воинов и воинского снаряжения; применялись ли символические фигурки, особенно в значении пешек; насколько близко к действительности воспроизводились в игре боевые колесницы древней Индии.

Решение этих вопросов важно не только для изучения чатуранги, но и для представления о ее дальнейшем развитии. Со временем она претерпела столь значительные изменения, что, по существу, возникла не модификация ее, а совершенно новая игра. В ней вместо четырех лагерьей по восьми фигур в каждом на доске действовали уже два лагеря, сражались два противника, каждый из которых имел в своем распоряжении по шестнадцати фигур. Одна из них, изображавшая полководца, стала шахом (королем), которого по правилам игры уже нельзя было уничтожать, а другая — его советником (ферзем). Такой порядок и расположение фигур сохранились в шахматах до настоящего времени.

Новая игра получила название «шатранг». Когда и где появилась она впервые?

В поэме Фирдоуси «Шах-наме» (конец X — начало XI в.) приводятся две легенды о возникновении и первоначальном распространении игры, в которой действуют и «победу разумом одерживают» фигуры, изображающие войско. Героями одной из них являются индийские царицы Гав и Талханд. После смерти их отца Джамхура между ними возникла междоусобица, в результате которой войско Талханда было разгромлено, а сам он внезапно скончался на спине слона. Мать, узнав о смерти младшего сына, в отчаянии обвинила Гава в убийстве брата. Желая утешить мать и показать, что Талханд не был убит в сражении, Гав собрал мудрецов со всех концов страны. Один из них, что слыл «в Индии доблестней всех и мудрей, ...поле войны начертал, движение войск

¹⁵ A. Chiccò, *Contributi dell' Archeologia alla più antica storia degli scacchi*, «Tutto Scacchi», Roma, 1974, № 4, p. 182.

¹⁶ «Schachwissenschaftliche Forschungen. Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte des Schachspiels», Winsen/Luhe, 1973, № 2, S. 42.

¹⁷ H. J. R. Murray, *A history of chess*, Oxford, 1913, p. 344—346.

и вождей указал». На доске, разбитой на клетки, он изобразил весь ход битвы, гибель одной из армий, но не ее полководца.

В передаче другого сказания о создании шахмат поэт использовал мотивы небольшого произведения «Матикан-и-чатранг» («Книга о чатранге»), вошедшего в пехлевийский эпос, который был сложен на рубеже VI и VII вв. Здесь излагается традиционная версия о том, как сложная игра была направлена для разгадки ее сущности одним царем другому, в данном случае индийским раджою могущественному шахиншаху Ирана Хосрову I Ануширвану (531—579). Среди приближенных шаха нашелся лишь один мудрец, Вазургмихр (у Фирдоуси — Бузургмихр), которому удалось разгадать правила шахматной игры. Любопытны строки эпоса, где утверждается, что игра явилась плодом долгих лет совершенствования: «Сколько ученых Индии эту игру Чатранг с большим трудом и усердием создали, сюда прислали, расставили, и никто раскрыть ее в состоянии не был»¹⁸.

Обе легендарные версии обращают на себя внимание в первую очередь своей индийской «направленностью». Но первая из них могла с одинаковым успехом появиться как в Средней Азии, так и за ее пределами, где господствовало влияние буддизма. Что касается второй легенды, то в ней нашла отражение общая идеализация времени Хосрова, который слыл покровителем наук и искусства и во многом способствовал усилению культурных связей Ирана с Индией. В этой связи становится понятной и причина появления индийской версии изобретения шатранга в столь характерной для средневекового фольклора форме «загадки-разгадки».

К тому же, как полагают некоторые исследователи пехлевийского эпоса, «Книга о чатранге» излагает события, относящиеся не ко времени Хосрова I, а к гораздо более раннему периоду Ардашира I (III в. н. э.)¹⁹.

Едва ли возможен поэтому историко-хронологический анализ предания для выявления «точных данных» проникновения шахмат в Иран и даже, что представляется ничем не оправданным, установления времени создания игры. А между тем именно так поступил Г. Мэррей, утверждая, будто изучение пехлевийской легенды «говорит в пользу того, что шахматы были изобретены около 570 г. н. э.»²⁰.

Для обоснования своего вывода Г. Мэррей ссылается, в частности, на тот факт, что китайский паломник Фа Сянь, который жил в Индии на рубеже IV—V вв. и подробно описал свое пребывание в этой стране, ни разу не упомянул шахмат. Но, как известно, *argumentum ex silentio* (аргумент от умолчания) является в доказательстве самым слабым. Паломник мог по разным причинам не обратить внимание на игру или находиться там, где о чатуранге еще не знали. Отсюда было бы неправильно делать заключение, что она не существовала в данный момент вообще. Интересно отметить, что на основании аналогичных материалов И. Т. Савенков допускал возможность существования шахмат в Индии в IV в. н. э. и даже значительно ранее — во II в.²¹

Дата, выдвинутая Г. Мэрреем, долгое время считалась общепринятой и только в последнее время стала оспариваться историками шахмат и отдельными учеными, исследования которых соприкасались с историей игр. Так, советские исследователи З. Ходжаев и Ф. Дюммель

¹⁸ Древние тексты легенд см.: И. Орбели, К. Тревер, Шатранг. Книга о шахматах, Л., 1936, стр. 57—73, 155—194.

¹⁹ E. Herzfeld, Zoroaster and his World, vol. II, Princeton, 1947, p. 626—628. См. также: J. C. Tavadia, Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier, Leipzig, 1956, S. 139—140.

²⁰ Г. Мэррей, Насколько стара шахматная игра (пер. с англ.), «Шахматы в СССР», 1938, № 12.

²¹ И. Т. Савенков, Указ. раб., стр. 114.

полагают, что шатранг был изобретен в Северо-Западной Индии при эфталитах, вероятнее всего, в V в.; при этом они принимают версию Г. Мэррея о том, что сасанидский Иран узнал эту игру столетием позже²². Другой советский историк шахмат И. Майзелис пришел к выводу, что чатуранга сложилась в Северо-Западной Индии, примерно во II—IV вв., а основанная на ней новая игра — шатранг — в IV—V вв. (не позднее 500 г.) на территории Средней Азии²³.

Основанием для таких выводов послужили как общеисторические соображения (объединение на протяжении длительного периода народов Северной Индии и Средней Азии в одно государство), так и конкретные исследования терминологии шатранга. Тот факт, что в создании Кушанского и эфталитского государств важную роль сыграли ираноязычные народности Средней Азии, делает не только понятным, но закономерным возникновение терминологии шатранга, которая далеко не вся может быть объяснена строем индийского войска и вообще индийской действительностью. Таковы, например, термины «фарзин», которого не было в чатуранге, и «рух», произошедший от «ратха», но имевший совершенно другой смысл: теперь он означал уже не боевую колесницу, а фантастическую птицу — покровительницу воинов.

Индийская традиция связывает появление шахматной игры на стадии шатранга (именуемой буддхичал — игра, основанная на силе разума) с излагаемым в «Законах Ману» (составлены во II в. до н. э. — II в. н. э.) запретом азартных игр²⁴. Так это или нет, но, во всяком случае, как полагают некоторые исследователи, в сравнительно поздних санскритских источниках (например, в романе Дандина, около второй половины VII в.) не говорится о костях, когда речь идет о шахматах²⁵.

Что касается более ранней санскритской литературы, то в ней упоминание о чатуранге с костями тоже еще не доказано. Поэтому при современном состоянии знаний по данному вопросу было бы нецелесообразно отбрасывать высказанное в прошлом столетии предположение, что игра была изобретена буддистами, которые, направляясь из Индии в соседние страны, принесли с собой и чатурангу.

Возникает, однако, вопрос, на какой стадии развития игры и в какое время появились шахматы — при Кушанах или эфталитах, в форме четверной игры или в известной ныне расстановке фигур?

Сегодня мы еще не можем ответить на эти вопросы. Ясно лишь, что, подобно чатуранге, шатранг — независимо от изменений, которые эта игра претерпела, — воспринимался в связи с буддистским влиянием как индийская игра. И в Иране, испытывавшем значительное индийское влияние при Хосрове I, сложившиеся предания и легенды трактовали шатранг как игру, непосредственно пришедшую из Индии, а завоевавшие Иран столетие спустя арабы стали полностью разделять их взгляды на происхождение шахмат. Так, басриец ал-Джахиз (умер в 868 г.) в своей развернутой характеристике индийской культуры не забывает упомянуть: «Индийцам принадлежат шахматы, а это — самая благородная и самая разработанная и остроумная игра»²⁶.

Рассматривая в целом правильно истоки игры, средневековые авторы были, однако, далеки от знания конкретных обстоятельств ее создания и следовали главным образом легендарным версиям. Поэтому нужно относиться к их свидетельствам весьма осторожно. Необходимо,

²² З. Ходжаев, Ф. Дюммель, Новые данные по истории шахмат, «Шахматы в СССР», 1951, № 10, стр. 304.

²³ И. Майзелис, К вопросу о происхождении и развитии шахмат, «Шахматы в СССР», 1952, № 10—11, стр. 368.

²⁴ Т. Кришнамачариар, Шахматы в Индии, «Шахматы в СССР», 1951, № 6.

²⁵ P. Thieme, Chess and Backgammon (Tric-Trac) in Sanscrit literature, «Indological Studies in Honor of W. Norman Brown», New Haven, Connecticut, 1962, p. 215.

²⁶ Цит. по кн.: Абурейхан Бируни, Избранные произведения, т. II, стр. 9.

в частности, учитывать роль Средней Азии, которая в первые века нашей эры вместе с территорией Северной Индии входила в регион, где происходило формирование шахматной игры. В этот период Средняя Азия была, по выражению советского историка и археолога Б. А. Литвинского, своеобразным «ретранслятором» буддизма и индийской культуры как на Дальний Восток, так и в сторону Запада²⁷. Не случайно, например (и это справедливо отмечали уже многие ученые), шахматы получили в раннем средневековье распространение в тех азиатских странах, где буддизм стал господствующей религией или оказывал сильное влияние — в Бирме, Сиаме, Тибете, Монголии, Японии, Китае. В большинстве этих стран в соответствии с особенностями быта, военного дела, языка, национальных традиций и т. д. игра в шахматы получила своеобразную трактовку, хотя корни шатранга нетрудно усмотреть и в расстановке фигур, и в правилах игры, и даже (в ряде случаев) в терминологии.

Сложнее вопрос о китайской шахматной игре — «сянци». В ней фигуры передвигаются не по 64 полям, а по 90 «линиям» и «точкам».

Столь значительное отличие сянци от шатранга привело к тому, что некоторые историки стали утверждать, будто она предшествовала шахматам и даже явилась первоосновой, от которой произошла чатуранга. С такой гипотезой выступил, в частности, английский китаист Джозеф Нидэм²⁸.

Однако в его труде настораживает уже название главы, которая посвящена происхождению игры: «Магнит, предсказание и шахматы». В качестве исходной базы для своих умозаключений «о тесной связи между магнитом и шахматами», «о связи между шахматами и астрологической символикой» Нидэм берет следующую посылку: «мы считаем удобным определить шахматы как любой набор небольших символических моделей, которые могут представлять собой не только части армий, но и животных, или небесные тела, такие, как солнце и луна, планеты, звезды и зодиакальные созвездия»²⁹.

Такая посылка позволяет автору делать самые невероятные сопоставления игр и магических действий разных по своей сущности (напр., шахмат и... домино, шахмат и... предсказаний с помощью стрел, палок и т. д.) и даже составить «схему, изображающую родственные связи игр и средств предсказаний в зависимости от развития магнитного компаса». Конечно, при столь вольном методе рассуждений можно объявить и астрономическую игру, изобретенную в Китае в 569 г., как прямую предшественницу и даже идентичную нашим современным шахматам игру. А в своих выводах Нидэм прямо заявляет: «Боевой элемент шахмат, по видимому, развился из предсказательной техники, в которой он предназначался для обеспечения баланса... противоборствующих сил „зла“ и „добра“ во Вселенной (VI в. н. э., Китай, откуда в VII в. они перешли в Индию, превратившись там в игру для досуга)»³⁰.

Нетрудно заметить, что гипотеза эта носит в целом надуманный характер — автор стремится во что бы то ни стало доказать превращение астрологической техники, используемой для предсказаний, в военную игру. В угоду этой предвзятой идее он пренебрегает анализом подлинных исторических фактов, говорящих о возникновении шахматной игры и процессе ее распространения среди народов Азии и Европы. Тем не менее некоторые историки шахмат взяли ее на вооружение.

²⁷ В. А. Litvinsky, Указ. раб., стр. 75; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль, Указ. раб., стр. 137.

²⁸ J. Needham, Science and civilization in China, vol. 4, part 1, Physics, Cambridge, 1962, p. 314—333.

²⁹ Там же, стр. 315.

³⁰ Там же, стр. 332.

Так, П. Бидев утверждал: «Шахматы возникли в 569 году в Китае как астрологический инструмент предсказания»³¹. При этом он ссылается на Нидэма и приведенный последним в названной выше работе документ «Введение Ван Бао к шахматной книге императора У Ди, который в 569 году изобрел астрономические шахматы». Вслед за Нидемом Бидев повторяет вывод о том, будто бы в Китае зародились шахматы, а индийская чатуранга является их дальнейшим развитием. Или, как утверждает далее автор гипотезы, «первая крупная реформа шахматных правил (китайских) была осуществлена в VII веке в Индии»³². Эта идея получила развитие в его книге «Шахматы — символ космоса»³³.

Эта гипотеза далека от истины не только потому, что провозглашаемая ею дата — 569 г. (кстати задолго до Нидэма известная историкам) — является слишком поздней для возникновения шахмат. Как уже отмечалось, имеется немало свидетельств, в том числе археологических, которые дают основание предполагать гораздо большую древность этой игры. Возможность развития чатуранги из китайских шахмат (сянци) маловероятна и по той простой причине, что первая историческая отразила строй войска древних индийцев, который еще задолго до VI в. многократно упоминался в эпосе «Махабхарата».

Отсюда естественно предположить, что символическое воспроизведение этого строя на шахматной доске и дало игре одноименное название. Если бы она пришла из Китая, то сохранились бы какие-то этимологические следы этого «пути», подобно тому как легко проследить прямое заимствование терминов от индийцев в среднеазиатско-иранских названиях игры (чатуранга-чатранг-шатранг) и фигур, например, ладьи (ратха-рух). Даже в монгольском названии шахматной игры шатар или в тувинской шыдыраа нетрудно уловить влияние шатранга.

Хотя прямого этимологического влияния шатранга на сянци не видно, однако в большинстве фигур китайской игры и их ходах ясно прослеживается эта связь. Особенно обращает на себя внимание фигура слона в сянци, совсем не характерного для китайского быта и особенно для военной стратегии. Даже Нидэм, почувствовав в этом вопросе слабость своей концепции, вынужден был в примечании заметить, что превращение одной из фигур сянци в слона, возможно, произошло под более поздним индийским влиянием.

Как же в таком случае объяснить тот факт, что, в отличие от других стран, где шахматы в основном сохранили весь строй фигур и правила игры, в Китае от них остались лишь отдельные «следы»? Это вызвано, по нашему мнению, тем, что здесь задолго до прихода шатранга существовали свои шашечные и военные игры, которые пустили глубокие корни в народе и имели уже традиционные формы развития. В этих условиях чужеземная игра могла или совсем не привиться, или использоваться на национальной основе, составив своеобразный симбиоз. Именно такое явление наблюдалось в Китае. Здесь еще в IV в. н. э. была, например, в ходу военная игра, в ходе которой на доске, разбитой на 361 поле, участвовало около 150 фигур, причем двигались они по «линиям» и «точкам»³⁴.

Но какой бы громоздкой и сложной ни была эта игра, отнимавшая к тому же очень много времени у соперников, она имела богатые традиции и потому не могла исчезнуть бесследно при появлении в Китае шатранга, принесенного буддистами (к 580 г. н. э. только на севере страны

³¹ П. Бидев, Шахматы роден 569 во Кина како астролошка концепција. Триумф на теоријата на синологот Нидем, «Македонски шах», Скопје, 1971, № 3, стр. 11.

³² Там же.

³³ P. B i d e v, Sah simbol kosmosa. Genesa šaha od kineske astrologije do indijske mistike, Скопје, 1972, s. 55—64.

³⁴ J. N e e d h a m, Указ. раб., стр. 319.

насчитывалось более 40 тысяч буддийских храмов и монастырей. Буддизм оказал влияние на китайскую философию, литературу и искусство, через него Китай приобщился к культуре Индии и Средней Азии)³⁵.

В результате слияния местной игры и весьма привлекательной новинки возникла «синтетическая» форма, известная под именем сянци — «игра слона» (или, как сейчас трактуют в Китае это слово, «игра в батальную стратегию»). От китайской традиции в ней остались лишь «линии», да «точки», по которым велась игра. Возможно, что от этой традиции идет и своеобразная «нейтральная» полоса «хань», которая ассоциируется с «рекой» (хотя иероглиф означает «млечный путь») и разделяет два лагеря противников в середине доски по горизонтали. В IX в. на доске появились пушки (пао), которые также придают сянци известное своеобразие. Зато от шатранга пришли сюда фигуры, часть которых послужила прямым напоминанием об исходной игре — слоны, или советники (сян), кони (ма), колесницы (чэ или цзюй), солдаты (цзу или бин), а часть преобразована в соответствии с китайской действительностью в полководца (цзян или шуай) и ученых (ши).

И хотя вместо изобразительных фигур в игре стали по традиции применяться шашки, на которых иероглифами обозначалось их назначение, это не помешало установить определенную преемственность или, точнее, влияние индийской игры. Поэтому во многом справедливо было утверждение Г. Мэррея относительно сянци: «...ограничение передвижения, которое мы видим в данном случае, является китайской модификацией индийской игры»³⁶. Аналогичное заключение сделал еще раньше И. Т. Савенков: «...каким бы путем не проследовала одна из индийских форм, давшая к концу своего движения значительно видоизмененную китайскую форму,— эта последняя не может претендовать на значительную древность» по сравнению с индийскими шахматами³⁷.

К такому же выводу приходили и китайские авторы: Например, Тан Ао-шуан писал: «По данным, родиной шахмат является Индия, из которой в Европу они проникли через мусульман Среднего и Ближнего Востока, а в Китай занесены вместе с буддизмом еще во времена Танской династии»³⁸.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что шахматы возникли не в связи с разного рода астрологическими концепциями, а как военная игра, символически отобразившая строй древнего войска. В пользу этого говорят результаты конкретного, комплексного изучения исторических, этнографических, археологических, литературных, фольклорных источников, данные этимологии и др.

О том, как и где произошло превращение чатуранги в шатранг и о первоначальном развитии шатранга многое можно будет узнать также благодаря археологическим открытиям. Самое ценное состоит в том, что число находок постоянно возрастает. Еще до недавнего времени древние фигурки шахмат, найденные в Средней Азии, исчислялись единицами, сейчас же их насчитывается уже несколько десятков. Кроме отмеченных выше двух пока еще спорных фигурок из Дальверзин-Тепе, шахматы были найдены при археологических раскопках в Фергане, Афрасиабе, Мунчак-Тепе в Узбекистане, городище Хульбук в Таджикистане, в Куль-Кургане, близ Термеза, и других местах.

Среди них представляют большой интерес четыре костяных, исполненных в реалистической манере изобразительных фигуры: всадник и пешка из Афрасиаба, рух из Ферганы и всадник из Хульбука.

³⁵ «История стран зарубежной Азии в средние века», М., 1970, стр. 76.

³⁶ Н. J. R. Миггау, A history of chess, p. 120.

³⁷ И. Т. Савенков, Указ. раб., стр. 28, 114.

³⁸ Тан Ао-шуан, Китайские шахматы, «Дружба», 1958, 18 янв.

Фигурка вооруженного палицей воина на коне, вырезанная из слоновой кости, была найдена на городище древнего Самарканда (Афрасиаба) и впервые определена как шахматная И. А. Орбели и К. В. Тревер. Авторы отмечают, что по своему стилю она напоминает изображения на наскальных рельефах сасанидских царей. Поскольку они полагают, что сасанидские формы и черты в искусстве и художественном ремесле Средней Азии характерны для несколько более позднего времени, то определили время фигурки VIII—IX вв.³⁹ Как известно, из ар-

Рис. 3. Шахматная фигура. Слоновая кость. Афрасиаб. VI—VIII вв.

Рис. 4. Шахматная фигура «рух». Слоновая кость. Фергана. VI—VIII вв.

хеологических раскопок последних десятилетий, облик таких тяжеловооруженных всадников был характерен для конницы ираноязычных племен Средней Азии, а потому фигурку можно отнести к более раннему периоду — VI—VIII вв.

Не менее интересны еще две, тоже хранящиеся в Эрмитаже восточные фигурки — ладья (рух) и пешка (пайдак). Первая также впервые интерпретирована как шахматная И. Орбели и К. Тревер. Она изображает огромную хищную птицу, держащую в клюве водяную птицу. Как подчеркнули авторы публикации, фантастическая птица рух считалась в древние времена на Востоке защитником и покровителем воинов, и потому вполне закономерным было появление ее в шахматном наборе, изображавшем войско, вместо боевой колесницы, которая не применялась в это время на Среднем Востоке.

Что касается фигурки пехотинца, также выполненной из слоновой кости и найденной в Афрасиабе⁴⁰, то она по форме изготовления в какой-то мере напоминает более древние восточные терракотовые статуэтки, которые изображали мужчин, сидящих со скрещенными ногами. Такие

³⁹ И. Орбели, К. Тревер, Указ. раб., стр. 145.

⁴⁰ И. М. Линдер, Шахматы на Руси, М., 1964, стр. 15.

глиняные скульптурки были найдены, например, при раскопках Емши-Теле в 1969—1970 гг.⁴¹.

Вполне возможно, что более тщательный сравнительный анализ уже известных изобразительных шахматных фигурок, обнаруженных на территории Средней Азии, Ирана, Северной Индии, с терракотовыми фигурками из старых археологических коллекций приведет к неожиданным открытиям в познании истории древней игры.

Многое можно ожидать и от изучения шахмат этнографической наукой. В этой связи приведем пространное высказывание первого в нашей стране исследователя шахмат методами этнографии И. Т. Савенкова, сделанное еще три четверти века назад, но сохраняющее всю свою актуальность и на сегодняшний день: «Шахматная игра, как продукт духовного творчества человека,— писал он,— может и должна занять свое скромное место в ряду других этнографических видов, и сведения о ее распространении и о ее эволюции среди народностей Азии могут не только дополнить психическую, интеллектуальную и бытовую характеристику исследуемой народности, но, путем сопоставления и обобщения, могут содействовать и выяснению вопросов о направлении заимствований, о направлении передвижений народностей, о их родстве и о их культурных и этнических сношениях»⁴².

Что касается конкретной задачи установления истоков происхождения шахмат, то, на наш взгляд, особо важное значение будет иметь серьезное изучение таких вопросов, как развитие военного искусства в древней Индии и сопредельных странах; отображение шахмат в эпосе индийских, среднеазиатских и других восточных народов; развитие античной скульптуры и мелкой пластики на Востоке; роль буддистов в распространении индийской культуры среди соседних народов; исследование быта и духовной жизни в государствах Кушан и эфталитов, которые знали развитые формы городской цивилизации и оказали заметное влияние на другие страны. Комплексное изучение этих проблем в соединении с уже накопленными сведениями позволит приоткрыть завесу над вековой тайной происхождения шахмат.

Успехи археологии, этнографии и других наук, достигнутые в последние годы, позволяют выразить уверенность, что мы находимся на пороге важных открытий и в области истории древнего периода шахматной игры.

---

⁴¹ И. Т. Кругликова, В. И. Сариянди, Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий, «Сов. археология», 1971, № 4, стр. 164, рис. 5, 3.

⁴² И. Т. Савенков, Указ. раб., стр. 56.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1974 ГОДУ

В 1974 г. коллектив Института этнографии АН СССР провел большую научно-исследовательскую и научно-организационную работу. Институтом этнографии выпущено 26 книг (общий объем около 470 п. л.). Кроме того, вышли в свет 7 внеплановых книг сотрудников Института (общим объемом свыше 115 п. л.). Итоги минувшего 1974 года показали, что Институт этнографии выполняет пятилетний план в соответствии с намеченными сроками. В 1974 г. было завершено 15 тем государственного плана. Среди них такие важные работы, как «Атлас населения мира», два раздела регионального историко-этнографического атласа «Кавказ», первый том трехтомника «Этнография славянских народов», создаваемого совместно с рядом зарубежных научно-исследовательских учреждений. Завершено также исследование земель древнего орошения в зоне, где планируется переброска части стока вод сибирских рек в бассейн Аральского моря. Досрочно окончена авторская работа над книгами: В. А. Александров «Сельская община в позднефеодальной России XVII—XVIII вв.» и коллективный труд «Семья и семейная обрядность у народов Средней Азии и Казахстана» (отв. ред.— Г. П. Снесарев).

Большое внимание в отчетном году уделялось разработке крупных проблем этнографической науки, в частности, связанных с исследованиями современных культурно-бытовых и этнических процессов у народов СССР. Вышла в свет книга В. Ю. Крупянской, О. Р. Будины, Н. С. Полищук, Н. В. Юхневой «Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила» (21 п. л.), в которой рассматриваются социальные и культурно-бытовые преобразования, происшедшие в жизни горняков и металлургов Нижнего Тагила за годы Советской власти. Специальные разделы монографии посвящены вопросам производственной жизни рабочих, их семейному быту (структуре семьи, внутрисемейным отношениям, воспитанию детей), формам общественной и культурной жизни.

Заключено редактирование обобщающего труда по современной этнографии народов нашей страны — коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» (отв. ред. Ю. В. Бромлей), а также завершенных в авторской части книг: Л. А. Анохиной, М. Н. Шмелевой «Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем», сборника «Этнокультурные процессы на юге Украины» (отв. ред. Ю. В. Иванова), сборника «Проблемы этносоциологии» (отв. ред. Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробинчева, В. И. Козлов). В отчетном году завершен в авторской части сборник «Этнические процессы у национальных и этнографических групп Средней Азии и Казахстана» (под ред. Л. С. Толстой и Н. Н. Чебоксарова).

Отчетный год ознаменован успехами в области этносоциологических исследований, проводимых Институтом: завершена тема государственного плана «Исследования закономерностей изменения демографической структуры и социальных факторов жизни сельского населения в поселках разного типа». Проводилась подготовка научных разработок по проблеме «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР».

В области зарубежной этнографии центральное место занимала разработка вопросов, связанных с современными этническими и культурно-бытовыми процессами у зарубежных народов, особенно у народов развивающихся стран Азии и Латинской Америки. Этой тематике посвящены три книги, опубликованные в 1974 г.

В коллективной монографии «Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике» (отв. ред. С. А. Гонионский, И. Ф. Хорошаева, 20 п. л.), охватывающей период

с XV в. до наших дней, показано своеобразие национальных отношений в странах Центральной Америки и Мексике, рассматриваются роль религии в национальных процессах, исторические судьбы и перспективы развития индейской общины и другие вопросы.

Коллективная монография «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии» (ред. колл. А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, 21 п. л.) посвящена проблемам национального развития народов Бирмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи, Вьетнама, Малайзии, Сингапура, Индонезии и Филиппин за последние сто лет. Особое внимание в ней уделено тенденциям национального развития в период после завоевания этими странами независимости.

Книга С. А. Гонионского «Гаитянская трагедия» (8 п. л.) представляет собой очерки, всесторонне характеризующие современное положение гаитянского народа — не только политическую и экономическую ситуацию в стране, но и национальные процессы, верования, быт.

В издательстве «Наука» идет работа над монографией Л. Н. Фурсовой «Послевоенная иммиграция и национальное развитие Канады» и Ш. А. Богиной «Иммигрантское население США (последняя треть XIX в.)». В отчетном году завершена книга Э. Л. Нитобурга «Негры США».

В 1974 г. Институт этнографии продолжал историко-этнографическое изучение традиционных культур народов мира. Четыре опубликованных в минувшем году книги посвящены народам нашей страны.

В сборнике «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири» (отв. ред. В. А. Александров, 21 п. л.) обобщены результаты полевых исследований Института этнографии в Западной Сибири и изучения различных архивных источников.

В монографии С. И. Вайнштейна «История народного искусства Тувы» (25 п. л.) исследуется декоративно-прикладное искусство Тувы с эпохи бронзы до наших дней. Особое внимание автор обращает на особенности художественного стиля, прослеживая в ряде случаев преемственность изобразительных традиций с древнейших времен.

В сборнике «Социальная организация и традиционная культура народов Севера» (отв. ред. И. С. Гурвич, 16 п. л.) освещен широкий круг проблем этнографии народов Крайнего Севера, включая и современное состояние хозяйства некоторых этнографических групп.

Исследование традиционной культуры народов нашей страны отражено и в ряде сообщений, опубликованных Ленинградской частью Института в сборнике «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1972—1973» (13 п. л.).

Традиционным культурам народов СССР посвящено несколько завершенных в 1974 году работ. Наиболее значительная из них — уже упоминавшийся коллективный труд «Восточные славяне» (первый том трехтомника «Этнография славянских народов»).

Подготовлены в авторском варианте книги: Л. И. Лавров «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках», ч. III; И. С. Гурвич «Культура северных якутов-оленьеводов и проблема позднейшего этапа формирования якутского народа»; З. П. Соколова «Формы социальной организации обских угров (XVII—XIX вв.)»; О. А. Сухарева «Костюм населения Самарканда за 100 лет»; Ф. Д. Люшкевич «Очерки традиционной культуры и быта оседлого населения Бухарского оазиса». Завершены три сборника, содержащие также материал для региональных историко-этнографических атласов: «Кавказский этнографический сборник», VI (отв. ред. В. К. Гарданов); «К истории одежды народов Средней Азии и Казахстана» (отв. ред. О. А. Сухарева); «Полевые работы Института этнографии в 1974 году» (отв. ред. В. Н. Басилов).

Исследованию традиционной культуры зарубежных народов посвящен вышедший в 1974 г. из печати «Сборник МАЭ», т. XXX — «Культура народов Австралии и Океании» (отв. ред. Н. А. Бутинов, Р. Ф. Итс, 22 п. л.). В сборнике, в частности, описаны коллекции Музея антропологии и этнографии, собранные советскими исследователями на Новой Гвинее в 1971 г.

В отчетном году завершено несколько работ, связанных с изучением традиционной культуры зарубежных народов. Это коллективный труд «Дешифровка исторических систем письма» (отв. ред. Ю. В. Кнорозов), в котором подводятся итоги исследования

древних письмен ряда народов мира, книги: Д. А. Ольдерогге «Основы культуры народов Африки (этнография Африки)»; И. А. Амирьянц «Арабы Ирака. Очерк материальной и духовной культуры»; Т. Ф. Аристовой «Материальная и духовная культура курдов»; И. Н. Гроздовой «Шотландцы. Историко-этнографические очерки»; Р. Ш. Джарылгасиновой «Этнографические материалы к изучению этногенеза корейцев (Стела Кванэтована)»; Н. А. Красновской «Сардинцы»; Н. М. Листовой «Языковые и культурные границы Швейцарии»; Л. В. Покровской «Исторические провинции Франции и областные группы французского народа»; А. Н. Седловской «Малые народы Бихара (историко-этнографический очерк)»; М. А. Членова «Народы Моллукских островов»; сборник «Одежда народов Зарубежной Азии» (отв. ред. Д. И. Тихонов).

Одним из ведущих направлений работы Института оставалось исследование этнической истории и этногенеза народов мира, тесно связанное с изучением традиционных культур. Разработка вопросов этногенеза в Институте этнографии ведется комплексно, с учетом данных этнографии, археологии, антропологии и лингвистики.

В минувшем году вышло в свет несколько публикаций по этногенезу и этнической истории народов СССР.

На этнографических материалах и данных письменных источников основана книга Н. Г. Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв.» (20 п. л.), посвященная малоизученным вопросам расселения народов Северного Кавказа.

Три публикации по проблемам этногенеза основаны на антропологических материалах. В монографии В. П. Алексеева «Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование» (32 п. л.) анализируется весь накопленный к настоящему времени краниологический материал из древних и средневековых могильников, свидетельства антропологических источников сопоставлены здесь с историко-археологическими и лингвистическими данными.

Сборник «Этногенез финноугорских народов по данным антропологии» (отв. ред. И. М. Золотарева, 10 п. л.) составлен из статей советских и финских ученых. Проблемы этногенеза в нем рассматриваются на основе изучения разных морфологических систем человека.

В сборнике «Расогенетические процессы в этнической истории», посвященном памяти Г. Ф. Дебеца (отв. ред. И. М. Золотарева, 21 п. л.), освещается большой круг вопросов этнической истории древнего и современного населения Советского Союза.

В отчетном году завершены три работы, связанные с исследованием проблем этногенеза и этнической истории народов СССР: коллективная монография «Этногенез народов Севера» (отв. ред. И. С. Гурвич), книга Г. В. Цулая «Леонти Мровели об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана», книга Л. Г. Нечаевой «Аланы и этногенез осетин по данным погребальных сооружений».

Большое значение для разработки проблем этногенеза имеют региональные историко-этнографические атласы (Украины, Белоруссии, Молдавии; Прибалтики; Кавказа; Средней Азии и Казахстана), создаваемые в тесном сотрудничестве с академиями наук союзных республик. Как и в прежние годы, Институт этнографии, будучи головным учреждением, уделял огромное внимание координации работ по подготовке атласов. В 1974 г. с этой целью сотрудники Института выезжали в Ленинград, Киев, Ашхабад, Душанбе, Баку, Ригу, Вильнюс, Сухуми. Вопросы подготовки атласов обсуждались на годичной сессии Отделения истории АН СССР, посвященной итогам полевых этнографических исследований.

В 1974 г. завершены крупные разделы по Кавказскому историко-этнографическому атласу «Земледелие и скотоводство у народов Северного Кавказа», (автор Б. А. Калоев) и «Поселения и жилище у народов Северного Кавказа» (автор В. П. Кобычев).

По атласу народов Прибалтики совместно с научными учреждениями Прибалтийских республик завершен один из разделов — «Земледельческая техника».

В минувшем году в проблематике научных исследований Института, как и прежде, видное место отводилось древнейшей истории человечества. Большой вклад в изучение вопросов возникновения человечества и формирования рас вносят работы антропологов Института этнографии. В 1974 г. по этой тематике опубликованы три книги.

Сборник «Проблемы этнической антропологии и морфологии человека» (отв. ред. И. И. Гохман, 14 п. л.), посвященный памяти В. В. Гинзбурга, отражает, в частности,

изучение новых материалов эпохи позднего палеолита, бронзы, средневековья, а также новые данные по взаимосвязи некоторых признаков и их возрастной изменчивости.

Широкий круг проблем антропологической науки рассматривается в книге «Антропология и геногеография. Сборник в честь 80-летия В. В. Бунака» (отв. ред. В. П. Алексеев, 16 п. л.) освещает вопросы антропогенеза, популяционной генетики человека и геногеографии.

Основные проблемы расообразования рассмотрены в капитальной работе В. П. Алексеева «География человеческих рас» (25 п. л.).

В отчетном году завершена работа Г. М. Давыдовой «Популяционно-генетические исследования сосвинских манси».

В Институте разрабатывались в 1974 г. проблемы социальной истории человечества, имеющие большое теоретическое и мировоззренческое значение. В истекшем году продолжалось, наряду с изучением закономерностей общественного развития в доклассовую эпоху, исследование путей перехода от общества бесклассового к классовому. По этой тематике опубликованы две книги.

Монография Ю. П. Аверкиевой «Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому» (23 п. л.) представляет собой первую в марксистской американистике попытку обобщения знаний по социальному строю индейцев, накопленных после появления книги Л. Г. Моргана «Древнее общество» (1877 г.). В книге прослеживаются четыре разных формы перехода от доклассового общества к классовому. Ю. П. Аверкиева показывает неправомерность свойственной многим американским ученым архаизации индейского общества XVIII—XIX вв., обосновывая вывод, что описываемые в этнографических монографиях социальные институты являются итогом почти четырехвекового развития индейцев под воздействием европейской колонизации.

В книге Л. Е. Куббеля «Сонгайская держава» (24 п. л.) рассматривается социально-политическая структура одного из крупнейших государственных образований доколониальной Тропической Африки (XV—XVI вв.). Основное внимание в ней уделено процессу формирования феодального общества.

Завершенная в авторской части монография В. А. Александрова «Сельская община в позднефеодальной России XVII—XVIII вв.» посвящена судьбам общины, функционировавшей в условиях классового общества.

Несколько работ Института посвящено критике реакционных течений в буржуазной этнографической науке. Вышел в свет ежегодник «Расы и народы», вып. 4 (отв. ред. И. Р. Григулевич, 21 п. л.), в статьях которого дана научная разработка вопросов, связанных с проблемой рас, расизма, национальных и племенных отношений, этнических процессов в разных странах мира. В издательстве находится 5-й выпуск ежегодника; в 1974 г. завершена подготовка 6-го выпуска. Закончена книга Е. А. Веселкина «Некоторые методологические проблемы современной социальной антропологии».

В минувшем году сотрудники Института продолжали исследование проблем истории религии. Завершена работа над крупной темой государственного плана «Шаманизм у народов Сибири», в рамках которой подготовлено два сборника: «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера» и «Форма и содержание религиозных культов у народов Сибири и Севера» (отв. ред. И. С. Вдовин). Р. В. Кинжалов написал в авторской части книгу «Мифология народов Месоамерики».

Минувший год ознаменовался новыми успехами фольклористов Института, которые основное внимание уделяют проблемам происхождения, развития и типологии различных фольклорных жанров и их использования в качестве историко-этнографического источника. На стыке фольклора и этнографии возник, в частности, опубликованный в 1974 г. сборник «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор» (отв. ред. Б. Н. Путилов, 18 п. л.), в статьях которого рассматривается широкий круг проблем обрядового фольклора.

Вышла в свет книга Н. В. Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки» (18 п. л.); в ней анализируются факторы, влияющие на эволюцию основного сюжетного состава сказок и исследуются мало изученные образы сказочных героев.

В 1974 г. завершены книги Р. С. Липец «Этнические параллели и бытовые соответствия в былинах и восточных эпосах» и Т. С. Макашиной «Фольклор русского населения Латгалии». Вне плана составлен сборник «Этническая история и фольклор» (отв. ред. Р. С. Липец).

В отчетном году продолжала работу группа ономастики Института, которая является научным центром ономастической работы в нашей стране. В 1974 г. вышла из печати книга В. А. Никонова «Имя и общество» (18 п. л.), в которой показана социальная обусловленность изменений антропонимических систем и самого состава имен. Подготовлен справочник «Системы личных имен у народов мира» (отв. ред. М. В. Крюков).

Большое значение для продолжающегося в Институте сравнительно-исторического исследования языков имеет вышедшая в свет книга «Языки Африки — аннотированная библиография» (отв. ред. Д. А. Ольдерогге, 11 п. л.). В библиографию включены основные работы по важнейшим языкам народов Африки; вводные разделы содержат краткие сведения о языках.

Продолжались также имеющие важное практическое значение этнодемографические исследования. Этнографические аспекты этого научного направления разрабатываются Лабораторией этнической статистики и картографии Института.

Кардинальные вопросы методики исследовательской работы, связанные с использованием достижений картографии, подняты в статьях сборника «Проблемы картографирования в лингвистике и этнографии» (отв. ред. С. И. Брук, 24 п. л.), изданного в 1974 г. совместно с Институтом языкознания АН СССР.

В минувшем году завершен «Атлас населения мира», капитальный свод этнографических и этнодемографических данных, состоящий более чем из 200 карт, пояснительного текста и статистических таблиц.

Сотрудники Института вели в отчетном году изучение истории науки. Разным аспектам этой проблематики посвящен очередной сборник «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. VI (отв. ред. Р. С. Липец, 18 п. л.). В нем помещены, в частности, статьи о местной этнографии Сибири в XVIII в., об этнографической деятельности В. К. Арсеньева, об этнографических наблюдениях Н. И. Вавилова в африканских экспедициях и о значении его трудов для теоретической антропологии. Окончена авторская работа над VII выпуском серии «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (отв. ред. А. М. Решетов, Т. В. Станюкович). Завершен сборник «Этнография в социалистических странах Европы» (отв. ред. Ю. В. Бромлей), подготовленный в тесном сотрудничестве с учеными социалистических стран.

Минувший год также принес еще одно свидетельство того, что лучшие работы Института, опубликованные в предшествующие годы, выдержали проверку временем. Институт этнографии был коллективным участником юбилейной экспозиции на ВДНХ, посвященной 250-летию Академии наук СССР. Руководство ВДНХ отметило наградой работы Ю. В. Кнорозова по дешифровке исторических систем письма, вручив ученому бронзовую медаль.

В журнале «Коммунист» № 16 опубликована обобщающая статья Ю. В. Бромлея «Этнография на современном этапе». В прошлом году сотрудники Института напечатали также свыше 100 статей в журналах «Советская этнография», «Вопросы истории», «Вопросы антропологии» и др.

Большую работу провела редколлегия журнала «Советская этнография». На страницах журнала был широко отмечен полувековой юбилей советских среднеазиатских республик и Молдавской ССР. 250-летию Академии наук СССР были посвящены статьи: Ю. В. Бромлей «Этнография в Академии наук СССР в послевоенные годы» (№ 2), Т. В. Станюкович «Музей антропологии и этнографии в системе Академии наук» (№ 2), С. А. Токарев «Из истории этнографических исследований в Академии наук» (№ 2), В. К. Соколова «Фольклористика в Академии наук» (№ 3), В. П. Алексеев «Антропология в Академии наук за 250 лет» (№ 4). Важные теоретические вопросы рассматривались в статьях Ю. П. Аверкиевой и Ю. В. Бромлея «IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук» (№ 1), О. А. Ганцкой «Этнос и семья в СССР» (№ 3), М. Н. Шмелевой «Об основных тенденциях развития материальной культуры русского городского населения за последнее столетие» (№ 3), Л. М. Дробижевой «Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений (некоторые вопросы методологии)» (№ 4).

Значительное место на страницах журнала было отведено освещению современной культуры и быта, а также этнических процессов у народов СССР и зарубежных стран. Как и в прошлые годы, на страницах журнала публиковались статьи прогрессивных за-

рубежных ученых. Продолжались дискуссии о сущности и типологии этноса, об основных проблемах первобытности. В № 5 опубликованы материалы дискуссии о предпосылках возникновения социальной организации (по данным приматологии), в которой приняли участие ученые многих специальностей.

Как и в прежние годы, важное место в работе Института занимали экспедиционные исследования. В 1974 г. полевые исследования проводили Северная, Среднеазиатская, Кавказская, Хорезмская, этносоциологическая экспедиции и отряды, сформированные из сотрудников ряда отделов и секторов Института. Всего в поле выезжали 32 отряда и 6 групп; были совершены и индивидуальные поездки.

Экспедиции работали по основным научным проблемам Института. Одним из важнейших направлений экспедиционных исследований были изыскания новых данных для историко-этнографических атласов. Изучались также современные этнические, социальные и культурно-бытовые процессы. Продолжалось исследование антропогенеза, путей формирования рас и отдельных этнических общностей. Археологи Института вели в Средней Азии раскопки памятников разного времени, изучая генезис самобытных культур этого региона.

В минувшем полевом сезоне велись этнографические кино съемки. В Чукотском национальном округе были зафиксированы на кино пленку картины традиционного быта, праздник возвращения оленеводов с летовки и народные танцы, в Ненецком национальном округе снят фильм о жилище оленеводов, в Северной Осетии — о традиционном весеннем празднике, связанном в прошлом со святым покровителем селения (Дигорское ущелье). Некоторые итоги экспедиционных исследований прошлого года отражены в статьях сданного в печать сборника «Полевые работы Института этнографии АН СССР, 1974 г.».

Как и в прошлые годы, результаты научной деятельности Института находят применение в практике социалистического строительства. Особенно плодотворна в этом отношении работа коллектива отдела этнографии народов Крайнего Севера и Сибири, который ежегодно передает в государственные органы докладные записки по различным вопросам современного состояния хозяйства, культуры и быта у малых народов Севера и Сибири.

Как упоминалось, завершено предусмотренное государственным планом изучение и картографирование земель древнего орошения в междуречье Сырдарьи и Амударьи — в зоне переброски части стока вод сибирских рек в бассейн Аральского моря. Составлена карта древнего орошения и объяснительная записка к ней.

* * *

В 1974 г. сотрудники Института этнографии приняли участие более чем в 30 сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах, подготовив свыше 100 докладов по различным проблемам этнографии, антропологии, социологии, фольклористики, ономастики, а также другим смежным дисциплинам.

Наиболее значительной встречей этнографов нашей страны была ежегодная сессия Отделения истории АН СССР (апрель, Москва), посвященная итогам этнографических и антропологических работ 1973 г.

С докладами, посвященными важным теоретическим проблемам, выступили: академик-секретарь Отделения истории АН СССР Б. А. Рыбаков («Макрокосм в микрокосме народного искусства»); Ю. В. Бромлей («Основные направления этнографических исследований в АН СССР в послевоенные годы»); Ю. В. Арутюнян («Исследование процессов социально-культурного развития и сближения наций в СССР»). Ряд интересных докладов во время сессии был прочитан на заседаниях Ученого совета Института.

В работе сессии приняли участие свыше 300 специалистов из Москвы и других городов страны, было прочитано и обсуждено 122 доклада¹.

¹ Подробнее см.: Н. Г. Волкова, А. Е. Тер-Саркисянц, Сессия, посвященная итогам этнографических и антропологических работ в 1973 году, «Сов. этнография», 1974, № 5; «Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР и Ученом совете Института этнографии АН СССР», М., 1974.

Важным событием в научной жизни коллектива Ленинградской части Института этнографии АН СССР явилась очередная годовичная отчетная сессия, посвященная 250-летию Академии наук, проводившаяся по итогам 1972 и 1973 гг. С докладами на ней выступили сотрудники Института Л. М. Сабурова («Важная задача этнографической науки»), Т. В. Станюкович («Академия наук и этнография»), Л. И. Лавров («Кавказоведение в АН СССР»), Д. А. Ольдерогге («Африканские языки в словаре Петербургской АН 1787—1799 гг.»), С. М. Абрамзон («Из истории Института этнографии»), И. С. Вдовин («Актуальные проблемы этнографии Сибири и Севера») и др. На сессии работали 4 секции, на заседаниях которых было прочитано и обсуждено свыше 30 докладов.

На конференции Отделения истории АН СССР «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Ленинград, декабрь), сотрудники Института этнографии АН СССР читали следующие доклады: В. П. Алексеев «Переход от присваивающего к производящему хозяйству и физический тип древних людей», Б. В. Андрианов «Становление производящего хозяйства и географическая среда», В. Р. Кабо «Предыстория производящей экономики», А. И. Першиц «Раннее производящее хозяйство и начальные формы эксплуатации», Я. В. Чеснов «Этнографические данные к проблеме происхождения земледелия».

Институт был одним из организаторов симпозиума «Культурологические аспекты археологических и этнографических исследований» (Ленинград, июнь), на котором Ю. В. Бромлей выступил с докладом «Культура как предмет этнографических исследований», одним из трех докладов, предложенных для обсуждения. Сообщения сделали сотрудники Института Б. В. Андрианов, С. А. Арутюнов, М. Г. Рабинович, С. А. Токарев, А. М. Хазанов, Н. Н. Чебоксаров, М. А. Членов.

В связи с обсуждением задач и методики исследования этнокультурных процессов Институт провел в Ленинграде в марте первую всесоюзную научную конференцию «Проблемы этнографии и фольклора Северо-Запада РСФСР», для которой были подготовлены доклады сотрудников Института К. В. Чистова, Н. В. Южневой, Л. В. Хомич, Т. А. Бернштам, Г. Г. Шаповаловой, Н. В. Шлыгиной, С. Б. Рождественской².

Институт этнографии явился одним из организаторов всесоюзной конференции фольклористов «Прозаические жанры фольклора народов СССР» (Минск, май), на которой от Института с докладами выступили К. В. Чистов, В. К. Соколова, Э. В. Померанцева, Н. В. Новиков³.

Вместе с Институтом Дальнего Востока АН СССР Институт этнографии провел в отчетном году второй и третий симпозиумы «Этническая история китайцев» (Москва, февраль, декабрь). С докладами на них выступили сотрудники Института М. В. Крюков, Я. В. Чеснов, А. М. Решетов, Р. Ш. Джарылгасинова⁴.

Институт этнографии вместе с другими научными учреждениями организовал Всесоюзную научную конференцию, посвященную 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа (Ленинград, октябрь). От Института были прочитаны доклады Д. Д. Тумаркина, Л. А. Шура (Москва), Р. Г. Ляпуновой, Б. П. Полевого, А. Д. Дридо, Т. К. Шафрановской, В. В. Антроповой, Г. И. Дзенискевич (Ленинград).

На всесоюзной научной конференции «Актуальные проблемы истории религии и атеизма в свете марксистско-ленинской науки» (Ленинград, апрель) с докладами выступили сотрудники Института С. А. Токарев («Проблемы периодизации религии»), И. А. Крывелев («Энотеизм как стадия в истории развития религий») и В. Н. Басилов («Изучение пережитков домусульманских религий в среднеазиатском исламе»)⁵.

На XV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вологда, сентябрь) Институт был представлен докладами В. А. Александрова

² См.: Г. В. Старовойтова, Научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада РСФСР, «Сов. этнография», 1975, № 1.

³ Подробнее см.: В. К. Соколова, Конференция «Прозаические жанры фольклора народов СССР», «Сов. этнография», 1974, № 6.

⁴ Подробнее см.: В. И. Гохман, А. М. Решетов. Два симпозиума по проблемам ранних этапов этнической истории народов Восточной Азии, «Сов. этнография», 1974, № 6.

⁵ См.: Г. С. Лялина, Атеизм и религия: проблемы истории и современность, «Вопросы научного атеизма», вып. 17, М., 1974.

(«Община и рекрутчина»), И. В. Власовой («Методика исследования сельскохозяйственных традиций Поморья и Сибири XVII—XVIII вв.»), Л. Н. Терентьевой («Реликты сельской соседской общины в Латвии в XIX в.»), Л. Х. Феоктистовой («Нововведения в земледельческом инвентаре эстонских крестьян. Конец XIX—нач. XX вв.»).

В I-ом Всесоюзном семинаре по исторической демографии (Таллин, ноябрь) от Института участвовали С. И. Брук и В. И. Козлов (доклад «К истории учета этнического состава в переписях населения»).

Институт был одним из организаторов Всесоюзной конференции по ономастике Средней Азии (Бухара, декабрь), на которой был представлен докладами Л. С. Толстой («Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике»), Б. Х. Кармышевой («Следы средневековых антропонимов в топонимии Узбекистана и в узбекских генеалогиях (кышлык, урус)»), А. Н. Седловской («Антропонимия уйгуров»), Р. Ш. Джарылгасиновой («Антропонимия Средней Азии и Казахстана»), М. В. Крюкова («К вопросу о типологии антропонимов»), Ж. Б. Логашовой («Топонимика Каспийского моря»).

Кроме того, сотрудники Института участвовали в юбилейной сессии Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, посвященной 250-летию АН СССР (Якутск, май); XV Всесоюзной конференции по финноугроведению (Петрозаводск, июнь); Всесоюзной конференции «Бартольдские чтения» (Москва, май); II Всесоюзной конференции африканистов (Ленинград, октябрь); V конференции по ономастике Поволжья (Пенза, сентябрь); V конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии (Ленинград, ноябрь); XVI научной конференции Государственного этнографического музея Эстонской ССР (Тарту, апрель), научной конференции, посвященной 100-летию юбилею Государственного Музея этнографии и художественного промысла (Львов, сентябрь)⁶, научно-практической конференции по проблемам развития народного творчества, посвященной 20-летию образования Магаданской области (Магадан, июль) и др.

В 1974 г. сотрудники Института этнографии участвовали в пяти международных конгрессах и тринадцати конференциях, симпозиумах, рабочих совещаниях и семинарах.

Наиболее значительной международной научной встречей, в которой приняли участие сотрудники Института, был VIII Всемирный социологический конгресс (Торонто, август); в состав советской делегации на этот конгресс входили Ю. В. Бромлей, Л. Н. Терентьева, Ю. П. Петрова-Аверкиева и Ю. В. Арутюнян. Они приняли активное участие в заседаниях и дискуссиях по проблемам расизма, межэтнических и межнациональных отношений, этнической и национальной идентификации. Следует отметить, что ученые Института сыграли важную роль в определении тематики сессии и подготовке докладов. Доклады Ю. В. Бромлея, Ю. В. Арутюняна, Л. Н. Терентьевой и Ю. П. Петровой-Аверкиевой содержали четкое изложение принципов национальной политики Советского государства и теоретических положений марксистской науки по национальному вопросу. На основе конкретных материалов из жизни советских народов в докладах и выступлениях было убедительно показано, что в отличие от межнациональных конфликтов в капиталистическом мире, в условиях социализма идет процесс расцвета и братского сближения народов. Для конгресса Институтом был подготовлен сборник докладов (на английском языке) — «Этнические аспекты социологических исследований»⁷.

На юбилейной сессии Венгерской Академии наук, посвященной 25-летию сотрудничества СССР и ВНР в области науки и техники и 250-летию Академии наук СССР (Будапешт, сентябрь) Ю. В. Бромлей прочитал доклад (подготовленный в соавторстве с А. П. Окладниковым) «Основные этапы и направления сотрудничества советских и венгерских историков в послевоенный период». На состоявшемся в июне в Хельсинки VI конгрессе Международного общества исследователей повествовательного фольклора с докладами и в дискуссиях выступили К. В. Чистов и В. К. Соколова⁸. В VI Международном симпозиуме славистов «Югославская народная словесность и культура в мировой литературе» принял участие Б. Н. Путилов. Ю. В. Иванова и Л. В. Маркова уча-

⁶ См.: Н. С. Полещук, Научная конференция, посвященная столетию Гос. Музея этнографии и художественного промысла АН УССР, «Сов. этнография», 1975, № 2.

⁷ Подробнее см.: Ю. П. Аверкиева, Проблемы межэтнических и межрасовых отношений на VIII Международном социологическом конгрессе и ежегодном съезде Американской социологической ассоциации, «Сов. этнография», 1975, № 1.

⁸ К. В. Чистов, VI конгресс Международного общества исследователей фольклора, «Сов. этнография», 1975, № 2.

ствовали в работе этнографической секции III Международного конгресса по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, сентябрь). В. И. Козлов представлял Институт на VI Международном конгрессе по проблемам экономической истории (Копенгаген, август).

В V Международной конференции по этнологическому атласу Европы и сопредельных стран (Будапешт, октябрь) принял участие С. И. Брук, в советско-финском симпозиуме по этнографическому картографированию (Хельсинки, май) — Л. Н. Терентьева⁹. На Международном симпозиуме «Методологические проблемы этнографических исследований современного быта и культуры» (Бургас, сентябрь) выступила с докладом Л. М. Дробижева¹⁰. Ю. В. Бромлей, О. А. Ганцкая и Л. Н. Терентьева участвовали в работе II Международной конференции славянских этнографов (Познань, октябрь) «Народная культура — национальная культура». Ю. В. Бромлей прочитал доклад на проведенном в ГДР теоретическом семинаре «От племени к нации» (Лейпциг, март). На состоявшейся в ЧССР Международной конференции «Этнические и межэтнические черты народной росписи в Карпатах» (Мораваны, ноябрь) сделала сообщение С. Б. Рождественская. Н. Н. Грацианская приняла участие в работе X Международного семинара словацкого языка и культуры (Братислава, август). Ю. П. Аверкиева представляла Институт на съезде Американской социологической ассоциации (Монреаль, август).

В минувшем году состоялись командировки сотрудников Института с целью обсуждения и согласования совместных работ, включенных в планы сотрудничества АН СССР и Академий наук социалистических стран. Так, по вопросам подготовки трехтомника «Этнография славян» Ю. В. Бромлей, возглавляющий международную редколлегия этого труда, выезжал в ГДР (март) и ПНР (октябрь). Ответственный редактор тома «Восточные славяне» К. В. Чистов принял участие в заседании редколлегии тома «Западные славяне» (Прага, ноябрь). Во время командировки на Кубу (март) В. В. Пименов вместе с кубинскими учеными разработал предварительную программу этносоциологических исследований на Кубе. Л. Н. Терентьева принимала участие в заседании советско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области антропологии и этнографии (Хельсинки, май). В связи с участием Института в международном исследовании «Будущее сельских коллективов в индустриально развитых обществах» Ю. В. Арутюнян выезжал на международное совещание в Италию (Милан, июнь).

Кроме таких поездок, давших возможность получить детальную информацию о состоянии исследований за рубежом и ознакомить зарубежных ученых с советскими работами, сотрудники Института также изучали разнообразные материалы в научных центрах, архивах, музеях и библиотеках ряда стран. Так, в Индию выезжал М. К. Кудрявцев, в Финляндию — З. П. Соколова и Т. В. Лукьянченко, в СФРЮ — М. С. Кашуба, в ГДР — В. Н. Басилов. В течение месяца А. А. Зубов собирал в Перу одонтологический материал.

За рубежом проводились и полевые исследования. В конце 1974 г. начались трехмесячные совместные советско-индийские антрополого-социологические полевые работы, в которых участвовали В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов и И. М. Семашко. В антропологических исследованиях в северо-восточной Финляндии принимал участие А. А. Зубов. В работах совместной историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР участвовали Н. Л. Жуковская и Н. Н. Мамонова.

Находясь за рубежом, сотрудники Института выступали с лекциями. На Кубе во время Международного семинара по философии и теоретическим проблемам общественных наук (Гавана, март) В. В. Пименов прочитал цикл лекций по проблемам современной этнографии и этносоциологии. С лекциями выступили также Ю. В. Бромлей в ГДР и ПНР, В. Н. Басилов — в ГДР, Н. Р. Гусева — в Индии, А. А. Зубов — в Перу, Т. В. Лукьянченко и З. П. Соколова — в Финляндии.

Как и в прошлые годы, плодотворными были международные связи находящегося при Ленинградском отделении Института Музея антропологии и этнографии АН СССР

⁹ См.: И. А. Лейнасаре, Р. Р. Меркене, Л. Н. Терентьева, Советско-финляндский симпозиум по этнографическому картографированию, «Сов. этнография», 1975, № 1.

¹⁰ См.: Л. М. Дробижева, Международный симпозиум по методологическим проблемам этнографического изучения современного социалистического быта и культуры. «Сов. этнография», 1975, № 1.

с музеями зарубежных стран. В истекшем году этнографические коллекции музея экспонировались на зарубежных выставках в США (Портлендский Музей искусств, Музей изящных искусств в Бостоне, «Международная выставка, посвященная 200-летию тихоокеанских плаваний капитана Дж. Кука в Портленде»), в Японии (выставка «Советская социалистическая Сибирь»).

Продолжают развиваться связи Института этнографии с этнографическими учреждениями разных стран. По линии ЮНЕСКО Институт участвовал в разработке Международного проекта «Будущее сельских коллективов в индустриально развитых обществах» (в рамках Европейского центра Институт представлял Ю. В. Арутюнян) и в подготовке международного фундаментального издания — «Всеобщая история Африки», в котором одним из авторов является Д. А. Ольдерогге. Институт, как и прежде, принимает деятельное участие в работе международного реферативного журнала по этнографии и фольклору «Демос», международного журнала «Current Anthropology».

О большом интересе зарубежных ученых к работам советских этнографов свидетельствует издание трудов наших исследователей на иностранных языках. В частности, в издательстве «Мутон» (Нидерланды) в 1974 г. вышел в свет сборник «Советская антропология и этнография сегодня», включающий 20 статей. Находится в производстве второй сборник статей советских ученых, тоже публикуемый на английском языке.

В Румынии и Югославии вышел перевод книги С. А. Токарева «Религии в истории народов мира». В Польше издана книга С. А. Арутюнова (написанная совместно с Г. Е. Светловым) «Старые и новые боги Японии». Книга Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» переводится в ВНР, ГДР и ЧССР, книга Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой «Расы, народы, культуры» — в ГДР. В Японии переводится сборник «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», в Англии — «Охотники, собиратели, рыболовы». В США опубликован двухтомник известных советологов С. и Э. Данн — «Введение в советскую этнографию», содержащий перевод статей советских ученых по различным проблемам этнографии и фольклористики и обширное предисловие к ним. Переводы ряда статей сотрудников Института публиковались в периодическом издании «Советская археология и антропология» (США). Кроме того, в различных зарубежных изданиях вышло 10 статей сотрудников Института. Вместе с тем, и советское издательство «Прогресс» выпустило для зарубежных читателей сборник «Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы» (19 п. л., на английском языке) и книгу В. В. Покшишевского «География Советского Союза» (22 п. л., на английском, испанском, французском и японском языках).

Развитию международных связей способствовала и работа в Институте зарубежных ученых. В соответствии с соглашениями и планами научного сотрудничества Институт в минувшем году принял 34 ученых; 5 ученых приезжали для участия в проводимых Институтом совещаниях. На Всесоюзную научную конференцию, посвященную 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа, были приглашены ученые из ГДР, ПНР, Бразилии, США и ФРГ. Кроме того, Институт посетили для научных консультаций около 30 специалистов из 14 стран.

Признанием заслуг советских этнографов явилось избрание в текущем году О. А. Ганцкой, Л. Н. Терентьевой и К. В. Чистова почетными иностранными членами Польского этнографического общества. Вице-президентом Исследовательского комитета по изучению расовых и этнических отношений и положения национальных меньшинств (в рамках Международной социологической ассоциации) была избрана Ю. П. Аверкиева. В новый состав президиума Международного общества исследователей фольклора вошел в качестве вице-президента по Европе К. В. Чистов.

* * *

В 1974 г. Институт по-прежнему уделял большое внимание научно-популяризаторской работе в самых различных формах — публикации этнографических и антропологических работ, рассчитанных на массового читателя, чтению лекций, выступлениям по радио и телевидению и т. д.

Особо следует отметить выступления сотрудников Института этнографии в партийной печати — в журнале «Коммунист», в газете «Правда». Пропаганда этнографических

и антропологических знаний выразилась также в выступлениях сотрудников Института на страницах массовых периодических изданий — журналах «Природа», «Наука и религия», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Знание — сила», в ежегодниках «Земля и люди», «Полярный круг», «Глобус», в газетах «Известия», «Комсомольская правда» и др.

Сотрудники Института деятельно участвуют в подготовке нового издания БСЭ; в 1974 г. в редакцию энциклопедии был передан ряд статей. Сотрудники Института принимают участие и в создании учебников и справочников. Так, в минувшем году вышел 4-м изданием вузовский учебник «Экономическая география СССР», в котором имеются главы, написанные В. В. Покшишевским. Вторым изданием вышел сборник «История первобытного общества», написанный тремя авторами, двое из которых — сотрудники Института этнографии (В. П. Алексеев, А. И. Першиц). П. И. Пучков написал несколько разделов для учебника «Научный атеизм» (в 1974 г. вышел 2-м изданием) и для справочника «Настольная книга атеиста», В. Н. Басилов — для справочника «О научном атеизме и атеистическом воспитании».

М. Г. Рабинович опубликовал научно-популярную книгу «Судьбы вещей», В. В. Покишевский — брошюру «Человечество и продовольственные ресурсы», И. А. Крывелев — брошюру «Новые толкования Библии».

Советская общественность высоко оценивает популяризаторскую работу Института. Так, на Всесоюзном конкурсе на лучшую научно-популярную книгу, организованном обществом «Знание» в 1974 г., книга Г. П. Снесарева «Под небом Хорезма» получила 2-ю премию и диплом 2-й степени, книга В. П. Кобычева «В поисках прародины славян» — поощрительную премию. По телевидению выступали С. И. Брук, Н. Р. Гусева, Р. С. Кинжалов, М. В. Крюков, Ю. В. Маретин, Н. С. Полищук, А. В. Смоляк, по радио — С. И. Вайнштейн, М. Я. Жорницкая, Д. С. Тихонов и другие сотрудники.

Как и в прошлые годы, большая роль в пропаганде этнографических и антропологических знаний принадлежала Музею антропологии и этнографии, который в 1974 г. посетило около полумиллиона человек.

В. Н. Басилов

РАБОТА УЧЕНОГО СОВЕТА И ДИРЕКЦИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1974 ГОДУ

В минувшем году Ученый совет Института провел большую научную и научно-организационную работу. На заседаниях совета неоднократно рассматривались важные проблемы этнографии и антропологии, обсуждались практические вопросы, связанные с изучением современности. В частности, актуальные проблемы советской этнографической науки, ее основные направления и перспективы дальнейшей работы обсуждались на заседаниях Ученого совета Института и его Ленинградской секции при подведении итогов научно-исследовательской деятельности за 1973 г.

Специальное заседание Ученого совета было посвящено обсуждению доклада Б. В. Андрианова, М. А. Итиной, А. С. Кесь «Результаты комплексных работ в связи с планами переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию». В этом докладе были освещены итоги работ Хорезмской экспедиции по выполнению важного задания, связанного с использованием в народном хозяйстве земель древнего орошения. Комплексные исследования, в частности, показали, что разные части изучаемой территории неравноценны в плане перспектив хозяйственного использования; эти выводы чрезвычайно важны для будущих мелиоративных работ.

Одно из заседаний Ученого совета было посвящено 250-летию АН СССР; в связи с юбилеем сотрудникам Института были вручены почетные грамоты Президиума АН СССР.

Ученый секретарь Института этнографии по выставкам Г. И. Анохин доложил о работе Выставочного комитета Института, подготовившего тематический и тематико-экс-

позиционный планы выставки и обеспечившего подбор необходимых экспонатов. В целом Юбилейная выставка «250 лет АН СССР» состояла из двух разделов («История науки» и «Деятельность учреждений»), и в каждом из них был представлен Институт этнографии. В разделе «Деятельность учреждений», в частности, были размещены пояснительные тексты, карты народов СССР, фотоснимки, иллюстрирующие работу этнографов, экспонаты Музея антропологии и этнографии и Лабораторий пластической реконструкции, книги, выпущенные Институтом и другие экспонаты¹.

Важной формой научной жизни Института являются защиты докторских и кандидатских диссертаций, которые обычно вызывают плодотворные дискуссии по крупным теоретическим проблемам этнографии.

В 1974 г. на заседаниях Ученого совета в Москве и секции Ученого совета в Ленинграде было поставлено на защиту 4 докторских и 18 кандидатских диссертаций.

Интересной была дискуссия на защите докторской диссертации Л. С. Васильева «Некоторые проблемы древнейшей истории Китая (генезис цивилизации в бассейне Хуанхэ — формирование основ материальной культуры и этноса)», посвященной анализу ряда сложных и слабо разработанных проблем, связанных с происхождением китайской цивилизации. В выступлениях, в частности, обсуждались вопросы о роли местных компонентов в генезисе земледельческого неолита Яншао, а также о закономерностях более общего процесса взаимообмена культурными достижениями.

Большой интерес вызвала также защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Л. Е. Куббелем по вышедшей в свет монографии «Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя» (М., 1974 г.). Актуальное исследование Л. Е. Куббеля, выполненное с привлечением обширного круга источников, вызвало оживленное обсуждение. Выступавшие отметили, в частности, как положительное явление тот факт, что автор исследовал не только процессы формирования зависимого крестьянства и феодалов, но и характер и особенности надстроечных явлений, затронув также некоторые вопросы этнической и культурной истории сонгаев.

Докторская диссертация В. С. Старикова «Современная материальная культура китайцев, ее истоки и развитие» — фундаментальное исследование, основанное на уникальных полевых этнографических и археологических материалах, собранных диссертантом. В дискуссии по диссертации отмечалась важность поднятых в ней проблем типологизации и классификации явлений материальной культуры, прослеживания в последней тенденций, связанных с этногенезом данного народа.

Генезису эскимосской культуры и анализу общественных отношений у древних эскимосов посвящена докторская диссертация Д. А. Сергеева «Проблемы этнической истории северо-восточного побережья Азии», написанная на основе большого полевого материала и литературных данных. Основное внимание в ней уделено соотношению между различными древнеэскимосскими культурами, их привязке к отдельным частям древнеэскимосского этноса, культурно-этническим связям последнего с другими древними этносами Дальнего Востока.

Одно из заседаний Ученого совета Института этнографии в 1974 г. было посвящено еемидесятипятилетию заслуженного деятеля науки РСФСР С. А. Токарева. По сложившейся в Институте этнографии традиции юбиляр выступил с докладом «О некоторых общих историко-этнографических теориях». В своем докладе С. А. Токарев подверг научному анализу различные исторические и этнографические направления. В качестве основополагающего критерия для критического сопоставления разных школ он выдвинул отношение тех или иных ученых к важнейшим мировоззренческим вопросам исторической науки — и, прежде всего, к вопросам о том, едино ли человечество и можно ли считать характер его развития прогрессивным. С. А. Токарев классифицировал основные направления в зависимости от того, как решаются эти два коренных вопроса истории человечества. Доклад вызвал большой интерес.

Выступивший на Ученом совете Ю. В. Бромлей подчеркнул, что С. А. Токарев по праву может считаться одним из создателей советской этнографической науки. Им опубликовано свыше 150 научных работ по широкому кругу проблем — материальной культуре, общественному строю, этногенезу, языкам малоизученных народов Австралии

¹ Ввиду большого успеха Юбилейной выставки «250 лет Академии наук СССР» руководство АН СССР и ВДНХ решили возобновить ее с 1 мая 1975 года.

и Океании, по этнографии народов Сибири, зарубежных славянских народов, по общим вопросам истории первобытного общества, религии народов мира и историографии. Работы С. А. Токарева переведены на многие иностранные языки. Огромны его заслуги и в подготовке научных кадров. Юбилея приветствовали также представители многих научно-исследовательских учреждений Советского Союза, а также зарубежные ученые.

В 1974 г. состоялось и заседание Ученого совета, посвященное 70-летию со дня рождения руководителя группы ономастики Института этнографии АН СССР — В. А. Никонова. Р. Ш. Джарылгасинова во вступительном слове «Вклад Владимира Андреевича Никонова в развитие ономастики» охарактеризовала основные работы В. А. Никонова, его вклад в развитие советской ономастики, рассказала об основной проблематике работы Группы ономастики². Затем с докладом «Ономастика и этнография» выступил В. А. Никонов, который отметил значительные успехи ономастики в нашей стране и наметил направления ее дальнейшего развития: разработка вопросов теории и методологии, а также проблем, смежных с этнографией.

Вопросы ономастики обсуждались на заседании Ученого совета Института этнографии, посвященном памяти выдающегося советского исследователя А. П. Дульзона. Были прочитаны следующие доклады: Т. А. Бертагаев «Этнонимы прибайкальских племен», В. А. Могильников «Об этнической дифференциации обских угров», А. В. Смольяк «Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве тунгусоязычных народов Нижнего Амура», В. А. Никонов «Фоностатистика языков Сибири как способ определения древнего родства народов» и др. Материалы заседания будут опубликованы в сборнике, который готовится к печати совместно с Сибирским отделением АН СССР.

На заседаниях секции Ученого совета Ленинградского отделения Института был заслушан ряд теоретических докладов на важные и актуальные темы этнографической науки: Ю. В. Бромлей («О проекте пятилетнего плана научно-исследовательской работы Института этнографии АН СССР»); С. М. Абрамзон («Методика этнографического изучения современности»); Т. В. Станюкович («О ходе работы над составлением музейного каталога в восточнославянском секторе»); К. В. Чистов («Об итогах VI конгресса Международного общества исследователей фольклора, Хельсинки, июнь 1974 г.»).

На заседаниях Ученого совета и его секции в Ленинграде обсуждались и утверждались к печати труды сотрудников Института, рассматривались статьи для публикации в зарубежных изданиях, утверждались темы диссертационных работ. Кроме того, проводились конкурсы на замещение вакантных должностей, перензбрание сотрудников на должность на новый срок, утверждение в звании, утверждение официальных оппонентов по защитам на соискание ученых степеней и т. п.

Наряду с работой Ученого совета важную роль в научной жизни Института играют расширенные заседания дирекции. На этих заседаниях, в которых участвовали ведущие специалисты Института, обсуждались вопросы, связанные с доработкой капитального коллективного труда «Современные этнические процессы в СССР». Одно заседание в дирекции было посвящено подготовке многотомников «Страны и народы» и «Народы СССР».

На специальном заседании дирекции, проведенном совместно с партийным бюро и представителями общественности Института, рассматривались вопросы организации социалистического соревнования между структурными подразделениями Института. Подводя итоги совещания, Ю. В. Бромлей выразил уверенность, что развертывание социалистического соревнования в Институте будет еще больше стимулировать плодотворную творческую работу его коллектива.

Одно из расширенных заседаний дирекции созывалось с целью обсуждения вопросов дальнейшего расширения международных связей Института. В частности, рассматривались полученные Институтком предложения подготовить для издающегося в ФРГ капитального труда «История человеческих рас» разделы по антропологии народов Сибири и Средней Азии, а для публикации в США — сборник статей по семейным отношениям у

² Подробнее см.: Р. Ш. Джарылгасинова, Основная проблематика исследований Группы ономастики Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1974, № 3, стр. 141—144.

народов Кавказа. В выступлениях ученого секретаря по международным связям К. В. Якимовой и ряда сотрудников Института указывалось на важное значение зарубежных контактов для пропаганды достижений советской науки.

В связи с выходом в свет работы первого секретаря ЦК КП Киргизии Т. У. Усубалиева «Интернациональное воспитание трудящихся» (М., 1974), в которой имеются критические замечания по поводу монографии С. М. Абрамзона «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи» (Л., 1971), эта монография была обсуждена на расширенном заседании дирекции Института этнографии АН СССР, причем было обращено особое внимание на анализ ее недостатков.

Книга С. М. Абрамзона представляет собой исследование, обобщающее обширный историко-этнографический материал. Основная задача автора состояла в том, чтобы выявить в прошлом киргизского народа разносторонние этногенетические и историко-культурные связи, обусловившие формирование киргизского этноса.

Монография С. М. Абрамзона вызвала ряд откликов в печати. Авторы рецензий справедливо отмечали достоинства книги, оценивая труд С. М. Абрамзона как серьезный вклад в науку. Общая положительная оценка книги дана и в упомянутой работе Т. У. Усубалиева.

Вместе с тем книга С. М. Абрамзона содержит ряд недостатков, заслуженно подвергшихся критике. Как отмечает Т. У. Усубалиев, эти недостатки прежде всего связаны с освещением автором родоплеменной организации кочевников (стр. 49—50). В книге имеются такие места, где автор, характеризуя традиционные территории расселения родоплеменных групп киргизов в дореволюционном прошлом, говорит об этом в настоящем времени, а не в прошедшем (стр. 29, 57 и др.). Ретроспективная реконструкция на основе данных, полученных путем непосредственного изучения пережитков, является давним и оправдавшим себя методом в этнографической науке, но применять его необходимо критически, проявляя большую тщательность в интерпретации и манере изложения фактического материала. Используя, в частности, сохранившиеся в памяти пожилых людей сведения о прежнем расселении отдельных родоплеменных групп, необходимо непременно отмечать, что те или иные из них обитали в прошлом на территории определенного селения, района и т. д. Следуя в своей работе этому общепринятому правилу, С. М. Абрамзон, однако, в указанных выше случаях отклонился от него. В результате на некоторых страницах прежнее расселение родоплеменных групп киргизов ошибочно представлено как явление сегодняшнего дня (хотя из контекста и ясно, что автор подразумевает традиционные территории расселения). Такое изображение социальной структуры прошлого в настоящем времени противоречит выводу автора о том, что в процессе формирования киргизской социалистической нации «происходило сглаживание и изживание локальных и племенных особенностей, свойственных в прошлом многим группам киргизов, складывалась и развивалась единая киргизская социалистическая культура» (стр. 393).

В работе Т. У. Усубалиева указывается на то, что в рассматриваемой книге автор словно забывает о тех коренных изменениях «в этнографическом облике киргизов, которые произошли за годы Советской власти» (стр. 51). Это, как отмечалось на заседании дирекции, связано с тем, что в книге наблюдается известная непоследовательность в освещении некоторых традиционных элементов культуры (хозяйство, способы передвижения). Одни из них характеризуются только в пределах дореволюционного периода, при анализе других (жилище, одежда, пища) — показаны и изменения, происшедшие за годы Советской власти. Эта непоследовательность — следствие того, что С. М. Абрамзон допустил неточности при определении задач своего исследования. На стр. 8 он пишет, что целью его работы является изучение истории этнического и культурного облика киргизской народности «в первой половине нашего века». Такому определению хронологических рамок исследования противоречат заглавие, замысел и содержание книги, которая посвящена реконструкции этнической истории киргизского народа в далеком прошлом. В книге имеются и неудачные выражения, в частности, формулировка, что «современный облик киргизской народности сложился в XV—XVIII вв.» (стр. 48). Конечно, основные этнические традиции киргизов начали складываться очень давно; но слово «современный» в данном случае излишне, так как в процессе консолидации социалистической нации не только социальные, но и многие этнические черты киргизского

этноса (формы традиционной культуры, этнического самосознания и др.) существенно изменились.

На заседании дирекции Института этнографии АН СССР было обращено особое внимание на необходимость принять меры, которые обеспечили бы более тщательное научное редактирование подготовленных к печати текстов и тем самым способствовали бы повышению уровня публикаций Института. Дирекция признала, что этим целям должен служить, в частности, и создаваемый в рамках Института редакционный совет, в задачу которого будет входить тщательное ознакомление с рукописью перед утверждением ее к печати на Ученом совете Института этнографии.

На расширенных заседаниях дирекции рассматривались также вопросы подготовки научных сессий и конференций. В частности, специальные совещания ученых Института, созванные дирекцией, были посвящены организационным и теоретическим вопросам подготовки конференции «Этнографические аспекты народной медицины» (Ленинград, март 1975 г.) и Всесоюзной этнографической сессии «Этнографическое изучение современности» (Нальчик, май 1975 г.).

На трех расширенных заседаниях дирекции обсуждался новый пятилетний план Института этнографии. Особое внимание на этих заседаниях было обращено на включение в новый пятилетний план капитальных коллективных трудов, посвященных изучению современных этно-культурных процессов.

З. Ф. Бурнацева

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ СТОЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА АН УССР

В 1974 г. исполнилось 100 лет со времени основания во Львове Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР — одного из старейших и крупнейших музеев Украины¹. Этому важному событию в научной и культурной жизни республики были посвящены организованные Западным научным центром АН УССР и Музеем торжественное заседание и научная конференция, которые состоялись 19—20 сентября. В юбилейных торжествах приняли участие представители партийных организаций, советских учреждений, вузов, творческих союзов и предприятий народных промыслов* Львова, а также этнографы Москвы, Минска, Киева, Таллина, научные сотрудники этнографических музеев Прибалтики и Украины.

Торжественное заседание открыл секретарь Львовского обкома КПУ Д. А. Яремчук, отметивший большую научную и идейно-воспитательную работу Музея. По поручению Президиума Верховного Совета УССР он вручил директору Музея Ю. Г. Гошко Почетную грамоту, которой Музей был награжден в связи со столетием и «за значительные достижения в развитии научных исследований в области народного искусства, художественных промыслов, этнографии, музееведения и идейно-воспитательной работе среди широких масс трудящихся»².

С докладом «100-летие Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР» выступил Ю. Г. Гошко. Он познакомил участников торжественного заседания с историей Музея и комплектования его фондов, уделив особое внимание той большой научной, идейно-воспитательной, методической и собирательской работе, которую ведет Музей в настоящее время.

После доклада были зачитаны многочисленные приветствия в адрес «юбиляра» — от Западного научного центра АН УССР (Львов), Президиума АН УССР (Киев), Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва), Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР (Минск), Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рылского АН УССР (Киев), Института истории АН Эстонской ССР (Таллин), Историко-этнографического музея Литовской ССР (Вильнюс), Латвийского этнографического музея (Рига), Львовского Государственного института прикладного и декоративного искусства и др.

Научную конференцию, состоявшуюся 20 сентября, открыл член бюро Западного научного центра АН УССР акад. АН УССР В. В. Панасюк.

Первым был заслушан доклад Ю. В. Бромлея (Москва) «Культура как предмет этнографических исследований». Остановившись на определении предметной области этнографических исследований в целом, докладчик отметил, что в настоящее время все большее число специалистов основным объектом этнографии считает этносы-народы «...как отставшие в своем развитии, так и высокоразвитые, как малочисленные, так и многочисленные, как существующие, так и существовавшие в прошлом». Поэтому этнографов, — по его мнению, — в первую очередь должен интересовать тот слой культуры, который выполняет этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура.

Ю. В. Бромлей напомнил, что на разных ступенях общественного развития традиционно-бытовой слой культуры занимает неодинаковое место. «В доклассовых и раннеклассовых обществах он полностью или почти полностью охватывает культуру». В классовых формациях этот слой составляет лишь часть культуры, которая теряет свой былой синкретизм и все более дифференцируется. «Появляются глубокие различия в культуре классов и социальных групп, сельских и городских жителей, между традиционно-бытовой и профессиональной культурой, а на первых порах усугубляются и ее региональные различия в рамках этносов». Несмотря на это и в классовых обществах,

¹ Подробно о Музее см. помещенную в настоящем номере статью: В. А. Гавриленко, Столетие Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР.

² Указ Президиума Верховного Совета УССР от 20 мая 1974 г., «Львовская правда», 21 мая 1974 г.

как отмечалось в докладе, — культура, главным образом традиционно-бытовая, продолжает выполнять этнические функции. Однако по мере научно-технического прогресса удельный вес традиционно-бытовой культуры постепенно сокращается, вместе с тем этническая специфика из сферы материальной культуры перемещается в сферу духовной. В промышленно развитых странах все более усиливается этническая нагрузка профессиональной культуры, что выдвигает задачи этнографического изучения ее бытового уровня, превращения в достояние широких народных масс. Но это докладчик считает в значительной мере делом будущего.

В докладе В. К. Бондарчика (Минск) «К вопросу об этногенезе белорусов» значительное место заняла критика теории балтского субстрата, выдвинутой в конце 60-х гг. В. В. Седовым. Докладчик акцентировал внимание на том, что источниковедческой базой В. В. Седова стали дискуссионные работы, из которых он «взял крайние точки зрения, работающие на него». Основная ошибка В. В. Седова, по мнению В. К. Бондарчика, состоит в том, что он прерывает единый процесс формирования белорусской, русской и украинской народностей. В заключение докладчик отметил, что проблема этногенеза белорусов — комплексная, и решена она может быть только объединенными усилиями ученых смежных специальностей. В настоящее время в ее разработке участвуют археологи, этнографы, историки, лингвисты, фольклористы.

В докладе Ю. Г. Гошко и Р. Т. Кирчива (Львов) «Актуальные проблемы современного этнографического исследования Карпат» основное внимание уделялось трем взаимосвязанным вопросам.

Первый — необходимость более глубокого историко-теоретического осмысления и учета в практической исследовательской работе деления украинского населения северных склонов Карпат на этнографические группы. По мнению докладчиков, «более пристальное внимание к традиционным локальным особенностям украинских горцев не только целесообразно при изучении реликтов их материальной и духовной культуры, но и необходимо для более полного понимания сущности многих явлений, еще поныне бытующих в их хозяйственной и культурной жизни».

Второй вопрос — правомерность обособленного изучения материальной и духовной культуры украинского народа Закарпатского высокогорья и смежных с ним северных склонов Карпат. Отметив, что и в прошлом прогрессивные ученые указывали на этническую общность закарпатских украинцев со всем украинским народом, докладчики подчеркнули необходимость тщательного этнографического обследования всей высокогорной полосы по обеим сторонам украинских Карпат.

Третий вопрос — освещение некоторых аспектов этногенеза населения и истории заселения украинских Карпат. В докладе говорилось о необходимости обоснованного научного анализа и критики теории так называемой валашской колонизации Карпат и восточно-романского влияния на культуру и быт карпатского населения. Докладчики считают, что «в системе доводов и логических конструкций этой не новой теории ее сторонниками не учтены весьма важные данные археологического, исторического, этнографического, филологического и т. п. характера, которые ставят под сомнение многие их выводы и умозаключения».

В. А. Маланчук (Киев) выступила с докладом «Быт гуцулов — источник творчества Марко Черемшины», в котором показала, как много может дать этнографу изучение литературного наследия писателя, избравшего основным объектом своего творчества жизнь крестьян. Тезис о том, что в повестях и новеллах М. Черемшины содержатся ценные сведения о материальной (описание жилища, одежды, пищи) и духовной (описание различных обрядов, примет, верований) культуре гуцулов, был подкреплен большим фактическим материалом, почерпнутым из произведений писателя.

В докладе Н. И. Здорова (Львов) «Становление советской обрядности на Украине» рассматривались почти все праздники и обряды — общегосударственные, религиозные, трудовые, семейно-бытовые и др.

В процессе становления и развития советской обрядности на Украине докладчица условно выделила три периода: 20-е — начало 30-х годов; 30-е — 50-е годы; с конца 50-х годов до настоящего времени. Н. И. Здорова кратко охарактеризовала содержание и формы советской обрядности каждого периода. В заключение она подчеркнула, что советская обрядность, бытующая на Украине, «имеет важное значение в воспитании высоких моральных принципов и норм поведения советских людей, играет большую роль в формировании советского образа жизни».

Е. И. Матейко (Львов) выступила с докладом «Общие черты в одежде восточнославянских народов». Типологическое единство, по мнению докладчицы, наблюдается в компонентах как мужской, так и женской одежды. Например, в нательной одежде — общность покроя, украшения, размещения узоров, техники вышивки, колорита, орнаментальных мотивов. Общие черты прослеживаются также и в верхней и нагрудной одежде, в частности в одежде плащевидного и кафтаноподобного типов; в мужских и женских головных уборах, в женских нагрудных украшениях из бисера, а также в сохранившихся у восточных славян архаичных формах несшивной поясной женской одежды (украинские дерга, обгорка, плахта, белорусская и южнорусская понеза). Этнографические параллели в одежде украинского, русского и белорусского народов можно обнаружить и в материале, из которого изготовлялась одежда (в способах его изготовления и характере орнаментации).

В заключение Е. И. Матейко отметила, что одни элементы одежды восточных славян сближают ее с одеждой южных, другие — с одеждой западных славян, и в этом следует видеть «не только проявление культурно-исторических взаимосвязей и взаимовлияний, но и отображение этнического родства братских славянских народов».

В докладе Ф. С. Петряковой (Львов) освещались некоторые тенденции развития современного (конца 50-х — начала 70-х годов) художественного стекла на Украине. Для творчества современных мастеров, по мнению докладчицы, характерны обращение к темам гражданского звучания (историко-революционным, военно-патристическим), тенденция к глубокому раскрытию и образно-поэтическому осмыслению тем и сюжетов на основе осознания законов декоративности, понимания специфики стекла как материала, поиска архитектоники новых форм. В докладе отмечалось, что сейчас особое внимание уделяется декоративности бытовых предметов, однако осуществляется она по-разному в творчестве народных мастеров-гутников³ и академических образованных художников, работающих в системе промышленного производства стекла. У первых наблюдается тенденция решать сосуды как уникальные произведения. Вторые стремятся придать черты декоративности массовой продукции, выпускаемой миллионными тиражами.

Ф. С. Петрякова считает, что украинское гутное стекло и присущие ему приемы горячей обработки оказывают влияние на развитие художественного стекла в стране в целом. Гутная техника, по ее мнению, способствует раскрытию творческой фантазии художника через выявление «стихийно-импровизационного начала в стекле». Возможно именно поэтому в современном украинском художественном стекле, в первую очередь в гутном, успешно развивается направление, которое докладчица определяет как романтико-реалистическое.

Доклад А. Е. Карпенко (Львов) был посвящен вопросу о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на изменения в общественном быту крестьян Западной Украины в первый период послереволюционного подъема (1917-1920 гг.).

Большой интерес вызвал доклад П. Н. Жолтовского (Львов) «О пропорциях в народном строительстве Карпат». Применяя для раскрытия пропорций и эстетических принципов народной архитектуры метод математического анализа, докладчик установил, что в бойковском народном строительстве, особенно в бойковской хате, широко использовались пропорции так называемого «золотого сечения» и «компоновки по круговой зависимости» (расположение основных точек продольного разреза хаты на периферии одного круга). На ряде примеров он показал, что эти же пропорции были присущи и монументальным деревянным сооружениям.

Пользуясь тем же методом, П. Н. Жолтовский провел ряд убедительных параллелей между пропорциями в народном строительстве Карпат, украинско-белорусского Полесья и юга России. По мнению докладчика, эти параллели свидетельствуют об исторически общих истоках народного строительства восточных славян, лежащих в основе украинского, русского, белорусского народного жилищного и монументального строительства в целом.

Выступление С. Б. Рождественской (Москва) было посвящено декору жилища гуцулов. Рассмотрев украшения гуцульских хат Закарпатской, Ивано-Франковской и Черновицкой областей, она пришла к выводу, что древние мотивы лучше всего сохранились в декоре жилища гуцулов Верховинского района Ивано-Франковской области. Здесь же, по ее мнению, наиболее разнообразны и современные приемы украшения жилища. Современный декор гуцульского жилища отличается от лаконичного традиционного обилием растительного орнамента, полихромной окраской домов, широким использованием просечных железных украшений.

При сравнении декора гуцульского и русского жилища С. Б. Рождественская обнаружила «общность орнаментальных мотивов, единство приемов изображения определенных образов и наличие устойчивых композиций в орнаменте».

В коллективном докладе Б. Т. Врублевского, Р. Я. Кися и С. И. Уварова (Львов) «Взаимосвязь города и села как этносоциологическая проблема» основное внимание уделялось маятниковой миграции населения. Авторы доклада считают, что маятниковая миграция должна стать предметом специального этнографического анализа.

В докладе были намечены следующие «главнейшие для этнографа аспекты» исследования маятниковой миграции: новые запросы сельского населения и степень готовности разных его социальных и социально-демографических групп к миграции (проблема потенциальной миграции), мотивы миграции и ценностные ориентации разных социально-бытовых групп мигрантов, проблема аккультурации мигрантов в городской среде, соотношение традиций и инноваций, элементов сельского и городского образа жизни в бытовом поведении мигрантов; поведение мигрантов в городской среде и в сельском окружении; воздействие ежедневных трудовых поездок на ритм повседневной жизни мигрантов и их семей, на структуру и содержание их внерабочего времени; влияние

³ Мастер-гутник — стеклодув, изготавливающий гутное стекло. Гутным по аналогии со старым украинским стеклом называют возродившееся в конце 1940-х гг. на Львовщине производство художественного стекла, изделия из которого приобретают законченный вид непосредственно у стекловаренной печи и не подвергаются дальнейшей обработке.

городской и трудовой среды на избирательность общения сельского мигранта (трансформация локально-соседских контактов в контакты преимущественно по интересам и социальному статусу); влияние ежедневных трудовых поездок огромных масс сельского населения на культурно-бытовую и этнолингвистическую ситуацию в городах разных типов; маятниковая миграция, как катализатор урбанизации непосредственного домашнего окружения и сельской среды мигрантов; обратное влияние социально-бытовых и культурно-психологических факторов на динамику и структуру потоков маятниковой миграции и др.

В заключительном докладе Н. И. Моздыра (Львов) «Роль музея в коммунистическом воспитании трудящихся» была охарактеризована та большая идейно-воспитательная работа, которую Государственный музей этнографии и художественного промысла АН УССР ведет среди широких масс трудящихся как в самом Музее, так и за его стенами.

Докладчик отметил, что за последние 20 лет Музей посетило более 20 млн. человек. За этот период в нем было проведено свыше 30 тыс. экскурсий и тысячи лекций и бесед; организовано более 100 временных выставок. Сотрудники Музея участвуют в подготовке телесценариев и радиопередач по вопросам искусства и этнографической проблематике; проводят консультации на предприятиях легкой промышленности, в Домах моделей и Домах народного творчества — в организациях, призванных воспитывать художественные вкусы широких масс; ведут большую работу по внедрению в быт советских обрядов и т. д. «Вся многогранная деятельность коллектива, — сказал в заключение Н. И. Моздыр, — направлена на духовное обогащение советских людей, на достойное выполнение ленинских предначертаний в строительстве коммунистического общества».

Подавляющее большинство докладов на конференции принадлежали сотрудникам Музея. В их тематике, как в зеркале, отразилась разносторонняя научно-исследовательская работа Музея. Она охватывает изучение материальной и духовной культуры, исследования в области исторической этнографии и этносоциологии, прикладного искусства и собственно музейной работы (подготовка новых экспозиций, экскурсий, комплектование фондов).

Хочется отметить хорошую организацию конференции и поблагодарить ее устроителей за радушие и гостеприимство. Участники конференции имели возможность ознакомиться с богатейшими фондами Музея, насчитывающими свыше 70 тыс. экспонатов. Кроме того, они совершили поездку в Карпаты, где осмотрели уникальные памятники народной архитектуры Карпат.

Н. С. Полищук

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ Д. К. ЗЕЛЕНИНА

29 октября 1974 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР было проведено расширенное заседание сектора этнографии восточнославянских народов, посвященное памяти Дмитрия Константиновича Зеленина. На нем присутствовали сотрудники Государственного музея этнографии народов СССР, Института русской литературы АН СССР, Географического общества СССР, Института языкознания АН СССР, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственного педагогического института им. А. И. Герцена, Института Дальнего Востока АН СССР, ученики Д. К. Зеленина, его коллеги.

Заседание открыл заведующий сектором К. В. Чистов (Ленинград). Он сказал, что имя Д. К. Зеленина живо в среде этнографов, диалектологов, фольклористов. Его жизнь — подвижничество, образец служения науке. Глубокое знание этнографии, фольклора и диалектологии восточных славян позволило Д. К. Зеленину создать ряд трудов, которые могли бы сделать честь целому коллективу. Работая над темами «Народы европейской части СССР» серии «Народы мира», над историко-этнографическим атласом «Русские», над трехтомником по этнографии славянских народов, мы неизменно возвращались и возвращаемся к его работам. Однако о самом Д. К. Зеленине написано очень мало: небольшие статьи Т. В. Станюкович и М. Д. Торэн, Б. Вишневого, Н. И. Гаген-Торн и А. И. Васиной, а также мелкие статьи в энциклопедиях. В 1978 г. исполнится 100 лет со дня рождения Д. К. Зеленина. К этому времени необходимо закончить библиографический сборник, посвященный Д. К. Зеленину, работа над которым ведется. Хорошо было бы переиздать некоторые работы Д. К. Зеленина, давно ставшие библиографической редкостью.

Доклад Н. И. Гаген-Торн (Ленинград) «Д. К. Зеленин как педагог и ученый» был основан в значительной мере на личных воспоминаниях. По словам Н. И. Гаген-Торн, когда в 1925/26 учебном году Д. К. Зеленин был приглашен из Харькова в Ленинград-

ский государственный университет и начал чтение лекций, студентов насторожила академичность, суховатость нового профессора. Однако за этим стоял особый метод преподавания — обучение самостоятельной работе над источниками и, как следствие этого, воспитание самостоятельной позиции в науке. Развитием этого качества в студентах способствовала позиция в науке самого ученого, уважавшего разные точки зрения, но умевшего тактично и настойчиво отстаивать свою концепцию. Спецификой этнографии Д. К. Зеленин считал ретроспективный метод, который он применял во всех своих работах. Д. К. Зеленин был человеком, беззаветно преданным науке, посвятившим ей всю жизнь.

Н. В. Новиков (Ленинград) в докладе «Д. К. Зеленин — фольклорист» осветил деятельность Д. К. Зеленина в области русского народно-поэтического творчества. В 1901—1916 гг. Д. К. Зеленин собирает, издает и изучает частушки, присказки и сказки. Как талантливый исследователь этих жанров он прочно вошел в историю нашей науки. В дальнейшем, сосредоточив свои интересы главным образом на разработке этнографических проблем, ученый по-прежнему широко обращается к фольклору как к одному из важных источников изучения жизни.

Е. П. Луппова (Ленинград) рассказала об изучении Д. К. Зелениным Вятского края, где он родился и жил до поступления в Юрьевский университет. В 1901—1910 гг. ученый совершил ряд поездок по Вятскому краю с целью изучения говоров, фольклора и этнографии. Он постоянно поддерживал связь с местными организациями, печатался в местных изданиях. Материалы, собранные Д. К. Зелениным в Вятском крае, впоследствии были использованы им во многих работах.

Доклад А. И. Тарасовой (Васиной) (Москва) был посвящен неопубликованной переписке Д. К. Зеленина с А. А. Шахматовым и ставил своей задачей привлечь внимание специалистов к до сих пор не использованному источнику. Переписка насчитывает около 80 писем (в основном принадлежащих Д. К. Зеленину) за 1903—1920 гг. и содержит как биографические данные, так и сведения научного характера (она отражает эволюцию научных взглядов Д. К. Зеленина, творческую историю многих его работ и т. п.).

С краткими воспоминаниями о Д. К. Зеленине выступили Е. П. Луппова, Е. П. Орлова, О. В. Бунакова.

Р. В. Каменецкая.

VI КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ФОЛЬКЛОРА

16—21 июня 1974 года в Хельсинки (Финляндия) состоялся очередной Конгресс Международного общества исследователей фольклора («International society of folk-pagative research») ¹. В конгрессе принимали участие 217 ученых из 36 стран и 4 континентов, и он стал, таким образом, одним из наиболее представительных конгрессов в истории фольклористики. Среди участников были многие известные фольклористы.

Советский Союз представляли У. Б. Далгат (Ин-т мировой литературы АН СССР), М. Я. Чиковани (Ин-т литературы АН Грузинской ССР), В. К. Соколова и К. В. Чистов (Ин-т этнографии АН СССР). От стран социалистического сотрудничества на конгрессе присутствовали известные фольклористы В. Фойт, Т. Демётер (ВНР), Г. Бурде-Шнейдевинд (ГДР), Д. Симонидес (ПНР), М. Бошковиц-Стулли, М. Матичетов, Т. Чубелин (СФРЮ) и др.

Делегатами конгресса были также К. Хайдинг (Австралия), Н. Салем (АРЕ), Г. Мегас (Греция), Ц. Софер (Израиль), В. Амимбола, А. Балабола (Нигерия), А. Луи (Тунис), А. Дандис, Р. Дорсон, У. Хэнд, Д. Уорд, Ф. Ойнас (США), М. Кууси, Л. Хонко, Ю. Пенттикяйнен, В. Каукконен (Финляндия), П. Боратав (Франция), К. Ранке, Л. Рерих, Р. Бредних, Р. Шенда, Л. Петцольд (ФРГ), М. Люти, Р. Вильдхабер (Швейцария), Т. Озава (Япония).

На V Конгрессе Общества в Бухаресте в 1969 г. было решено провести следующий конгресс в 1974 г. в Дели (Индия). Однако война между Индией и Пакистаном вынудила искать иные возможности. По предложению фольклористов Финляндии им было

¹ О предыдущих конгрессах см.: Е. М. Мелетинский и Э. В. Померанцева, V конгресс по изучению устной прозы в Бухаресте, «Сов. этнография», 1970, № 4, стр. 163—164. ISFNR следует переводить на русский язык как «Международное общество исследователей фольклора», а не «Общество исследователей повествовательного фольклора» или «Общество изучения устной прозы», как это иногда делается, так как слово «pagative» введено в официальное название Общества по двум причинам: 1) «folklore» понимается в большинстве стран довольно широко (народная музыка, хореография, искусство, обряды, народные знания, верования и т. д.); ограничение «pagative» сближает предмет исследования с тем, что у нас обозначается термином «фольклор»; 2) слово «pagative» отграничивает данное общество от международного объединения фольклористов-музыковедов («International folk music council»).

поручено срочно сформировать новый организационный комитет и заново начать подготовку к конгрессу. Следует признать, что это удалось осуществить не только в короткий срок, но и образцово. В марте 1973 г. был разослан первый циркуляр с рекомендациями оргкомитетом проблематикой. Я упоминаю об этом и хочу привести список первоначально рекомендованных проблем, так как мне кажется весьма показательным, что в дальнейшем, под влиянием более чем трехсот заявок на доклады, проблематика конгресса претерпела существенные изменения. Предложенные участниками доклады, несомненно, отражают наиболее дискуссионные проблемы современной фольклористики и общее направление современных исследований, их соотношение с традиционными темами предшествующих конгрессов. Весьма характерно, что различие существующих школ и направлений в современной фольклористике едва ли не в большей степени отражается в ответах на возникающие вопросы, чем в специфическом круге рассматриваемых тем.

Оргкомитет предварительно рекомендовал следующие проблемы: «1. Таксономия повествовательного фольклора; а) в применении к полевой работе; б) в архивном деле и систематизации — указатели типов, классификация и применение вычислительных машин; в) в исследовании фольклора: анализ жанров, анализ источников. 2. Соотношение фольклора с обществом, культурой и мироощущением человека; а) глубинные исследования фольклора — работа над индивидуальными случаями, тесно сопрягающимися общинами и субкультурами; б) распространение повествовательного фольклора — взаимодействия с другими жанрами, так называемые „booklore“ и „masslore“; в) экология традиций — ареальные сравнения, ойкотипизация. 3. Современные тенденции в методологии фольклора; а) структурные методы изучения повествовательного фольклора; б) количественный анализ фольклора; в) теория коммуникации и фольклор». Как увидим, большинство этих проблем не осталось в окончательной повестке дня конгресса.

В результате анализа поступивших докладов Оргкомитет выделил для пленарных заседаний четыре наиболее актуальных проблемы, назначив на каждое заседание по два содокладчика из различных стран и по два официальных комментатора, которые должны были начинать дискуссию.

За несколько месяцев до конгресса его будущие участники получили книгу тезисов («Abstracts, VI. Congress of the ISFNR», Helsinki, 1974) и в апреле-мае 1974 г. тексты некоторых докладов. Тексты остальных докладов распространялись в дни конгресса.

Первое пленарное заседание (16 июня) открылось приветственными речами председателя оргкомитета конгресса Ю. Пенттикяйнена (Финляндия) и президента Общества К. Ранке (ФРГ). За ними последовали доклады по общей теории фольклорных жанров Р. Абрахамса (США) и Л. Хонко (Финляндия) и выступления комментаторов, открывавших прения — Р. Аустерлица (США) и Р. Шенды (ФРГ). Еще во вступительном слове Ю. Пенттикяйнена сформулировал весьма важный для современной фольклористики тезис: «Фольклористика стремится дополнить изучение текстов рассмотрением связанных с ними коммуникативных проблем в их современном понимании». Характерно, что в названных докладах и в докладах, прочитанных на секционных заседаниях (Р. Аустерлиц, Б. Бен-Амос, В. Фойт и др.), теория жанров рассматривалась в тесной связи с основной проблемой третьего пленарного заседания, обозначенной словосочетанием, до сих пор малоупотребительным в советской фольклористике «Трансмиссия фольклора» (имеется в виду механизм передачи традиции или ее функционирование). Жанр в этой связи выступает не как формально-классификационная категория, а как созданная традицией устойчивая форма, способная воплотить в себе исторически динамичное содержание. Текст в таком случае предстает не как самодовлеющая синхронная структура, а как результат состоявшейся коммуникации — акта общения исполнителя и слушателя (зрителя).

В докладе Л. Хонко был поставлен вопрос о тенденциях развития методики фольклористики в современных условиях. Фольклористика стоит, по мнению докладчика, перед альтернативой. Если она будет ориентироваться только на привычный ей традиционный материал, она превратится в науку, интересующуюся только историческими проблемами. Современность же требует, чтобы фольклористы широко и без предвзятости исследовали весь круг проблем речевой коммуникации в ее устойчивых (т. е. типичных, неразовых) и «крупных» (т. е. сверхфразовых) формах. Если это удастся, проблема жанров перестанет быть проблемой терминологической и классификационной, она окажется тесно связанной с современными аспектами теории речевого поведения.

Дискуссия о проблемах трансмиссии фольклора была продолжена на третьем пленарном заседании. Докладчиками на нем выступали Р. Джорджис и К. В. Чистов, комментаторами — М. Бошковиц, Стулли и В. Фойт. Р. Джорджис говорил о необходимости сочетания изучения текста и условий его произнесения как целостной структуры и как звена единой цепи трансмиссии фольклора. Если же говорить о современности, то процесс функционирования текстов столь же интересен, как и сами тексты. Фольклористов постоянно преследует вопрос, что и как в современном обществе выполняет те функции, которые в прошлом были присущи произведениям фольклора.

В докладе К. В. Чистова введён за анализом различий коммуникативного акта в фольклоре и литературе («контактный» или «естественный» тип и тип «технический») рассматривались особенности эстетической коммуникации и были предложены некоторые методы анализа коммуникативных ситуаций в фольклоре в связи с проблемой жанрообразования, теорией речевого поведения и так называемой теорией «малых групп».

На втором пленарном заседании обсуждались состояние и перспективы методики структурализма в фольклористике. К сожалению, доклад Е. М. Мелетинского не состоялся, однако текст подготовленного доклада, распространенный среди участников конгресса, учитывался в ходе дискуссии. Основная его тема — перспективы и пределы применения методов структурного анализа в фольклористике, соотношение синхронии и диахронии, структурной и исторической типологии и фольклорных текстов². Е. М. Мелетинский показал, что изучение структур фольклорных текстов не только не противоречит генетическим и историческим исследованиям, но может быть и должно быть с ними тесно связано.

А. Дандис в докладе «Структурализм и фольклор» напомнил о двух важнейших направлениях современной структуральной фольклористики, начало которым положили В. Я. Пропп (анализ структуры текста) и К. Леви-Стросс (анализ структуры мышления). Современный структурализм, по мнению докладчика, постоянно сталкивается с тремя сложными проблемами: а) определение минимальной структурной единицы, из которых состоит любая повествовательная структура; б) понимание природы подобных минимальных единиц — являются ли они реальностью или абстракцией, т. е. гипотетической конструкцией, созданной воображением исследователя («божественная истина или фокус — покус?»); в) ощущает ли рассказчик (исполнитель) структуру рассказа (сказки, предания, эпической песни, баллады и т. д.)? К. Леви-Стросс на последний вопрос отвечает отрицательно. Этот ошибочный ответ, по мнению А. Дандиса, долгое время мешал изучать тексты как результат деятельности человека и, следовательно, изучать самого человека. Популярность структурализма, опирающегося на этот тезис К. Леви-Стросса, привела к тому, что, как сформулировал А. Дандис, «изучается не *folklore*, а только *logos*, а *folk* предается забвению», или, иными словами, — фольклор изучается не как результат деятельности народа, а как некая сумма текстов, существующая вне социальной среды и истории. Отсюда вывод — фольклористический анализ должен иметь в виду рассказчика и его слушателя и попытаться понять, что означает текст как для первого, так и для второго. Обсуждение проблем, намеченных А. Дандисом, было продолжено в выступлениях У. Дробина (Швеция), и П. Лейно (Финляндия) и в докладах на секционных заседаниях (Б. Бэбкок-Абрахамс, М. Я. Чиковани, Т. Чубелич, А. Балабола и др.).

Четвертое пленарное заседание было посвящено проблеме «Традиция и личность». С докладом «Индивидуальность и традиция» выступила Э. К. Маранда (Канада). Ю. Пенттикяйнен прочитал доклад на тему «Анализ репертуара». Комментаторами были Д. Лег (США) и В. Ньювел (Англия). Фольклористика XIX в., как показали докладчики, рассматривала фольклорного исполнителя прежде всего как носителя традиции и в верности традиции видела его основную ценность. Современная же фольклористика стоит перед альтернативой — личность и ее активность или традиция как способ социального контроля над индивидуальным поведением, способ навязывания индивидуальности определенной роли в соответствии с ее социальным статусом. Эти проблемы обсуждались на конгрессе в связи с достижениями современной социологии и социальной психологии. Нельзя не заметить, вместе с тем, что большинству выступавших в дискуссии остались неизвестны работы русских фольклористов, поставивших эту проблему еще в 60—70-х гг. прошлого века. Недаром работы, опубликованные до А. Лорда и К. Хайдинга, как правило, не упоминались.

Ежедневно во второй половине дня проходили секционные заседания, причем параллельно работали три секции. Темы секционных заседаний — «Взаимоотношение жанров», «Жанровый анализ», «Проблемы повествовательных структур», «Социально-психологические аспекты фольклористики», «Фольклорная проза и обряды», «Репертуар исполнителей», «Религиозные аспекты изучения фольклорной прозы», «Традиция и социальные группы», «Количественные методы в фольклористике», «Применение компьютеров», «Фольклор в книжных изданиях». На секционных заседаниях выступали с докладами советские фольклористы: В. К. Соколова («Взаимоотношение исторических преданий с другими фольклорными жанрами»), М. Я. Чиковани («Тенденция к разбуханию структуры народных сказок») и У. Б. Далгат («Мифологическое, эпическое и историческое в эстетической системе нартского эпоса»).

В целом доклады и прения на конгрессе произвели весьма пестрое впечатление. Наряду с традиционными проблемами и методами во многих докладах было продемонстрировано стремление к методическому поиску и к учету достижений смежных наук (лингвистики, социологии, социальной психологии и т. д.). Думается, что это не случайно. Современная западноевропейская и американская фольклористика переживает сложный период, который характеризуется множественностью направлений.

Примечательно, что словосочетание «финская школа в фольклористике», несмотря на то, что конгресс происходил в Финляндии, произносилось главным образом в связи с давними исследованиями. Одновременно выявилось стремление обозначать термином «неофольклористика» («new folkloristics») совокупность довольно разнородных направ-

² E. Meletinski, *Perspectives et limites de l'étude structural de folklore*, Helsinki, 1974; его же, Структурная и историческая типология фольклора, *Philologica*. Сб. статей в память ак. В. М. Жирмунского, М., 1973; его же, Структурная типология и фольклор. «Контекст—1973. Литературно-теоретические исследования», М., 1974.

лений, рождающихся на стыке собственно фольклористики с лингвистическим структурализмом, семиотикой, так называемой порождающей грамматикой, паралингвистикой, теорией речевого поведения и коммуникации, парапсихологией, теорией малых социальных групп и т. д. Привьется ли этот термин и выплывет ли из столь разнородного конгломерата нечто целое, способное в единой концепции охватить новые проблемы — покажет будущее. Пока мы можем говорить только об активности поиска, остроте проблем, стремлении к демократическому пониманию социальных задач науки, их историческому истолкованию и, вместе с тем, о продолжающемся осмыслении роли фольклора и фольклористики в современных условиях. Характерно, что современное развитие столь разных аспектов фольклористики, как теория жанров, трансмиссия фольклора, взаимодействие исполнителя и традиции, выявление структурных закономерностей фольклорных текстов и т. п., как было показано выше, в равной степени ведет представителей разных направлений к социальным и социально-психологическим проблемам, к «очеловеченному», если можно так выразиться, пониманию фольклорного текста как коммуникативного акта в определенной социальной среде. Этому же способствует и изучение современного фольклора и близких к фольклору форм речевой коммуникации, схожих по своему составу и происхождению; эта сфера объединена основным функциональным признаком — устным бытованием.

Нельзя не отметить возрастающий интерес к советской фольклористике. Делегация Советского Союза приходилось отвечать на множество вопросов и рассказывать о работах В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского, Е. М. Мелетинского, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Г. Д. Пермякова, об экспериментальной деятельности наших фольклористов, о состоянии фольклорных архивов и т. д.

Примечательной чертой конгресса была значительная активность североамериканских (43 участника) и западногерманских (25 участников) фольклористов.

19 и 21 июня делегаты конгресса участвовали в двух симпозиумах — по проблемам изучения пословиц и поговорок и о перспективах создания нового международного указателя мотивов («Motif-Index»).

Как обычно, в дни конгресса было организовано общее собрание членов Общества. После доклада президента К. Ранке состоялись выборы президиума. В связи с просьбой К. Ранке освободить его от обязанности президента, которую он исполнял с 1959 г., он был избран почетным президентом Общества. Новым президентом стал проф. Л. Хонко — директор Северного института фольклора при Университете в Турку. Вице-президентами были избраны: от Африки — А. Балабола, от Южной Америки — С. Чертурди, от Европы — К. В. Чистов, от Северной Америки — А. Дандис, от Австралии и Океании — К. Луомала, от Азии — Т. Озава. Следующий конгресс намечено провести в Эдинбурге (Шотландия) в 1979 г. Прием новых членов поручен комиссии под председательством К. Луомала (Гавайи, США). К 1974 г. в Обществе состояло 252 члена.

18 июня 1974 г. участники конгресса побывали в г. Турку, где познакомились с деятельностью названного выше фольклорного института. Особенный интерес слушателей вызвало сообщение А. Каллио о современных советско-финляндских исследованиях обрядовых причитаний финно-угорских народов.

21 июня делегаты конгресса посетили Сеурасаари (финский этнографический музей на открытом воздухе), где наблюдали празднество Ивановой ночи.

К. В. Чистов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 1 по 31 июля 1974 года в Белорусском Полесье работала этнолингвистическая экспедиция, организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и филологическим факультетом МГУ. В состав экспедиции входили также сотрудники Института языкознания АН БССР, Житомирского и Мозырьского пединститутов. Руководил экспедицией Н. И. Толстой.

Настоящая экспедиция явилась продолжением полевых работ, проводившихся в 1962—1965 гг. Исследования предпола-

гали тесное сближение лингвистической и этнографической проблематики. На первом этапе был составлен ряд словарей, отражающих терминологию материальной культуры полешуков: земледелия, строительства, ткачества, пчеловодства и т. д.¹ Новая серия исследований, начатых в этом году, намечает изучение духовной культуры Белорусского Полесья (терминология и

¹ См.: сборники «Полесье» и «Лексика Полесья», М., 1968, «Лексика Полесья ў прасторы і часе», Мінск, 1971.

структура народных обрядов, фольклор и т. д.).

Экспедиция носила предварительный характер. Перед ее участниками стояла задача, во-первых, проверить сохранность обычаев, фольклорного репертуара и т. п. и, во-вторых, уточнить и дополнить программы, разработанные заранее, а также составить новые. Были обследованы 2 пункта — в Западном Полесье (дер. Спорово Березовского р-на Брестской обл.) и в Восточном Полесье (дер. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.). Материал собирался по следующим темам: родинный, свадебный, похоронный обряды, жатвенная обрядность, обычаи, связанные с народным календарем, закладкой и постройкой дома, содержанием домашнего скота и птицы, народные названия растений, народная медицина и народная ветеринария, рыболовство, микропонимия. В записях отразились ответы на вопросы по некоторым программам, касающиеся народного календаря, «нечистой силы», явлений природы, исторические рассказы. Фольклористу Ю. И. Смирнову, принимавшему участие в работе экспедиции, удалось зафиксировать свыше 40 эпических сюжетов, носящих общеславянский характер. В дер. Стодоличи записан полный цикл свадебных песен, часть материалов записана на магнитофонную ленту.

Во время экспедиции работал семинар (руководитель Н. И. Толстой), на котором обсуждался собранный полевой материал, а также читались доклады, связанные с вопросами этнолингвистической тематики. Так, участники экспедиции прослушали доклады Ф. Д. Климчука об истории Полесья, О. А. Седаковой о восточнославянском погребальном обряде, С. И. и С. М. Толстых об оппозиции «правый — левый» в славянских языках и народных поверьях, Ю. И. Смирнова о славянском Змее, В. В. Шура о животноводческой лексике Мозырского Полесья и некоторые другие.

Материалы обработаны и хранятся в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.

Д. А. Бейлина

* * *

С 11 августа по 11 октября 1974 года автор этой заметки по плану работ сектора народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР (Ленин-

градское отделение) совершил индивидуальную поездку на север Таджикистана. Цель поездки — сбор материала по традиционным способам перевозки (переноски) на гумно снопов, их обмолота, хранения зерновых, а также данных по сельскохозяйственным орудиям для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» (разделы «Земледелие» и «Животноводство»). Эта поездка явилась продолжением работы по изучению указанных тем, которая велась в 1972—1973 гг. в Гиссарской и Зеравшанской долинах Таджикистана.

Первым пунктом моего пребывания стал Исфари́йский район (кишлаки Чилгази, Чорку и Ворух), затем я выехал в соседний Канибадамский район (кишлаки Рават и Кучкак), а оттуда — в Аштский район (кишлаки Пангаз, Ашт и Булак). Дальнейший мой маршрут прошел через Ходжентский (кишлаки Кулангир и Самгар), Науский (кишлаки Куштегирман и Андарсай), Ганчинский (кишлаки Калача Раис и Басманда) и Уратюбинский (кишлак Шихристан) районы.

Опрос старожилов проводился по специально разработанным программам и вопросникам. Материалы по способам перевозки, обмолота и хранения урожая собирались по вопросникам, составленным Н. А. Кисляковым, а по сельскохозяйственным орудиям — по программе, составленной Б. З. Гамбургом (ГМЭ).

При сборе полевого материала большое внимание было уделено выявлению существовавших в прошлом хозяйственных традиций местного населения. Я стремился выяснить, как приготавлился ток для молотьбы; устраивали ли его ежегодно или использовали постоянно из года в год один и тот же ток; какие существовали традиционные способы обмолота и т. д. Изучение способов перевозки снопов на гумно показало, что сани-волокуши (*чигина*), широко употреблявшиеся для этой цели в прошлом в нижнем течении Зеравшана, Гиссарской долины и других районах Таджикистана, на севере республики почти повсеместно отсутствовали. Здесь их заменяла арба.

Знакомство с сельскохозяйственными орудиями таджиков этого района показало, что им тоже присущи некоторые особенности. Так, например, местное орудие пахоты (*омач*), по форме аналогичное пахотным орудиям Зеравшанской и Гиссарской долин, имело свои особенности в

способах крепления дышла и основы. При изучении борон также обращалось внимание на различные их варианты, зависившие от преобладания той или иной культуры или рельефа местности, а также на способы крепления основы бороны с дышлом.

Изучаемые сельскохозяйственные орудия обмерялись, с них сделаны рисунки. Во время экспедиции было снято 5 черно-белых фотопленок.

Собранный материал обрабатывается.

Р. Р. Рахимов

* * *

С 17 августа по 2 октября 1974 года автор данной заметки (аспирантка Института этнографии АН СССР — Ленинградское отделение) совершила поездку в сомон Их-тамир Архангайского аймака МНР, находящийся в лесостепной хангайской зоне страны. Цель поездки — сбор материала по теме «Формирование и становление нового быта сельского населения МНР». Названный сомон был избран в качестве объекта исследования, поскольку он является типичным для республики, и в его жизни отражаются процессы, характерные для современного быта сельского населения МНР.

Поездка явилась продолжением работы над указанной темой, начатой в этом районе в 1970—1971 гг.

Материал собирался методом непосредственного наблюдения, путем бесед с информаторами; кроме того, изучались различные архивные и статистические данные,

хранящиеся в сомонных организациях и сельскохозяйственных объединениях (СХО).

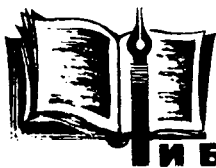
Согласно программе исследования во время полевой работы большое внимание уделялось выявлению основных черт и тенденций развития новых явлений в культуре и быту сельского населения, а также роли этнических традиций в сложении новых форм быта.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в жизни сельских жителей в настоящее время происходят важные изменения, суть которых сводится к формированию и становлению новых форм быта. Это прежде всего переход к оседлости и связанное с ним создание постоянных поселений, изменение характера производственной деятельности бывших кочевников (ныне членов СХО) и способов ведения скотоводческого хозяйства, развитие земледелия и некоторых новых видов хозяйственной деятельности. Выросли культурные запросы аратов. Существенные изменения произошли в жилище, домашнем убранстве, утвари, посуде, одежде и украшениях и т. д. Это особенно заметно в семьях, принадлежащих к среднему и младшему поколениям. Во внутреннем убранстве современной юрты сочетаются элементы традиционного и нового интерьера. При этом последних с каждым годом становится все больше.

Во время поездки были сделаны фотографии, отражающие культуру и быт современного сельского населения.

Собранный материал обрабатывается.

Г. Цэрэнханд

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

A. Marshack. The roots of civilization. The cognitive beginnings of man's first art, symbol and notation. New York, 1972, p. 413, with ill.

Александр Маршак, один из научных сотрудников Музея американской археологии и этнографии Пибоди при Гарвардском университете США, известен в зарубежной литературе работами, посвященными начальным ступеням развития человеческого познания и исследованиями с помощью микроскопа изображений и знаков на различных доисторических предметах¹. Рецензируемая книга включает в себя как некоторые ранее публиковавшиеся материалы, так и данные о результатах новых поисков. На этой основе автор ставит широкий круг проблем для дальнейших исследований.

Работа американского ученого интересна прежде всего потому, что автор, как нам представляется, доказал необходимость пересмотра значения целого ряда изображений знаков на предметах, созданных верхнепалеолитическим человеком и ранее зачастую неправильно интерпретированных. Так, до сих пор считалось, что на известном микроскопическом анализе полагает, что это не гарпун, а растение или ветка, а поэтому вся гравюра, по его мнению, приобретает совершенно иной, чем раньше считалось, смысл (стр. 170—173). На основании многочисленных примеров автор показывает, что утвердившееся мнение об отсутствии изображений растений в верхнем палеолите не соответствует действительности (стр. 219): с помощью микроскопа обнаруживаются не только отдельные растения, но и их группы, определенные фазы их развития (стр. 172—175, 201, 203, 216, 220, 222 и др.).

Интересными и достаточно убедительными представляются нам те страницы книги, где автор показывает, что различные штрихи, точки, метки на многих образцах изделий являются не орнаментальными украшениями, а знаками, связанными со счетом времени, своего рода календарями (глава II, III, IV, V, VII, X). А. Маршак полагает, что, хотя человек верхнего палеолита не был, естественно, ученым, а системы его знаков не были ни арифметикой, ни письмом, тем не менее корни науки и письма находятся именно здесь, в начале верхнего палеолита (стр. 57—58). В то же время следует, по мнению А. Маршака, предположить, что сами эти нотации не возникают «неожиданно», а являются результатом познавательной деятельности, уходящей во времена палеоантропов и даже архантропов. К сожалению, этот тезис автор не доказывает фактами, а ограничивается лишь общими логическими построениями. Поэтому на наш взгляд, глава VI, посвященная познавательной деятельности далеких предков современного человека, начиная от проконсула африканского и до неандертальца, пожалуй, самая слабая в книге, наименее самостоятельная и имеющая в ряде случаев спорные или даже неправильные положения.

На наш взгляд, важной и достаточно убедительной является критика А. Маршаком теорий, неразрывно связывающих палеолитическое искусство с различными ранними формами религии (в частности, с магией). Во-первых, подчеркивает А. Маршак, гарпуны, копья и стрелы на многих рисунках и гравюрах верхнего палеолита при детальном анализе оказываются не орудиями охоты, а растениями, и поэтому их образы не могут быть объяснены с точки зрения охотничьей магии (стр. 173, 174, 211, 278, 279 и др.). Если перед нами изображения людей, то опять-таки они не несут в руках оружия (стр. 272), что противоречит, по мнению автора, теориям, связывающим магию с искусством. Во-вторых, рисунки и гравюры, изображающие непромысловых животных, также, по его мнению, свидетельствуют против теорий, выводящих искусство из «охотничьей» или «плодородной» магии (стр. 256, 274 и др.). В-третьих, А. Маршак, на наш взгляд, справедливо отмечает, что человек палеолита вряд ли мог столь не-

¹ А. Marshack, Lunar notation on Upper Paleolithic remains, «Science», 1964, v. 146, № 3645, p. 143—145; его же, Le bâton de commandement de Mountgaudier (Charente). Réexamen au microscope et interprétation nouvelle, «L'Anthropologie» 1970, t. 74, № 5—6, p. 321—352; его же, Upper Paleolithic notation and symbol, «Science», 1972, v. 178, № 4063, p. 817—828; его же, Cognitive aspects of Upper Paleolithic engraving, «Current Anthropology» 1972, v. 13, N 3—4, p. 445—447, и др.

экономно расходовать свои силы перед охотой, добираясь до труднодоступных мест в пещере, чтобы выполнять магические действия, а потом с таким же трудом возвращаться назад (стр. 197, 213). Наконец, следует отметить оправданный скептицизм автора по поводу некоторых, считающихся наиболее «доказательными», примеров «охотничьей магии». Так, А. Маршак сопоставляет описания известной глиняной скульптуры медведя из пещеры Монтеспан, приводимые А. Брейлом и П. Грациози, и указывает, что если первый увидел на скульптуре следы ударов копий и полагаю, что отверстие в шее фигуры говорит о прикреплении черепа деревянным стержнем к глиняному туловищу, то второй исследователь считает, что углубления в теле манекена обусловлены естественной фактурой материала, а отверстие свидетельствует о невозможности присоединения медвежьего черепа к скульптуре (стр. 240—241). Кроме того, сам А. Маршак выражает сомнение в большой древности отпечатков юношеских пяток на полу пещеры, якобы свидетельствующих о каких-то ритуалах, совершавшихся в ней (стр. 243).

Такое скептическое отношение американского исследователя к показаниям его европейских коллег важно тем, что, к сожалению, некоторые наши ученые иногда принимают сообщения зарубежных исследователей как совершенно достоверные, не требующие дополнительной проверки, в результате чего в нашей литературе появляются противоречивые сообщения по поводу одного и того же факта. Так, например, на основании работ Е. Бонифая в пещере Регурду во Франции П. И. Борисковский сообщает, что вес каменной плиты, покрывавшей яму с останками медведя, был равен 850 кг². А. Д. Столяр говорит о той же плите, но весом в 800 кг³, а Г. П. Григорьев оценивает вес этой же плиты в 400 кг⁴. Между тем Е. Бонифай в статье, на которую ссылается последний автор, веса плиты не указывает, а на очень подробной стратиграфической схеме раскопок эту плиту почему-то не отмечает⁵. Вероятно, следует быть несколько более осторожным при оценке нового археологического материала.

Конечно, полностью отрицать связь искусства с религией во всех случаях нельзя, и сами исследования А. Маршака требуют дополнительных проверок (как всякий научный эксперимент). Тем не менее сама постановка вопросов о предмете и смысле первобытного искусства, с нашей точки зрения, является вполне плодотворной.

Очень важна, на наш взгляд, критика А. Маршаком теории А. Леруа-Гурана и А. Ламенг-Эмперер о сексуальном смысле палеолитических рисунков. Эта критика тем более ценна, что в нашей литературе концепция французских исследователей, насколько нам известно, не была глубоко проанализирована⁶. Отдавая должное работе, сделанной А. Леруа-Гураном, А. Маршак, однако, считает, что «сексуальное», хотя и могло иногда выступать в качестве содержания палеолитического искусства, не было главной, центральной его темой (стр. 196—197).

А. Маршак на многих примерах показывает, что те знаки, которые французский исследователь принимает за некую сексуальную символику, представляют собой не что иное как либо изображение растений (стр. 220—222, 278—279), либо условное изображение какого-то явления (стр. 238—240), либо оружие (стр. 233) или, наконец, часть какого-то другого образа, как, например, глаз птицы, который А. Леруа-Гуран принял за вульварный знак (стр. 238—240). Автор показывает, что схема связи различных животных, символизирующая, по мнению французского историка, соотношение мужского и женского начал (соответственно лошадь — бизон), оказывается достаточно далекой от действительных связей. Конечно, иногда лошадь ассоциирована с бизоном, но она также выступает в композициях и с различными знаками и с разнообразными животными — львом, змеей, рыбой, птицей и т. д., а также с отпечатками кистей человеческих рук (стр. 197, 220, 245 и др.); следовательно, схема А. Леруа-Гурана, по мнению А. Маршака, не соответствует действительности.

Пытаясь выяснить содержание первобытного искусства и основываясь на своих исследованиях, проводившихся с помощью микроскопа, А. Маршак через всю книгу проводит концепцию «временного фактора». По мнению ученого, многие рисунки и гравюры как на стенах пещер, так и на «мобильных» предметах представляют собой отражение сезонных явлений, таких, как миграции рыб и животных в определенное время года, период появления на свет детенышей, период гона и т. д. (стр. 173, 174, 184, 203, 204, 220—222, 274, 275 и др.). С этой же точки зрения автор пытается рассматривать скульптурные и графические изображения женщин, которые, по его мнению, были свя-

² П. И. Борисковский. Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет, сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970, стр. 65.

³ А. Д. Столяр, «Натуральное творчество неандертальцев как основа генезиса искусства», сб. «Первобытное искусство», Новосибирск, 1971, стр. 143.

⁴ Г. П. Григорьев, «Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens», Л., 1968, стр. 148.

⁵ E. Bonifay, La grotte du Regourdou (Montignac, Dordogne). Stratigraphie et industrie lithique Moustérienne, «L'Anthropologie», 1964, t. 68, № 1—2, p. 52, 54, 59, 60.

⁶ С. А. Токарев (пер.), André Leroi Gourhan. Les religions de la préhistoire (Paléolithique). 1964, «Сов. археология», 1965, № 3, стр. 285, 286, 288; А. П. Окладников, Утро искусства, Л., 1967, стр. 96, 97.

заны с пониманием первобытным человеком различных физиологических процессов,носящих регулярный характер (стр. 307, 316, 318 и др.). Отсюда А. Маршак делает вывод, что всякого рода вульварные знаки имели не сексуально-биологическое значение, а временное. Интересным представляется концепция автора рассматриваемой книги о том, что первобытный человек мог легко связать циклический характер женских физиологических процессов с регулярностью чередования различных природных явлений (времена года, фазы луны и т. д.) Через это сопоставление он мог уловить свою собственную связь с природой вообще. Тем самым женщина становилась символом единства человеческой группы и единства человека со всей природой (стр. 317, 318, 319). Этот временный символизм, по мнению американского исследователя, является содержанием также различных фаллических знаков и изображений (стр. 330—333).

Таким образом, суть теории А. Маршака заключается в том, что в произведениях искусства палеолита отражены определенные регулярно повторяющиеся события в природе и обществе. В силу их регулярности они могли ожидать человека, встречаться им празднествами с какими-то ритуальными действиями, в том числе действиями по созданию новых произведений искусства или сезонным использованием уже готовых. Иначе говоря, эти произведения — не сексуальные символы и не принадлежности охотничьей магии, а атрибуты сезонных ритуалов. В образах и знаках искусства верхнего палеолита отражено познание закономерностей изменения природных явлений (стр. 343.)

Эту теорию А. Маршак подкрепляет многочисленными примерами, которые делают ее достаточно убедительной. На наш взгляд, автор совершенно справедливо указывает на связи первобытного искусства с ритуалами, передачей информации о событиях («истории», по терминологии автора), подчеркивая, что ни один образ искусства не объясним в терминах ограниченного значения одного данного образа (стр. 275).

Заслугой исследователя, как уже говорилось, является анализ образцов художественного творчества верхнепалеолитического человека, дающий возможность увидеть то, что раньше не замечалось. В связи с этим возникает необходимость нового, более правильного объяснения образов этого искусства. Поэтому, на наш взгляд, в целом работу А. Маршака можно оценить как весьма интересную, заслуживающую серьезного внимания археологов, этнографов, искусствоведов. Однако при знакомстве с работой А. Маршака следует обратить внимание на три недостатка.

Ссылаясь на книгу З. А. Абрамова «Палеолитическое искусство на территории СССР» (переведенную на английский язык)⁷ А. Маршак делает упрек советским ученым за их якобы преднамеренное стремление подтвердить марксистскую теорию археологическими находками и этнографическими сравнениями. «Тем не менее, — пишет он, — идеи их интересны и достойны внимания» (стр. 337).

Это замечание, несомненно, дано автором, распространенным на Западе рассуждением о «деидеологизации» науки. Огромные достижения советской науки во всех ее отраслях сейчас широко признаются и сделаны отнюдь не вопреки марксизму, а благодаря общей диалектико-материалистической методологии.

Но нам бы хотелось обратить внимание на то, что всякий познавательный процесс так или иначе связан с идеологией и что те теории, с которыми воюет А. Маршак, проникнуты также определенной идеологией. Например, точка зрения, выводящая искусство из магии, несомненно, связана с идеями, утверждающими первичность религии по сравнению с другими формами общественного сознания. Ученый, стоящий на такой позиции, конечно, постарается в доказательство своей концепции увидеть, скажем, следы ударов копий на монтепанском медведе, хотя, может быть, никаких следов такого рода на нем и нет. Такой исследователь не примет в расчет и того, что, как справедливо отмечает А. Маршак, медвежья шкура, якобы надевавшаяся на сырую глинянную скульптуру, не могла полировать ее (стр. 241). Увидев отпечатки юношеских пяток на глиняном полу пещеры, такой ученый даже не поставит вопрос так, как ставит его А. Маршак: почему нет отпечатков рук и ног взрослых людей, которые должны были присутствовать при совершении ритуалов или по крайней мере при создании фигурки медведя? (стр. 243). А ведь действительно, если это так, то странно, что их нет.

На наш взгляд, А. Маршак справедливо критикует «сексуальную» концепцию А. Леруа-Гурана. Но если бы автор внимательно присмотрелся к классификации мужских и женских символов, предложенной французским исследователем (стр. 298—299), он смог бы заметить достаточно близкое сходство формы этих символов с примерами, «доказывающими» теорию сексуального символизма З. Фрейда⁸. Психоанализ уже давно стал, особенно в США, не только психологической теорией, но и об-

⁷ А. Маршак мало знаком с трудами советских ученых, он ориентируется лишь на переводные работы. К сожалению, ему неизвестны, например, работы Б. А. Фролова, посвященные тому же вопросу — рациональному содержанию палеолитического искусства. См.: Б. А. Фролов, К вопросу о содержании первобытного искусства, «Сов. этнография», 1965, № 1, стр. 165—168; его же, Познавательное начало в изобразительной действительности палеолитического человека, сб. «Первобытное искусство», Новосибирск, 1971, стр. 91—117; его же, «Магическая» семерка, «Природа», 1972, № 5, стр. 52—59, и др.

⁸ З. Фрейд, Лекции по введению в психоанализ, М.—Пг., 1923, стр. 160—163.

щественной идеологией, как подчеркивают некоторые американские исследователи⁹. Не оказал ли какое-то влияние психоанализ как идеология на концепцию А. Леруа-Гурана?

Наука не может избавиться от идеологии просто потому, что всякий ученый — человек, живущий среди людей и воспитанный определенным обществом. Он может знать или не знать, хотеть или не хотеть — это не имеет никакого значения, но он всегда будет стоять на определенной идеологической позиции и смотреть на мир с этой позиции. Все дело лишь в том, насколько эта идеология близка или далека от научной обоснованности. Марксизм, подтвержденный практикой, и есть единственно научная идеология.

Второе замечание касается, на наш взгляд, серьезного логического недостатка работы А. Маршака. Всем известно требование логики определять понятия, которые употребляются в дискуссии. К сожалению, А. Маршак пренебрегает этим требованием, что часто ведет к положениям, которые не могут быть приняты. Так, например, книга называется «Корни цивилизации». Но что такое цивилизация? Под этой категорией автор понимает широкий круг явлений материальной и духовной жизни (стр. 12). В принципе не возражая против такого понимания, хотя и выраженного в описательной, а не в дефинитивной форме, тем не менее следует поставить вопрос: почему же автор, в сущности, исследует только область духовной культуры, даже суживая ее до исследования человеческого познания только «временных факторов»? Все же остальные области духовной и материальной деятельности остаются вне анализа.

Без определения остается и такое понятие, как «познание», что дает возможность А. Маршаку очень широко применять этот термин, например, в утверждении, что человек за миллионы лет до Ното habilis знал сезонные явления и использовал их (стр. 116). Но любое животное «знает» сезонные явления. Такие «знания» заложены в животном генетически, и хочет этого или не хочет автор, он стирает грани между человеком и животным. Вероятно, поэтому А. Маршак полагает, что «австралопитеки были уже развитыми гоминидами» (стр. 71), оставляя, однако, без ответа вопрос, какого уровня должны достичь гоминиды, чтобы их можно было назвать «развитыми». Весьма нечетко толкует автор и понятие «искусство». Это дает ему возможность утверждать, что синантроп обладал знаниями и искусством, возможными в его время (стр. 112). По Маршаку, умение поддерживать огонь уже есть искусство (стр. 113). Но такое положение просто ошибочно, в нем путается понятие «умение» с особой формой эстетической деятельности — художественным творчеством; правда, такое использование термина характерно для американской науки с середины XIX в. Или вот еще пример: слово, произнесенное синантропом, могло обозначать какой-то факт или событие, считает А. Маршак и тут же добавляет, что животное тоже может передавать «примитивные элементы истории, т. е. процессы и отношения» (стр. 119). Как видим, у автора не проводится различие между языком человека и «языком» животных. Ясно, что здесь автор путает понятия «коммуникация» и «речь» (см. стр. 117). Человеческая речь обладает коммуникативным свойством, но к нему не сводится, она является, как известно, орудием мышления.

Третий недостаток работы А. Маршака, на наш взгляд, заключается в том, что он, достаточно убедительно критикуя религиозную и сексуальную теории первобытного искусства, сам допускает ту же ошибку, что С. Рейнак и А. Леруа-Гуран, и ищет корни искусства в какой-то иной сфере духовной деятельности, скажем, не в религиозной, не в сексуальной, а в научной или, точнее, преднаучной, т. е. американский исследователь выводит искусство, как и критикуемые им авторы, не из опыта, а из другой формы общественного сознания. Поэтому оговорки о синкретизме первобытного искусства (стр. 57—58, 276—277, 370) или, выражаясь термином А. Маршака «комплектности» его (стр. 275), остаются лишь оговорками, не подкрепленными исследованиями. Кстати, не только в зарубежной, но и в советской литературе часто встречается именно такое отношение к первобытному сознанию, когда постулируют его синкретизм, а потом, забыв этот постулат, стараются вывести искусство не из синкретичного сознания, а из религии или какой-либо другой формы общественного сознания¹⁰. Не свидетельствует ли этот факт об ошибочности теории синкретизма? Вероятно, искусство имеет свои собственные истоки и их нужно искать.

Все эти замечания, однако, не снижают той оценки, которую мы уже дали книге: она очень интересна, содержит много нового материала, заставляет подумать над ним, может быть, даже поспорить по поводу его интерпретации. Но ведь всякий процесс научного исследования не обходится без споров, без возражений, без ошибок, ибо наука есть вечный поиск.

Р. Я. Журов.

⁹ Г. Уэлс, Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму, М., 1968, стр. 33.

¹⁰ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 30, 59, 61—64, 67, 69, 74—79, 82 и др.; А. А. Формозов, Очерки по первобытному искусству, М., 1969, стр. 8, 9; А. Д. Столяр, О генезисе образительной деятельности и ее роли в становлении сознания (К постановке проблемы), сб. «Ранние формы искусства», М., 1972, стр. 45, 48, 57—62, и др.

С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. М., 1974, 224 стр.

И у нас, и за рубежом неизменно проявляется огромный интерес к истории сибирских народов, совершивших после Великого Октября беспримерный скачок в своем социальном и культурном развитии. Все больше привлекает внимание читателей, причем отнюдь не только специалистов, одно из ценнейших достояний культурной истории сибирских народов — их замечательное искусство. За последние годы в нашей стране вышел ряд новых исследований в этой области и среди них мне хочется отметить капитальную монографию С. И. Вайнштейна «История народного искусства Тувы», опубликованную в канун тридцатилетнего юбилея Советской Тувы. Автор книги хорошо знает историю тувинского народа, все тонкости и детали многогранных форм его культуры и быта — археологическому и этнографическому изучению Тувы он посвятил четверть века. Рецензируемый труд — третья большая книга из цикла монографических исследований С. И. Вайнштейна по исторической этнографии тувинского народа. Если в предыдущем фундаментальном труде¹ С. И. Вайнштейн всесторонне исследовал тувинское кочевое хозяйство, его генезис и связанные с ним проблемы истории кочевников Азии, то теперь он обратился к одной из важнейших форм духовной культуры народа — его искусству.

Научную базу монографии, ее исследовательскую основу составляют прежде всего собственные материалы автора, собранные им в результате экспедиционных работ в Туве, а также кропотливо изученные коллекции многих музеев.

Следует подчеркнуть, что это первая книга по тувинскому народному искусству — искусству яркому и своеобразному, с глубокими многовековыми истоками. Вплоть до социалистического преобразования хозяйства Тува, как и ряд других территорий Южной Сибири, расположенных между Северной и Центральной Азией, издревле представляла собой зону, где проходили свой сложный исторический путь многие древние и средневековые племена и народности. Здесь, как и в Забайкалье, Минусинской котловине и на Алтае, веками скрещивались культурные влияния и возникали свои самобытные культуры.

В истории искусства кочевников, в особенностях его формирования много захватывающе интересно и вместе с тем крайне сложно, загадочного и проблематичного. Народное искусство, как известно, неразрывно связано с жизнью его создателей, с многоплановой биографией этноса. Поэтому историко-этнографический аспект изучения народного искусства, лежащий в основе исследовательского метода С. И. Вайнштейна, несомненно, весьма плодотворен.

Во введении к книге дана сжатая характеристика основных этапов этнической истории Тувы с древнейших времен до наших дней, а также историография темы исследования. Этнографическое изучение тувинцев началось сравнительно давно — еще в XVIII в., но тем не менее их народное искусство до последнего времени оставалось, увы, вне внимания исследователей. Собиратели этнографических коллекций, как справедливо отмечает автор, охотно включали в свои собрания предметы народного искусства, однако изучения этих ценнейших коллекций не проводилось. Памятники древнего и средневекового искусства, открытые в Туве благодаря обширным археологическим исследованиям, начатым здесь еще в 20-е годы С. А. Теплоуховым, а затем — после вступления Тувы в состав СССР, плодотворно продолженные местными, московскими и ленинградскими учеными (в том числе и автором книги), описывали и изучали, но все же не в плане истории искусства.

Исследуя развитие искусства в Туве на протяжении ее обозримой истории, С. И. Вайнштейн поставил перед собой очень нелегкую задачу. Ему предстояло не только тщательно изучить и описать современное тувинское народное искусство и реконструировать по рассказам старых мастеров, архивным записям и разрозненным музейным коллекциям исчезнувшие черты искусства кочевых тувинцев прошлого и начала нынешнего столетия. Пожалуй, самое трудное и, быть может, самое интересное и увлекательное, ждало автора книги в его поисках глубинных истоков искусства современных тувинцев.

Ставя эту задачу и решая ее на широком историческом фоне, автор обращается для сравнительного анализа к культурам древних и средневековых племен Тувы и сопредельных районов Южной Сибири и Центральной Азии. Сделанные в книге выводы освещают оставшийся почти совершенно неразработанным вопрос о специфике и общих закономерностях развития народного искусства кочевников от его древнейших форм до этнографически наблюдаемого современного состояния. В этом я вижу очень важную новаторскую роль монографии.

Рецензируемая книга состоит из введения, двух частей, включающих восемь глав, и заключения. Большой и тщательно подобранный иллюстративный материал содер-

¹ С. И. Вайнштейн, Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства, М., 1972. С. И. Вайнштейном была опубликована также большая работа, посвященная восточным тувинцам («Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки», М., 1961)

жит четыре цветные таблицы и 168 черно-белых таблиц, фотографий и рисунков, а также детально разработанную обширную таблицу из 140 основных орнаментальных мотивов и их модификаций в тувинском народном искусстве. В первой части книги всесторонне исследовано древнее и средневековое искусство племен Тувы, во второй — тувинское народное декоративно-прикладное искусство. Автор совершенно прав, рассматривая древнее и средневековое искусство кочевников Тувы в тесной связи с культурами других народов Евразии. Привлекая обширный сравнительный материал, он сумел выделить общее и особенное в искусстве племен, населявших бассейн Верхнего Енисея.

Первая глава посвящена древности. Она содержит сведения об археологии Тувы эпох камня и бронзы, скифского и гунно-сарматского времени, в ней подробно описаны и проанализированы наиболее интересные памятники древнего искусства Тувы. И именно здесь среди древнейших памятников, относящихся еще ко времени до появления в Южной Сибири кочевников, обнаружилось наиболее отдаленные и ранние связи народного искусства кочевников-тувинцев XIX — начала XX в. Эти связи С. И. Вайнштейн находит в неожиданном сходстве высеченных на камне древних личин эпохи бронзы (окуневская культура) с изобразительной символикой набобных поясков тувинских шаманов начала XX в.; в удивительно близких и по композиции, и по используемым орнаментальным мотивам украшениях керамических сосудов андроновского типа (II тысячелетие до н. э.) и еще совсем недавно бытовавших у тувинцев деревянных ведерок для жидкости ('хуунг') и др. обстоятельно написан раздел об искусстве скифского времени в Туве, о не перестающем удивлять и восхищать нас замечательном «зверином стиле», — происхождение и судьбы которого, несмотря на огромный и все возрастающий к нему интерес, еще во многом остаются загадочными. Очень любопытна и вполне приемлемая предложенная здесь гипотеза происхождения звериного стиля, в генезисе которого автор отводит определенную роль местным художественным традициям скифо-сибирских племен, часть которых, по мнению С. И. Вайнштейна, до перехода к кочевому скотоводству основывала свое хозяйство на охоте (стр. 34). Здесь же автор предлагает новую в определенной мере трактовку семантики монументальных памятников искусства того времени: оленных камней и некоторых наносившихся на них изображений (стр. 27—32). С. И. Вайнштейн приводит вполне убедительные доказательства сохранения в тувинском народном искусстве реальных пережитков скифо-сибирского звериного стиля. И среди наиболее ярких свидетельств тому — фотография на стр. 158. Здесь мы видим поразительно сходные украшения конской упряжи, выполненные в виде голов грифонов. Но одна пара таких головок вырезана из дерева две с половиной тысячи лет назад и происходит из кургана Алтая скифского времени, а другая сделана лишь несколько лет назад местным мастером на седле тувинца и сфотографирована С. И. Вайнштейном. В данной связи нельзя не вспомнить работы такого замечательного знатока древней и современной культуры народов Центральной Азии, каким был безвременно ушедший от нас в расцвете творческих сил Юрий Николаевич Рерих. Ведь именно он еще юный в то время, спутник и помощник Николая Константиновича Рериха, участник исключительного по своим масштабам и драматизму путешествия семьи Рерихов по Китаю, Монголии и Тибету, наткнулся на удивительно совпадение в стиле древнего и современного народного искусства кочевников Тибета и Монголии. Это был живой, но вместе с тем и древний в его истоках, «скифо-сибирский» «звериный стиль», как его назвал Г. И. Боровко. Аналогичное явление обнаружил у тувинцев и описал в своей книге С. И. Вайнштейн.

Значительное место отведено в этой книге и искусству племен Тувы гунно-сарматского времени, в том числе его чрезвычайно любопытным образцам, найденным в могильнике Кокэль, раскопанном автором книги и В. П. Дьяконовой в конце 50-х — начале 60-х гг. Среди них особенно заслуживают внимания покрытые красочной росписью деревянные боченки и целая коллекция моделей мечей и кинжалов. Несомненный интерес у читателя вызовет увлеченно написанные страницы, посвященные петроглифам открытого автором древнего святилища на горе Сын-Чюрек (стр. 46—53).

Во второй главе рассматриваются памятники средневекового искусства Тувы. Вполне закономерно наибольшее внимание уделено здесь древнетюркской эпохе, т. е. тому времени, когда складывались основы этноса тувинцев. Многие элементы древнетюркской культуры, в том числе и искусства, повлияли позднее, как убедительно показал автор, на формирование традиционной культуры тувинцев. Роль древнетюркского искусства, особенно в орнаментике тувинцев, детально рассматривается в монографии. Характеризуя монументальные памятники древних тюрков (так называемые каменные бабы), автор выдвигает интересную гипотезу, что те из статуй, которые изображены с сосудом в руках, воздвигались умершим предкам, те же, которые лишены этого атрибута, обозначали убитого умершим врага (стр. 71—72). Ряд разделов главы посвящен искусству Тувы в период господства там кыргызов и монголов.

Во второй части книги описываются и анализируются различные виды декоративно-прикладного искусства, их развитие от XIX в., когда завершилось сложение тувинской народности, до наших дней. Здесь читатель знакомится как с изобразительным творчеством кочевых тувинцев-скотоводов и оленеводов-охотников XIX — начала XX в., так и с их искусством после перехода на оседлость в условиях нового социального быта в Советской Туве. В шести главах второй части книги, главным образом на основе этнографических вещественных материалов, подробно и всестороннее рассмат-

риваются художественная обработка металлов, дерева, бересты, кости, войлока, кожи; сюжетные изображения на плоскости; скульптура малых форм; особенности орнамента и его генезис. Здесь же даны творческие портреты лучших современных мастеров. Автор приходит к обоснованному выводу, что основные черты традиционного народного искусства тувинцев сложились уже к концу XVIII — началу XIX в.

Но, как оказалось, художественная обработка металла, войлока, кожи, сложная и пышная орнаментика, развившись лишь у тувинцев-скотоводов — жителей степей и горных долин; тувинцы же оленеводы и охотники — обитатели восточнотувинской горной тайги — этих видов искусства не знали. Предметы их быта не украшали, например, крупные и яркие многокрасочные узоры, столь свойственные западным тувинцам — скотоводам; на берестяных, деревянных и костяных изделиях восточных таежных тувинцев мы видим, хотя и очень любовно выполненные, но лишь мелкие и несложные орнаменты. В то же время у таежных тувинцев некоторые формы декора — оказались чрезвычайно архаичными и своеобразными. Достаточно сказать, что С. И. Вайнштейну удалось открыть у них древнейший способ орнаментации бересты: женщины наносили узор, надкусывая бересту зубами. До исследований автора этот способ декорировки был известен в прошлом лишь у хантов в Сибири и алгонкинов в Америке.

В чем же причина, казалось бы парадоксальных, различий в искусстве одного народа? С. И. Вайнштейн аргументированно объясняет ее не только давними этнокультурными традициями, но и весьма тесной связью народного искусства с производственной деятельностью и уровнем социального развития, прослеживает влияние на формирование традиционного искусства хозяйственно-культурных типов Тувы, которые были детально исследованы в монографии автора (1972 г.), посвященной проблемам кочевого хозяйства тувинского народа.

Анализируя генезис тувинского народного искусства, С. И. Вайнштейн выявил в нем историко-генетические слои, развивавшиеся в течение очень длительного времени и составляющие основной фонд традиционного народного искусства тувинцев. Автор подчеркивает, что эти слои не существуют в виде изолированных комплексов, а тесно взаимосвязаны в народном искусстве, хотя некоторые виды украшений, предметов быта декорированы узорами, относящимися к одному историко-генетическому слою. Сравнительно-историческое изучение тувинского народного искусства позволило С. И. Вайнштейну прийти к важному выводу, что оно имеет глубокие местные корни, свидетельствующие об ошибочности распространенного еще в недавнем прошлом взгляда о его развитии главным образом под влиянием оседлых цивилизаций Восточной Азии.

В заключительном разделе книги рассматриваются общие закономерности развития народного искусства у кочевников. Отмечая ошибочность теории об извечной застойности культуры кочевников, и в частности их искусства, С. И. Вайнштейн обосновывает вывод, согласно которому для искусства кочевников на всем протяжении их истории характерно органическое сочетание древних традиций с постоянно обогащающимися и обновляющимися формами.

В Советской Туве, как и в других республиках Советского Востока, бывшие кочевники в условиях новой жизни успешно развивают социалистическую культуру, в которой важное место сохраняет и народное искусство. В рецензируемой книге подробно рассматриваются достижения декоративно-прикладного искусства за тридцать лет, прошедшие после вхождения Тувы в состав СССР. С особым теплом рассказывает автор монографии о творчестве лучших народных мастеров современного тувинского прикладного искусства, в особенности о замечательных камнерезах, работы которых известны далеко за пределами их родного края.

Следует отметить хорошее качество многочисленных иллюстраций, большую часть которых выполнил сам автор. Хочется от души поблагодарить Издательство «Наука» за оформление книги, сделанное с большим вкусом, за высокий полиграфический уровень печати. Остается лишь пожалеть, что книга вышла очень небольшим тиражом — всего 2000 экземпляров, хотя она, несомненно, привлечет внимание не только специалистов-искусствоведов, археологов и этнографов, но и широкого круга читателей, интересующихся историей культуры нашей многонациональной Родины.

Как и всякий большой обобщающий труд, посвященный сложной проблематике, рецензируемая книга не лишена отдельных спорных положений, не все вопросы освещены с равной полнотой, встречается и несколько погрешностей.

Характеризуя древние и средневековые петроглифы Тувы, автор ограничивается главным образом материалами Сыын-Чюрека, бесспорно чрезвычайно интересными, но все же хотелось бы, чтобы в книге было больше сведений и о других наскальных изображениях, которыми столь богата Тува. Хотелось бы также, если будет второе издание книги, чтобы этнографические материалы в ней были шире привлечены для интерпретации писаниц. Тем более, что в петроглифах отражен во многом еще загадочный для нас духовный мир древних охотников и скотоводов, своеобразные и яркие пережитки которого дожили в Южной Сибири до недавнего прошлого. Совершенно очевидно, что без привлечения сравнительных этнографических материалов мы никогда не сможем даже приблизиться к раскрытию подлинного идейного смысла древних петроглифов. Как убедительно показал в своей книге автор, искусство кочевников не только развивалось в своих самобытных формах, но и постоянно обогащалось в результате разнообразных — непосредственных и весьма опосредованных — связей с культурами оседло-земледельческих народов. Некоторые из таких воздействий были связаны с буддизмом, про-

никшим в бассейн Верхнего Енисея не позднее начала XVII в. Но влияние буддизма на искусство тувинцев (а с ним был привнесен в Туву, как утверждает автор, и образ фантастической птицы Хан-Херети-Гаруды, зародившийся в далекой Индии, и образ мифического льва Арзылана и др.) рассмотрено в книге излишне скупо. Курганы Ноин-Улы отнесены к I в. до н. э. (стр. 216). Но, не исключая возможности сооружения отдельных курганов могильника в это время, все же представляется более вероятной его датировка рубежом н. э. Но эти недочеты не снижают в целом высокого уровня монографии, являющейся, несомненно, крупным вкладом в советскую историческую науку.

И в заключение хочется отметить тот факт, что само по себе появление такого значительного труда по искусству одного из народов Южной Сибири свидетельствует о важных достижениях советской этнографической науки. Для нее характерен широкий, в полном смысле комплексный подход к своему объекту, широкий исторический кругозор и проникновение в глубь исторического процесса. Автор книги выпукло показал не только самобытность искусства тувинского народа, не только его богатейшее историческое наследие, но и то, как эти традиции плодотворно и ярко проявляются в настоящее время. Так показана наглядно и неопровержимо «связь времен»!

Именно поэтому, читая книгу С. И. Вайнштейна, переживаешь чувство глубокого удовлетворения и радости за небольшой, но талантливый тувинский народ, сумевший не только донести до нас мастерство далеких предков, но и подняться до вершин высшей цивилизации нашего времени — цивилизации социализма.

А. П. Окладников

Е. А. Крейнович. Нивхгу. М., 1973; 496 стр.

Автор книги Е. А. Крейнович посвятил изучению этнографии и языка нивхов около 50 лет жизни. Он глубоко исследовал быт этого народа в период, когда нивхи были еще мало затронуты новыми социалистическими преобразованиями. Едва окончив Ленинградский университет, где Е. А. Крейнович прошел школу известного ученого Л. Я. Штернберга, он в 1926 г. на несколько лет уезжает на Сахалин, чтобы приблизить к новой жизни нивхов — небольшой народ, не знавший письменности и до Великой Октябрьской социалистической революции находившийся на грани вымирания. Хотя после революции все предпосылки для коренных перемен в судьбах нивхов были уже созданы, для осуществления их требовалась огромная работа по перестройке основ жизни народа. Надо было помочь этому народу понять, какие огромные возможности и перспективы открыла перед ним Советская власть и способствовать реализации этих возможностей.

Е. А. Крейнович учил нивхских детей, занимался ликвидацией неграмотности среди взрослых, работал в советских органах. Глубоко изучив быт нивхов и их язык, он написал в 30-х годах ряд исследований по этому языку, создал первый нивхский букварь, опубликовал несколько этнографических работ, посвященных обычаям и религиозным верованиям нивхов.

Глубокое проникновение в сущность мировоззрения нивхов, их религиозных верований, быта, интерес к различным проявлениям жизни народа, отличное знание его фольклора и языка позволили Е. А. Крейновичу написать рассматриваемую книгу, произведение в высшей степени оригинальное. Автор избрал форму дневника, позволившую ему не только красочно описать наблюдаемые явления, но и дать живые картины быта нивхов. Читателю такая форма позволяет лучше познакомиться с методикой работы автора.

Разумеется, форма дневника весьма условна: хотя автор начинает его 12 апреля 1926 г. и заканчивает 27 июля 1928 г. (этими же датами начинается и оканчивается книга), содержание отнюдь не ограничивается материалами, собранными Е. А. Крейновичем на Сахалине в этот отрезок времени. В работу включены материалы, собранные и в более поздних поездках автора на Сахалин и Амур, включая 50-е годы. Но все материалы столь органично связаны между собой, что объединение их кажется естественным. Оно дает возможность показать некоторые локальные различия в культуре нивхов. Можно только пожалеть, что этому важнейшему вопросу, связанному с этногенезом народа, автор, видимо, в целях экономии места не уделил больше внимания.

Однако у дневниковой формы изложения материала есть и существенный недостаток: мысли, идеи, вынашивавшиеся автором в течение многих десятилетий, подкрепленные материалами 50-х годов, изложены так, будто они возникли в ранний период его деятельности среди нивхов, хотя против этого свидетельствуют работы самого Е. А. Крейновича 30-х годов. Автору следовало, по-видимому, оговорить это обстоятельство.

В работе описываются все стороны жизни нивхов; в первом разделе — их основные промысловые занятия: рыболовство, таежная охота (добыча крупного и пушного зверя), способы добычи морских животных, собирательство, собаководство. Второй раздел по-

священ общественной жизни нивхов, третий — их религиозным верованиям; по объему все три раздела примерно равны.

Надо иметь в виду, что основной материал, которым оперирует автор, характеризует быт нивхов дореволюционного периода: уже тогда, в 20-х годах, Е. А. Крейнович работал преимущественно со стариками — знатоками, традиций.

Е. А. Крейнович многократно подчеркивает, что он наблюдал быт и мировоззрение неолитического человека. Из трудов Л. И. Шренка, Л. Я. Штернберга, Б. О. Пилсудского и др. известно, что в середине XIX в., и тем более в поздний период, нивхи были весьма далеки от стадии первобытного общества. Они широко использовали металлы, ткани, различные бытовые предметы, получаемые в обмен на пушнину. Об активности нивхских торговцев в XVIII в. писал Л. И. Шренк. О «князях» у нивхов сообщали русские землепроходцы, а это — бесспорное свидетельство того, что у них в XVII в. существовала уже имущественная дифференциация. Пушнина уже в этот период служила у нивхов товаром, а частная собственность получила значительное развитие. В конце XIX — начале XX в. в жизни нивхов наблюдались большие перемены, шла перестройка их экономики и быта под влиянием тесных контактов с русским населением; о ломке многих обычаев писал, в частности, Л. Я. Штернберг, наблюдавший в это время нивхов. Конечно, их быт был достаточно своеобразен, но называть их «неолитическими людьми» в 20-х годах неправомерно.

Хотя нивхам и посвящена обширная литература, автор вносит чрезвычайно много нового в описание культуры этого народа.

Глубокое знание языка нивхов, способность проникать в сущность наблюдаемых явлений позволили Е. А. Крейновичу сделать чрезвычайно интересные наблюдения. Так, о поразительном знании народами Севера окружающей природы, позволявшем им осваивать ее в промысловых целях, писали многие авторы. Но Е. А. Крейнович приводит поистине уникальные примеры из этой области. Так, например, он записал около 30 терминов, обозначающих у нивхов различные виды водоемов и их особенности; более 30 терминов, характеризующих различные виды рельефа; чрезвычайно интересные «возрастные» термины для деревьев. Эти и многие другие приводимые автором примеры опровергают бытующие иногда представления о бедности языков малых народов¹.

Много новых фактов приводит автор, рассказывая о жилых и хозяйственных постройках нивхов, промыслах и религиозных верованиях, связанных с ними. Е. А. Крейнович досконально выяснял, как нивхи воспринимают и объясняют различные явления практической жизни или религиозного характера.

Автор описал далеко не все способы и методы рыболовства или охоты нивхов — в этом смысле работа не может претендовать на исчерпывающую полноту, — но те, о которых читатель узнает из книги, автор изучил до тонкости. Многие из приводимых им данных, относящихся к традиционным промыслам и материальной культуре, в предшествующей литературе отсутствуют.

Большое место Е. А. Крейнович уделяет религиозным представлениям нивхов. Описание медвежьего праздника он приводит в разделе, где говорится о социальной жизни нивхов, что вполне оправдано, ибо этот культ играл у них огромную роль. Есть множество работ, посвященных медвежьему празднику, но у Крейновича дано наиболее полное его описание (70 стр.). Остаются нераскрытыми лишь мелкие детали. Так, непонятно, изображения каких зверей и с какой целью нивхи развешивали во время обряда; почему они держали медведя после смерти своих взрослых родственников, долго ли считалось табуированным жилище хозяина медведя и почему; остается неизвестным, кто из женщин мог танцевать во время праздника. Автор не объясняет, почему только по отношению к медведю как таковому, а не только к его мясу, существовало столько различных запретов, тогда как к другим животным подобных ограничений не применялось.

Не совсем понятно также замечание Е. А. Крейновича о том, что обряд медвежьего праздника возник тогда, когда нивхи еще не знали тканей (во время обряда, по словам автора, надевались халаты из рыбьей кожи). Автору, видимо, хорошо известно, что ткачества у нивхов не было вообще, а одежду из рыбьих кож они носили даже в конце XIX — начале XX в., хотя в этот период пользовались уже привозными тканями. Выяснение всех деталей медвежьего праздника помогло бы лучше понять этот ритуал.

Объяснения Е. А. Крейновичем отдельных действий нивхов на медвежьем празднике представляются в высшей степени спорными. Так, например, он считает, что табуирование потребления некоторых частей медведя во время праздника вызывалось не религиозными мотивами, а «древней борьбой людей за доли мяса, борьбой, завуалированной религиозной мистикой» (стр. 242). Он пишет: «Старики подавляли психику молодых всевозможными устрашениями, запретами» (стр. 243) — и даже считает, что без подобных противоречий в первобытном обществе — между мужчинами и женщинами, стари-

¹ О необычайной наблюдательности нивхов свидетельствует и наличие в их языке множества терминов, которыми они обозначают крики различных животных, птиц, шум, производимые рыбами в различных ситуациях. Подобных терминов автор записал около 60. Особый интерес представляет система счета нивхов: они употребляют различные количественные числительные в зависимости от признаков предмета (формы, качества и пр.).

ками и молодыми — «древнее человеческое общество не имело бы стимулов для внутреннего развития» (стр. 247). Но подобные «стимулы» были бы скорее присущи стаду животных (да и то не всякому). Все запреты для женщин прикасаются к охотничьим орудиям, участвовать в обрядах жертвоприношений таежным духам и т. д. автор объясняет стремлением увековечить разделение труда между полами (стр. 252) и рассматривает как показатель якобы извечного униженного, подчиненного положения женщины (стр. 250). «Отправившись на охоту в лес или в море,— пишет он, — мужчины-нивхи притесняют посредством табу своих женщин, остающихся в селении» (стр. 252). Описывая широко бытовавшие в далеком прошлом пережитки религиозных верований, автор склонен рассматривать их скорее как «орудия» «злой воли мужчин», стремившихся «всеми способами подчинить себе и унижить женщин». «Чтобы возвеличить себя, мужчины стали приписывать мужские свойства наиболее важным явлениям природы, женские — менее важным... Так возник грамматический род, пережиточный существующий в очень многих языках, в том числе и в русском. Например, дуб, клен, ясьень относятся к мужскому роду несомненно потому, что обладают самой крепкой и прочной древесиной, чего нельзя сказать об осине» (стр. 255).

Из приведенных данных видно, что архаизация материалов приводит автора к утверждению извечности патриархата. При этом некоторые явления не получают у него материалистического объяснения. Он почему-то не учел, что и сами мужчины соблюдали множество различных запретов, глубоко верили в их необходимость, строго им следовали (стр. 350—352 и др.). Отмеченные же автором различные религиозные запреты, соблюдавшиеся женщинами, нельзя рассматривать как показатель приниженного положения женщины. Что касается вопроса о положении женщины у нивхов, то здесь уместно привести мнение Л. Я. Штернберга, который писал об уважительном отношении нивхов к женщине-матери, о нежной любви родителей к своим дочерям и т. д.² Разумеется, многим фактам жестокого обращения нивхов с женщинами в отдельных жизненных ситуациях, приводимым Е. А. Крейновичем, нельзя не верить. Но этот вопрос многогранен, к нему нужно подходить осторожно и не соотносить его со временем неолита.

Приведенные в работе легенды нивхов о существовании кровнородственных браков и о первых запретах таких браков автор склонен трактовать так же, как Л. Я. Штернберг (стр. 257, 258). Такой подход, как и суждения о возникновении экзогамии, о семье типа пуналуа как об очень ранней форме, свидетельствует о том, что автор не учел новейших исследований в этой области.

Большую ценность представляют материалы автора (стр. 260—283) по терминологии родства нивхов. В ряде случаев у него обнаруживаются расхождения с материалами Л. Я. Штернберга. Е. А. Крейнович справедливо замечает, что это, видимо, объясняется локальными различиями в языке нивхов. Однако, приводя обширные материалы по данной теме, автор, к сожалению, сам далеко не всегда называет места фиксации терминологии.

Приводя новые, очень интересные факты о запретах общения между различными категориями родственников, Е. А. Крейнович объясняет, однако, только причины запретов общения братьев с сестрами, но не касается такого же рода проблем в связи с запретом общения между братьями.

Большое внимание автор уделяет вопросу о так называемой кольцевой связи трех родов. Он пишет, что у нивхов Сахалина ему не удалось обнаружить этого описанного Л. Я. Штернбергом явления. Автор предполагает, что Л. Я. Штернберг наблюдал его лишь у жителей селения Хузи (Лиман), считая, что это явление характерно для всех нивхов (стр. 304). В вышедшей одновременно с рецензируемой нами работой статье Е. А. Крейновича³ говорится, что эта трехсторонняя родовая связь не существовала уже при Л. Я. Штернберге и что этот ученый «замкнул ее ошибочно». Истинную позицию Е. А. Крейновича по этому вопросу трудно понять. Считает ли он, что Штернберг действительно наблюдал данное явление в Хузи или же восстановил трехродовую фратрию чисто гипотетически?

Е. А. Крейнович пишет, что «трехродовая фратрия» могла «существовать лишь в результате разложения древних норм брака у нивхов», но такая трактовка требует обоснований. Сомнение вызывает также утверждение, что обмен женщинами между двумя родами представляет собой вопиющее нарушение «древних брачных отношений» (стр. 304).

Е. А. Крейнович лишь бегло коснулся такого важного аспекта общественной жизни нивхов, как характер собственности на промысловые угодья (стр. 63, 464). Однако необходимо заметить, что по данному вопросу имеется довольно много литературы, относящейся к середине XIX в., в которой достаточно ясно подтверждается тот факт, что нивхи свободно пользовались рыболовными промысловыми угодьями. Об этом же писал и Л. Я. Штернберг⁴. Поэтому ссылки Е. А. Крейновича на довольно позднюю работу

² Л. Я. Штернберг, Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933, стр. 112, 374 сл.

³ Е. А. Крейнович, О пережитках группового брака у нивхов, «Страны и народы Востока», вып. XV, М., 1973, стр. 226.

⁴ Н. К. Бошняк, Экспедиции в Приамурском крае, «Морской сборник», № 12, СПб., 1858, стр. 189, 190; Ф. Б. Шмидт, П. Глен, Исторические отчеты, «Труды сибирской экспедиции», т. 1, СПб., 1868, стр. 24; Л. И. Шренк, Об инородцах Амурского

ихтиолога В. Бражникова, занимавшегося не этнографией, а совсем иными вопросами, связанными с рыболовством в конце XIX — начале XX в., звучат неубедительно. Что же касается характера собственности у нивхов на собольные речки, то она никогда не была родовой, а переходила по наследству от отца к сыну. С прекращением пользования ею собольную речку мог использовать любой человек, даже совершенно чужой в данной местности⁵. Но и эта форма собственности возникла у нивхов, видимо, в результате развития товарного пушного промысла.

Существуют и иные трактовки вопросов собственности. (А. М. Золотарев, Е. А. Крейнович и др.), однако наличие здесь разногласий свидетельствует об их сложности. Характерно, что ни А. М. Золотарев, ни Е. А. Крейнович совершенно не используют данные фольклора (см., например, сборники нивхского фольклора Л. Я. Штернберга), а также материалы указанных выше авторов XIX в.

Совершенно уникальные материалы Е. А. Крейновича по религиозным верованиям нивхов. Как и в предыдущих разделах, он стремится проникнуть в самую глубину древних представлений этого народа, объяснить все элементы того или иного обряда. В ряде случаев автор углубляет и конкретизирует аналогичные данные Л. Я. Штернберга. Особенно большой интерес представляют разделы, посвященные культу близнецов, утопленников, нивхов, убитых медведем. Таких людей считали существами, навсегда связанными с миром подводных и таежных обитателей, и своими родственными духами-помощниками в промыслах. На основе подобного рода представлений у них возникло множество интереснейших обрядов.

Многие элементы этих представлений и обрядов прослеживаются в религиозных верованиях тунгусоязычных соседей нивхов⁶. Можно предположить, что некоторые из них существовали в Приамурье и на Сахалине с древнейших времен.

В работе Е. А. Крейновича имеется в разных разделах много отдельных фактов, позволяющих пролить свет на до сих пор не решенные в науке вопросы, касающиеся происхождения нивхов. В этом плане представляют, на наш взгляд, интерес такие факты, как существование на Северном Сахалине топонимов, не переводимых с нивхского языка (стр. 48, 49, 65 и др.). С аналогичными явлениями мы встречались у нивхов многократно. Не менее важно и следующее заключение Е. А. Крейновича, сделанное им на основании исследования языковых материалов: основой ориентации нивхов в пространстве служат не страны света (учитываемые ими при обозначении ветров), а течения рек. «Видимо, нивхи — исконно речные обитатели и на побережье моря вышли относительно недавно» (стр. 53). Можно было бы привести и некоторые другие примеры, имеющие важное значение при решении проблем этногенеза нивхов.

Для Е. А. Крейновича характерно теплое, уважительное, сердечное отношение к маленькому народу нивхов, проявившееся и в рецензируемой работе.

Весь труд Е. А. Крейновича насыщен первоклассными этнографическими материалами, характеризующими все области нивхской культуры. Без сомнения, он станет важным источником для специалистов по истории первобытного общества, религии, а также для исследователей истории, этногенеза, культуры и быта населения Приамурья и Сахалина.

А. В. Смоляк

края, т. II, 1898, стр. 117, 118, 120, 212, 233 (данные 1850-х годов); В. В. Меркушев, Статистическое обследование инородцев Сахалинской области, Сахалин, 1913, стр. 24, 26; Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 111, 377.

⁵ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 110.

⁶ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939; см. также А. В. Смоляк, О некоторых старинных традициях в современном быту ульчей, «Бронзовый и железный век Сибири», вып. IV, Новосибирск, 1974.

Ономастика Поволжья, вып. 3. Уфа, 1973, 431 стр.

Вышел в свет очередной, третий выпуск сборника «Ономастика Поволжья». Он содержит, как и предыдущие два выпуска, статьи по разным разделам ономастики: этнонимии, антропонимии, топонимии, космонимии, зоонимии и пр. Наиболее полно представлены в нем антропонимия и топонимия. Тематика сборника отражает особенность изучаемого региона — сложность этнического состава населения. Значительная часть исследований, помещенных в сборнике, посвящена лингвистическим проблемам. В данной рецензии основное внимание обращено на статьи, тематически близкие к этнографии и истории.

В разделе «Этнонимия», начинающем книгу, рассматриваются проблемы тюркской этнонимии Поволжья. Р. Г. Кузеев в статье «Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир» показал, что в последние десятилетия сформировались

два основных направления в использовании родо-племенной этнонимии при исследовании этнической истории народов. Цель первого, традиционного, — выяснение семантики названия того или иного народа. Р. Г. Кузеев считает, что наибольшее значение для исследований по этнической истории имеют: а) выяснение происхождения этнонимов и их последующего развития в различной языковой среде; б) установление времени и исторических обстоятельств появления этнонимов и их носителей в составе данного этноса (особенно этноязыковой характеристики поздних носителей этнонимов).

В статье рассматриваются также методические вопросы. В исследованиях, основанных на использовании массового материала, обладающего высокой степенью репрезентативности, можно применить метод историко-стратиграфического членения, который заключается в выделении этнонимических пластов. Используя этот метод, Р. Г. Кузеев выделяет в башкирской родо-племенной этнонимии сеть историко-стратиграфических пластов. На основе их изучения сделаны некоторые выводы об этногенезе башкирского народа. В частности, решающую роль в формировании башкирского народа сыграли два этапа тюркской миграции: древнебашкирский (VIII—IX вв.) и кыпчакский (XIII—XIV вв.). Окончательное формирование языка и культуры башкир связано с кыпчакским наплывом в XIII—XIV вв.

Выводы, заключающие статью, имеют как методическое, так и общеисторическое значение. Историко-этнографическое членение накопленного свода этнонимов по определенному этносу с последующим семантическим и этимологическим разбором типичных или характерных названий представляется наиболее перспективным путем исследования. В настоящее время, по мнению Р. Г. Кузеева, задача заключается в том, чтобы добиться органического сочетания историко-этнографической и лингвистической интерпретации всего корпуса тюркской и финно-угорской этнонимии.

В. В. Пименов и В. В. Федоров в статье «Удмуртские и марийские названия народов Поволжья», обратившись к опыту использования статистических методов в социальных исследованиях, пытаются ответить на вопрос — применим ли статистический метод при исследовании этнонимических данных. Программа проведенного авторами среди удмуртов и марийцев опроса предусматривала выяснение ряда факторов (пол, возраст, социальное положение, родной язык, образование, давность жительства в данном городе или селе, откуда приехал в данный город или село) с последующим выделением в них нескольких внутренних подразделений. Это помогло обнаружить среди удмуртских и марийских этнонимов традиционные и нетрадиционные. Последние удмурты и марийцы употребляют для названия соседних с ними народов. Под влиянием различных экономических и исторических причин набор этнонимов меняется. На основании своих исследований В. В. Пименов и В. В. Федоров считают возможным применение статистического метода в этнонимических исследованиях.

В следующем, антропонимическом разделе сборника разбираются проблемы тюркской и славянской антропонимии. Он начинается статьей В. А. Никонова «Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир». Автор поставил задачу выяснить движение именника тюркских народов в целом, не ограничиваясь рассмотрением отдельных имен или групп имен, как это делали до сих пор исследователи тюркоязычных народов. На основе сплошного подсчета имен всех новорожденных в татарских и башкирских однонациональных семьях на больших территориях и сопоставления полученных данных с результатами аналогичных подсчетов по некоторым другим тюркоязычным народам (узбеки Самарканда и двух районов Самаркандской области; азербайджанцы Баку и трех районов Азербайджанской ССР)¹ В. А. Никонов делает очень интересные выводы. Так, хотя набор употребляемых личных имен у татар и башкир, как и у других тюркоязычных народов, во много раз больше, чем у русских, отмечается явная тенденция к уменьшению именника. Автор показывает значительные изменения в составе именника татар и башкир. В настоящее время в десятке самых распространенных имен (мужских и женских) у татар и башкир и в городе и в селе почти не входят имена из десятка наиболее употребительных в дореволюционное время. Проанализировав распространенность традиционных имен, а также новых заимствований из именников русских и западноевропейских, автор особо подчеркивает, что у тюркоязычных народов нашей страны идет активный процесс размежевания личных имен по форме на мужские и женские. «Механизм» этого процесса заключается в том, что реже избираются имена, не отвечающие новой норме, а некоторые привычные имена преобразуются; в имя девочки добавляются финальный гласный и отбрасывается финальный согласный. В заключение статьи говорится о необходимости вести решительную борьбу с искажениями в записи имен. В этом должны помочь справочники татарских и башкирских имен, над составлением которых работают специалисты в области антропонимии.

Г. Ф. Саттаров в статье «Отглагольные антропонимы в татарском языке» справедливо отмечает, что, хотя и в исторической и в современной татарской антропонимии отглагольные имена составляют специфический лексико-грамматический раздел, до сих пор еще нет специальных исследований, посвященных системному описанию историко-лингвистических и этнографических особенностей тюркских отглагольных антропонимов. В статье подробно освещены зафиксированные формы образования отглагольных имен, прозвищ и фамилий и убедительно доказано, что в современном татарском языке

¹ Подсчетами охвачено около 100 тыс. чел.

отглагольные личные имена распространены меньше, чем в других тюркских языках. Многие из них превратились в антропонимические архаизмы или же бытуют в большинстве случаев лишь в качестве названий населенных пунктов и старинных фамилий.

Анализу современных татарских имен посвящена также статья И. В. Большакова «О татарских именах». Как и многие авторы рецензируемого сборника, И. В. Большаков считает, что необходимо упорядочить написание ряда татарских имен в русской транскрипции и издать более полный словарь-справочник татарских имен.

В ряде статей рассматриваются проблемы антропонимии башкир. Так, Т. М. Гарипов поместил в сборнике работу «О древних кыпчакских именах в антропонимии башкир», Т. Х. Кусимова выступила со статьей «Антропонимы в башкирских шеджере».

Н. Д. Гарипова в статье «Персидские элементы в именах башкир» отмечает, что в современном башкирском языке персидские имена деизмологизировались, но не потеряли оттенка чужеродности; тем самым они выполняют особую эстетическую функцию. В статье отмечается, что вопрос о том, когда и какими путями проникали в башкирский язык иранизмы, до сих пор не разрешен.

В статье З. Г. Ураксина «Башкирские антропонимы из этнонимов» показано функционирование родовых названий в качестве личных имен.

Ф. Ф. Илимбетов выступил в сборнике с интересной статьей «Личные имена как источник при изучении древних верований башкир», в которой рассмотрены башкирские имена, образованные от слов «волк», «собака», «медведь». Этнографические материалы, по мнению автора, свидетельствуют о том, что предкам башкир были известны тотемические культы волка, собаки, медведя. Можно также предположить, что первоначально определенная группа башкир имела какой-то один тотемический культ. Однако современное состояние источников не позволяет выявить их районирование.

Ряд статей рассматривает вопросы славянской антропонимии Поволжья. Некоторые из них посвящены взаимодействию русской и иноязычной антропонимии. К таким исследованиям относится работа Р. Х. Субаевой «Особенности бытования календарных русских имен у татар-кряшен». Автор анализирует фактический материал, охватывающий большой хронологический период, начиная с христианизации народов Поволжья. Аналогичные процессы, но относящиеся уже к современности, показаны в статье Ф. М. Куприяновой «Выбор имен в национально-смешанных семьях». Исчерпать эту проблему пока еще трудно из-за отсутствия массового сопоставимого материала, относящегося и к современности, и к прошлому.

В рецензируемом сборнике вопрос о происхождении ряда наименований и их исторических корнях разбирается в статье Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения».

В статьях, помещенных в антропонимическом разделе, наиболее полно разбирается состав имен. Особо следует отметить статью В. Д. Бондарева «Женские личные имена в конце XIX в.». Поставленная проблема решается в ней на материалах г. Пензы. Однако это исследование имеет не только локальный интерес; оно в какой-то мере отражает закономерности, характерные для общерусской антропонимии. Заслуживает внимания метод, которым пользовался автор; количественные характеристики дополняются качественным анализом именников. Это дает возможность проследить особенности именника, его изменения и функционирование. Назрела необходимость в проведении аналогичных работ по другим городам для получения сопоставимых данных. Их отсутствие чувствуется уже в ряде статей рецензируемого сборника. Так, во второй статье И. В. Большакова «Из практики выбора личных имен в русских семьях Казани» прослежены современные антропонимические процессы по материалам ЗАГС (пополнение состава именника, степень употребляемости имен и др.). Однако автор отмечает, что недостаточность материалов, а также отсутствие аналогичных данных по другим городам не позволили выявить главное — причины, влияющие на изменение состава личных имен.

Одним из направлений антропонимии является изучение фамилий и отчеств. В частности, изучению неофициальных фамилий посвящена статья Т. А. Исаевой «Морфемные типы и география неофициальных фамилий в Горьковской области», особенно ценная для этнографов — специалистов по данному региону. Автор рассматривает бытование неофициальных фамилий в ряде сельских местностей, где это явление носит традиционный характер. Особое внимание обращается на патронимические функции таких антропонимов, по большей части наследственных. Очень ценно, что начата работа по картографированию этого материала; это поможет выявить ареалы и степень распространения неофициальных фамилий в прошлом и настоящем.

Не меньший интерес представляет статья Г. Я. Сминой «История отчества», в которой на материалах Пинежья прослежено появление и постепенное оформление отчества в русской крестьянской среде. Кроме того, отмечено бытование на Пинежье двух антропонимических систем: официальной (с трехчленным сочетанием имя + отчество + фамилия) и древней традиционной, когда отчество определяло человека не по отцу, а по хозяину двора (женщину по мужу, по свекру, детей по матери, стоящей во главе двора). Автор не только прослеживает судьбу этой традиции, но и подчеркивает социальную функцию отчества в тех или иных условиях.

Статьи по топонимике тематически чрезвычайно разнообразны. Они посвящены этимологии отдельных топонимов и топонимии региона, хронологии топонимических

пластов, форме и степени взаимодействия языков в сфере наименований, особенностям топонимического словообразования и другим вопросам.

Особенно много в сборнике статей, рассматривающих топонимию отдельных регионов. Их авторы используют различную методику. Так, Г. П. Смоликой в статье «Субстратная гидронимия бассейна реки Оки» удалось с помощью приемов картографирования показать ареалы гидронимов Поочья, отметить изолированность одних ареалов и найти аналогии для других, в частности, на территории Русского Севера. К сожалению, она ограничилась лишь описанием ареалов, не ставя задачу изучить их происхождение и историческую судьбу.

Е. В. Ухмылина в статье «Параллельные названия населенных пунктов Горьковской области» показала, как и когда употребляются те или иные варианты топонимов, проследила их распространение, закономерности размещения и т. д. Е. В. Ухмылина справедливо отмечает социальную значимость того или иного вида топонимов. Однако их происхождение не всегда верно объясняется с исторической точки зрения. Особенно это касается топонимов, отражающих тип поселения (починок, деревня, заимка, хутор и т. п.). Определение стадиальности, времени появления таких селений и их названий не всегда хронологически выдержано.

В статье Т. А. Исаевой «Топонимия Нижнего Новгорода — г. Горького» городская топонимия рассматривается в историческом плане. При этом выделяется несколько стадий ее развития. Общность топонимических явлений Т. А. Исаева объясняет одинаковыми социально-экономическими условиями развития этих городов. Однако, выявляя стадии в развитии городской топонимии, Т. А. Исаева не всегда строго выдерживает хронологический принцип. Так, необходимо более точно определить соотношение во времени топонимов, отражающих местоположение, занятия населения, а также топонимов, образовавшихся от антропонимов.

Более строго подходит к определению хронологии топонимических пластов В. А. Кучкин в статье «Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на -иха». Автор вносит уточнения в выводы ряда ученых, выявлявших топонимические ареалы в Среднем Поволжье и исследовавших происхождение этих ареалов в связи с историей заселения района. Однако он обосновывает свои выводы, ссылаясь на топонимические данные по довольно ограниченной территории — всего одной волости Балахнинского уезда. Чтобы доказать существование аналогичных явлений на обширной территории всего Среднего Поволжья, нужны более представительные данные.

Из статей, посвященных этимологии отдельных регионов, можно отметить работу И. Г. Добродомова «Происхождение названия Астрахань», в которой автор успешно сочетает этимологический анализ всех известных форм топонима с историко-филологическим анализом. Рассматривая статьи топонимического раздела сборника, можно заключить, что только комплексное освещение проблем приводит к наиболее точному и полному пониманию топонимических явлений.

Рецензируемый сборник свидетельствует о том, что изучение ономастики Поволжья продолжается успешно. Опыт поволжских ономастических конференций и публикации сборников могут быть полезны специалистам в этой области, изучающим другие регионы нашей страны, а также этнографам, лингвистам, историкам.

И. В. Власова, Ж. Б. Логашова

НОВЫЕ РАБОТЫ ТАДЖИКСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ (1969—1973 гг.)

В 1967 г. мы уже писали о тех больших успехах, которых достигли таджикские фольклористы, и в частности отдел фольклора Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР¹. С тех пор сотрудниками отдела и другими фольклористами проделана громадная работа по накоплению, систематизации и изучению фольклора.

Завершена многолетняя работа (руководители И. Г. Левин и Р. Амонов) по систематизации всех хранящихся в отделе фольклорных записей. Создан каталог. Коллекция таджикского фольклора в отделе насчитывает свыше 100 тыс. единиц хранения. В настоящее время готовятся к изданию несколько томов «Свода» таджикского фольклора различных жанров, разработанного по четкой схеме с учетом жанров, тематики, места и времени записи, сведений о сказителях и информаторах.

Работа над каталогом таджикского фольклора помогла многим молодым специалистам подготовить и защитить ряд диссертаций, причем таджикских фольклористов увлекла новая методика и, в частности, количественный анализ фоль-

¹ А. З. Розенфельд, Обзор новых изданий по таджикскому фольклору, «Сов. этнография», 1967, № 4.

клора². На эту же тему написаны и различные статьи на таджикском и русском языках³.

Однако мы не можем согласиться с некоторыми методами, использованными сторонниками количественного анализа, и, в частности, с созданием искусственной «нормальной версии» (например, при анализе рубои — четверостиший). Различные жанры таджикского фольклора бытуют во многих вариантах на многочисленных таджикских диалектах и создание абстрактной версии, реконструируемой на каком-то среднем (по мысли авторов этой методики) диалекте, никак нельзя признать удачным опытом исследования в фольклористике.

Наряду с новой методикой таджикские фольклористы пользуются и прежними приемами исследования. В последние годы увидели свет публикации, авторы которых стоят на позициях использования традиционных методов исследования проблем фольклора⁴. В этих работах, посвященных узбекскому⁵, персидскому⁶ и афганскому⁷ фольклору, отражены взаимосвязи таджикского и узбекского, таджикского и афганского, таджикского и персидского фольклора.

* * *

Среди изданий по таджикскому фольклору можно выделить работы, посвященные детскому таджикскому фольклору. Еще в 1967 г. на эту тему Б. Шермухаммедовым была защищена кандидатская диссертация. Впоследствии он выпустил большое число книг для детей. Остановимся на двух последних изданиях, представляющих собой обработку детского фольклора⁸. Прекрасно изданные с хорошими яркими иллюстрациями, с выразительным поэтическим текстом они рассчитаны на детей младшего возраста. В первую книгу включены описания 11 наиболее популярных детских игр, сопровождаемых песенками или считалками. Игры, описанные в книге, распространены в различных районах Таджикистана. Отметим попутно, что в считалках сохраняется иногда очень старый словарный фонд⁹.

В конце книги приводятся сведения о сезонности и правилах детских игр. Книга «Дарвоза нигин дорад» («Резные ворота») предназначена для самых маленьких. В ней много красочных иллюстраций, условно изображающих чудесную таджикскую природу, национальный орнамент, детский костюм, характерные жесты и т. д.

Б. Шермухаммедову принадлежит также монография, посвященная детской народной поэзии¹⁰. Книга состоит из обширного введения, в котором приводятся материалы по истории детского таджикского фольклора, данные о степени его изученности и о публикациях детского фольклора в Таджикистане. В книге три главы: фольклор, связанный с рождением и воспитанием ребенка; детский сезонный фольклор (весна, лето, осень, зима); содержание и художественные особенности детской народной поэзии.

² М. М. Явич, Таджикские сказки о животных (Опыт количественного анализа), Автореф. канд. дис., Душанбе, 1969; М. Негматов, Таджикская фольклористика (Опыт количественного анализа библиографии), Автореф. канд. дис., Душанбе, 1972; Э. С. Улуг-заде, Таджикские четверостишья (Опыт количественного анализа устного репертуара), Автореф. канд. дис., Душанбе, 1972.

³ Т. Исраилова, О частотном словаре четверостиший (рубои), сб. «Фольклор и точик», т. 1. Душанбе, 1973; Б. Тилавов, Доир ба таърих ва аҳамияти илмии феҳристи зарбулмасалу, мақоълҳои тоҷикӣ, Там же.

⁴ В. М. Асроров (В. Асрори), Фольклор и творчество писателя в таджикской советской литературе, Автореф. докт. дис., Душанбе, 1968; Р. Амонов, Таджикская народная лирика, Автореф. докт. дис., Душанбе, 1968; В. Шермухаммедов, Таджикская детская народная поэзия, Автореф. канд. дис., Душанбе, 1967; С. Махдиев, Проблема жанра латифа, Автореф. канд. дис., Самарканд, 1969; Д. Обидов, Таджикские бытовые сатирические сказки, Автореф. канд. дис., Душанбе, 1971; Ф. Зехниева, Свадебные песни таджиков, Автореф. канд. дис., Душанбе, 1972.

⁵ Н. Азимов, Народная поэзия Ферганской долины. Автореф. канд. дис., Душанбе, 1968; М. Миркамолова, Место эпоса Гуруглы в фольклоре лакай-таджиков, Автореф. канд. дис., Самарканд, 1973.

⁶ Э. А. Шварц, История изучения персидского фольклора в дореволюционной России и СССР, Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1970.

⁷ С. Норматов, Очерк афганского фольклора на языке дари, Автореф. канд. дис., Душанбе, 1971; Савлатшо Мерганов, Язык и поэтика афганских (пашто) пословиц и поговорок. Автореф. канд. дис., М., 1973.

⁸ «Лелак-лелаки боки» (Собрал и подготовил к печати Б. Шермухаммедов), Душанбе, 1972; «Дарвоза нигин дорад» («Резные ворота») (К печати подготовил Б. Шермухаммедов), Душанбе, 1973.

⁹ Например, в считалке «Мо малангем, куча лангем» (подобная считалка была записана и нами в 1936 г. в Каратегине) слово «маланг» в современном таджикском языке отсутствует и не находит объяснения, однако в некоторых таджикских говорах (Дашти джум) на территории Таджикистана и Афганистана оно обозначает «дервиш», «бродячий монах», «бродяга». В записанном нами варианте вместо «Мо малангем, куча лангем» «Мы бродяги, на хромой улице» дети произносили: «Мо малангем, куча тангем» («Мы бродяги, на тесной улице»).

¹⁰ Б. Шермухаммедов, Назми палъи баҷағони тоҷик, Душанбе, 1973.

зин. К каждой главе даются обширные комментарии, отдельно приводятся сведения о сказителях и информаторах. В конце книги помещена библиография по детской литературе и таджикскому детскому фольклору.

Б. Шермухаммедов впервые с такой широтой исследует таджикский детский фольклор. На наш взгляд, некоторые положения, высказанные автором, представляются спорными, однако этот первый опыт, несомненно, заслуживает одобрения. Книгу следовало бы перевести на русский язык, чтобы ввести ее в научный обиход советских фольклористов.

Таджикские издания по фольклору пополнились еще одним сборником таджикских пословиц и поговорок¹¹, предназначенным для широкого читателя, хотя предисловие и особенно послесловие скорее рассчитаны на специалистов. В послесловии составитель сборника Б. Тилавов критически рассматривает ряд изданий советских и зарубежных авторов по пословицам и поговоркам и подробно останавливается на одной из лучших, по его мнению, монографии американского исследователя А. Тэйлора¹², содержащей словичный репертуар различных народов и «индекс». Нельзя не согласиться с Б. Тилавовым, который возражает А. Тэйлору, утверждающему, что между пословицами и поговорками Востока и Запада существует большая разница. И действительно, можно найти много сходного между пословицами и поговорками народов Запада и Востока. Б. Тилавов уделяет внимание международному изданию — журналу «Провербум», выходящему в Хельсинки, в котором принимают участие и советские паремнологи.

Б. Тилавов пишет также о том, что Отдел фольклора Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР подготовил к изданию четырехтомный «Свод», охватывающий около 10 тыс. (вместе с вариантами) таджикских пословиц и поговорок.

В рецензируемом сборнике пословицы и поговорки распределены по тематическому признаку. В книге шесть основных разделов. Однако не очень удачно распределение материала, обилие подразделов и бедность шрифтов, а также отсутствие алфавитного указателя несколько затрудняет пользование сборником.

Б. Тилавов — один из наиболее видных таджикских паремнологов, его перу принадлежат большое число исследований и интересная книга по поэтике таджикских пословиц и поговорок на русском языке¹³.

Остановимся еще на одном издании — сборнике «Таджикский фольклор»¹⁴, состоящем из разнообразных по материалу статей, часть которых написана на русском языке. Это работы М. М. Явич «Зачины в таджикских сказках о животных и в формульных сказках»; Э. С. Улуг-заде «Эпитеты в таджикских народных рубои»; Т. И. Исраиловой «О частотном словаре четверостиший (рубои)»; Э. А. Шварц «К изучению персидской народной сказки в России и СССР». Одни статьи сборника посвящены вопросам, уже рассматривавшимся учеными, другие — проблемам, исследующимся впервые. Ко второй группе относятся работы С. Махдиева «Слово афанди и его историческое бытование»; С. Фатхуллоева «Таджикские сказители „Гуругли“ (героический эпос.— А. Р.) и книжная литература»; Хикмат Рахматова «Трехстишья (себайтаҳо) в таджикской народной поэзии». В последней статье автор из богатейшего таджикского песенного репертуара выделяет особую форму трехстиший с парной рифмовкой. Вопрос о трехстишьях, несомненно, привлечет к себе внимание литературоведов. Укажем еще на работу С. Норматова «Загадки таджиков Афганистана», в которой, пожалуй, впервые рассматривается эта тема.

В конце 1973 г. вышел небольшой сборник таджикских загадок, подготовленный А. Суфиевым, им же написано предисловие. В сборник включено 679 загадок с ответами в конце книги. Загадки разбиты на тематические группы¹⁵.

Ряд работ по таджикскому фольклору опубликован в различных сборниках, выпущенных учеными Москвы и Ленинграда¹⁶. К сожалению, подобные публикации не всегда находятся в поле зрения таджикских фольклористов.

¹¹ Б. Тилавов, Суханҳои дилафрӯз, Душанбе, 1973.

¹² A. Taylor, The Proverb and an index to the Proverb, København, 1962.

¹³ Б. Тилавов, Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок, Душанбе, 1967. Рец. З. Н. Ворожейкиной на эту книгу см. «Сов. этнография», 1969, № 5.

¹⁴ «Фольклор тоҷик», т. 1 (Материалҳо ва мақолаҳо), Душанбе, 1973.

¹⁵ А. Суфиев, Чист он? Душанбе, 1973.

¹⁶ И. М. Оранский, Еще один среднеазиатский вариант «Сказки о царе Салтане», сб. «Иранская филология». Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию профессора А. Н. Болдырева, М., 1969; И. М. Стеблин-Каменский, О первой публикации ваханского поэтического фольклора, Там же; е же, Ваханский фольклор, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970; А. З. Розенфельд, Бадахшанская прозаическая версия «Гуруглы», в кн. «Иранская филология»; е же, Свадебный фольклор припамирских таджиков, в сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970; е же, Бадахшанская свадебная песня «Юсуф и Зулейха», «Палестинский сборник. Ближний Восток и Иран», Л., 1970; е же, Дарвазский фольклор, т. 1, сб. «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971; е же, Говораи ноз — древний погребальный обряд на Вандже и траурные рубои, сб. «Обрядность и обрядовый фольклор», Л., 1974.

Интерес к богатейшему отечественному фольклору в Таджикистане очень велик. Многочисленные статьи, заметки, материалы систематически печатаются на страницах таджикских газет и журналов. Ежегодно Отделом фольклора Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР организуются экспедиции в различные районы Таджикистана и Узбекистана, благодаря чему пополняются фольклорные фонды института.

А. З. Розенфельд

Советские историки-якутоведы. Библиографический справочник. Якутск, 1973, 86 стр.

Вдумчивый исследователь всегда нуждается не только в получении информации о выходе той или иной специальной работы, но и о научной биографии ее создателя. Но, к сожалению, именно библиографические справочники по исторической и этнографической литературе выходят в свет крайне редко. Уже по одной этой причине следует горячо приветствовать издание рецензируемого справочника, подготовленного Ин-том языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. По своим размерам он невелик; в него включены библиографические сведения только о 25 видных историках-якутоведах. В справочнике упоминаются основные монографии; за ними следует перечень отдельных статей по якутоведению и, наконец, в последней части упомянуты статьи уже о самом исследователе.

Естественно, что особое внимание уделяется историкам-якутоведам из числа самих якутов. В очерках на многих примерах показывается, какое огромное значение имела Великая Октябрьская социалистическая революция для Якутии, для ее народа, формирования якутской национальной интеллигенции. Эти материалы представляют особый интерес для этнографов.

Вот несколько примеров.

Историки и этнографы хорошо знают многочисленные труды якутского историка, доктора исторических наук Федота Григорьевича Сафронова, глубокого знатока первоисточников по истории Якутии XVII—XIX вв. Его монографии известны в США, Канаде, Японии и других странах мира. Но мало кто знает, что он — сын якутского крестьянина Второго Мальжегарского наслега Нюрбинского района Якутской АССР, первоначальное образование получивший в родном наслеге, затем прошедший путь от рядового учителя до профессора университета. В настоящее время Ф. Г. Сафронов заведует сектором истории Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. В 1962 г. ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Якутской АССР.

Чрезвычайно характерна яркая биография доктора исторических наук Афанасия Иннокентьевича Новгородова. Молодой якут, уроженец Верхоянска, в годы гражданской войны с оружием в руках участвовал в освобождении Дальнего Востока. Он был среди тех, кто сражался под Волочаевкой и пережил «штурмовые ночи Спасска». В 1923—1926 гг. А. И. Новгородов учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, затем много лет провел на руководящей партийной работе, участвовал в Великой Отечественной войне. Его монография «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутске», изданная в 1969 г. в Новосибирске, получила широкую известность. Неумолимый исследователь, А. И. Новгородов опубликовал около 80 научных работ.

Не менее любопытна биография доктора исторических наук Ивана Михайловича Романова. Он тоже родился в семье якута-крестьянина Холгуминского наслега Мегинского улуса. Сперва учился в родном наслеге, затем в Якутске; в 1928—1932 гг. был студентом Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в Москве. Долгое время И. М. Романов был на руководящей работе в Якутске. Из его научных работ наиболее известны монографии, посвященные пребыванию Н. Г. Чернышевского в Якутии.

Не забыты в справочнике и некоторые безвременно ушедшие якутские историки. Тут и «первый ученый-историк из якуток» — Ольга Всеволодовна Ионова, и кандидат исторических наук Никон Семенович Романов, за день до начала Великой Отечественной войны защитивший в Ленинграде кандидатскую диссертацию «Ясак в Якутии в XVIII в.», а три месяца спустя погибший под Ленинградом, где он учился четыре года. Здесь и Кирилл Иванович Горохов, уроженец Аллаиховского района Якутской АССР, который за свою короткую жизнь (он умер 36-ти лет) успел внести большой вклад в изучение историко-этнографических материалов Якутской экспедиции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1894—1896 гг.).

В справочнике говорится и о безвременно погибшем в 1938 г. блестящем знатике якутского фольклора, этнографе Гаврииле Васильевиче Ксенофонове, уроженце Третьего Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса, и о якутском краеведе С. Г. Потапове, статьи которого не раз привлекали внимание этнографов.

Большое внимание в справочнике уделено виднейшим русским историкам Сибири, изучавшим якутские источники: А. И. Андрееву, С. В. Бахрушину, А. П. Окладникову, Н. Н. Степанову и др.

Этнографам особенно приятно, что в рецензируемый справочник включены сведения о некоторых сотрудниках Института этнографии АН СССР: Борисе Осиповиче Долгих, Андрее Александровиче Попове, Сергее Александровиче Токареве и Илье Самойловиче Гурвиче.

Нельзя не выразить благодарности составителям за включение в справочник биографии выдающегося библиографа Якутии Н. Н. Грибановского (погибшего во время блокады Ленинграда), известного якутского краеведа М. А. Кротова, якутского историка Г. А. Попова и «пионера якутской археологии», археографа и этнографа Е. Д. Стрелова. Естественно, что составители не могли не вспомнить и Е. М. Ярославского, принимавшего еще до революции активное участие в работе Якутского краеведческого музея и местного отделения Русского географического общества.

Подводя итоги, можно сказать, что в Якутске издан справочник, безусловно, очень полезный для историков и этнографов. Конечно, нельзя не отметить и некоторые упущения. Нет, например, сведений о замечательном якутском краеведе П. Х. Староватове. Следовало бы включить в справочник и биографию Г. М. Васильевича. Многие ее работы имели немаловажное значение для якутоведения.

Видимо, было бы полезно издать второй выпуск справочника и включить в него сведения о новом поколении советских якутоведов, например, о таких интересных для этнографов исследователях, как С. Е. Мостахов и Ю. А. Мочанов.

Справочники, подобные рецензируемому, необходимы и по другим регионам нашей страны. Пора подумать об издании биобиблиографического справочника «Советские этнографы», несомненно, полезного не только для всех советских этнографов, но и для наших зарубежных друзей, живо интересующихся успехами советской этнографии.

Б. П. Полевой

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Венгерские народные сказки. Составление, вступительная статья и примечания Дюла Ортутайи. Будапешт, 1974, 476 стр.

В 1957 г. в ВНР был издан на немецком языке сборник венгерских народных сказок¹. В настоящее время в ВНР издательство «Корвина» выпустило этот сборник в переводе на русский язык. Его появление — немаловажное событие. Советские читатели, безусловно, будут благодарны издательству за то, что оно дало им возможность прочитать чудесные сказки венгерского народа. Следует отметить, что в русском переводе сохранен подлинный характер венгерского фольклора.

Русское издание сборника идентично немецкому. В него вошли те же 67 сказок, извлеченные из венгерских сборников XIX и XX вв., представляющие все виды венгерских народных сказок (волшебные, авантурные, бытовые, сатирические, сказки о животных и детские потешки) в прекрасных, высокохудожественных вариантах.

Поскольку большое количество сказок дано в записях 30—50-х годов нашего века, сборник дает представление о современном состоянии сказочной традиции в Венгрии. В русском издании повторены и комментарии 1957 г., дополненные объяснениями некоторых терминов (меры веса, национальные блюда), встречающихся в тексте, и объяснениями поговорок.

Это, конечно, не лишнее, но еще лучше было бы, если бы в комментариях были учтены варианты сказок, записанные за последние годы в Венгрии. Правда, этот недостаток частично восполняется тем, что в библиографию внесены основные сборники венгерских сказок, вышедшие на иностранных языках в 1962—1966 гг.

Украшением книги является статья академика Д. Ортутайи, в которой дается подробная характеристика венгерских народных сказок, их исторического развития и бытования, а также показана история их собирания и публикации. Очень знаменательны, особенно в издании, рассчитанном в основном на советских читателей, указания на связь венгерской и русской фольклористики. Статья Д. Ортутайи является значительным исследованием, не даром она сыграла большую роль в сказковедении. Особенно интересны имеющие общетеоретическое значение страницы о соотношении в сказке индиви-

¹ Рецензию на него см.: «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 165—167.

дуального и коллективного начала, а также наблюдения над судьбами народной сказки в современности.

Издание венгерских народных сказок на русском языке не только введет их в более широкий, чем до сих пор, научный оборот, но и приобщит широкие круги читателей к поэтическому миру венгерских волшебных сказок, раскроет тонкий юмор венгерских крестьян, покажет мастерство венгерских сказочников. Не последнюю роль при этом сыграет прекрасное оформление книги.

Сборник Д. Ортуган, безусловно, осуществит задачу, намеченную эпиграфом, предпосланным статье его составителя: «*Vopum quanjo communius, tanto divinius*». (Благо тем выше, чем больше сопричастных ему).

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ю. П. Аверкиева. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974, 347 стр.

Изучение закономерностей и конкретных путей перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу — одна из сложных проблем исторической науки. В рецензируемой книге рассматривается этот переход у индейцев Северной Америки. Для анализа избраны четыре крупные группы индейцев; различные по своему культурно-хозяйственному типу, уровню социально-экономических отношений и отчасти по формам разложения первобытного строя. Сравнительное исследование этих четырех групп в сочетании с широким привлечением сопоставимых данных о различных народах и племенах земного шара позволило автору воссоздать картину развития индейских обществ Северной Америки в предколониальный и колониальный период ее истории.

В предисловии автор отмечает, что уже в доколумбову эпоху в долинах рек Миссисипи и Огайо, а также на юго-западе Северной Америки индейцы находились на грани перехода к классовому обществу, а племена северо-западного побережья близко подошли к порогу классового общества. Все остальные племена Северной Америки испытывали влияние этих наиболее развитых индейских групп. В последующий период решающее влияние на общественный строй коренного населения Северной Америки оказала европейская колонизация. Поэтому Ю. П. Аверкиева делает справедливый вывод, что нельзя реконструировать общественный строй индейцев в доколумбову эпоху, не учитывая влияния наиболее развитых индейских групп на остальное коренное население Северной Америки и в позднейший период — влияния колонизации. В результате длительного действия всех этих факторов индейские племена к началу XX в. представляли собой уже не племена в точном смысле этого слова, а скорее небольшие народности, образовавшиеся из осколков разноплеменных групп.

Глава I «Морган и современные исследования общественного строя индейцев Северной Америки» (стр. 11—39) носит историографический характер. Автор дает в ней обзор взглядов американских этнографов на проблемы общественного строя американских индейцев от Моргана до настоящего времени и анализирует многочисленные попытки представителей «исторической» и других школ опровергнуть вывод Моргана о материнскородовом прошлом индейцев Северной Америки. В книге хорошо показаны беспочвенность подобных попыток и наметившаяся в последние 70 лет среди части американских этнографов, особенно этноисториков, тенденция к отходу от антиморгановских позиций и к обоснованию на новом материале основных положений учения Моргана. Исследования этноисториков доказывают, что к началу XIX в. социальная организация индейских племен претерпела коренные изменения под прямым или косвенным влиянием колонизации и поэтому неправомерны любые попытки перенести на доколумбову эпоху социально-экономические отношения нового и новейшего времени.

Глава II «Охотники и рыболовы американского Севера» (стр. 39—133) посвящена большой группе племен, занимающих особое место в работах сторонников «исторической» школы. Эти атапаскские и алгонкинские племена, занимавшиеся в XIX в., а отчасти и до настоящего времени, промыслом пушного зверя, мясной охотой и рыболовством, рассматривались представителями указанной школы как чрезвычайно архаичные по своему облику. Присущие этим индейцам в конце XIX в. и в XX в. черты (отсутствие родовой организации, соседская община, патрилокальность, в ряде случаев выделение малой семьи как основной производственной единицы и т. п.) объявлялись исконными чертами охотничьих племен, пережитками их далекого прошлого.

Ю. П. Аверкиева показывает необоснованность этого вывода, не учитывающего длительный путь исторического развития, пройденный северными атапасками и алгон-

жинами. Рассматривая данные о монтане — насапи, кри, оджибвеях и северных атапасках, автор на основе как археологических материалов, так и письменных источников, восстанавливает последовательные этапы социально-экономической эволюции названных этнических общностей.

В частности, в главе убедительно показывается, что в доколониальный период наиболее устойчивым источником средств существования было рыболовство, а не охота, и поэтому индейцы жили гораздо более оседло, чем это полагали представители «исторической» школы. Лишь в связи с европейским влиянием и в особенности развитием меховой торговли к концу XVIII в. рыболовство уступило свое ведущее значение пушной и мясной охоте. Это имело далеко идущие последствия: сравнительная оседлость сменялась частыми передвижениями в поисках пушного зверя. Родовая организация стала разрушаться, вокруг основанных европейцами торговых постов стали селиться вперемешку члены не только разных родов, но и разных племен, наметилась тенденция к нивелировке языковых и культурных различий в племенных группах атапасков и алгонкинов и т. п. Кстати сказать, подобные же перемены имели место под влиянием торговли мехами и у северных соседей индейцев — эскимосов.

Большое внимание автор уделяет и роли меховой торговли как фактора в развитии имущественного неравенства и войн среди лесных племен американского Севера, а также изменениям в расселении отдельных племен и групп племен. Из более частных вопросов, рассмотренных во второй главе, хотелось бы отметить интересный анализ трехродовой системы атапасков как деривата дуальной организации. Автор убедительно показывает также, что двух- и трехсемейные домохозяйства являются переходной формой от большесемейной общины к малой семье как экономической ячейке.

В целом в главе восстановлено развитие лесных племен американского Севера от дуально-родовой матрилинейной организации доколониальной эпохи до превращения северных атапасков и алгонкинов в «колониальных рабочих» в условиях развитой капиталистической экономики.

Имеющиеся у нас по этой главе критические замечания очень невелики. Хотя Ю. П. Аверкиева пишет о большом внимании американских этнографов к обществу индейцев кри как примеру дородового социального устройства, в рецензируемой книге им уделено мало места. В то же время другие племена и группы племен американского Севера рассматриваются детально и обстоятельно.

И еще одно замечание. В главе всюду говорится о капиталистическом проникновении на американский Север, но ведь в ряде случаев это проникновение началось раньше, чем в соответствующих европейских государствах или их колониях феодализм сменился капитализмом. Мы имеем в виду, в частности, торговое проникновение европейцев из Новой Франции на Лабрадор в начале XVI в., когда в названной французской колонии в основном еще господствовали феодальные отношения. Забегая вперед, можно сказать, что это же замечание относится к VI главе; в ней также говорится о капиталистическом проникновении, хотя юта, команчи и апачи испытывали влияние с юга, из испанских колоний, где развитие капитализма в XVI—XVII вв. только начиналось. По-видимому, в этом и подобных случаях лучше просто говорить о проникновении товарно-денежных отношений.

Глава III (стр. 134—170) посвящена индейцам северо-западного побережья Северной Америки. Характер и эволюция общества у индейцев этого района рассматриваются на примере глинкитов. В этой главе содержится много нового материала, подтверждающего и развивающего основные положения предыдущих работ автора на эту же тему. Выводы, которые делает Ю. П. Аверкиева из анализа общества глинкитов, хорошо аргументированы и не вызывают возражений. Это, прежде всего, мысль о том, что глинкитов следует рассматривать как пример общества, находящегося на последнем этапе первобытной формации, «этапе военной демократии, органы управления которой носят еще черты родоплеменной организации» (стр. 169). Полностью мы согласны и с имеющим большое теоретическое значение выводом о том, что социально-экономическая история индейцев северо-западного побережья опровергает теории, противопоставляющие народы с производящим хозяйством народам с присваивающим хозяйством (там же).

В равной мере не вызывает у нас сомнений вывод о том, что развитие всех племен северо-западного побережья «было подчинено единой закономерности становления раннеклассовых отношений и становления военной демократии в условиях распада норм первобытнообщинного строя» (стр. 170).

Ирокезам и их лиге посвящены IV и V главы рецензируемой книги (стр. 171—250). В этих главах анализируются как взгляды Л. Г. Моргана на ирокезское общество, так и весь последующий материал об ирокезах и их лиге, накопленный исторической наукой. Отмечая некоторую непоследовательность Моргана в оценке уровня развития ирокезов, автор объясняет ее причины и подчеркивает неизбежность основных выводов Моргана о материнскородовой организации ирокезов в прошлом. При этом Ю. П. Аверкиева высказывает предположение, что материнский род был присущ не только ирокезам и их предшественникам, но и их далеким предкам — охотникам, рыбакам и собирателям.

Наиболее важными в этих главах нам представляются идеи автора о существовании в колониальный период у ирокезов военной демократии, о постепенном сложении ирокезской народности, начиная с XVII в., о разложении материнского рода с началом

меховой торговли и т. д. В целом, нам кажется, что по обилию нового материала, новых хорошо фундированных идей четвертая и пятая главы относятся к лучшим в книге.

Хотелось бы пожелать, чтобы в своих дальнейших исследованиях автор столь же подробно рассмотрел конфедерации земледельческих племен юго-востока Северной Америки (мускогов, криков, натчезов и др.), по-видимому, сходные по своей военно-демократической структуре с лигой ирокезов (стр. 249). Подробное исследование племен юго-востока, на наш взгляд, представляет большой интерес для изучения специфического и общего в развитии раннеклассовых отношений в городах-государствах Старого и Нового Света.

Последняя, VI глава (стр. 251—330) монографии Ю. П. Аверкиевой посвящена индейским племенам степей. В этой главе рассматривается происшедший в XVII—XVIII вв. переход ряда индейских племен Северной Америки от мотыжного земледелия и пешей охоты к кочевому коневодству и верховой охоте на бизонов, от оседлого и полuosедлого образа жизни к кочевому. Этот процесс представляет большой интерес не только для изучения эволюции общества степных индейцев в условиях капиталистической колонизации, но, как справедливо отмечает автор, позволяет также «конкретизировать целый ряд особенностей раннего этапа перехода от первобытного родового устройства к классовому обществу, который характерен был и для кочевников Старого Света» (стр. 330); например, материал о формах собственности на лошадей у индейцев прерий имеет значение для решения проблемы возникновения частной собственности на домашних животных (стр. 264).

Автор показывает, что новое заселение степей индейцами в XVII—XVIII вв. происходило в результате совместного действия нескольких факторов: движения на запад фронта колонизации, развития меховой торговли, приобретения индейцами лошадей и огнестрельного оружия, что привело к крупным изменениям в формах хозяйства и всего образа жизни индейских племен. Ю. П. Аверкиева тщательно анализирует то новое, что принесло владение лошадьми в жизнь степных индейцев, и делает интересные выводы относительно их социальной организации. В частности, хорошо показано переплетение отживающих материнскородовых связей с патриархальными нормами, соседскими связями и зарождающимися классовыми отношениями. Не вызывает сомнений мысль автора, что в середине XIX в. у индейцев прерий в форме родовых часто выступали различные виды раннефеодальных отношений (стр. 305 и др.). Согласно мы и с общим выводом Ю. П. Аверкиевой о том, что в целом уровень развития степных обществ в XVIII—XIX вв. следует оценивать как военно-демократический.

В заключении, подводя основные итоги своего исследования, автор говорит о том, что на примере рассмотренных в монографии четырех групп племен показаны четыре варианта процесса зарождения и становления классового общества. Этот процесс сопровождается сближением племен, их этническим смешением и возникновением народностей.

В своей рецензии мы смогли коснуться лишь некоторых вопросов, рассмотренных в книге «Индейцы Северной Америки». Нам думается, что это фундаментальное исследование станет настольной книгой каждого американиста и историка первобытного общества.

Л. А. Файнберг

НАРОДЫ АФРИКИ

Д. Б. Малышева. Религия и политика в странах Восточной Африки. М., 1974. 168 стр.

Вопрос о соотношении религии и политики в африканских странах принадлежит к числу наименее изученных в советской африканистике. До сих пор советские исследователи уделяли в основном внимание изучению культовых сторон религий в Африке, не останавливаясь в достаточной степени на той роли, которую играют религиозные факторы в политической жизни африканских государств.

В рецензируемой монографии исследуются важные проблемы, связанные с влиянием религии на общественно-политическую жизнь народов Кении, Уганды, Танзании.

Во введении к работе подчеркивается, что особенности социально-экономического и политического развития Кении, Уганды и Танзании свидетельствуют о том, что большая роль религии в этих странах является следствием и показателем их социально-экономической отсталости, в результате которой религиозно-общинные отношения часто все еще доминируют над отношениями классовыми и этническими, во многом совпадают с ними и нередко служат формой их проявления и выражения.

Автор подробно анализирует проблемы, связанные с распространением местных традиционных религий, христианства и ислама на Африканском континенте.

Большим достоинством монографии можно считать также то, что автор исследует роль религии в странах Африки в связи с этническими процессами, происходящими в этих странах.

Так, значительный интерес представляют те части работы, в которых показывается, как религиозно-племенные традиции у различных этнических групп затрудняют формирование единой национальной общности и ослабляют государственное единство. Особенно ярко это прослеживается на примере Уганды, Кении и Занзибара.

Автор показывает, что в Уганде племенные верования выполняли определенные социальные и политические функции, так как освящали традиционные институты и всю иерархию феодально-монархической власти. Обожествленный правитель Буганды — *кабака*, символ этнического единства и этнической солидарности баганда, был на протяжении длительного исторического периода стержневой фигурой в политической борьбе в Уганде, особенно во время подъема национально-освободительного движения в 1953—1955 гг.

Сепаратистские устремления верхушки баганда, принявшие религиозную окраску, после провозглашения независимости Уганды тормозили национальную консолидацию, препятствовали достижению политического единства страны. Автор убедительно доказывает, что феодалы и монархисты Буганды в борьбе против центрального правительства широко использовали племенные верования, особенно культ кабаки, в качестве одного из средств идеологического давления на политически незрелое крестьянство, находившееся в плену религиозных предрассудков.

Заслуга Д. Б. Малышева состоит в том, что на частном примере Буганды она показывает всю сложность и многоплановость проблемы взаимоотношения крупной этнической общности и государственной власти (подобная проблема существует во многих странах Тропической Африки: например, ашанти в Гане, ибо в Нигерии, эве в Того и т. п.) и раскрывает в связи с этим такой ее важный аспект, как влияние религии.

Несколько в ином ключе рассматривает автор связь религии с этносоциальными и политическими проблемами в Кении. Здесь объектом исследования становится наиболее яркий этап национально-освободительной борьбы кенийского народа — движение «*Мау Мау*». Д. Б. Малышева пишет, что в религиозном сектантстве в период движения «*Мау Мау*» выразился протест масс против колониального порабощения и расовой дискриминации; религия объективно способствовала политическому объединению африканцев, прежде всего крупнейшей народности страны — кикуйю.

Большой интерес представляет описание начального периода движения «*Мау Мау*» (1947—1952 гг.), наименее исследованного в литературе. Утверждение автора о том, что в этот период движение имело характер института племенного тайного общества, убедительно аргументировано и иллюстрируется введением в научный оборот текстов клятв, принесившихся при вступлении в тайные организации «*Мау Мау*», религиозных гимнов, молитв и т. п. (см., например, стр. 73).

Религиозно-политический характер движения, отягощенность его племенными традициями в конечном счете определили его внутреннюю слабость, противоречивость и историческую ограниченность. Как справедливо отмечает автор, в ходе движения «*Мау Мау*» «племенные верования, синкретизированные с христианством, с их мистичизмом, приверженностью к суевериям и пережиткам прошлого, в особенности к трибализму, препятствовали объединению различных племен, подлинной духовной деколонизации народа» (стр. 89).

Проделанный автором анализ социально-экономической жизни современной Кении показывает, что трибализм в сочетании с пережитками традиционных верований продолжает играть значительную роль в жизни кенийского общества. Автор объясняет это тем, что до сих пор существуют такие причины их возникновения, как родо-племенные институты и связи, а главное — сохраняется социально-экономическая отсталость, побуждающая народные массы к политическому протесту, продолжающему подчас носить религиозную форму.

В главе «Роль религиозного фактора и церкви в политической жизни Танзании» специальный раздел посвящен проблеме соотношения национально-этнического фактора и религии в политической жизни Занзибара. Обращаясь к политической истории Занзибара послевоенного периода, Д. Б. Малышева подчеркивает, что в этой стране столкновения эксплуататорских и эксплуатируемых элементов, принадлежавших к разным этническим группам, приводило к тому, что на первый план в большинстве случаев выдвигался этнический фактор, а социальные по своему существу процессы облекались в форму религиозно-этнических противоречий и конфликтов. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением о том, что все это усложняло национально-освободительную борьбу, мешая трудящимся сформулировать экономические и политические требования.

Исследуя историю Занзибара в плане сочетания религиозного фактора с этническим и расовым, автор дает характеристику основным расовым и этническим группам занзибарского общества — арабам, африканцам, индийцам, пакистанцам, европейцам — и акцентирует внимание на такой специфике политической жизни Занзибара 50—60-х годов, как образование политических партий на расовой и этнической основе (Националистическая партия, партия Афро-Ширази и др.).

Совершенно справедливый вывод автора о том, что расовые и этнические проблемы в сочетании с религиозными по-прежнему остаются важными факторами политической жизни современного занзибарского общества, влияющими на политику правительства, деятельностью правящей партии Афро-Ширази следовало бы, на наш взгляд, подкрепить большим фактическим материалом.

Целесообразно было бы также более подробно остановиться на роли азиатских по происхождению меньшинств в социально-политической жизни восточноафриканских стран. В частности, было бы интересно проследить за деятельностью исмаилитской общины, так как именно Восточная Африка является главным опорным пунктом исмаилитов на Африканском континенте.

Отмеченные выше недостатки ни в коей мере не снижают научной значимости работы. Для монографии Д. Б. Малышевой характерны четкость изложения, хороший литературный язык. Книга будет с большим интересом прочитана всеми, кто интересуется современными проблемами Африки.

Ю. М. Иванов

С. Ф. Кулик. Современная Кения (Справочник). М., 1972, 446 стр.

Рецензируемую книгу нельзя назвать справочником, настолько глубоко и разнообразно осветил автор самые различные стороны жизни и природы страны, выделяющейся среди стран Восточной Африки и пестротой этнического состава, и социальными контрастами населения, и яркостью и разнообразием природных условий. В свое время экономгеограф И. В. Витвер говорил, что изучение зарубежных стран требует особых усилий для того, чтобы не сбиться на легковесные компиляции. С. Ф. Кулик прожил в Кении шесть лет и сумел передать на страницах книги собственные наблюдения о культуре и быте народов, своеобразии ландшафтов, которые трудно уловить в литературных источниках.

Наряду с личными наблюдениями автор широко использовал документы, материалы архивов и официальной статистики, различные научные публикации, в частности, новейшие исследования кенийских ученых (Б. Огот, С. Оминде, И. Лупекин, Ф. Ндегва и др.).

Работа имеет четыре крупных раздела — «Страна и население», «Экономика», «Государственный строй и общественные организации», «Культура». Уже из этого перечня главных тем видно, что автор концентрирует свое внимание на проблемах современной социально-экономической и культурной жизни страны. Небольшой по объему физико-географический очерк, хотя и написан на высоком профессиональном уровне, все же имеет подчиненный характер в книге. Главное в нем — природно-хозяйственная оценка территории, территориальных различий природных ресурсов.

Весьма ценен для этнографов раздел «Страна и население», в котором широко использованы данные переписи 1969 г., в частности о численности отдельных народов. Автор весьма подробно описывает их расселение, особенности хозяйства и культуры, приводит некоторые материалы по этногенезу. (суахили, миджикенда, балухья и др.). Заслуживает внимания описание нилотских народов (стр. 57—61). Нилоты Центральных нагорий и долины Керо еще недавно разделялись на ряд племен (нанди, кипсигих и др.). После того, как Кения стала независимой, наметился процесс их объединения в более крупную этническую общность календжин. Однако некоторые мелкие племена на севере страны — элгейо, марквет, покот (сук) и др. еще сохраняют традиционный полукочевой образ жизни, что объясняется искусственной изоляцией от остальной части страны в колониальное время. Результатом политики английских властей явилось превращение северных районов страны как бы в живой «этнографический музей». Однако и сюда теперь постепенно проникает новая жизнь.

Особенно заметны социальные и этнические изменения в центральных районах страны, где уже давно сформировались крупные народности: кикуюю, балухья, камба, луо и др. Здесь наблюдается быстрое развитие товарно-денежных отношений, переход от мотыги к плугу, распространяются экспортные культуры. Появилось довольно много лиц, получивших как общее, так и специальное образование. Но нужно сказать, что все же и здесь, особенно среди кикуюю, сохраняют свое влияние традиционные племенные вожди и старейшины. Из их среды вышли многие крупные кенийские лидеры, в частности президент республики Джомо Кениата, министры М. Коинанге, Д. Гичуру и др. (стр. 53).

Особое место в жизни Кении занимают выходцы из других стран, в частности индо-пакистанцы и европейское по происхождению население. Между двумя переписями (1962 и 1969 гг.) число выходцев из Европы сократилось с 55 759 до 40 593, а выходцев из Азии — с 177 002 до 139 037 чел. Автор справедливо обращает внимание на активный процесс «африканизации» в стране (стр. 67, 192 и др.).

Нельзя не сказать и о некоторых недостатках раздела «Страна и население». Можно было бы ожидать более полного освещения роли европейского по происхождению населения в истории страны. С «белым» населением в Кении связаны не только земельные проблемы, но и целый комплекс социально-экономических, этнических и языковых проблем. «Белые поселенцы» способствовали формированию колониального общества и

внедрению товарно-денежных отношений в экономику. Да и теперь европейцы все еще играют существенную роль в экономике страны и, отчасти, в общественной жизни. В их руках пресса и радио, что, впрочем, отмечено С. Ф. Куликом (стр. 402).

Недостаточно освещена сложность и противоречивость современных этнических процессов в стране. Исследования Д. Б. Осага-Одак¹ в Западной Кении выявили как исторические миграции народов, обусловившие пестроту этнического состава населения страны, так и современные процессы интеграции многих этнических общностей вследствие укрепления экономических связей и выравнивания уровней социально-экономического развития. В стране стали складываться центры консолидационных процессов, особенно в районах со смешанным населением, где встретились разные культуры и где население, как правило, двуязычно². Большую роль в этой интеграции играет язык суахили, который постепенно становится первым языком в стране. В рецензируемой книге его роль в общественной жизни Кении показана достаточно полно (стр. 70—75), но не отмечено современное «противоборство» этого языка с английским. По данным Б. Хейне, свыше 63% населения Кении могут говорить на языке суахили, тогда как численность знающих английский язык составляет менее 20%³.

Исследование Д. Б. Осага-Одак выявило также процессы ассимиляции и консолидации племенных африканских диалектов и языков, широкое распространение в некоторых районах двуязычия и даже смешения совершенно разных по происхождению народов (например, банту-ньянзы с нилотами, луо с кипсигис, банту-балухья с соседними нилотами, и др.). Очень важен вывод Осага-Одак о том, что наличие множества племенных названий еще не служит доказательством крайней этнолингвистической пестроты населения. Этот вывод находится в известном противоречии с утверждением С. Ф. Кулика, что Кения «подлинный этнический Вавилон» (стр. 50). Конечно, это преувеличение. Как известно, для многих африканских стран характерны незавершенность этнического развития и отставание этнического самосознания от этнического развития. Во многих государствах Тропической Африки проявляется двойственность и даже многоплановость динамических процессов интеграции: зарождения в ходе национально-освободительной борьбы идей национально-государственного единства (идеи консолидации в рамках государства и борьбы с трибализмом) и бесспорного укрепления отдельных крупных этнических общностей. Последние могут быть названы народностями. Они складываются на базе близкородственных по языку и культуре этнических групп. В то же время сохраняется пестрота этнического и лингвистического состава населения.

Большой интерес для этнографов составляют и некоторые материалы в разделах «Экономика» и «Культура». Автор исторически подходит к характеристике хозяйства. Справедлив его вывод о том, что работорговля и европейская колонизация наложили отпечаток на экономику страны, что проявилось, в частности, в развитии элементов товарного хозяйства (стр. 194). В колониальный период и после завоевания независимости в хозяйстве Кении неуклонно укреплялись капиталистические отношения, хотя в правительственных документах отрицается существование классов в стране и идеализируется африканская община (стр. 213—214). С. Ф. Кулик отмечает устойчивость натурального потребительского сектора в кенийской экономике. В то же время довольно интенсивно развиваются процессы разложения традиционной общины и концентрации земли в руках деревенской верхушки (стр. 228—230).

Основную массу экспортной продукции до сих пор поставляют плантации, принадлежащие европейцам, хотя значительные площади плодородных земель на Белом нагорье уже перешли в руки африканцев.

Раздел «Культура» весьма разнообразен. В этом разделе использованы новейшие данные. Борьба народов Кении за преодоление культурной отсталости является неотъемлемой частью национально-освободительного движения. Автору удалось показать большие изменения в культурной жизни страны за годы независимости. К сожалению, недостаточно отражены повседневный быт и народная культура различных народов Кении. Этот пробел не может восполнить десяток страниц, посвященных музыке и танцам, скульптуре и прикладному искусству кенийцев (стр. 415—425).

В данной рецензии затронуты только некоторые вопросы, непосредственно связанные с интересами этнографов. В целом же можно сказать, что безусловно полезная книга С. Ф. Кулика «Современная Кения», освещающая современную жизнь кенийского общества, привлечет внимание и этнографов, и экономистов, и географов.

Б. В. Андрианов

¹ Д. Б. Осага-Одак, *Современные этнические процессы в Западной Кении* (историко-этнографическое исследование), Автореферат канд. дисс., М., 1971.

² Там же, стр. 28—29.

³ В. Heine, *Research on the distribution of Kiswahili in Western Kenya*, «Journal of Language Association of Eastern Africa», vol. 1, № 1, Nairobi, 1970.

Коллектив сотрудников Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и советская латиноамериканистика понесли тяжелую утрату. 22 ноября 1974 г. скончался Семен Александрович Гонионский, член КПСС с 1939 г., доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором народов Америки Института этнографии.

С. А. Гонионский родился 20 мая 1916 г. в поселке Богучан, Иркутской области, в рабочей семье. Уже в 14 лет он начал свой трудовой путь рабочим на железной дороге. В 1931 г. он поступил в автодорожный техникум в г. Благовещенске, а затем, в 1935 г. — в Московский институт инженеров транспорта. По окончании МИИТа он был направлен в 1940 г. на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР, а оттуда в 1942 г. — в Колумбийский университет в Нью-Йорке.

В 1943—1946 гг. С. А. Гонионский находился на дипломатической работе в Колумбии; с 1947 по 1962 гг. заведовал кафедрой романских языков, а также вел преподавательскую работу в Институте международных отношений МИД СССР, несколько лет был деканом факультета. В эти же годы развернулась его публицистическая деятельность на страницах советских газет и журналов, которую он совмещал с научно-исследовательской работой. В 1948 г. им была защищена кандидатская, а в 1960 г. — докторская диссертации в области латиноамериканистики.

Последние 12 лет своей жизни С. А. Гонионский работал в Институте этнографии АН СССР, и на этот период приходится наиболее активные годы его творческой научной деятельности. Помимо статей, брошюр и книг по истории и современному положению стран Латинской Америки он написал ряд глав, был членом редколлегии либо ответственным редактором таких трудов Института этнографии, как «Венесуэла», «Чили», «Культура Чили», «Гвiana», «Нации Латинской Америки», «От Аляски до Огненной земли», впервые в советской научной литературе дающих комплексное этноисторическое описание латиноамериканских стран и народов. Он являлся также ответственным редактором важнейших, вышедших в последние годы работ сектора народов Америки — «Национальные процессы в США» и «Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике». Под его редакцией велась подготовка коллективной монографии «Национальные процессы в Южной Америке». Им написана также ряд статей в «Советской этнографии», десятки статей в исторических и общественно-политических журналах, учебники и пособия по испанскому языку.

В 1973 г. вышла из печати его монография «Колумбия. Историко-этнографические очерки», хронологически охватывающая огромный период — от появления человека на территории этой страны до наших дней, — и основанная на публикациях колумбийских архивов, статистических материалах, мемуарах, колумбийской и иностранной прессе. Наряду с освещением исторического развития Колумбии, в этой работе показаны особенности древней цивилизации чибча-муисков, быт и культура других индейских племен, процесс формирования населения страны в колониальную эпоху и в период независимости, облик ее народа в наше время. Большое внимание, в частности, уделено в книге положению индейцев, негров, мулатов и метисов, а также освободительной борьбе колумбийского народа. В 1974 г. опубликована последняя книга исследователя — «Гаитянская трагедия».

С. А. Гонионский был не только талантливым исследователем и публицистом, но также активным организатором и общественным деятелем: в 1972—1974 гг. он вел большую научно-организационную работу, заведя сектором народов Америки, неоднократно избирался в состав партийного бюро Института этнографии, вел лекторскую работу. В течение ряда лет и до последних дней своей жизни С. А. Гонионский был первым вице-президентом Советской Ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки, вице-президентом Общества «СССР — Чили», председателем Научного совета Постоянного латиноамериканского семинара студентов в СССР.

С. А. Гонионский ушел из жизни в расцвете творческих сил. Коммунист, исследователь, темпераментный публицист и лектор, он был прекрасным товарищем, душевным и отзывчивым человеком. Таким он остался в памяти всех, кто его знал, кому довелось с ним работать.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Н. Путилов (Ленинград). Основные аспекты связи фольклора с традиционно-бытовой культурой	3
Г. Н. Митков, Е. С. Миткова (София). Традиционные компоненты в современной семейной обрядности болгар (методика и методология регионального социологического исследования в Великотырновском округе Болгарии)	12
В. К. Соколова (Москва). Современная болгарская фольклористика	24
И. Р. Григулевич (Москва). Социальная антропология: есть ли у нее будущее?	37

Из истории науки

К. В. Мелик-Пашаян (Ереван). Жизнь и деятельность Хачика Самуэляна	51
--	----

Сообщения

В. А. Гавриленко (Львов). Столетие Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР	57
Ю. Г. Самойлов (Горький). Изделия из кованого железа в архитектуре русского народного жилища (по материалам Горьковской области)	68
С. Б. Арутюнян, А. Ш. Саакян (Ереван). Новые записи эпоса «Давид Сасунский» (к 100-летию первой записи и публикации армянского народного эпоса)	80
Ж. К. Хачатрян (Ереван). Традиционные свадебные пляски армян	87
С. И. Рехвиашвили (Тбилиси). Рачинские кузнецы	94
Г. В. Цулая (Москва). Обезы по русским источникам	99
Г. Е. Афанасьев (Кисловодск), А. П. Рунич (Пятигорск). Рисунки в пещере близ Хумары	106
М. В. Сазонова (Ленинград). Новое в изучении социально-экономических отношений в Кокандском ханстве XIX в.	108
Г. Л. Хитъ (Москва), Л. Намсарайнайдан (Улан-Батор). Новые данные по дерматоглифике монголов	112
М. Н. Мологин (Москва). Бурунди. Исследования в области этнографии, права, истории и языка	117

Поиски, факты, гипотезы

И. М. Линдер (Москва). У порога открытия	125
--	-----

Хроника

В. Н. Басилов (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1974 году	139
З. Ф. Бурнацева (Москва). Работа Ученого совета и Дирекции Института этнографии АН СССР в 1974 году	149

Научная жизнь

Н. С. Полищук (Москва). Научная конференция, посвященная столетию Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР	154
Р. В. Каменецкая (Ленинград). Заседание памяти Д. К. Зеленина	157
К. В. Чистов (Ленинград). VI Конгресс Международного общества исследователей фольклора	158

Критика и библиография

Общая этнография

- Р. Я. Журов (Москва). *A. Marshack. The roots of civilization. The cognitive beginnings of man's first art, symbol and notation* 164

Народы СССР

- А. П. Окладников (Новосибирск). *С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы* 168
А. В. Смоляк (Москва). *Е. А. Крейнович. Нивхгу* 171
И. В. Власова, Ж. Б. Логашова (Москва). *Ономастика Поволжья*, вып. 3 174
А. З. Розенфельд (Ленинград). *Новые работы таджикских фольклористов (1969—1973 гг.)* 177
Б. П. Полевой (Ленинград). *Советские историки-якутоведы. Библиографический справочник* 180

Народы зарубежной Европы

- Э. В. Померанцева (Москва). *Венгерские народные сказки* 181

Народы Америки

- Л. А. Файнберг (Москва). *Ю. П. Аверкиева. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому* 182

Народы Африки

- Ю. М. Иванов (Москва). *Д. Б. Малышева. Религия и политика в странах Восточной Африки* 184
Б. В. Андрианов (Москва). *С. Ф. Кулик. Современная Кения (справочник)* 186

- Семен Александрович Гонионский** 188

На первой странице обложки: Керамика Львовской области конца XIX — начала XX века (см. статью В. А. Гавриленко)

SOMMAIRE

B. N. Poutilov (Léningrad). Principaux aspects du rapport du folklore à la culture traditionnelle de mode de vie	3
G. N. Mitkov, Ye. S. Mitkova (Sofia). Composantes traditionnelles dans le rituel familial moderne des Bulgares (méthode et méthodologie d'une étude sociologique régionale dans le cercle de Vieliko-Tyrnovo, Bulgarie)	12
V. K. Sokolova (Moscou). Etudes folkloriques bulgares modernes	24
I. R. Grigoulievitch (Moscou). L'anthropologie sociale: est-ce qu'elle a un avenir?	37
De l'histoire de la science	
V. K. Melik-Pachaiian. Khatchik Samwelian, sa vie et ses activités	51
Communications	
V. A. Gavriilienko (Lvov). Le centenaire du Musée d'Etat pour l'ethnographie et l'industrie artistique, Académie des Sciences de la R. S. S. d'Ukraine	57
Yu. G. Samoïlov (Gorki). Fabrications en fer forgé dans l'architecture de l'habitat populaire russe (d'après les matériaux de la région de Gorki)	68
S. B. Aroutiunian, A. Ch. Saakian (Erevan). Nouveaux enregistrements du poème épique de «David de Sassoun» (pour le centenaire du premier enregistrement et de la publication de l'épique populaire arménien)	80
J. K. Khatchatrian (Erevan). Danses traditionnelles de noces des Arméniens.	87
S. I. Rekhviachvili (Tbilissi). Les forgerons de Ratcha	94
G. V. Tsoulaïa (Moscou). Les Obiez d'après les sources russes	99
G. Ye. Afanassiev (Kislovodsk), A. P. Rounitch (Pjatigorsk). Les dessins dans une grotte près de Khoumara	106
M. V. Sazonova (Léningrad). Du nouveau dans l'étude des rapports socio-économiques dans le khanat de Kokand au XIXe s.	108
G. L. Khite (Moscou), L. Namsaraïnaidan (Oulan-Bator). Nouvelles données sur la dermatoglyphie des Mongols	112
M. N. Mologuine (Moscou). Le Burundi, Etudes dans le domaine de l'ethnographie, de l'histoire du droit et de la langue	117
Recherches, faits, hypothèses	
I. M. Linder (Moscou). Au seuil d'une découverte	125
Chroniques	
V. N. Bassilov (Moscou). Sur les activités de l'Institut d'Ethnographie en 1974	139
Z. F. Bournatseva (Moscou). Activités des Conseils et de la Direction de l'Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S. en 1974	149
Vie scientifique	
N. S. Polichtchouk (Moscou). Une Conférence scientifique consacrée au centenaire du Musée d'Etat pour l'ethnographie et les industries artistiques, Académie des Sciences de la RSS d'Ukraine	154
R. V. Kamiënietckaïa (Léningrad). Une séance à la commémoration de D. K. Zielénine	157
K. V. Tchistov (Léningrad). Le VIe Congrès de la Société Internationale des folklorisants	158
Missions en bref	161
Critiques et bibliographie	
Ethnographie générale	
R. Ya. Jourov (Moscou). A. Marshack. The roots of civilization. The cognitive beginnings of man's first art; symbol and notation	164
	191

Peuples de l'URSS

A. P. Okladnikov (Novosibirsk). <i>S. I. Vainstein. Histoire de l'art populaire de la Touva</i>	168
A. V. Smoliak (Moscou). <i>Ye. A. Kreïnovitch. Nivkhgou</i>	171
I. V. Vlassova, J. B. Logachova (Moscou). <i>L'onomastique des régions de Volga, pub. 3</i>	174
A. Z. Rozenfeld (Léningrad). <i>Nouvelles études des folklorisants tadjiks (1969—1973)</i>	177
B. P. Polévoï (Léningrad). <i>Les historiens-yakoutisants soviétiques (guide bibliographique)</i>	180

Peuples de l'Europe hors l'URSS

E. V. Pomierantseva (Moscou). <i>Contes populaires hongrois</i>	181
---	-----

Peuples de l'Amérique

L. A. Faïnberg (Moscou). <i>Yu. P. Avierkieva. Les Indiens de l'Amérique du Nord. De la société clanique à celle de classes</i>	182
---	-----

Peuples de l'Afrique

Yu. M. Ivanov (Moscou). <i>D. B. Malychéva. Religion et politique dans les pays de l'Afrique Orientale</i>	184
B. V. Andrianov (Moscou). <i>S. F. Koulik. Le Kenya moderne</i>	186

<u>Sémion Aléxandrovitch Gonionski</u>	188
--	-----

Sur la couverture: les céramiques de la région de Lvov, fin XIXe — début XXe siècles (v. l'article de V. A. Gavrilienko)

Технический редактор Л. И. Глинка

Сдано в набор 13/1-1975 г.	Т-04258.	Подписано к печати 21/III-1975 г.	Тираж 2695 экз.
Зак. 4415.	Формат бумаги 70×108 ^{1/16} .	Усл. печ. л. 16,8.	Бум. л. 6. Уч.-изд. л. 19,2.

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10